

У ИСТОКОВ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

М.М. СПЕРАНСКИЙ

Н.И. ТУРГЕНЕВ

М.Ф. ОРЛОВ

**Под редакцией проф. А.Н. Козырина
Составитель доц. А.А. Ялбулганов**

**Москва
«Статут»
1998**

ББК 67.402
УДК 347.73
У11

Научный редактор и автор вступительной статьи – профессор, д. ю. н. А.Н. Козырин. Составитель, автор статей и комментариев – к. ю. н., к. и. н. А.А. Ялбулганов.

У истоков финансового права. М: Статут (в серии «Золотые страницы российского финансового права»), 1998, – с. 432.

Том 1.

Каждая наука имеет свое прошлое. Богатая славная история есть и у финансового права. К сожалению, долгое время финансовое право развивалось в нашей стране в вынужденной изоляции от ценнейшего дореволюционного наследия. Забвение прошлого не могло не сказаться на современном состоянии финансово-правовой науки.

Предлагаемая читателю антология «Золотые страницы российского финансового права» преследует цель проследить историю зарождения и развития отечественной науки финансового права. В том I «У истоков финансового права» включены работы М.М.Сперанского, Н.И.Тургенева и М.Ф.Орлова, позволяющие восстановить картину первоначального этапа развития финансового права, когда оно еще находилось в составе экономических наук.

Будет полезна не только юристам, студентам, аспирантам, изучающим финансовое право, но и практическим работникам финансовых органов и банковско-кредитных учреждений, а также всем, кто интересуется историей.

Рецензенты: Н.И. Химичева, доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права;
Ю.А. Тихонов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

ISBN-5-89398-009-3

© А.Н. Козырин, А.А. Ялбулганов (статьи, комментарии)
© Статут (редподготовка), 1998

У ИСТОКОВ ФИНАНСОВОГО ПРАВА

В первом томе антологии объединены три работы, значение которых для отечественной финансовой науки трудно переоценить. «План финансов» М.М.Сперанского, «Опыт теории налогов» Н.И.Тургенева и «О государственном кредите» М.Ф.Орлова составляют золотой фонд российской экономической и финансово-правовой мысли.

По мере продвижения нашего общества по пути рыночных реформ и создания экономических основ подлинно демократического общества возникает острая потребность в более тщательном осмыслении эволюционного развития основных финансовых институтов. О ценности исторического подхода к изучению финансов предельно четко высказался профессор П.С.Климентов, читавший на рубеже XIX–XX веков курс финансового права в Томском университете: «Финансы, подобно всем фактам социальной жизни, есть историческая категория. Цель финансовой науки – изучение государственно-хозяйственной действительности в ее историческом развитии, анализ причин возникновения и видоизменения финансовых институтов, открытие эволюционных законов государственного хозяйства»¹. От себя добавим, что изучение эволюции финансовых институтов не является единственной целью финансовой науки.

Конечно же, именами М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева, М. М. Сперанского не исчерпывается перечень тех, кто стоял у истоков российской финансовой и финансово-правовой науки. Но именно этим авторам впервые в наиболее полной форме удалось разработать теоретические основы важнейших направлений финансовой науки – учения о государственном кредите, о налогах и о бюджете. Их работы мы можем по праву назвать первыми российскими монографиями по финансовой проблематике.

В обобщенном виде капитальное исследование о финансах появилось в России только в 1841 году. Речь идет о книге профессора Казанского университета И.Е.Горлова «Теория Финансов»². В ней финансовая наука была представлена тремя основными разделами: 1) о государственных доходах; 2) о государственных «издержках»; 3) о государственном кредите. В одной из рецензий на эту книгу читаем: «Доныне, только отдельные части науки о финансах [выделено мною. – А.К.] были предметом разысканий отечественных писателей; так напр., в 1818 г. издан Опыт теории налогов Никол. Тургенева, в 1833 г. напечатано сочинение о Государственном кредите (М.Ф.Орлова), а в 1840 г. вышла книга Г.Небольсина о Банках и других кредитных установлениях. В полном же своем объеме наука о финансах доселе не находила

¹ Цит. по: *Боголепов М.И.* Государственный долг (К теории государственного кредита). СПб., 1910 (титульный лист).

² Теория Финансов. Сочинение Ивана Горлова, докт. философ., орд. проф. политической экономии и статистики при Казанском университете. Казань, 1841. С. 339.

возделывателей в числе Русских ученых и Господину Горлову принадлежит честь быть первым у нас писателем о финансах вообще¹.

В XVII–XVIII веках в силу ряда социально-экономических факторов в знаниях о финансах в России преобладала налоговая тематика. Финансовая политика государства была нацелена на совершенствование налогообложения в соответствии с растущими потребностями казны². Даже в самих правовых актах (например, в Новом торговом уставе 1667 года, Наказе Екатерины II Комиссии для составления проекта Нового уложения и др.) содержались рассуждения о доходах казны в обобщенном виде. В этот период происходило активное накопление финансовых знаний, приведшее к появлению на свет первого российского учебника по теории финансов в 1841 году.

Развитие товарно-денежных отношений в России сопровождается значительным расширением сферы действия финансовых отношений. Свидетельством этого является стремительный (почти в сто раз!) рост количества бумажных денег в обращении – с 2,6 до 212 млн руб., за период с 1769 по 1800 год государственный долг России достигает 133 млн руб.³

В 1802 году в России появляется орган государственного управления финансами – Министерство финансов. До этого единого органа, управляющего финансами, не существовало. Традиционная система управления государством до Петра I предполагала закрепление за отдельными приказами своих доходных источников. Эта система не претерпела принципиальных изменений и при Петре I, уделявшем много внимания реорганизации государственного управления. Практически каждый налог предназначался для покрытия определенного расхода: подушное обложение было источником содержания армии, кабацкие сборы шли на нужды флота, соляные сборы – на дворцовые расходы и т. д. В XIX век Россия шагнула, имея централизованный механизм управления финансами.

Эти и другие обстоятельства стимулировали активизацию научных поисков в финансовой сфере.

...Немного об истории проникновения в русский язык самого термина «финансы». Существует несколько версий происхождения этого слова. Одни связывают его со средневековыми латинскими терминами

¹ Разбор Сочинения г-на Горлова, под заглавием: Теория финансов, составленный г. экстраординарным академиком П.Кеппенем (далее – Разбор Сочинения г-на Горлова...). СПб., 1842. С. 4.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1956; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966; *Кашитанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.

³ *Бржеский Н.Б.* Государственные долги России. СПб., 1884. С. 165.

«*fīnatio, financia, financia pecuniaria*», употреблявшимися в XIII–XIV веках в значении «обязательная уплата денег, денежно-долговое обязательство». По другой версии, слово «финансы» происходит от «*fīnare, fīniri*» (заключать счет). Некоторые считают, что оно производно от «*fīnis*» (срок уплаты или денежный штраф). Обращает на себя внимание и схожесть с английским «*fine*» (денежная пеня, пошлина за привилегию).

В Германии в XVI и XVII веках слово «финансы» имело явно негативный оттенок и обозначало лихоимство, вероломство. Вероятнее всего, это произошло из-за фонетической близости со словами «*fein*» (хитрый) и «*erfinderisch*» (от *finder* – изобретательный). Так, постановлением Кельнского городского собрания воспрещалось маклерам способствовать основанным на обмане покупкам, которые тогда назывались не иначе как финансовыми.

Во Франции уже в XVI веке слово «финансы» использовалось в значении «государственные доходы», «денежные суммы». Употребленное во множественном числе, это слово (*les finances*) обозначало все государственное достояние и состояние правительственного хозяйства. С распространением в России французского языка слово «финансы» в таком значении стало постепенно вытеснять из научного и официального оборота слово «казна», пришедшего в русский язык из арабского (хазана).

Еще в XVIII веке финансы практически нигде, за исключением Франции, не существовали как особая самостоятельная наука. Зачатки финансовых знаний входили в состав особой категории так называемых камеральных наук. Термин «камеральные науки» появился в XVIII веке в Германии. Им стали обозначать совокупность знаний, необходимых для надлежащего и успешного управления так называемой камерой¹, или камеральными (государственными) имуществами [*Kammergüter*]. Предмет камеральной науки, или камералистики (*Cameralia*), состоял из двух основных частей: 1) экономии, под которой понималось изучение ряда хозяйственных и практических дисциплин (сельское хозяйство, лесоводство, горное дело, торговля и т. д.); 2) учения о государственном управлении, включавшего в себя науку полиции, изучавшую меры, направленные на поднятие общего благосостояния, и камералистику в собственном смысле слова, то есть все то, что в настоящее время составляет предмет финансовой науки.

Наибольших успехов в камералистике добились Зекендорф, Шредер, Горнек, Юсти и Зонненфельс. Работа последнего «*Grundsätze der Polizei-Handlungs – u. Finanzwissenschaft*» выдержала 8 изданий и была пе-

¹ *Камера* (*Camera, Kammer*) – так во времена франкских королей называлось помещение (от лат. *Camera* – комната со сводами), в котором хранилось частное имущество главы государства. Впоследствии этим термином стали обозначать само учреждение (управление), заведовавшее государственным имуществом.

реведена на русский язык под названием «Начальные основания полиции, или благочиния». Вплоть до 1850 года книга Иосифа Зонненфельса оставалась основным источником по изучению политических наук. «Правилам, которые служат к основанию и соблюдению внутренней безопасности, научает Полиция, или Благочиние. Преумножению промыслов посредством выгодного обмена того, что производят земля и искусство, учит наука о торговле. Наука, до государственных доходов принадлежащая, показывает, каким образом оные всем выгодные должны быть собираемы и управляемы»¹.

О том, какое влияние камералистика оказала на становление российской финансовой науки, можно судить, в частности, по приведенной таблице, отражающей господствовавшие в России в начале XIX века взгляды на место науки о финансах в системе наук о «государственном благоустройстве»².

В ряде российских университетов (в Санкт-Петербургском, Казанском и Харьковском) камеральные науки преподавались на особых отделениях юридических факультетов. Учебный план камерального отделения включал ряд юридических дисциплин (государственное право, го-

¹ Зонненфельс И. Начальные основания полиции, или благочиния. М., 1787. С. 19.

² Разбор Сочинения г-на Горлова... С. 8.

сударственные учреждения Российской империи, законы о благоустройстве и благочинии), политическую экономию и статистику, естественную историю, технологию и агрономию. Цель обучения на отделении камералистики, по мнению университетских властей, виделась «в приготовлении людей, способных к службе хозяйственной или административной». Отделения камералистики просуществовали на юридических факультетах российских университетов до 1863 года.

Конечно же, российская финансовая мысль развивалась не в глухой изоляции от европейской науки. Нельзя не заметить того влияния, которое оказали европейские ученые на развитие финансовых идей в России. Но не следует впадать в другую крайность и считать российскую финансовую науку «русскоязычной версией» взглядов А.Смита, Д.Рикардо и других европейских исследователей. Следует восстановить приоритет отечественной науки в разработке теории финансов.

На этапе становления российской финансовой науки заметным явлением стали работы И.С.Пересветова¹, «Благохотящим царям правительница и землемерие» Ермолая–Еразма². Активизация в развитии финансовой науки приходится на XVIII век: «Книга о скудости и богатстве» И.Т.Посошкова³, «Изъявления, прибыточные государству» Ф.Салтыкова⁴, «Инструкция дворцовому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень» А.П.Волынского⁵ и «Краткая российская география» В.Н.Татищева⁶ (в ней глава XI посвящена государственным доходам). К концу XVIII века (1781–1788) относится завершение М.Д.Чулковым семитомного сочинения «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великия», в котором автор большое внимание уделяет вопросам теории денег и кредита⁷.

Значительное влияние на развитие финансовой мысли оказали проекты генерал-прокурора Сената П.И. Ягужинского⁸, идеи П.И. Шувало-

¹ Пересветов И Сочинения. М., Л. 1956

² Ржигза В Ф Литературная деятельность Ермолая–Еразма // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Л., 1926. Вып. 33

³ Посошков И Т Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.

⁴ Павлов–Сильвинский Н П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 1–46

⁵ Текст «Инструкции» содержится в кн. Памятники древней письменности. СПб., 1881

⁶ Татищев В Н Избранные труды по географии России. М., 1950

⁷ Чулков М Д Историческое описание российской коммерции. СПб., 1785. Т. 3. Кн. 2

⁸ Ягужинский П И Записки о состоянии России. ЧОИДР. 1860. Кн. 4

ва, который в 1740–1750 годах подал правительству более 20 записок по улучшению финансов и управления¹.

Ко второй половине XVIII века относится и появление сочинения А.Я.Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России»², в котором впервые был употреблен термин «налог».

Особое место в истории становления российской финансовой науки занимает творческое наследие И.А.Третьякова. Закончив университет в Глазго по юридической специальности и получив степень доктора права, он читает в Московском университете лекции по кафедре римского права. За 4 года до появления «Богатства народов» А.Смита, в 1772 году выходит в свет работа Третьякова «О причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов». И.А.Третьяков признает труд основой и источником всех общественных благ. От труда, по его мнению, зависит и личное благосостояние человека, и обогащение государства. «Человеческое трудолюбие, – заявляет И.А.Третьяков, – есть такое средство, которое и имущество, и деньги усугубляет».³

Существенный вклад в становление отечественной финансовой и финансово-правовой мысли внес ученик А.Смита, профессор Московского университета С.В.Десницкий. В читаемом им курсе нравственной философии он рассматривал такие проблемы, как выпуск денег, сбор налогов, кредитные отношения⁴. Им в научный обиход введены понятия «кредит», «финансы», «бюджет». Десницким был разработан проект совершенствования российского финансового законодательства и финансовой политики «О узаконении финансовом».

Финансовая проблематика присутствует и во многих работах А.Н.Радищева («Письмо о Китайском торге», «Описание моего владения», «Записка о податях Петербургской губернии», неоконченная рукопись «Торговля»)⁵. Одним из первых в русской науке он исследовал сущность налогов, их природу, описал действовавшую тогда налоговую систему, выделяя в ней налоги прямые и косвенные.

Финансовое право в России зародилось в недрах экономических и политических наук. Еще Петр I, участвуя в составлении академического устава, высказывал пожелание, чтобы в Академии наук России получила

¹ Шмидт С.О. Проект П.И.Шувалова 1754 г. «О разных государственной пользы способах» // Исторический архив. 1982. № 6. С. 100–103.

² Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 2. М., 1952

³ Третьяков И.А. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов. М., 1772. С. 8.

⁴ Каратаев Н.К. Экономические науки в Московском университете (1755–1955). М., 1956. С. 20

⁵ Радищев А.Н. Сочинения. М., Л. 1952.

свое развитие «Экономия учена». Шаг вперед в определении финансовой науки был сделан В.Н.Татищевым, который при классификации современных ему наук выделял домоводство – экономическую науку, изучавшую частные финансы, и политику – «науку государственную», «мудрость гражданскую». Вопросы, касающиеся публичных финансов, Татищев относил к политической науке, о чем можно судить по посланной им в Сенат записке «О мудрости экономии, яко части политической»¹.

По составленному М.В.Ломоносовым учебному плану Московского университета предусматривалось включение в высшее образование курсов политики и российской юриспруденции, в которых и должны были рассматриваться финансовые вопросы².

О преподавании финансовой науки в Царскосельском лицее можно судить хотя бы по конспектам, принадлежащим однокашнику А.С.Пушкина А.М.Горчакову, впоследствии министру иностранных дел и канцлеру³. Среди записей Горчакова особое внимание привлекают лекции профессора нравственных и политических наук А.П.Куницына. Он учился в Геттингенском университете вместе с Н.И.Тургеневым, был его единомышленником, дружил и с другими будущими декабристами. В лицее Куницын читал 12 различных курсов общественных наук, которые включали, помимо прочего, несколько юридических дисциплин, политическую экономию и финансы. На старших курсах его учебный план выглядел следующим образом: «В 4-й год: изложение системы наук нравственных, философское понятие о правах и обязанностях и разделении их по различным отношениям на право естественное, публичное, гражданское и др. [...] В 5-й год: продолжение тех же предметов и подробное изложение права публичного и экономии политической с сравнением трех главных ее систем: коммерческой [теорий меркантилистов. – А.К.], экономической [теорий физиократов. – А.К.] и Смита. В 6-й год: окончание предыдущего с присоединением собственных сочинений воспитанников на темы политической экономии»⁴.

С петровских времен исследователи, занимавшиеся в России проблемами государственного хозяйства, испытывали сильное влияние идей меркантилизма. Этим, в частности, обусловлено то обстоятельство, что

¹ Татищев В.Н. Напоминание на присланное расписание высоких и нижних государственных и земских правительств // Избранные труды по географии России С. 202.

² Ломоносов М.В. Сочинения. М., Л. 1948. С. 173.

³ Аникин А.В. Муза и мамона. Социально-экономические мотивы у Пушкина М, 1989 С. 40–41, 47.

⁴ Селезнев И. Исторический опыт императорского Лицея: 1811–1861. СПб., 1861 С. 89.

долгое время финансовая проблематика полностью или частично рассматривалась в рамках науки о коммерции.

А.Д.Меншиков и другие государственные деятели определяли коммерцию как «государственную жилу», приносящую государству «богатство и силу». «Поправление купечества» рассматривалось ими как действенное подспорье для лучшего содержания войска. Через десятилетия в «Оде на новый 1764 г. е. в. императрице Екатерине» М.В.Ломоносов «высоким штилем» скажет об общественной пользе торговли:

Прольются новые потоки
Екатерининской рукой,
Дабы чрез сочтанны воды,
Друг другом пользуясь, народы
Размножили избыток свой.

В записке от 18 октября 1726 года А.Д.Меншиков, А.В.Макаров, А.И.Остерман и А.Я. Волков выступили за передачу в ведение Комиссии о коммерции части функций контроля над промышленностью: «...иметь рассуждение о здешних фабриках и мануфактурах: которые из оных к пользе государственной, а которые к тягости, и о размножении оных, которые государству полезны...»¹ В соответствии с указом от 24 февраля 1727 года Мануфактур-коллегия была включена в состав Коммерц-коллегии.

Таким образом, в первой четверти XVIII века в понятие «коммерция» включался широкий круг вопросов: пошлины и подати, управление промышленными предприятиями, снабжение мануфактур рабочей силой и др.² Сообразно этому определялся и предмет науки о коммерции.

С развитием торговли связывалось не только укрепление государственного хозяйства и общественного благополучия, но и надежды на политические реформы в России. Великий русский просветитель Н.И.Новиков приходит к выводу о прямой связи между понятиями «коммерция» и «свобода»: «Влияния торговли в государстве оказываются преимущественно в следующем: 1) производстве кредита, 2) обращении денег, 3) относительного богатства, 4) в умножении процветания прилежания, 5) государственной экономии, 6) в роскоши, 7) в нравственном просвещении и утончении народа [...] и 10) в свободе [выделено мною – А.К.]»³. Неслучайно глас Вольности в известной оде А.Н.Радищева славит процветающую торговлю:

¹ 200-летие Кабинета Его императорского величества 1704–1904 Историческое исследование СПб, 1911 Приложение 10 С. 50

² *Тарловская В.Р., Шанский Д.Н.* К вопросу о понятии «коммерция» в России XVIII в // *Торговля и предпринимательство в феодальной России.* М., 1994 С. 297

³ *Новиков Н.И.* О торговле вообще // *Новиков Н.И. Избранные сочинения.* М., Л. 1951 С. 535

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристани в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах.

Вообще, тесная связь науки со свободомыслием – одна из характерных особенностей становления финансовой и финансово-правовой мысли в России. В начале XIX века политическая экономия, которая включала в себя основы науки о финансах и которая, по словам Н.И.Тургенева, «родилась вместе с конституционной свободой народов Европы»¹, имела ярко выраженную антифеодальную, антикрепостническую направленность. В словосочетании «политическая экономия» в России всегда ставили акцент на слове «политическая».

По причине низкого уровня развития капиталистических отношений абстрактный анализ категорий «стоимость», «капитал», «финансы» и др. интересовал российских исследователей гораздо меньше, чем их современников – западных ученых, зато социальный и политический аспекты экономической мысли приобретали особое значение. В книге немецкого ученого Х.Ю.Серафима, работавшего на рубеже XIX–XX веков, читаем: «Это свойственно для русского национального характера, что в политической экономии, когда и поскольку она самостоятельно разрабатывается русскими, на первый план выдвигается социальный момент»².

Увлечение политическими науками, и в частности политической экономией, было характерно для светского общества 1810–1820-х годов. Вспомним хотя бы знаменитую «экономическую строфу» из «Евгения Онегина»:

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита
И был глубокий эконо-
м, То есть умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

Особенно популярна политэкономия была в декабристской среде. Поэтому не является случайностью то, что двое из трех авторов публикуемых в этом томе работ, – декабристы.

¹ Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Дневники и письма Н.И.Тургенева. Т. 3 (1816–1824). Пг., 1921. С. 117.

² *Serafim H. Neure russische Wert – und Kapitalzinstheorien. Berlin und Leipzig. 1925. S. 47.*

«Вирус» свободомыслия проник даже в университетскую среду, столь тщательно оберегаемую от вольнодумства политической цензурой.

...Впервые самостоятельный курс финансового права в Московском университете был разработан и прочитан профессором Н.С.Васильевым¹. По учебному плану 1835 года была установлена новая дисциплина – «Законы о государственных повинностях и финансиях». Одно название этой дисциплины могло ограничить обязанности преподавания сухим изложением существующих законов. Однако курс лекций профессора Васильева отнюдь не носил догматического характера. В них легко обнаруживается ряд положений, близких к взглядам, изложенным Н.И.Тургеневым в «Опыте теории налогов». По тем вопросам, по которым это было возможно, допускались и критические суждения студентов в адрес существовавших тогда финансовых законов. В экзаменационные требования Васильев включал критику косвенного налогообложения, кадастрового способа уплаты налогов, существовавшей практики взимания отдельных видов налогов (поимущественного и подушного налогов, промысловой подати, питейных откупов и др.)².

...Существенной особенностью генезиса финансово-правовой науки в России является то обстоятельство, что на протяжении всего периода ее становления отождествлялись понятия «финансы», «финансовая наука (наука о финансах)» и «финансовое право». О господствовавших в XIX веке взглядах по этому вопросу можно судить по высказыванию одного из авторитетнейших специалистов в области финансового права, профессора Московского университета И.Х.Озерова, который в статье «Финансы» в Энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона пишет: «Финансовая наука принадлежит, с одной стороны, к циклу экономических наук, с другой – к наукам правовым; она является наукой (в переносном смысле) о хлебе насущном, о том, почему члены известного общественного союза имеют хлеб или не имеют его и в чем заключаются наилучшие способы добыть хлеб или нужные для хозяйства средства».

У академика И.И.Янжула читаем: «Главное место в науках административных отводится наукам хозяйственным, среди которых и наука государственного хозяйства или, по установившейся терминологии, наука о финансах, или финансовое право»³. По его мнению, наука о финансах и финансовое право – близкие, но все же полностью не совпадающие отрасли знаний. Различие между ними выделось в следующем. «Финансовая наука есть учение об общественном хозяйстве, имеющее свою задачу»

¹ «Финансия. Ординарного профессора Васильева». Рукопись И.Аскарханова. Отдел рукописей Рос. госуд. публичной б-ки, ф. музейный. № 4893/1.

² Каратаев Н.К. Экономические науки в Московском университете. М., 1956. С. 58–60.

³ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1899. С. 1.

изложение тех правил, которые должны быть соблюдены при добывании материальных средств, потребных для выполнения общественных целей. [...] Финансовое право – это совокупность законодательных постановлений о финансовом устройстве и финансовом управлении государства»¹. Финансовое право, считает И.И. Янжул, изучает, как государство добывает в действительности свои материальные средства, а финансовая наука, на основании данных финансового права и законов народного хозяйства, вырабатывает общие правила о том, как государство должно добывать их. Финансовое право имеет преимущественно в виду прошедшее и настоящее время и стремится создать такие нормы, которыми правительство могло бы руководствоваться в будущей политике.

В более поздних работах по финансовому праву авторы разводили понятия финансового права как отрасли законодательства и финансового права как направления в юридической науке. Профессор Демидовского юридического лица (Ярославль) И.Т.Тарасов так высказывался по этому вопросу: «Положительное финансовое право есть совокупность положений, определяющих государственно-хозяйственную сферу у данного народа в данную эпоху. Источниками этого права служат законы, административные распоряжения и обычаи (последние – в той мере, в какой это допущено законом). [...] Наука финансового права есть наука о правовых нормах, определяющих сферу государственного хозяйства. [...] Наука финансового права как теория должна представлять собою нечто постоянное, твердо установившееся, хотя и не лишенное тех элементов развития, которые необходимы каждой науке. Финансовое же право данного государства есть только отражение действительности, реального применения начал науки финансового права в данное время»².

Первый учебник финансового права Ф.Б.Мильгаузена³ вряд ли можно отнести к разряду юридических учебников, с точки зрения сегодняшнего понимания предмета финансового права. Автор попытался в нем исследовать сущность экономических категорий на базе действовавшего тогда нормативно-правового материала. И наоборот, очень часто работы, в самом своем названии нацеленные на изучение экономических проблем, вторгались в сферу финансового права, в пределы науки юридической.

Произошедшая во второй половине XIX века дифференциация финансовой и финансово-правовой наук так и не смогла полностью освободить предмет финансового права от проблем экономических и поли-

¹ Янжул И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1899. С. 13.

² Тарасов И. Очерк науки финансового права. Вып. 1-й. Введение. Ярославль, 1889. С. 6–7.

³ Мильгаузен Ф.Б. Финансовое право. Курс лекций. М., 1865.

тических. «В науке финансового права правовой, политический и экономический элементы нераздельны, – пишет И.Т.Тарасов. – В ней анализ законов хозяйственных явлений и анализ правовых норм, определяющих государственно-хозяйственную сферу, идут рука об руку. Эта наука учит не только тому, что есть и почему оно происходит, но тому, что в этой области согласно с экономическими законами, с значением и целью государства и с понятиями о правде и справедливости»¹.

Именно такой комплексный подход к исследованию предмета финансового права, творческое отношение ученых к разработке его доктрины и предопределили последующее бурное развитие финансово-правовой мысли не только в обеих столицах – Москве и Санкт-Петербурге, но и на периферии, где сложились свои научные школы (Ярославль, Казань, Одесса и др.). О них мы рассчитываем рассказать в следующих томах.

А.Н. Козырин

¹ Тарасов И. Указ. соч. С. 7.

М.М.СПЕРАНСКИЙ

ПЛАН ФИНАНСОВ

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ СПЕРАНСКИЙ

Имя Михаила Михайловича Сперанского, несмотря на огромное количество публикаций о нем, по-прежнему окутано таинственностью и загадочностью. До сих пор исследователи расходятся в оценке деятельности этого выдающегося российского реформатора.

Родился М.М. Сперанский¹ 1 января 1772 года в селе Черкутино Владимирской губернии. Отец его, Михаил Васильевич, был бедным приходским священником. Мать, Прасковья Федоровна, отличалась своей набожностью и остротой ума. Односельчане особо почитали ее за благочестивый образ жизни².

¹ «Отец его (М.М. Сперанского. – А.Я.) не имел родовой фамилии. Ревизские сказки, исповедные росписи и другие документы постоянно означают священников Василия (деда) и Михаила (отца) только по отчеству, не указывая фамилии. По крайней мере, достоверно то, что фамилию Сперанский мальчик начал носить в семинарии с первых же дней пребывания в ней. Еще в 1782 г., когда ему, следовательно, шел всего одиннадцатый год, в ревизской сказке говорится: «Покровский округ, село Черкутино, попов сын Михайло Сперанский». На эту фамилию записал его дядя Матвей Богословский при поступлении во Владимирскую семинарию (от латинского слова «сперанта» – надежда)». – *Чибиряев С.А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1993. С. 9.

² Читателям, интересующимся более подробно биографией М.М.Сперанского, рекомендуются следующие работы, использованные при подготовке данной биографической справки: *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. Т. I–II. СПб., 1861; *Дмитриев Ф.М.* Сперанский. М., 1862; *Письма графа М.М.Сперанского к Х.И.Лазареву.* СПб., 1864; *Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой).* М., 1869; *Вагин В.* Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т.1–2. СПб., 1872; *Попов Е.А.* М.М. Сперанский в Перми и Сибири. Пермь, 1879; *Южаков С.Н.* М.М. Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892; *Якушкин В.Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905; *Середонин С.М.* Граф М.М. Сперанский. СПб., 1909; *Уманец Ф.М.* Александр и Сперанский. Ис-

В семилетнем возрасте отец устроил Михаила во Владимирскую епархиальную семинарию. Учился он отлично. Изучал латинский и греческий языки, риторику, математику, физику, философию и богословие. После объединения в 1788 году Владимирской, Суздальской и Переяславской семинарий Михаил перешел из философского класса в класс богословия. После успешного завершения обучения М.Сперанский был отправлен в Петербургскую (Александрово-Невскую) духовную семинарию. Обучаясь в ней, он увлекался чтением работ Ньютона, Вольтера, Дидро, Локка, Лейбница и других философов-мыслителей. После окончания этой семинарии М.Сперанский как один из самых лучших выпускников был оставлен работать преподавателем. Читал он лекции по математике, физике, красноречию и философии. С первых же дней проявил себя как превосходный лектор. В этот период жизни он публикует свои первые стихи в журналах. Пишет «Правила высшего красноречия», которые будут напечатаны лишь в 1844 году.

Продолжая преподавать в семинарии, он становится домашним секретарем князя А.Б.Куракина, который, прежде чем допустить М.Сперанского к этой должности, устроил ему испытание. По словам М.А. Корфа¹, князь призвал однажды Сперанского к восьми вечера домой и поручил ему написать одиннадцать писем к разным лицам, потратив на составление каждого не более часа. В шесть утра все письма лежали на столе у Куракина. Князь сперва не хотел верить своим глазам, а потом, прочитав письма и видя, как мастерски они составлены, еще более изумился и тотчас принял М.Сперанского на службу. Ему было назначено жалованье в 400 рублей ассигнациями².

С восшествием на престол Павла I князь Куракин был возведен в сенаторы, а затем – в генерал-прокуроры. По его просьбе М.Сперанский увольняется из духовной академии, получив замечательную характеристику-рекомендацию от митрополита. В начале 1799 года он поступает в канцелярию генерал-прокурора в чине титулярного советника, а через полтора года становится коллежским советником и

торическая монография. СПб., 1910; *Фатеев А.Н.* М.М. Сперанский (1809–1909): библиографический очерк. Харьков, 1910; *Томсинов В.А.* Светило Российской бюрократии. Исторический портрет М.М. Сперанского. М., 1991; *Чибирьев С.А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М. Сперанского. М., 1993; *Федоров В.А.* М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев. М., 1997.

¹ *Корф М.А.* Указ. соч. Т. I. С. 38.

² Там же. С. 45.

правителем канцелярии. Еще через несколько месяцев М.Сперанский уже статский советник, а 9 июля 1801 года он получает чин действительного статского советника.

За время службы Сперанского в канцелярии сменилось несколько генерал-прокуроров: А.Б. Куракин, Лопухин, А.А. Беклешов, П.Х. Оболянинов. В.А. Томсинов пишет, что среди чиновников генерал-прокурорской канцелярии Сперанский слыл за человека гордого, независимого в суждениях, однако его гордость переходила иногда в некоторое высокомерие, а независимость – в излишнюю категоричность. Вместе с тем Сперанский был склонен к насмешкам. Никто не мог лучше его подметить в поведении человека какую-нибудь нелепость с тем, чтобы при случае высмеять ее¹.

Неприятности на службе у М.Сперанского часто сменялись приятными событиями. Так, 31 декабря 1800 года по ходатайству генерал-прокурора Оболянинова он получил 2000 десятин земли в Саратовской губернии и одновременно орден святого Иоанна Иерусалимского, жаловавшийся лично императором².

Важным событием в личной жизни М. Сперанского стала его женитьба. Барон Корф отмечал, что за непродолжительное время царствования Павла I М.Сперанскому «суждено было пройти и через все фазы жизни семейной: испытать сперва блаженство счастливого супружества и потом понести самую горькую из человеческих утрат, сделаться отцом и – колыбель своего младенца поставить подле гроба своей жены»³.

В 1798 году М.М. Сперанский женился на дочери вдовы Стивенс, Елизавете. Супруги снимали небольшую квартиру на Большой Морской, возле дома князя Куракина. Вскоре у них родилась дочь. Однако счастье молодой четы было недолгим. После родов у жены М.Сперанского началась скоротечная чахотка. Вернувшись однажды домой после службы, он нашел ее мертвой. Они прожили вместе всего одиннадцать месяцев. Сперанский тяжело пережил смерть супруги. В эти горестные для него дни он отправил одному из наиболее близких своих друзей письмо, как полагает М.А. Корф, написанное кровью: «И время меня не утешает. Вот третья неделя наступает, как я проснулся, и горести мои каждый день

¹ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 76.

² Корф М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 55.

³ Там же. С. 67.

возрастают по мере того, как я обнимаю ужас моего состояния...»¹ Только любовь к дочери, малышке, нареченной в честь матери Елизаветой, заставила его вернуться на службу и к прежней жизни.

Восхождение М.М. Сперанского по служебной лестнице не прекратилось и после вступления на престол Александра I. Уже 19 марта 1801 года указом императора он был назначен статс-секретарем при Д.Д. Трощинском, получившем от Александра I пост государственного секретаря. В эти годы судьба была явно благосклонна к Сперанскому. Вскоре он был определен управляющим экспедицией гражданских и духовных дел в канцелярии вновь созданного «непременного совета для рассмотрения важных государственных дел». В обязанность этого совета входило, помимо прочего, рассмотрение законопроектов. М.Сперанский занимался составлением проектов манифестов и указов. Опыт работы в различных канцеляриях позволял ему заниматься этой деятельностью особенно успешно. По меткому выражению В.А. Томсинова, замерший было столбик его карьеры вновь пополз вверх².

С изданием манифеста (1802) об учреждении министерств М.Сперанский получает пост директора второго департамента министерства внутренних дел. После разделения министерства на три экспедиции он возглавил вторую – государственного благоустройства, – наиболее значимую среди всех.

В.А. Федоров отмечает, что Сперанским выполнялась вся наиболее сложная и ответственная работа по министерству. В частности, он занимался составлением указов, положений и правил по этому ведомству, распоряжений и циркуляров для нижестоящих инстанций, годовых отчетов министра, его докладов императору. Им были собраны многочисленные статистические данные о состоянии полиции, местного управления, по вопросам государственного хозяйства, благоустройства городов. Интересен тот факт, что с 1802 года по инициативе Сперанского стал издаваться «Журнал Министерства внутренних дел», в котором, кроме официальных материалов, печатались литературные и исторические заметки³.

Во время работы в министерстве внутренних дел происходит сближение М.М. Сперанского с Александром I. В 1803 году император поручает ему составить обширную записку об устройстве судебных и прави-

¹ Корф М.А. Указ. соч. Т. 1. С. 76.

² Томсинов В.А. Указ. соч. С. 96.

³ Федоров В.А. Указ. соч. С. 45.

тельствственных учреждений в России. В последующие годы Александр I, оценив исполнительские достоинства Сперанского, приближает его к себе как личного помощника.

В 1802–1804 годах М.М. Сперанский подготовил и опубликовал целую серию записок, отражавших его многосторонние интересы. Среди них: «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», «О коренных законах государства», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общего мнения», «Еще нечто о свободе и рабстве» и другие.

В министерстве внутренних дел М.М. Сперанский проработал с 1802 по 1807 год. По мнению В.А. Томсинова, этот период его жизни был прелюдией самого захватывающего, самого главного в его жизни, порогом славы и несчастья. Именно эти годы были последним относительно ровным отрезком его жизненного пути¹.

В 1807 году М.М. Сперанский сопровождает Александра I во время его поездки в Витебск. Некоторые исследователи 1808–1811 годы в жизни Сперанского определяют как вершину могущества и славы, называют его вторым человеком после императора и проводником всей внутренней политики².

М.М. Сперанский почти незаметно для окружения императора становится фаворитом. Осенью 1808 года Александр I, отправляясь в Эрфурт на переговоры с Наполеоном, берет с собой и Сперанского, производящего большое впечатление на великого корсиканца.

Следует также отметить, что в эти годы (1808–1811) активизируется законопроектная деятельность М.М. Сперанского. Он выступает инициатором подготовки и принятия наиболее важных законов в сфере управления, просвещения, финансов и т.д.

Преобразования в России Сперанскому виделись возможными только путем проведения законодательных реформ. Он формировался как крупный государственный деятель, воодушевляясь идеей принятия необходимых законов, практическая реализация которых могла существенно улучшить общественное и экономическое положение России.

По указу Александра I от 8 августа 1808 года М.М. Сперанский был включен в комиссию по выработке Уложения законов. Таких комиссий было несколько. Наиболее известными из них являлись восьмая –

¹ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 116.

² См., например: Федоров В.А. Указ. соч. С. 50–51. В.А. Томсинов апогеем, вершиной его судьбы называет 1809–1812 годы.

«Комиссия о сочинении нового Уложения», созданная и распущенная указами Екатерины II, и девятая, которая ограничилась только составлением оглавления будущего Уложения.

М.М. Сперанскому, назначенному одновременно товарищем министра юстиции, удалось внести кардинальные изменения в структуру комиссии. По его предложению создается специальный комитет для разработки проекта Гражданского уложения. М.Сперанский, придавая большое значение развитию гражданского законодательства, вплотную подключается к этой работе. Особое внимание он уделял регулированию таких институтов, как право собственности, обязательственное право, наследственное право.

1 января 1810 года комиссия по составлению Уложения преобразовывается в комиссию при Государственном совете, а М.М. Сперанский назначается ее директором.

Тяжелое состояние государственных финансов вынудило императора Александра I заняться бюджетом. Он поручает Сперанскому составить роспись на 1810 год и сформулировать основные принципы бюджетного законодательства.

В 1809 году все государственные доходы равнялись 125 миллионам рублей, а расходы – 230 миллионам, ассигнационный долг составил 577 миллионов рублей. Отсутствовал запасной фонд, а управление кредитными операциями и всем государственным хозяйством оставалось беспорядочным. Кризис в финансовом ведомстве выражался также в неприятии ассигнаций как долговых знаков государства. Ассигнационные бумажки считались просто деньгами. Со свойственным ему жаром М.М. Сперанский принялся за реформирование финансового управления, опираясь преимущественно на идеи Адама Смита, содержащиеся в его книге «О богатстве народов», и пригласив в сотрудники одного из наиболее образованных экономистов того времени М.А. Балугьянского. Через два месяца после получения поручения Сперанский уже представил финансовый план, основные положения которого были почерпнуты из только что составленного организационного плана политической реформы в России¹.

Основное внимание в своей финансовой программе М.Сперанский уделял налоговой системе. Он предлагал ликвидировать винные откупа, отказаться от ненужных и непроизводительных государственных расходов и привести расходную часть бюджета в строгое соответствие с дохо-

¹ См.: Южаков С.Н. Указ. соч. С. 27.

дами страны. В феврале 1810 года «План финансов» Сперанского был утвержден манифестом императора.

Следует отметить, что еще в конце 1808 года М.М. Сперанский получил от Александра I поручение составить план государственного преобразования России. Уже в октябре 1809 года этот план под названием «Введение к Уложению государственных законов» был готов и представлен императору. План государственного преобразования М.М. Сперанского явился самым значительным и всеобъемлющим проектом политико-правовой реформы в России¹.

Когда Александр I своим манифестом учредил Государственный совет, М.М.Сперанский получил в нем должность государственного секретаря. В его функции входила работа с документами, проходившими через совет, а также подготовка заседаний, составление докладов и отчетов для представления императору – председателю совета.

В 1810–1811 годах М.М. Сперанский принимает активное участие в преобразовании министерств и создании новых ведомств – главных управлений. Он также готовит проект преобразования Сената, но, к сожалению, им самим же осуществление этой реформы было отсрочено.

Тем временем в аристократических кругах России появилось много противников проводимых Сперанским реформ. Это были могущественные силы, предпринимавшие попытки дискредитировать реформы и самого реформатора в глазах императора. Пытаясь опередить противников и упредить их удар, Сперанский обращается к Александру I с просьбой отстранить его от должности госсекретаря и от управления финляндскими делами, сохранив за ним лишь пост директора комиссии по составлению законов. Он надеялся преодолеть яростное сопротивление своих противников, заручившись поддержкой императора, но тот не принял отставку своего госсекретаря.

Однако интриги не прекращались. Особо «отличились» шведский барон Густав Мориц Армфельд и министр полиции А.Д.Балашов. Определенную лепту в дело опалы Сперанского внесли граф Ростопчин и барон Розенкамф.

Большая доля вины в собственном падении была на самом Сперанском. Известно, что в эти годы он очень резко отзывался о способностях императора, используя при этом выражения язвительного Вольтера. Это было вызвано нерешительностью Александра I в осуществлении реформ.

¹ См.: План государственного преобразования графа М.М.Сперанского // Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М., 1905.

Вот как описывает М.А. Корф встречу М.М. Сперанского с императором Александром I, за которой последовала отставка и ссылка. «17 числа [17 марта 1812 года], в воскресенье, Сперанский спокойно обедал у своей приятельницы г-жи Вейкардт, как приехал туда фельдъегерь с приказанием ему явиться к Государю в тот же вечер в 8 часов. Приглашение это, которому подобные бывали очень часто, не представляло ничего необыкновенного, и Сперанский, захав домой за делами, явился во дворец в назначенное время. В секретарской ожидал приехавший также с докладом князь Александр Николаевич Голицын; но государственный секретарь был позван прежде. Аудиенция продолжалась с лишком два часа. Сперанский вышел из кабинета в большом смущении, с заплаканными глазами, и, подойдя к столу, чтоб уложить в портфель свои бумаги, обернулся к Голицыну спиной, вероятно, с намерением скрыть свое волнение. Замкнув портфель, он скорыми шагами удалился из комнаты и, уже только выйдя в другую, как бы вдруг опомнился, отворил опять до половины дверь и протяжно, с особым ударением, выговорил: «Прощайте, ваше сиятельство!» Это прощание было надолго. Более девяти лет predetermined было Сперанскому не видаться ни с Голицыным, ни с самим Александром»¹.

М.М. Сперанский по распоряжению Александра I был отправлен из столицы ночью. До места ссылки – Нижнего Новгорода – его везли через Тверь, Ярославль и Владимир. Вскоре (15 сентября 1812 года) он из Нижнего Новгорода был увезен в Пермь. Причиной послужило донесение нижегородского вице-губернатора Крюкова министру полиции Балашову о резких высказываниях Сперанского при разговоре с архиереем Моисеем. В 1814 году император Александр удовлетворил просьбу опального министра поселиться в имении Великополье, недалеко от Нижнего Новгорода. Здесь он прожил два года.

Указом императора Александра I от 30 августа 1816 года Сперанский был назначен пензенским губернатором. На этой государственной службе он снискал всеобщее уважение. С огромной энергией он принимается за реформу губернских учреждений и успешно завершает ее к новому 1819 году. Он мечтает вернуться в Петербург и ждет милости Александра I. Однако обстоятельства складываются иначе. Неожиданно Сперанский назначается сибирским генерал-губернатором. Указ и два письма императора с известием о новой должности были доставлены в Пензу из Петербурга 31 марта 1819 года фельдъегерем. Уже 27 мая

¹ Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 14–15.

М.Сперанский прибыл в Тобольск и приступил к выполнению своих обязанностей. В письме, отправленном дочери через три дня после прибытия, он писал: «...и здесь, любезная моя, тот же благотворный свет солнечный, те же люди, смешение добра и зла...»¹

Реформаторские способности М.М.Сперанского с особой силой проявились в Сибири при подготовке и проведении им мероприятий по преобразованию управления и улучшению экономического, социального и культурного развития вверенного ему края.

Обустроив канцелярские дела, М.М. Сперанский приступает к ревизии и совершает инспекционные поездки по Тобольской, Иркутской, Томской губерниям, по Забайкалью. Посещает практически все важнейшие районы Сибири.

Размах деятельности Сперанского в Сибири лишний раз подтверждает его феноменальную работоспособность. Особо следует отметить деятельность, связанную с подготовкой проектов законодательных актов, предусматривавших новое административное устройство Сибири, а также регулировавших вопросы судостроительства, земских и других повинностей.

Как отмечает В.Вагин, только 22 июля 1822 года, «при именном указе сенату, издано было особенное учреждение для управления Сибирских губерний и при нем уставы...»². В дальнейшем десять основных актов были объединены под общим названием «Уложение для управления Сибирью».

В соответствии с «Учреждением для управления Сибирских губерний» осуществлялась губернаторская власть. Она должна была реализовываться в строгих рамках закона. Вторым по значимости считается «Устав об управлении сибирских инородцев», подготовленный на основе материалов по обычному праву сибирских народов³. Внутреннее управление родами и племенами передавалось их старейшинам, которые должны были осуществлять его согласно нормам обычного права. Внешние «надзорные» функции сохранялись за царской администрацией. Этот устав предусматривал также деление коренного населения Сибири

¹ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне... С. 5.

² Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т.2. СПб., 1872. С. 251.

³ См также: Законодательные акты Российской империи. «Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири (XVII–XX вв.). Горно-Алтайск, 1994.

на различные категории по образу жизни – на оседлых, кочевых и бродячих.

М.М. Сперанским были также составлены и внесены на утверждение «Устав об управлении сибирских киргизов», «Уставы о ссыльных и об этапах», «Устав о сибирских городских казаках», «Устав о сухопутных сообщениях в Сибири», «Положение о земских повинностях в Сибири», «Положение о хлебных запасах в Сибири», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и инородцами». Все эти проекты, как пишет М.А. Корф, сопровождались подробными комментариями, ведомостями, табелями и в совокупности составляли более трех тысяч параграфов¹.

Следует также отметить, что М.М. Сперанским были подготовлены и другие проекты законодательных актов (постановления, положения, уставы), согласно которым должно было осуществляться правовое регулирование отдельных жизненно важных проблем. К ним можно отнести «Правила для соляного управления в трех Сибирских губерниях», «Правила для переселения казенных крестьян по их желанию в Сибирь».

В.Вагин – один из немногих дореволюционных исследователей критически проанализировавших законопроектную деятельность М.М.Сперанского в Сибири. В частности он пишет, что «эти законы действительно вводили в сибирскую жизнь много нового; но большею частию они были вызваны именно требованиями этой жизни, основаны на явлениях, уже существовавших в ней, и указывали только дальнейшее развитие и улучшение этих явлений. Они отстраняли только то, что действовало на эту жизнь с очевидным вредом. Вообще они имеют более характер учреждений, нежели законов. Они не столько вводят новые элементы в самую сущность известного предмета, сколько определяют формы и порядок выражения этих элементов. Организационная сторона почти везде склоняет в них законодательную»².

В Петербург М.М. Сперанский возвратился 22 марта 1821 года и лишь 6 июня был принят императором Александром I. Положение бывшего министра оставалось непрочным. Он не получил никаких ключевых государственных постов. Его назначили членом Государственного совета по департаменту законов. В последующие годы государственная деятельность Сперанского была в основном сосредоточена на кодификации российского законодательства.

¹ Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. Ч. 3. С. 235.

² Вагин В. Указ. соч. Т. 2. С. 338.

В 1821 году в Государственном Совете возобновились прения по представленным еще в 1813 году проектам комиссии, в т.ч. по Гражданскому уложению.

После восшествия на престол Николая I М.М.Сперанский обратился к нему с предложением составить кодекс законов. Император одобрил инициативу Сперанского и поручил ему эту важнейшую работу.

Был намечен план предстоящих работ, в соответствии с которым предусматривалось составить три сборника законодательных актов. «Полное собрание законов» должно было стать собранием важнейших памятников права, «Свод законов» – собранием действующего законодательства, а «Уложение» – новым систематическим сводом законодательства.

Началась интенсивная работа над составлением «Полного собрания законов» и «Свода законов». «Полное собрание законов» было окончено в апреле 1830 года (15 томов и более 42 000 статей), а «Свод законов» – к концу 1832 года. Идею составления «Уложения» Николай I отверг.

19 января 1833 года состоялось экстренное заседание Государственного совета под председательством самого императора. На нем было принято решение обнародовать Свод и ввести его в действие с 1 января 1835 года. Как пишет М.А. Корф, в конце этого исторического заседания император подозвал к себе М.М. Сперанского и в присутствии всех надел на него снятую тут же с себя Андреевскую звезду¹.

Все исследователи единодушно отмечают грандиозность проделанной работы. Император Николай I назвал труд, выполненный под руководством Сперанского, «монументальным».

Почти одновременно с составлением общего Свода велись другие кодификационные работы, в которых М.М. Сперанский принимал самое активное участие. Это составление Свода военных постановлений, кодификация провинциальных законов прибалтийских губерний и законов Великого княжества Финляндского².

«Никто и никогда не оспаривал и не мог бы оспорить, – писал М.А. Корф, – пользы «Полного Собрания Законов». Несмотря на некоторые в нем пропуски, неизбежные при спешности работы и при малой еще, в то время, известности материалов, это собрание составляет драго-

¹ Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 319.

² Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 320–326; Романович-Славатинский А.В. Государственная деятельность графа М.М.Сперанского. Киев, 1873. С.196.

ценную сокровищницу как для настоящего и будущего нашего законодательства, так и для нашей истории за последние два века»¹.

Умер Михаил Михайлович Сперанский 11 февраля 1839 года и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры.

* * *

Реформу государственного управления М.М. Сперанский связывал с финансовыми преобразованиями денежной системы в стране. Он внимательно изучал финансовую науку и был прекрасно осведомлен о состоянии финансов.

Публикуемый в настоящем томе «План финансов» представлял собой проект кардинальных реформ в области денежного обращения, кредита, бюджета. Красной нитью сквозь всю работу проходит идея реформирования всей финансовой системы государства. Первостепенное значение М.М.Сперанский уделял изменению законодательной базы. Он предлагал развивать бюджетное, налоговое и кредитное законодательство. Одной из главных задач он считал упорядочение российской бюджетной системы. В отличие от европейских государств, в России государственный бюджет не имел силы закона и не публиковался. Сохранявшиеся подушная подать и откупная система на вино свидетельствовали об отсталости финансовой системы России.

В «Плане финансов» М.М. Сперанский четко выделил наиболее острые финансово-правовые проблемы и представил план их решения. Он предлагал провести следующие мероприятия:

- обеспечить гласность в утверждении и исполнении бюджета;
- предоставить бюджету силу закона;
- установить принцип рационального расходования государственных средств и учреждать расходы «по приходам»;
- увеличить доходы путем упорядочения существовавших и установления новых налогов;
- провести реформу денежной системы государства, изъяв ассигнации из обращения с одновременной ликвидацией ассигнационных банков, взамен создав банки, выпускавшие бы только кредитные деньги.

¹ Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 320.

М.М. Сперанский теоретически обосновывал предлагаемые им реформы в области финансов. И, даже будучи в ссылке, не переставал думать о них.

В своем пермском письме¹ к императору Александру I М.Сперанский затрагивал и «План финансов». Он писал, что правительство, одобрив план, вместе с тем начало «всемерно затруднять его, и тот, кто должен был главным быть его исполнителем, министр финансов, не отрекаясь от него на словах, стал первым его противником на деле»². Данное противоречие М.Сперанский объясняет нежеланием правительства проводить реформы. В этом случае следовало «сократить и привести в порядок издержки...» и «возвысить налоги». «План финансов» и все операции, на нем основанные, напишет он, всегда выдержат «с честью самое строгое исследование всех истинных государственных людей не только у нас, но и во всех просвещенных государствах»³.

Предусматривая коренным образом изменить всю налоговую систему России, М.М. Сперанский выступал за замену оброчной подати на поземельную. Он предлагал все городские подати, кроме подушных, учреждать согласно оценке недвижимого имущества. Важным, на его взгляд, являлось законодательное регулирование пошлин. Сперанский различал пошлинную торговлю внешнюю, портовую и внутреннюю; последнюю делил на оптовую и лавочную⁴.

Среди современников М.М. Сперанского ярким противником всех проектируемых им преобразований являлся Н.М. Карамзин. В Записке⁵, подготовленной по просьбе великой княгини Екатерины Павловны, младшей сестры Александра I, Н.М.Карамзин резко высказывает свое

¹ Н.Шильдер писал, что оправдательная записка М.Сперанского была напечатана два раза и оба раза с очень неточных копий: в книге «Дружеские письма графа М.М.Сперанского к П.Г.Масальскому». СПб., 1862 и в приложениях к сочинению А.Н.Пыпина «Общественное движение в России при Александре I». СПб., 1885 (второе издание). Подлинный текст впервые напечатан в «Русском Архиве». 1892. № 1. Это письмо публиковали и в других книгах, выходивших после 1892 года.

² Пермское письмо Сперанского к императору Александру I. Цит. по кн.: Чибиряев С.А. Указ. соч. С. 189.

³ Там же. С. 193.

⁴ Сперанский М. Меры к устройству городских и казенных сельских обывателей // В память графа Михаила Михайловича Сперанского. СПб., 1872. С. 817–819.

⁵ См.: Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914.

неприятие проводимых финансовых реформ. В феврале 1811 года он привозит эту Записку в Тверь к великой княгине, жившей здесь со своим мужем, принцем Георгом Ольденбургским – губернатором тверским, ярославским и новгородским. Н.М. Карамзин не называет имя М.М. Сперанского, но из содержания Записки нетрудно догадаться, что речь идет именно о нем. Отрицательно отзываясь о реформах, он называет их неудачным творением «школьника-секретаря». Н.М. Карамзин считал мероприятия, направленные на стабилизацию денежного курса, вредными и опасными. Он протестовал против увеличения налогового обложения, протекционистских тарифов, отмены ассигнаций. У Карамзина читаем: «...вопреки Манифесту, ассигнации и теперь остаются у нас деньгами, ибо иных не имеем...»¹.

Многие либеральные юристы, историки, публицисты XIX и начала XX века считали себя приверженцами идей М.М. Сперанского. В своих работах М.В. Довнар-Запольский, А.А. Кизеветтер, А.Н. Фатеев, Г.Ф. Шершеневич, В.Г. Щеглов, М.М. Южаков и другие в восторженных тонах отзывались о Сперанском. А.Н. Пыпин, оценивая «План всеобщего государственного преобразования», писал, что он «стоит, быть может, выше всего, что только было сделано русской мыслью до тех времен»².

Советские исследователи также высоко оценивали труды М.М. Сперанского. П.И. Лященко считал «План финансов» слишком радикальной реформой для крепостнической России³. П.К. Бонташ писал, что финансовые мероприятия Сперанского были проникнуты ярко выраженными буржуазными тенденциями. В общем, по мнению П.К. Бонташа, финансовая и таможенная политика Сперанского, а также некоторые отдельные мероприятия, проведенные в жизнь в годы его «премьерства», вызывали недовольство и враждебное отношение со стороны «крайних крепостников и реакционеров». Он также отмечал, что введение твердой денежной единицы в виде серебряного рубля и отказ от выпуска ассигнаций отвечали требованиям торгово-промышленной буржуазии, терпевшей большие убытки от постоянных колебаний денежного курса и не решавшейся пускать свои деньги в оборот в условиях существовавшего хаоса в денежном обращении. Купечество, считал П.К. Бонташ, несмот-

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. С. 94.

² Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1901. С. 179.

³ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.1. М., 1952. С. 459.

ря на увеличение его налогового обложения, отнеслось положительно к финансовым мероприятиям Сперанского¹.

А.П. Погребинский² отмечал, что финансовая программа М.М. Сперанского была построена на рациональных началах, обусловленных развитием капиталистических отношений в стране. Финансовые проекты Сперанского, по его мнению, совпадали с воззрениями прогрессивных экономистов и общественных деятелей первой четверти XIX века. Он считал, что «План финансов» оказал определенное влияние на взгляды крупного общественного деятеля и экономиста того же периода Н.С. Мордвинова, уделявшего в своих работах много внимания вопросам упорядочения налоговой системы и ликвидации бюджетного дефицита³.

Авторы «Истории русской экономической мысли», рассматривая достоинства проектов и записок М.М. Сперанского, замечали, что их автор стоял на уровне современной ему передовой теории в вопросах денежного оборота, кредита, бюджета и стремился практически применить эту теорию. Обращалось внимание на своеобразие разработанного М.М. Сперанским плана реформы денежного обращения, кредита и бюджета. Это рассматривалось как свидетельство стремления реформатора учесть экономические и политические условия России того времени. Вместе с тем отмечалось, что «План финансов» включает в себе некоторые элементы догматизма и утопизма, что в своих проектах М. Сперанский иногда отвлекался от того, что в России оставалась неприкосновенной крепостническая система хозяйства, а его реформы могли базироваться лишь на совершенно иной – капиталистической – системе хозяйства⁴.

В своих работах М.М. Сперанский уделял много внимания вопросам денежного обращения. Как уже отмечалось, он был убежден в том, что только кредитные деньги могут содействовать развитию промышленности и торговли, и отдавал предпочтение кредитным деньгам даже в сравнении с серебряными деньгами. Основным способом оздоровления

¹ Бонташ П.К. Государственно-правовые взгляды М.М. Сперанского. Дисс. на соискание степ. канд. юр. наук. Киев, 1953. С. 392–395.

² Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 22.

³ См., например: Мордвинов Н.С. О мерах улучшения государственных доходов. Избранные произведения. М., 1945.

⁴ История русской экономической мысли. М., 1958. С. 57–58.

денежного обращения он считал переход от ассигнации к кредитным деньгам, основанным на серебре¹.

Подготовленные М.М.Сперанским записки и проекты законодательных реформ образуют богатейший пласт в российской правовой и экономической науке².

¹ См.: Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрин. СПб., 1895.

² Законодательные проекты и записки раннего периода деятельности М.Сперанского были включены в книгу: М.М. Сперанский. Проекты и записки. М., Л., 1961.

ВВЕДЕНИЕ

Положение финансов к 1810 году

Всякое государство, коего расходы ежегодно возрастают, а приходы уменьшаются, ввергается по необходимости в долги¹.

Пространно и, может быть, бесполезно было бы восходить к началу наших долгов и описывать в подробности постепенное их умножение. Здесь представлены будут одни их главные последствия и то положение, в коем они теперь находятся.

Государство наше вступает в 1810 год с 577-ю миллионами внутреннего долга, состоящего в ассигнациях. Присоединив к сему около 100 миллионов долгу иностранного, масса долгов наших составляет около 677 милн.

Расходы наши на 1810 год составляют более 193 миллионов, а все доходы простираются с предполагаемыми налогами до 127 миллионов. Недостаток составляет более 65 милн.

С сим недостатком вступив в 1810 год и наполня его новым выпуском бумаг, нельзя предполагать, чтоб по возвышению цен на все вещи в течение оного можно было обойтись без нового дополнения разных непредвидимых нужд и, следовательно, без нового выпуска. Судя по расходам прошедших лет, самое умеренное дополнение сих недостатков может довести в течение сего года весь выпуск бумаг до 100 милн., а по сему в 1811 год вступим мы с необъятною массою внутренних и внешних долгов, около 800 милн. составляющею.

Между тем все части государственной экономии, вся торговля и промышленность должны страдать от сего положения финансов.

Дороговизна вещей должна возрастать со всею быстротою и народным отягощением: ибо всякой заем без верного платежа есть не что другое, как прибавка к ценам на вещи.

Никаких контрактов, ни частных, ни казенных, кроме винного откупа, сделать будет невозможно: ибо никто не может исчислить, чего будет стоить рубль чрез два месяца.

Правительству не будет никакого способа исчислить своих расходов. И теперь уже не может оно с основанием сказать, чего какая потребность будет ему стоить. Самые сметы министров на 1810 год не имеют никакой достоверности. В них исчисляется цена вещей, полагая рубль, по примеру прошедшего года, в 250 коп.; но между тем, покуда

¹ В книге сохранены особенности написания текста и примечаний оригиналов и исправлены замеченные редакционные погрешности и опечатки предыдущих изданий. – Т.М.

сметы сии составлялись, рубль несколько раз переменялся и возвышался уже до 280 коп.; от нового выпуска бумаг чрез два месяца может он дойти до 3-х рублей, чрез четыре еще более, и меры сему падению до совершенного уничтожения кредита ассигнаций назначить с точности невозможно. Следовательно, чрез два месяца необходимо потребуются новые прибавки, чрез четыре еще разные дополнения и так далее.

Когда сей несчастный круг, в коем цены возвышаются от новых долгов, а новые долги делаются необходимы от возвышения цен, разведется, то выйти из него будет почти невозможно, если в середине или при конце его обращения правительство его не остановит. Но остановить его нельзя без сильных мер и без важных пожертвований.

Под именем сильных мер здесь разумеется та непреборимая твердость, с кою принятому раз плану должно следовать, отражая все мелкие уважения, кои ему противоплагаются. Препятствия сии всегда и везде бывают многочисленны. Всякая система финансов поддерживается множеством страстей, частных видов и привычек, и, следовательно, всякое преобразование, всякой переход от смещения к порядку воздвигает тучу страстей и своекорыстия. Сколько раз сии призраки, устрашая правительство ропотом, слухами или злословием, отвращали внимание его от самых спасительных видов ко благу их отечества.

Под именем пожертвований здесь разумеется тот дух умеренности и экономии, с коим и самые полезные начинания предприимлются, а иногда и предпринятые останавливаются. Самые полезные предприятия, если они делаются в долг или чрезмерным усилием и с расстройкою финансов, обращаются в существенный вред государству. Одна строгая необходимость войны делает из сего правила исключение, или, лучше сказать, тут один вред перевешивается опасностью другого, несравненно большего.

Итак, потребны сильные меры и великие жертвования, чтоб вывести нас из сего положения.

Все планы финансов, в коих предлагаемы будут способы легкие, не предполагающие никакой умеренности в расходах, никакого прикосновения к личным уважениям, суть явный обман, влекущий государство в погибель. Тот, кто решится предлагать или защищать таковые планы, обличит только свое неразумие или своекорыстие. Общее правило во всех делах государственных: все великие предприятия совершаются трудом, твердостью и терпением.

План финансов, здесь предлагаемый, содержит в себе две части:

I. Устройство финансов на 1810 год; II. Устройство их с 1810 года на будущее время.

Первая часть заключает в себе два отделения: в первом постановляются начала, на коих основаны меры предлагаемые; во втором – изложение самых мер и образ их исполнения.

Вторая часть содержит четыре отделения: 1) расходы; 2) приходы; 3) систему монетную и кредитную; 4) управление.

ПЛАН ФИНАНСОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Временное устройство финансов на 1810 год

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Начала общие

1. Главное расстройство в финансах есть несообразность расходов с приходами.

2. Сорамерность восстанавливается двумя способами: сокращением издержек и приумножением доходов.

3. Сокращение издержек должно быть основано на том правиле, чтоб все *необходимые* издержки сохранить, *полезные* отложить, а *излишние* вовсе прекратить.

4. Необходимость, польза и излишество суть понятия относительные. Круг их можно сократить и расширить по соразмерности способов.

5. В определении сих трех свойств издержек на 1810 год должно сообразаться с настоящим положением финансов. Чем настоятельнее нужда, тем сильнее должны быть способы.

6. Под именем *необходимых издержек* в 1810 году должно разуметь: 1) те, кои относятся к безопасности государства, как внешней, так и внутренней; 2) те издержки, коих отсрочка могла бы причинить казне важный ущерб, превышающий выгоды их отсрочки, или неустойку в ее обязательствах, или же частным людям раззорение; 3) наконец, те издержки, без коих разные части управления действовать не могут.

7. Под именем *полезных издержек* в 1810 году должно разуметь: 1) все те, кои, не имея выше исчисленных свойств необходимости, употребляются на поощрение и удобрение разных ветвей промышленности, коих польза в прочем очевидно доказана; 2) те, без коих разные части управления хотя и могут обойтись и не останоятся в своем действии, но без коих потерпят некоторое временное затруднение и умножат заботу их начальства; 3) те, коих отсрочка, не нарушая контрактов и не причиняя частным людям раззорения, может уменьшить на время выгоды, доставляемые им правительством.

8. Под именем *излишних издержек* в 1810 году должно разуметь все те, кои служат к одному великолепию, к украшению, к оказанию щедрости, все те издержки, кои польза подвержена сомнению и кои могут быть допущены единственно среди обилия доходов и некоторой роскоши, свойственной правительству большой Империи.

9. Приумножение доходов в постоянной системе финансов может быть произведено: 1) лучшим распределением налогов; 2) удобрением разных экономических источников, как то: лучшим устройством казенных имений, винных и соляных сборов и проч. Но меры сии требуют времени и не могут быть совместны с настоятельностью нужд наступающего года.

10. Новые источники неокладных налогов не могут быть также совместны с положением 1810 года: 1) потому, что исчисление их по недостатку у нас финансовой статистики весьма трудно; 2) что производство сборов их и надзор требуют предварительного весьма подробного устройства; 3) что источники сии вообще не могут доставить сумм, недостаткам нашим соразмерных; по непривычке народа первый год они весьма будут тягостны и разойдутся большею частию на злоупотребления; 5) вообще по нравам нашим все мелкие сборы производят более тягости народу, нежели прибили казне.

11. Посему в выборе податей, особливо на первый год, должно держаться тех источников, кои привычкою уже утвердились и кои прибавку вперед можно исчислить.

12. Настоящие наши подати и налоги при самом начале их установления были весьма умеренны. Лучшее сему доказательство есть удобность вступления их и ничтожность недоимок.

13. Впоследствии налоги сии, уменьшаясь с умножением ассигнаций и с возвышением цен на все коренные произведения, от 1800 года, в ущерб казне упали во всех частях более нежели вдвое.

14. Поелику важнейшие подати, подушная и оброчная, платятся казне по ревизии, то чем более проходит времени от ревизии, тем более подати сии отступают от прежней их меры, тем становятся они мало-важнее.

15. Умножение ассигнаций и возвышение цен не могли иметь важного действия на коренные потребности. Класс земледельцев, помещиков, в деревнях живущих, купцов, внутреннюю торговлю отправляющих, и всех наемных работников не только ничего не потерпел, но и мог сделать важные от сего приобретения. Вся тяжесть их пала на казну и на те классы людей, кои стоят с нею в обязательствах.

16. Из всей массы ассигнаций, без сомнения, самая важная часть употреблена на казенные внутренние закупки и, следовательно, осталась в народном обращении.

17. Если бы ассигнации, взимаемые в податях, обращаемы были паки в народ, без верных способов к уничтожению долгов, тогда умножение налогов и податей могло бы быть тягостно; но если вместе с сим принята будет твердая и обширная система к восстановлению кредита, тогда тяжесть налогов сама по себе будет умеряема сложением тяжести долгов.

18. В первый раз, когда предстали чрезвычайные государственные нужды, самый естественный способ удовлетворения их был бы тот, чтоб умножить подати и налоги. Правительство всегда с основательностью может обратиться на тот прямой путь, коего, может быть, никогда оставлять не надлежало.

19. Последнее и самое важнейшее правило есть то, что из двух зол должно избирать кратчайшее и легчайшее; а между совершенным разрушением кредита государственного и всех бедствий, от сего происходящих, и между временным, хотя и сильным приумножением податей, нет, конечно, никакого сравнения.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Способы соразмерности в приходах и расходах на 1810 год

20. В предположениях Казначейства назначаемо было недостаток с лишком 65 милн. наполнить на 1810 год: 1) налогами до 11 милн. рублей, 2) остальные до 54 милн. рублей заменить выпуском ассигнаций, почерпая из сего же источника и способы удовлетворения непредвидимых издержек, по возвышению цен в течение года необходимо встретиться могущих.

21. Сей распорядок, очевидно вредный и бедственный, полагается здесь заменить следующими мерами:

22. Остановить и совершенно прекратить новый выпуск ассигнаций.

23. Недостаток соразмерности в приходах и расходах восстановить следующим образом:

24. Сократить издержки от 15 до 25-ти миллионов, так, чтоб весь недостаток составлял не более 40 милн. рублей, или по большей мере 50 миллионов.

25. Возможность сокращения сего доказывается:

1) тем, что в числе издержек есть, без сомнения, весьма знатное количество таких, коих строгая необходимость ничем доказана быть не может;

2) сметы издержек на 1810 год большею частию составлены по исчислению цен настоящего года, когда рубль полагался в 250 коп. Но

прекращением выпуска ассигнаций и самым сокращением расходов, без сомнения, ассигнационный рубль возвысится, и, следовательно, на те же предметы издержек менее потребуется денег. К сему присоединить должно необходимое действие тех мер, кои приняты будут в течение сего года к погашению долгов.

26. Образ сего сокращения может удобно быть произведен приложением правил *необходимости, пользы и излишества*, выше постановленных; а посему

27. Пересмотрев вновь сметы министров, сделать из них следующие уменьшения:

1) *По Департаменту Военному*: отложить вновь предполагаемые здания и инженерные работы, а начатые рассрочить в годы – переменить образ продовольствия войск в Польских губерниях отпуском серебра и учредить вместо того хлебный в сих провинциях сбор, несравненно дешевлеший и удобнейший.

2) *По Департаменту Морскому*: остановить строение новых кораблей и гражданских строений; год сроку не сделает в сем большой разности.

3) *По Департаменту Внутренних Дел*: остановить все вновь предполагаемые строения, а начатые рассрочить; прекратить покупку новых земель и заведение новых колоний, кроме тех, кои уже находятся в пути; счесть и уменьшить издержку на содержание дорог, из коих на одну починку дорог около столицы несколько уже лет сряду издерживается по 1 000 000 рублей; уничтожить главное почтовое правление, яко установление совершенно и во всех случаях бесполезное.

4) *По Департаменту Коммерции*: уничтожить Коммерц-Коллегию, яко установление, давно уже признанное бесполезным, и суммы ее довольно важные причислить к Казначейству.

5) *По Департаменту Просвещения*: остановить на год все новые заведения.

6) *По Капитулу Орденов**: остановить все расходы, исключая пенсионеров рядовым и унтер-офицерам; вместе с сим остановить и даже во все прекратить все расходы по Мальтийскому Ордену и самый дом обратить в казну.

7) Во внешних долгах приостановить долг Австрии более 1 900 000 рублей;

8) Во внутренних долгах по Военным Департаментам с 1805 по 1807 год сделать отсрочку – положением процентов и 10-й части капитала.

9) Пересмотреть штаты министерств. Нет сомнения, что некоторые из них нарочито можно уменьшить.

28. Сделав таковое уменьшение в расходах, к умножению доходов принять следующие правила:

29. Все роды податей и сборов, исключая те, кои основаны на контрактах, восстановить или по крайней мере приблизить к тому исчисле-

нию, в коем им по первому их началу быть надлежало; и поелику по исчислению сему надлежало бы за каждый рубль, в окладе означенный, брать по сложности цен настоящего года по 250 коп., то не может быть отяготительно, если общею мерою постановится возвысить подать в два рубля ассигнационные с изъятиями, ниже сего означенными.

1) Все дробные исчисления от 1-й до 49-ко и от 50 до 99-ко¹ оставить в пользу платящих подати и в казну не собирать.

2) Все статьи, основанные на контрактах, как то: аренды, оброчные статьи, поставку казенного вина и тому подобные – оставить без возвышения.

30. Продажные цены на вино с 1811 года положено уже возвысить 2-мя рублями. Нет никакого неудобства возвышение сие начать с 1810 года.

31. В общем возвышении всех статей дохода переменить и таможенный сбор, возвысив ефимок* до настоящей средней его цены в ассигнациях.

32. Сим образом без выпуска новых бумаг, уравнив на 1810-й год приходы с расходами для составления некоторого остатка на издержки непредвидимые, хотя и обыкновенные, можно принять следующие меры:

1) Возвысить пошлину на некоторые отпускные товары, как то: пеньку, лен, сало и поташ**.

2) Все так называемые экономические суммы, по разным департаментам состоящие и принадлежащие собственно Казначейству Остаточному, возвратить в оное.

3) Возвратить в Казначейство все остаточные суммы из прежде ассигнованных, но еще не употребленных и хранящихся в Банке на счет разных департаментов.

33. Учредив таким образом на 1810-й год приходы и расходы, остается назначить источник для чрезвычайных расходов, в том году встретиться могущих. Для сего нужно прежде всего определить точный разум сих расходов.

34. Чрезвычайными расходами можно признавать одни только издержки войны, пенсии и аренды.

35. Что принадлежит до пенсий и аренд, то не может быть важного неудобства в течение одного года отложить новое их назначение, когда и теперь часто аренд ожидают по полугоду. Можно в необходимых случаях давать обещания (эспектативы) и помещать на открывающиеся вакансии пенсионеров.

36. Остаются чрезвычайные издержки войны. В сметах вышеозначенных вмещены все издержки военные, считая в том числе и чрезвычайные. Следовательно, одно только возрождение новой войны может

¹ Так в оригинале. – Т.М.

вынудить новые чрезвычайные издержки. А как по всем соображениям предполагать сего нет, кажется, никакой причины, то и нет основания готовить для сего источники издержек. Но если бы сверх всякого чаяния таковая война представилась, то два способа к сему постепенно могут быть употреблены: 1) военная такса на имения в виде займа, 2) продажа казенных земель и лесов.

37. Вместе с таковым уравнением доходов с расходами нужно сделать и в кредитной нашей настоящей системе некоторые поправки, не прикасаясь еще к полному ее преобразованию.

38. Одна из важнейших мер к поддержанию настоящего кредита есть произвести удостоверение, что правительство переменяет свою финансовую систему и, пресекая новый выпуск ассигнаций, все старые признает долгом государственным, обеспеченным на всех его богатствах, и приемлет способы к их уплате.

39. Меру сию, возвестив надлежащим образом в манифесте об устройстве финансов, должно, сверх того, удостоверить ее положительным доказательством, а именно: поручить купечеству знатнейших городов С.-Петербурга, Москвы и Риги избрать по одному члену из их сословия и определить их в число директоров Ассигнационного Банка.

40. В том же манифесте объявить, что если бы какая-либо чрезвычайная государственная нужда и представила необходимым сделать новый выпуск ассигнаций, то сие ни в каком случае допущено иначе быть не может и ни в каком предположении Банк не может быть к сему уполномочен как манифестом, изданным в Государственном Совете и обнародованным; и тогда новый сей долг причислится к прежнему и войдет в общую систему погашения. Сия мера сама по себе произведет уже весьма полезное действие и сильно послужит к исправлению кредита.

41. Вслед за тем отдельные операции разных банков согласить между собою так, чтобы все они соображаемы были вообще и в совокупности, дабы действие одного из них не могло препятствовать общему плану погашения бумаг, коих кредит во всех банках есть одинаков и основан вообще на кредите государственном.

42. Уничтожить тягостный и странный промен с одной ассигнации на другую, ныне существующий. Для сего, остановив делание 100 и 50 р. ассигнаций, обратить всех чиновников на подпись мелких бумаг, кои и разослать по губерниям для размена ветхих и больших на новые малые. Для сего нужно только при каждой казенной палате и при казначействах открыть размен. Сим снимется великая тяжесть с народа, и ассигнации поднимутся в кредите по мере их удобства и расширения в таких местах, где ныне платят промен с крупных на мелкие от 10% до 20%.

43. Платеж внешних долгов, ныне чрез придворных банкиров производящийся, устроить на других удобнейших правилах, поручив его

производство Конторе Погашения Долгов, коей установление ниже сего подробно будет описано.

44. Само собою, впрочем, разумеется, что существующий ныне тайный заем, яко несовместный с публичными формами кредита, немедленно и прежде всего должно закрыть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Постоянное устройство финансов на будущее время с 1810 года

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О расходах

НАЧАЛА ОБЩИЕ

45. Расходы должны быть учреждаемы по приходам.

46. Посему никакой новый расход не может быть назначаем прежде, нежели приискан будет источник прихода, ему соразмерного.

47. Всякий расход, вновь назначаемый, если не удовлетворяется он или отсечением других расходов, или удобрением хозяйственных источников, правительству принадлежащих, в существе своем и в самом стро-гом смысле есть новый налог, или явно, или скрытно на народ налагае-мый. Налог бывает *явный*, когда учреждается он публичным актом и взимается с труда или его произведений прямо или косвенно. Налог *скрытый* – когда учреждается он посредством выпуска ассигнаций или посредством займов, коим не назначено особенных способов уплаты.

48. Расходы в правильном их учреждении должны иметь:

1) постоянное их разделение по степеням нужды, по пространству их предметов и по движению их постоянному или чрезвычайному; 2) должны иметь правильный образ назначения, каждому разделению свойственный.

I. О правильном разделении расходов

49. Пять есть источников разделения расходов:

50. *Первое – по управлению*, в коем расходы производятся, как то: по министерствам, по двору и проч. Сие разделение есть наименее существ-венное: ибо от того, что расходы будут росписаны по разным их наиме-нованиям, ни ясности, ни умеренности в них произойти не может. Оно нужно единственно для движения и направления счетов там, где каждая часть весь свой разряд считает.

51. *Второе разделение есть по степени нужды*. Расходы в сем отно-шении разделяются на необходимые, полезные, избыточные и, наконец, совершенно излишние и бесполезные. *Необходимыми* расходами должно

считать все те, без коих внутренняя и внешняя безопасность государств стоять не может; *полезными* – те, кои принадлежат единственно к гражданскому усовершению; *избыточными* – те, кои принадлежат к некоторой роскоши и великолепию государства; наконец, *излишние и бесполезные* суть те, кои употребляются противу разума истинной государственной экономии, на предметы, для правительства посторонние и по существу своему принадлежащие к частной промышленности.

52. Общее правило для всех расходов необходимых есть, чтобы они производимы были из приходов общих и постоянных.

53. Напротив, расходы полезные должны быть производимы из приходов особенных, менее постоянных и происходящих большею частью от тех самых заведений, на кои издержки употребляются.

54. Расходы полезные тогда только истинно бывают полезны, когда совершаются они по мере расширения промышленности и ее произведений. Все расходы преждевременные суть вредны.

55. Расходы избыточные не иначе могут быть допускаемы, как из остатков не прошедшего года, но по крайней мере по миновании двух лет, и то по уплате долгов обременительных.

56. Наконец, расходы бесполезные никогда не должны быть допускаемы не только в виде сбережения, но и потому особенному уважению, что в доброй государственной экономии каждый раз, когда правительство делает бесполезные издержки, оно, вредя себе, пресекает усилия частной промышленности, сбивает ее с пути, дает ложное капиталам направление, возвышает цены, вводит роскошь и повреждает народную нравственность.

57. Расходы излишние могут быть не только в издержках бесплодных, но и в предметах самых полезных и даже необходимых, когда на какое-либо предприятие употребляется более способов, нежели нужно, или по личным уважениям не приемлются средства самые удобные и расточают силы.

58. Напротив, полезные и даже самые излишние издержки могут войти в класс необходимых, когда временем, знатностию капитала и пространства заведения так они усилятся, что остановить их без большого расстройство в других частях невозможно.

59. От сего в необходимых издержках рождается статья расходов, определяемая на постепенное довершение заведений полезных и даже излишних.

60. *Третий источник разделения расходов* есть их пространство. В сем отношении расходы разделяются на общие государственные, на губернские, окружные и волостные. Предмет расхода определяет ему место в сих четырех отделениях.

61. Расходы государственные должны быть удовлетворяемы из общих государственных доходов, губернские – из губернских и так далее.

62. Но все вообще издержки, какое бы ни было их пространство, в рассуждении назначения их, распределения и отчета должны быть подчинены общим правилам с различием только местных постепенностей.

63. Не должен существовать никакой сбор, никакой расход без утверждения и отчета.

64. В правильной системе финансов никак не можно допускать, чтобы одна только часть сборов и издержек была исчисляема, а все прочие располагаемы были по произволу. Правительство должно знать не то только, что выходит из одного какого-либо казначейства, но то, что вообще собирается с народа и обращается в расход. Без сего познания ни расходов учредить, ни приходов расположить оно не может.

65. *Четвертый источник разделения расходов* состоит в том, что они могут быть или обыкновенные, или чрезвычайные.

66. Сие разделение также необходимо, как и предыдущие: никакие обыкновенные доходы не могут быть достаточны для расходов чрезвычайных, разве бы правительство вздумало каждый год оставлять и хранить в казначействах своих знатные запасы; система сама по себе в настоящих обстоятельствах трудная и даже вредная. Для чрезвычайных расходов должны быть в запасе не деньги, но способы получить их.

67. Наконец, *пятый, и последний, источник разделения* состоит в том, что сумма издержек может быть или постоянная, или переменная; так например, жалование есть всегда сумма постоянная, но подряды и поставки переменяются.

68. Приняв сии разделения, должно все статьи расходов разместить по классам их так, чтоб в каждой было определено главное место ее употребления, степень ее нужды, пространство, время и постоянство ее или переменяемость. Сей только один есть способ, учредив издержки, сохранить в них порядок и при последующих назначениях.

II. О образе назначения

69. Назначение издержек есть первая и самая существенная операция в финансах.

70. Никогда назначение не должно быть чинимо отрывками и в виде дел текущих, ибо, как выше примечено, всякая новая издержка есть учреждение нового на все государство налога.

71. Три рода могут быть назначения: 1) постоянное ежегодное, 2) временное прибавочное на издержки обыкновенные, но непредвидимые, и 3) чрезвычайное. Все они должны иметь свои правила, сроки и обряды.

72. Первая, и самая существенная, обязанность Министерства Финансов должна состоять в том, чтобы не только самому никогда не выступать из правил назначения, но и блюсти, чтобы во всех департаментах они были сохраняемы.

73. Для сего оно должно иметь пред глазами и каждый месяц поверять движение кредитов по всем департаментам. Без сего оно впадет или другими будет вовлечено в непредвидимые издержки, а потом в беспорядок и смешение. При поверке же ежемесячной оно всегда будет иметь возможность приостановить издержки излишние или полезные, когда оказывается недостаток в необходимых.

74. При всяком введении новой статьи расхода должно устанавливать класс ее по вышеприведенному разделению.

СПОСОБЫ ПРИЛОЖЕНИЯ

75. Для правильного учреждения наших расходов с 1810 г. на будущее время в начале сего года приступить к лучшему их разделению.

76. Для сего должно учредить при Министерстве Финансов особенный комитет, коего обязанностию будет, приняв за основание два или три прошедшие года и собрав самые подробные из всех департаментов об издержках их сведения, разделить их по правилам вышеприведенным на следующие разряды:

I разряд. Расходы государственные обыкновенные:

1) Необходимые.

2) Полезные.

3) Избыточные.

4) Лишние.

5) Постоянные.

6) Переменяющиеся.

II разряд. Расходы губернские.

Те же разделения.

III разряд. Расходы окружные.

Те же разделения.

IV разряд. Волостные.

Те же разделения.

Таким образом составитя четыре разряда издержек обыкновенных и столько же чрезвычайных. Сии восемь разрядов представят общую, так сказать, раму, в которую вместятся все подробные статьи издержек.

Разделение сие должно произвести по всем департаментам, не исключая и Финансов и причисляя к расходам сего Департамента все издержки, кои употреблены не только на управление, но и на обработку и удобрение разных источников доходов.

По каждому разряду при главных статьях должно показать кратко причины, по коим они отнесены к сему разряду, особливо в статьях сомнительных и спору подлежащих.

Сделав сие распределение, должно означить сумму каждой статьи на серебряный рубль, приводя к оному ассигнации по среднему курсу тех лет, кои взяты будут за основание.

Исчисление сие должно быть готово к маю или июню месяцу и внесено в Государственный Совет.

77. По рассмотрении его в Совете оно должно быть представлено на Высочайшее утверждение и потом обращено в закон для непременно-го образца всех будущих смет.

78. Установив таким образом главную образцовую смету, все последующие должно к ней прилагать и с нею приводить в соображение.

79. Для сего министры и начальники всех департаментов должны присылать в Министерство Финансов не позже 1 сентября все сметы их на будущий год.

80. Министерство Финансов, рассмотрев сметы сии в Финансовом Совете и расположив их по образцу общего закона, вносит в октябре месяце в Государственный Совет окончательную общую смету всех расходов будущего года с предварительным исчислением приходов. По Высочайшему утверждению сей сметы составляется из сего финансовый закон всех приходов и расходов будущего года.

81. Исчисление тех и других с 1811 года во всех счетах Казначейства ведется на серебро, а ассигнации приемлются в приход и обращаются в расход по среднему курсу минувшего года.

82. Назначение курса составляет существенную часть годового финансового закона до самого уравнения ассигнаций с серебром.

83. Учредив на сем основании порядок назначения как обыкновенных, так и чрезвычайных ежегодных расходов, остается определить образ, коим назначение сие в течение года должно быть охраняемо.

84. Все расходы постоянные, как-то: жалованье, пенсии, контракты и проч., по утверждении годичной сметы назначаются Казначейством по сношению с министерствами на все течение года по удобности. Сие составляет их росписание.

85. Но все расходы переменяющиеся производятся из Казначейства не иначе как по сообщениям министров, за их подписанием.

86. Никакое назначение не должно превышать кредита, министру в Казначействе открытого, и преступать его сроки.

87. Для сего каждый месяц все министры вносят в Министерский Комитет положение их кредитов и предварительную смету сумм, коих в течение месяца потребовать они могут.

88. Министерство Финансов дает по оным свои заключения.

89. Если бы Министерство Финансов усмотрело в какой-либо части важную передержку или суммы, остающиеся без употребления, то оно приостанавливает дальнейшую выдачу, и дело вносится в Совет на уважение.

90. Если бы по обстоятельствам какой-либо поставки требовалась какая-либо предварительная выдача в зачет, то и в сем случае дело вносится также в Совет.

91. В обоих случаях отпуск чинится не иначе как по особенному Высочайшему разрешению.

92. Но если бы, невзирая на все сии меры предупреждения, встретился какой-либо непредвидимый и необходимый новый расход, тогда представление об оном вносится в Совет и вместе с тем препровождается в Министерство Финансов, на его заключение.

93. Заключение Министерства Финансов два имеет предмета: 1) определить разряд, к коему, по главной смете, принадлежит новый расход; 2) показать, есть ли возможность удовлетворить его без нового налога.

Совет, рассмотрев представление и заключение министров, постановляет свое мнение и предает его Высочайшему усмотрению.

94. Министерство Финансов не может ввести, под собственной и личною его ответственностию, никакого в течение года нового расхода, который не будет учрежден и уполномочен на правилах, выше поставленных.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

О доходах*

НАЧАЛА ОБЩИЕ

95. Доходы государственные по источникам их разделяются на три главные рода:

I. Подати и налоги.

Сюда принадлежат из сборов, ныне существующих:

- 1) Сбор подушный.
- 2) Пошлинный.
- 3) За гербовую бумагу.
- 4) Сбор поземельный в городах и некоторых губерниях.
- 5) Сбор с купцов и мещан.
- 6) Вычет из жалованья.
- 7) Сбор с паспортов.
- 8) Земские повинности.
- 9) Сборы волостные на отдачу рекрут, на содержание волостных правлений и прочие внутренние издержки.
- 10) Сбор таможенный.

II. Доходы с казенных капиталов.

Сюда принадлежат:

1) Доходы с капиталов, кои казна употребляет на обработку производений, как-то:

- 1) Руд.
- 2) Солей.
- 3) Рыбных ловель.
- 4) Звероловства.

2) Доходы с капиталов, кои казна употребляет в промышленности и торговле, как-то:

- 1) Казенные фабрики.
- 2) Исключительная питейная продажа.
- 3) Почты.

3) Доходы с капиталов, кои казна употребляет на содержание разных общественных заведений, как-то:

- 1) Дорог.
- 2) Каналов.
- 3) Монеты.
- 4) Банков.

III. Доходы с казенной собственности.

- 1) Казенные земли.
- 2) Разные оброчные статьи.
- 3) Леса.

96. Разделив сим образом доходы государственные по источникам их, должно еще разделить их по пространству их употребления. В сем отношении разделяются они *на общие и частные, обыкновенные и чрезвычайные*.

97. *Общими* доходами называются те, кои устанавливаются для общих государственных издержек; таковы суть, например, подать подушная и проч.

98. *Частными* доходами называются те, кои присвоены особенным каким-либо ветвям расходов; так например: на содержание каналов учреждается сбор с судоходства; на разные издержки не всему государству но особенно каждой губернии, уезду или волости свойственные учреждаются доходы, той губернии особенно принадлежащие.

99. *Обыкновенными* доходами называются те, коих действие не прерывается случайными какими-либо происшествиями и коих употребление относится к нуждам постоянным. Такова суть большая часть доходов, ныне существующих.

100. *Чрезвычайными* доходами называются те, кои располагаются на некоторое время и на случай нужды. Сих доходов у нас нет примера, разве положить в числе их ассигнации, кои в самом деле составляют чрезвычайный налог.

101. Все вообще доходы бывают правильны: 1) когда они не осушают источников внутреннего богатства; 2) когда распределяются уравнительно; 3) когда не прикасаются к капиталам, для произведения нужным, но отделяются от чистых прибытков; 4) когда образ взимания их для правительства дешев, а для частных людей непротивителен.

СПОСОБЫ ПРИЛОЖЕНИЯ

102. Способы постоянного исправления настоящего состояния наших доходов не могут приведены быть в действие, как с 1811 года. Весь будущий год полагается употребить на подробное их соображение и приуготовление.

103. Способы сии разделяются на две главные части: 1) удобрение источников настоящих доходов и 2) введение новых.

1. Удобрение настоящих источников

Подати и налоги:

104. *Сбор пошлинный.* Пошлины ныне взимаются при совершении купчих и других крепостных, судных и правительственных актов, под разными именованиями, за приложение печати и прочее. Доход сей может быть весьма нарочито увеличен следующими средствами:

1) Введением системы залогов. Во всех государствах и даже у нас в Польше, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии на недвижимые имения существует известная оценка по инвентарям, вакенбухам* и закладным книгам; приложением правил, какие в других местах употребляются, нетрудно будет и у нас произвести таковую оценку. Каждый владелец имеет очевидную пользу объявить цену имения своего, близкую к истине, когда раз будет постановлено, что выше сей цены имение в залого частные и казенные не будет принимаемо. Из сего произойдут две весьма важные пользы: 1) что при продаже имения пошлин утаить будет невозможно; по крайней мере, всякая утайка может открыться, и, следовательно, пошлинный доход, ныне обыкновенно на ложных показаниях основанный, нарочито увеличится; 2) что в случае необходимости положить новый чрезвычайный налог на чистые доходы оценка сия представит готовое и самое лучшее основание; 3) наконец, в системе частных займов и частного кредита произойдет самое спасительное преобразование; исчезнет существующее ныне действительно странное и безобразное устройство вексельных займов без всякой надежды и без всех способов когда-либо получить уплату.

2) Второй способ увеличить пошлинный сбор есть лучшее учреждение нотариата. В настоящем положении множество есть актов не менее важных, как и крепости на недвижимые имения, кои никакого дохода не приносят; таковы суть: контракты и другие разные сделки, духовные завещания и проч. Отделив нотариат от гражданских палат и составив из

оного особенную часть полиции, сообразно тому, как сие существует во всех просвещенных государствах, статья сия может принести весьма знатные доходы.

105. *Гербовая бумага.* Гербовая бумага, на контракты, векселя, закладные и заемные письма употребляемая, ныне не имеет никакого правильного распределения. На том же листе в 30 к. пишется контракт в 100 000 рублей, как и на 50 рублей; то же должно применить о векселях и закладных. Здесь не должно, впрочем, искать великого возвышения в пошлине, но единственного правильного ее распределения; и тогда доход сам собою может знатно усилиться.

106. *Сбор с купцов и мещан.* Настоящее распределение сих сборов основано на правилах, весьма неудобных. Купец первой гильдии может торговать к порту на 50 тыс. рублей и на миллион, и оба платят одинакий налог. Мещанин в Рождествине и Петербурге платит подать равную. Чтоб распределить сбор сей с некоторою правильностию, должно, собрав вероятные сведения о торговых движениях каждой губернии, расположить оный по губерниям, предоставив купечеству самому чинить между собою раскладку. От сего сбор сей будет несравненно уравнительнее, хотя во всех случаях никак не должно искать в нем важного возвышения. Сбор с мещан должно расположить таким же образом, соображаясь с промышленностию и способами их в каждом городе. Введение сего распределения не может быть затруднительно, когда в первые годы расположится та же самая сумма, которая и ныне собирается, с некоторым только приумножением.

107. *Сбор с плакатных паспортов** есть собственно сбор с рабочих людей. По всей справедливости можно его вдвое увеличить, особливо дав способы получать паспорта заочные.

108. *Земские повинности* – предмет, в десять раз превышающий все казенные подати, – доселе не подлежали никакому исчислению и почти оставались в произволе земской полиции. Сим казна теряет, по крайней мере, пять частей того дохода, который с крестьян собирается. По правилам, принятым с 1804-го года, в Министерстве Внутренних Дел есть возможность привести сии сборы в известность и расположить по всем губерниям уравнительно.

Денежные земские повинности должны быть в Министерстве Финансов с тою же точностию распределяемы, как и казенные сборы. Сим снимется самая великая тягость с народа, пресечется способ всеобщего земского хищения, и казна в сих самых сборах найдет способы к содержанию многих заведений, кои теперь тяготят общие государственные расходы. Важный способ облегчения в сей статье может открыться: 1) устройством содержания почтовых лошадей на том же основании, как во всей Европе оне содержатся; 2) установлением земских воинских команд для провожания колодников, рекрутских партий, для поимки бег-

лых и тому подобных полицейских должностей, коими ныне поселяне безмерно тяготятся; 3) содержанием больших почтовых дорог из подорожного сбора, о коем ниже сего будет упомянуто. Нет сомнения, что с каждой ревизской души на сии три повинности сходит ныне, по крайней мере, вдвое против сбора подушного. Доход сей будет чистою прибылью или для народа, или для казны.

109. *Сбор таможенный.* Исправление и, с верностию можно сказать, удвоение сей статьи доходов зависит от лучшего распорядка тарифа и устройства таможен. Оба сии предмета имеют столько образцов и столько объяснены изысканиями лучших писателей, что здесь нет причины входить в подробные о них изъяснения.

110. *Руды.* Целию горных заведений доселе у нас было одно приобретение дорогих металлов для монеты, причем никогда не были с точностию исчисляемы капиталы, на приобретение сие употребляемые. По древнему предрассудку полагаемо было, что свое серебро и золото, чего бы оно ни стоило, все обойдется дешевле, нежели чужое; правило совершенно ложное и противное первым основаниям доброй экономии. Истинная цель горных заводов должна быть: 1) приобретение с них дохода яко с собственности казенной; 2) прибыль с капиталов, на них употребляемых. Посему в правильном исчислении их произведения должно вычесть: 1) наемные деньги, платимые не по истинной цене работы, но по принуждению; 2) доход, который казна получала бы с тех же самых работников, когда бы труд их обратился на другие предметы. Если по сему исчислению окажется, что рудники наши не приносят ни дохода, какой бы можно было получить с крестьян, к ним приписанных, ни процентов с капитала, на них полагаемого, тогда без всякого сомнения должно оставить их, не заботясь о приобретении 2-х или 3-х миллионов серебра, которое всегда на тот же труд и на те же капиталы дешевле можно купить на общем торжище Европы.

111. *Соль.* Истинный и самый лучший доход с соли есть пошлина, взимаемая при источниках или главных магазинах. Количество сей пошлины составляется: 1) из дохода, который казна должна получать с источников и соляных варниц яко с ее собственности, по примеру частных людей; 2) из процентов на те капиталы, кои казна на разработку их употребляет.

Посему, исчислив, чего стоит работа приписных крестьян и доход капиталов, должно взимать при источниках пошлину, сему соразмерную, а в губерниях – с приложением к тому цен провозных и вместе с тем разрешить соль на вольную продажу.

112. *Фабрики.* На тех же самых правилах должно быть основано содержание казенных фабрик. Все те, кои не приносят дохода в виде собственности и в виде капитала, на них употребляемого, должны быть оставлены. Из сего исключаются фабрики совершенно необходимые, как-

то: литейные заводы для пушек и снарядов и тому подобные, к воинским потребностям принадлежащие. Убыток сих фабрик должен быть помещаем в числе расходов государственных необходимых.

113. Питейная продажа. Трудно решить вопрос о сравнительных выгодах откупа, ныне существующего, и акциза, в других государствах употребляемого. Нет сомнения, однако же, что мало-помалу должно стараться акцизом заменить откуп, а между тем ввести немедленно и не позже как с 1811-го года акциз в тех губерниях, где вольная продажа питей существует. Сие одно составит весьма важную статью доходов.

114. Почты. В устройстве почт должно иметь две цели: 1) снять тяжесть, ныне народ обременяющую содержанием почтовых лошадей; 2) приобрести доход. Лучшим устройством почтового сбора и сокращением издержек управления, без сомнения, доход сей по крайней мере вдвое увеличится.

115. Банки и монета. Хотя ныне существующие банковые заведения и приносят довольно важный доход, но поелику они основаны сами на ложном правиле ассигнаций, то и доход их есть только мнимый. Учреждение банка на истинных началах, хотя и не может и не должно составлять важной статьи дохода, но оно принесет другие пользы несравненно высшего рода в способах общего кредита как внутреннего, так и внешнего. Доход с монеты должен быть самый умеренный, но так расположенный, чтобы каждый свое серебро мог с удобностию превратить в монету.

116. Доход с казенных земель. Земли казенные разделяются на населенные и ненаселенные. Доход с первых есть получаемый с крестьян оброк.

Оброк, ныне существующий, имеет два совершенно различные исчисления: правительство считает его по ревизским душам, а в деревнях располагается он по тяглам. Последнее из сих расположений, то есть то, которое на самом деле существует, есть одно правильно. Следовательно, первый способ исправлений в сей важной статье дохода есть сближение исчисления правительства с действительным его расположением. Оброк есть следствие и вид права помещичья. Следовательно, в казенных деревнях он должен быть располагаем точно на тех же правилах, как у добрых помещиков. Посему каждое казенное имение должно быть разделено на столько тягл, сколько по населению его и пространству земли ныне их существует, и каждое тягло должно быть обложено таким оброком, какой в том же уезде или губернии взимается с земель помещичьих при самом умеренном их управлении. Оброк, сим образом расположенный, без малейшего отягощения принесет вдвое против дохода, ныне собираемого.

117. Земли ненаселенные суть или оброчные, или безоброчные. Те и другие должны быть постепенно обращаемы в продажу: об-

рочные – для составления капитала погашения, выше изображенного, а безоброчные – для составления дохода и даже собственно для их удобрения.

118. Леса. По необъятному пространству наших лесов и по всеобщей их потребности на обстройку и отопление доход 700 тыс. рублей, из коего более половины употребляется на содержание самого лесного управления, есть самая очевидная укоризна нашим финансам. При первом, так сказать, прикосновении к сему делу можно увеличить впятеро сии доходы. Одно возвращение казенным селениям лесов может принести до 5 милн. рублей, ибо каждое селение скорее согласится платить за сие право по 1 рублю с души, нежели издерживать по 3 на злоупотребления форстмейстеров и земских исправников и, сверх того, терпеть ежедневное притеснение в самой необходимой потребности.

119. Из всех сих предположений видно, что одним удобрением ныне существующих источников доходы казенные в первые два года их устройства могут быть увеличены по крайней мере вдвое.

2. Введение новых доходов

120. *Первый источник* нового дохода есть *поземельная подать*. Подушный сбор, ныне существующий, не имеет никакого правильного основания. Лучшее сему доказательство есть то, что простой добрый смысл помещиков и казенных поселян и ныне нигде не допускает его на самом деле в том разуме, в каком понимает его правительство. Нигде ни в каком селении раскладка подушных не чинится по количеству душ ревизских, из коих многие уже не существуют, а другие пришли на их место. Везде, напротив, раскладка его чинится по количеству тягл; и сбор сей нечто другое есть в своем основании, как прибавка к оброку. Следовательно, подушный сей сбор и ныне существует только на бумаге и в счетах правительства, на самом же деле он есть сбор поземельный, но учрежденный на правилах весьма недостаточных и неверных.

121. Отменив сию подать, на место ее ввести сбор поземельный на следующих основаниях:

1. Сравнив относительное количество земли и населения одной губернии с другою, распределить всю сумму настоящего подушного сбора на губернии по взаимному сложному их содержанию. Сим установится поземельная подать с каждой губернии.

2. Потом в каждой губернии посредством депутатов в губернском городе произведется раскладка ее по уездам, в уездах по волостям, в волостях по селениям.

3. Земли усадебные не должны быть исключаемы из сего сбора, а посему и города будут в нем участвовать.

4. В поземельном сборе не допускать никакого различия по ведомствам крестьян; при равных выгодах все должны быть ему подвержены.

5. Вместе с установлением сего сбора учредить порядок, коим должны быть исправляемы могущие быть в нем неправильности или недостатки.

122. Когда поземельный сбор на сих правилах учредится, то в первый год хотя и не принесет он важного в подушном сборе приумножения, но впоследствии соделается основанием раскладки самой верной и одним из главных источников государственных доходов.

123. *Второй источник* нового дохода есть хозяйственное устройство казенных селений. Разделив в каждой губернии селения сии на хозяйства, можно приложить к ним большую часть тех правил, какие употребляются добрыми помещиками в их деревнях. Отсюда произойдут разные статьи экономических доходов, судя по различию местных выгод. В одних селениях заведутся казенные запашки, в других винокуренные заводы, в иных фабрики и тому подобные учреждения. Для устройства их нужно будет составить общее положение о управлении казенных селений, пользуясь всеми теми опытами, какие в сем могут представить благоустроенные селения: удельные и помещичьи.

124. Доход с казенных селений в Польше и в Остзейских губерниях требует особенного устройства.

Известно, с каким небрежением произведена была в первый раз опись польских казенных имений. В 1804 г. положено вновь их описать и переобработать. Из разных сведений открывается, что важные части сих имений казне совсем неизвестны. Таковы суть имения духовные, принадлежащие монастырям и разным заведениям и расточаемые частными управлениями без всякого надзора и с совершенным крестьян разорением. Все сии имения должны быть соединены в одну массу, разделены на хозяйства и устроены подобно лучшим помещичьим; а монастырям и учебным заведениям должен быть определен из казны достаточный доход на серебро.

125. Казенные имения в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии лучше описаны, но доход их казенный крайне унижен небрежением.

126. Вообще известно, что правительство, отдавая или жалуя имения в аренду, в самом деле не знает, что именно дает. Способ самый удобный – открыть истинный доход – есть предъявление существующих на них контрактов. По всей справедливости казна может назначить по сим контрактам держателям надлежащий и безобидный доход, а управление их принять в свое ведомство и от себя отдавать их по вольным ценам в содержание.

127. *Третий источник суть внутренние пошлины, или акцизы.* Внутренние пошлины у нас почти не существуют, и состояние нашей промышленности не позволяет еще нам присвоить все те образцы, кои в сем роде другие государства представляют; но следующие пошлины можно установить с очевидною удобностию и пользою:

- 1) Пошлина на домашних слуг, какие бы они ни были, крепостные или вольные, в городах или в селениях.
- 2) Пошлина на лошадей в городах.
- 3) Пошлина подорожная на содержание дорог.
- 4) Пошлина с судоходства по рекам и каналам.
- 5) Пошлина с окон, расположенная постепенно на количество их, превышающее известное число.

128. *Четвертый важный источник* нового дохода, или, лучше сказать, способ предохранить доходы от случайного их падения, есть перемена в исчислении доходов и расходов. Одна только привычка многолетняя утвердила счет на ассигнации. Сим приведены финансы наши в крайнюю неизвестность, так что правительство никогда не может с верностью исчислить, что оно получит в течение года и что употребить ему на издержки его следует.

В отвращение сего крайнего неудобства с 1811 г. ввести общий счет на серебряный рубль и приводить к оному все расчеты как в податях, так и в издержках, устанавливая в начале каждого года средний курс ассигнаций до самого того времени, как оне сравняются с серебром или совершенно погаснут. Само собою, впрочем, разумеется, что в исчислении податей не должно возвышать вдруг именовательную цену ассигнаций до настоящего количества серебряного рубля, но допускать постепенное уменьшение. Пользы сей перемены ощутительны: 1) Одно серебро представить может постоянную единицу и способ к верному исчислению приходов и расходов. Без постоянной сей единицы не может быть никакой правильной ежегодной сметы приходов и расходов, а без сметы сей не может устоять никакая система финансов; где нельзя определить расходов, там нельзя назначить и приходов. Противно было бы здравому смыслу, если бы какой-нибудь банкир вздумал принимать деньги по именовательной их цене, а отпускать по разнообразному и переменчивому курсу; чрез месяц он не мог бы свести приходов с расходами. 2) Введя счет на серебряный рубль, тотчас можно запретить и в Лифляндии, и в Польше всякий другой счет, и сие есть единый способ присоединить финансовую систему сих провинций к системе российской и изгладить наконец ущерб и укоризну, столь давно финансы наши тяготящую.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ¹

Теория монетной и кредитной системы*

І. О свойстве монеты

Начало и основание монеты есть мена.

Каждая вещь, служащая средством мены другим вещам, может назваться в отношении к ним монетою.

В сем бесчисленном множестве монет, без сомнения, совершеннейшая суть те, коих обращение достовернее, удобнее и обширнее.

Достоверность монеты определяется: 1) внутренним ее независимым достоинством, 2) печатью правительства.

Удобность монеты определяется удобностию и дешевизною ее перемещения, так, чтобы в обороте своем она сколь можно менее была зависима от места и времени.

Обширность монеты определяется тем кругом, в коем она, обращаясь удобно и с достоверностию, *объемлет* и *сохраняет* все капиталы без изъятия.

В сем состоят три главные свойства монеты.

Приложением сих свойств, начиная от простой земледельческой мены и проходя чрез все способы, коими мена сия была изображаема, можно назначить разные степени совершенства всем монетам, доселе употребляемым.

Серебро и золото, соединяя свойства сии в высшей степени, долгое время признаваемы были монетою совершеннейшею.

Но с расширением торговли найдены и в них следующие недостатки:

1) Выгодам торговли предосудительно для одного оборота употреблять такой капитал, который, сам по себе в виде товара мог бы составить предмет обширной торговли.

2) Тяжесть серебра и золота и самое их достоинство делают перемещение их не всегда и не везде удобным и безопасным и, следовательно, ставит их в зависимость от места и времени.

3) Серебряная монета *объемлет* и представляет все капиталы наличные, но не представляет капиталов ожидаемых, сколько бы, впрочем, они ни были достоверны².

¹ Так в оригинале. – Т.М.

² Купец А может превратить наличный товар в серебро и купить другой товар у купца В. Но доход, коего он ожидает от земли, он может только заложить и, следовательно, дать кредитную бумагу.

Неудобства сии, в обширной торговле весьма ощутительные, были основанием *кредитных бумаг*.

Кредитные бумаги суть способ мены, коему искусственными соображениями даны все свойства монеты металлической. Оне суть монета для металлов, так как металлы суть монета для товаров.

Некоторые из сих свойств принадлежат им в той же мере, как и самой монете, другие же – и с великим превосходством.

Свойство первое: достоверность. На место внутреннего достоинства дано кредитным бумагам достоинство, относительное к тому металлу, на коем оне основаны, и достоинство сие удостоверено законом и печатью правительства.

В государствах, где закон, поддерживаемый общим мнением, действует с силою и единообразием, кредитная монета, основанная на твердых банковых учреждениях, в наличной монете состоящих, имеет равную им достоверность.

Свойство второе: удобность оборота. Кредитная монета имеет свойство сие в степени, несравненно превышающей все монеты металлические.

Свойство третье: обширность. Пространство обращения равно в обеих монетах, но кредитная монета имеет еще то свойство, что она объемлет капиталы не только наличные, но и ожидаемые.

Посему истинные кредитные бумаги суть не что другое, как та же самая монета металлическая, которую оне представляют, но усовершенная в степени и пространстве ее обращения.

Из сего происходит следующее весьма важное правило:

1) При равном достоинстве, утвержденном на законе и твердых банковых установлениях, монета, самая совершеннейшая по удобности и пространству оборота, есть монета кредитная.

2) При равном круге и быстроте обращения та монета выгоднее для государства, которая менее требует обращения металлов.

Правило сие очевидно: металлы остаются тогда товаром и составляют сами по себе важную ветвь торговли.

3) Собрание металлов в банк и замена их кредитными билетами, совершенно их представляющими, не извлекают их из обращения, но, напротив, ускоряют его и сообщают им большую степень монетного совершенства.

Правило сие также из предыдущих очевидно. Монета, обращенная в кредитные бумаги, при равной достоверности приобретает больше независимости от времени и места и объемлет более пространства.

4) Во всяком государстве, а особливо в государстве, где более капиталов в товарах, нежели капиталов монетных, истинное государственное хозяйство требует ускорять движение капиталов монетных, дабы с самым меньшим их количеством производимы были самые быстрые и об-

ширные обороты; то есть истинная экономия требует представлять монету металлическую кредитными бумагами.

II. О разных родах кредитных бумаг

Установив истинное понятие кредитных бумаг и отношение их к монете металлической, должно различить и определить разные их роды.

Сколько есть капиталов, к мене и купле способных, столько есть кредитных бумаг.

Все, что может быть трудом обращено в мену и куплю, есть капитал.

Посему, начиная от закладных писем, на землю даваемых, на всех родах имуществ можно основать кредитные бумаги.

Можно вообще разделить бумаги кредитные на четыре класса.

В первом – поставляются бумаги кредитные, на серебре основанные.

Во втором – бумаги на меди.

В третьем – бумаги, основанные на товарах и недвижимых имуществах: векселя, закладные и бумаги заемные.

В четвертом, наконец, можно поместить те бумаги, кои основаны на предположениях капиталов, а не на самых капиталах.

Общее правило для всех родов:

Свойства всех кредитных бумаг всегда бывают соразмерны тому капиталу, на коем они основаны.

Как из четырех классов кредитных бумаг три первые основаны на действительном капитале и, следовательно, имеют свое определительное достоинство, а последний, быв основан на предположениях, кои могут иметь более или менее вероятности, но не имеют достоверности, то и видно из сего, что последний класс бумаг по существу своему различен от трех первых.

III. О соразмерности кредитных бумаг трех первых классов и о взаимном их влиянии

Круг обращения каждого класса кредитных бумаг определяется кругом того капитала, на коем оне основаны.

Каждый раз, когда кредитная бумага из своего класса переходит в другой, устанавливается между ними ажио*, ибо капиталы разных классов не могут иметь точного и неперемняемого отношения.

Все кредитные бумаги могут быть тверды и постоянны, когда оне основаны, каждая в своем классе, на наличном капитале и движутся в своем круге, не переходя в высший.

Кредитные бумаги, обращающиеся в своем классе и основанные на действительных капиталах, имея все благотворные действия усовершен-

ной металлической монеты, которую она представляют, никогда не возвышают сами собою цены вещей.

Первый род кредитных бумаг составляют те, кои основаны на серебре. Бумаги сии суть совершеннейшие: ибо 1) круг их обращения несравненно обширнее; 2) достоинство их в отношении ко всем другим неподвижнее¹.

По сему первое место в попечениях правительства должно занимать введение кредитных бумаг, на серебре основанных.

Кредитные бумаги, на серебре основанные, в количестве своем должны быть ограничиваемы количеством серебряной монеты.

Второй род кредитных бумаг суть бумаги, на меди основанные. Круг их обращения и степень достоверности несравненно ограниченнее и непостояннее².

Поелику бумаги сии не имеют постоянной достоверности, то ищут оне ее и заимствуют от бумаг высшего класса. Отчего и устанавливается непрерывное между ними ажио.

Если при равном количестве монеты серебряной увеличится выпуск монеты медной, то цена ее в виде монеты унизится, а в виде товара возвысится, отчего и последует: 1) перелив, 2) неумеренное ажио, 3) смешение в расчетах.

Как медная монета в больших торговых оборотах неудобна, а бумаги ее не имеют ни постоянной достоверности, ни большого круга, то истинное употребление сей монеты как в металле, так и в кредитных ее бумагах должно быть ограничено одним мелким разменом.

Постановив сию монету в надлежащую с серебром соразмерность, получатся следующие выгоды: 1) В мелких расчетах она будет заменять монету серебряную и, следовательно, сделает движение ее в больших оборотах свободнее и обширнее. 2) Серебро появится и в виде товара, и в виде монеты, и в виде кредитных бумаг на общем торжище, ибо нигде не будет оно преследуемо променом медной монеты с великим ажио. 3) Цены на медь в товарах подешевеют, и из продажи ее и употребления составится важная ветвь торговли.

Пропорцию медной монеты к серебряной нельзя иначе определить, как по опыту, но опыт сей нетрудно приобрести по следующему общему правилу: *когда в частных разменах медной монеты на серебряную ажио*

¹ Неподвижность сего достоинства основана на том, что во всем торгующем мире ежегодное приращение серебра ограничено известным и постоянным количеством труда, для добывания его потребного, и не может перемениться, разве открытием новых богатейших рудников.

² Непостоянство медной монеты происходит от большего или меньшего употребления меди в виде товара; и как обработка ее не имеет определительной меры, то и цены ее в монете изменяются.

не превышает процентов, при ссуде меди употребляемых, то обе монеты стоят в надлежащей соразмерности.

По сему правилу, если проценты будут выше, то выпуск меди должно уменьшить, а в противном случае должно его увеличить.

Третий род кредитных бумаг, основанный на товарах и недвижимых имуществах, составляет существо векселей, закладных записей и тому подобных займов.

Для сокращения здесь они вообще назовутся облигациями*.

Достоверность облигаций зависит от верности залога.

Посредством передаточных надписей и купонов можно дать облигациям нарочитую степень движения.

Облигации могут быть или срочные, или бессрочные.

В обоих случаях приемлются в них два главные правила за основание:

1) Поелику доход залога во все время займа оставляется во владении должника, то и делается условие о разделе сего дохода или устанавливаются проценты.

2) Если заем срочный, то постановляется условие о эпохах, количествах и качестве платежей.

К сему роду облигаций можно отнести и разные кредитные системы, на недвижимых имуществах основанные, где несколько владельцев, сложив в одну массу свои имущества, занимают под залог их серебро и потом серебро сие обращают в ссуду по оценке имения, выдавая вместо оною свои кредитные бумаги за известные проценты. Выгода их состоит в том, что на большую массу имущества можно занять большой капитал дешевле и удобнее, нежели занимая его раздробительно для каждого.

Сверх процентов для уплаты облигаций устанавливается капитал погашения.

Облигации имеют также отношения к кредитным бумагам первого и второго класса, и от промена их рождается ажио.

Если при равном количестве серебра в монете облигации умножатся, то ажио усилится и облигации упадут, и напротив.

Точная соразмерность их бывает тогда, как при превращении их на кредитные бумаги, ажио не превышает обыкновенных их процентов.

На сих положениях основана теория государственных займов. Мало есть понятий, кои бы столько делали чести разуму человеческому.

Сильный капиталист предприимлет обратить в металлическую или кредитную монету разные недвижимые свои капиталы с тем, чтобы сохранить себе и часть дохода сих недвижимых имений в их натуре и воспользоваться сверх того доходом, свойственным капиталу в монете. Предприятие с первого взгляда странное и, однако же, простое.

В самом деле, в большом недвижимом имении должно различать две части: одну – которая производит ежегодный доход самый высший;

другую – которая или не производит его совсем, или не в полной мере. Тем не менее, однако же, сия последняя часть может производить доход и, следовательно, имеет свою цену. Следовательно, она может служить залогом.

Что должен делать капиталист, чтоб извлечь всю возможную пользу из сей части своего имения? 1) Он должен положить некоторый капитал на ее удобрение, и тогда она будет приносить доход; 2) он может ее продать; 3) может отдать внаймы для удобрения; 4) может обратить в залог.

Первый способ для него невозможен потому, что нет у него капитала в остатке. Два последующие способа также могут быть невозможны: продать бесплодную часть имения может быть нельзя по разным причинам; отдать ее внаймы невозможно, но связи ее с частию плодоною, которая бы от сего потерпела.

Остался последний способ: он должен ее заложить. Положим, что он закладывает ее в 1000 рублей на 50 лет и платит по 5 процентов. Прилагая к сему капитал погашения $\frac{1}{2}\%$, он должен употреблять для уплаты сего долга в течение 50 лет ежегодный капитал 55 рублей. В замену того он имеет в своем распоряжении в течение того же времени капитал 1000 рублей, который в конце уплаты чистым в руках его уже остается.

Между тем в течение долговых лет три рода употребления может он сделать: 1) отдавать его от себя в проценты; 2) обратить его на удобрение бесплодной части его имения и тем приобрести из него ежегодный доход; 3) употребить его на временные чрезвычайные издержки.

Нужно рассмотреть сии различные употребления и определить их последствия.

Польза *первого* употребления зависит от образа помещения капитала. Если он будет употреблен на разные верные учеты, всегда возможные и удобные в большом торговом государстве, – особливо когда место капиталиста занимает само правительство, которое всегда с большею надежностью может предвидеть ход собственных своих бумаг, нежели частные люди, – то нет сомнения, что капитал принесет нарочитую прибыль. Но если он принесет и не более шести процентов, то заемщик приобретает видимую пользу в $\frac{1}{2}\%$ и в приумножении оного интересами ежегодно, так что в 50 лет сии $\frac{1}{2}\%$ составят уже сами капитал 250 рублей. Следовательно, заемщик по истечении срока под залог бесплодной земли выиграет чистой прибыли 1000+250 рублей.

Польза *второго* употребления зависит от образа удобрения, на недвижимое имение полагаемого. В государстве, коего промышленность возрастает, общее есть правило, что доходы с недвижимых имений удобряемых умножаются ежегодно. И потому, употребив 1000 рублей на сие удобрение, ежели в первый год и не принесут они своих процентов,

но с достоверностью можно ручаться, что впоследствии вознаградятся с избытком, особенно ежели избытки сии ежегодно паки употребляемы будут на удобрение; так что в конце срока капиталист вместо бесплодной земли будет иметь капитал 1000 рублей и землю удобренную, т.е. приносящую верный доход.

Польза *третьего* употребления состоит в следующем.

В то время, как представились капиталисту чрезвычайные необходимые издержки, к удовлетворению их мог он употребить следующие средства: 1) продать часть своего имения; 2) усилить доходы, с него собираемые; 3) отдать в залог.

Первое средство неудобно. Оно временной нужде жертвует всегдашним доходом, коего капитал, по существу своему, в течение времени возрастает.

Второе средство до некоторой только степени возможно. Если доходы будут единовременно и свыше меры усилены, то они сделают прикосновение к самому достоинству имения и исчерпают его капитал.

Следовательно, остается третье средство – заем под залог. Оно есть самое легчайшее; ибо чем жертвует капиталист, употребляя сие средство? Ему нужны 1000 рублей. Чтоб иметь их, не продавая своего имущества, не расстраивая своего состояния, ему надобно только прибавить к ежегодному его доходу на 50 лет $5\frac{1}{2}$ процентов, то есть 55 рублей. Если сию маловажную сумму разложит он прибавкою на обыкновенные его доходы, он, конечно, не расстроит их, а между тем сею прибавкою получит он средство удовлетворить чрезвычайным своим издержкам.

Следовательно, из всех возможных способов наполнить чрезвычайные издержки заем с постоянною уплатою есть самый удобнейший.

Прилагая сии понятия к государству, следующие произойдут последствия.

Всякий труд, приносящий чистый ежегодный доход, может быть предметом налога. Но не всегда налог может его постигнуть. Нельзя на всякий труд, ежедневно в своих прибылях возрастающий, ежедневно же и полагать прямые налоги. Таким образом, в государственном имуществе всегда могут быть ветви, для доходов его бесплодные, хотя и имеют оне внутреннюю их цену. Оне суть та бесплодная часть земли, с которой капиталист не получает никакой прибыли. Сверх сего, в большом государстве, где капиталы еще неизбыточны, есть сокровища, к коим труд не прикоснулся и кои, имея внутреннюю цену, никому дохода не приносят.

Единый способ, с одной стороны, постигнуть ежедневно возрастающие доходы соразмерными им налогами, с другой – из бесплодных источников извлечь некоторый доход, есть заем.

Производя заем, правительство: 1) делает пользу заемщику, приемля на себя обращение его капитала, коего он сам употребить с тою же верностью не был бы в состоянии. Взамен того правительство, платя ему

известные проценты, остальное обращает в свою пользу. 2) Оно уравнивает налог, постигая займом такие ветви доходов, кои в нем не участвовали по их соразмерности¹. 3) В большом стечении частных капиталов оно служит им верным истоком и, следовательно, предупреждает пресыщение, то есть предупреждает непомерную дороговизну изделий, которая неминуемо последует, когда металлические капиталы, скопясь, превысят количество ежедневных труда произведений. 4) Займом правительство ставит себя в возможность неперестанно удобрять источники своих доходов и возвышать их количество. 5) Займом правительство приобретает возможность уменьшать непомерный рост частных людей, открывая свои учеты везде, где таковой рост возникнет. 6) Займом и основанным на нем учетом ограждает оно внешний наем капиталов, коего частные капиталисты, без сообщения и связи, ни отразить, ни постигнуть не в состоянии. 7) Наконец, займом правительство без потрясения частных имуществ на время войны приобретает способы весьма простые в своем начале и почти невероятные в последствиях.

Отсюда происходят сии два общие правила:

1. Правительство должно содержать всегда открытый умеренный заем и употреблять его: 1) на учеты, 2) на удобрение своих источников.

2. В случаях чрезвычайных нет лучшего средства сделать большое единовременное усилие как займом.

На сей же самой теории основаны и все векселя, и закладные бумаги, от частных людей выдаваемые.

Две существенные пользы они приносят: 1) самим частным людям, их выдающим; 2) государству, в коем бумаги сии обращаются.

Польза частных людей состоит в том, что посредством сих бумаг капитал ожидаемый превращается в капитал настоящий, и, следовательно

¹ Заводчик А, занимая капитал у купца В, платил ему по 5% и выигрывал чистого дохода 10%. Казне налога платил 5% – следовательно оставалось у него чистого дохода 5%. Доход сей впоследствии казенными же или и партикулярными потребностями увеличился, и вместо 10% он получает уже 15%; однако же купцу В, коего капиталы ничем не переменились и не имеют другого, лучшего помещения, так, как и правительству, которое не может ежегодно входить в расчеты частных прибытков и переменять свои налоги, он продолжает платить по 5%. Следовательно в чистой прибыли остается у него 10%. Каким образом правительству постигнуть и привести в общую соразмерность сей возвысившийся доход? Оно предполагает купцу В открыть заем и принимает его за те же 5%, а между тем само выручает на том же капитале 6%. Заводчик А обращается к другим капиталистам, но они все в том же положении. Следовательно, он должен обратиться или к правительству и пожертвовать ему одним процентом, то есть от 10% своих уделить один в его пользу и тем усилить свой налог; или же он должен обратиться к частному капиталисту и заплатить ему 6%. В обоих случаях займом своим правительство произвело то же действие, т.е. нечувствительно привело налог фабриканна в большую соразмерность и вместо 5% наложило на него 6%.

но, представляются способы к таким предприятиям, кои не могли бы иметь места без сего превращения.

Польза государства состоит в том, что частные векселя не только умножают предприимчивость и, следовательно, открывают новые источники богатств и государственных доходов, но и служат весьма важным дополнением государственной монетной системы, заменяя собою в разных куплях и продажах общественную металлическую монету и ее кредиты.

Таким образом, в государстве, где частный кредит основан на твердых началах и огражден законом, он служит весьма важною подпорою кредиту общему.

Из сего следует, что в доброй государственной экономии не менее должно пеших об устройстве частных кредиторов, как и о государственной монете и ее кредите, ибо, еще раз повторить можно, частный кредит есть ветвь общественного.

IV. О соразмерности и влиянии кредитных бумаг последнего рода, или ассигнаций*

Ассигнации суть бумаги, основанные на предположениях. Не имея никакой собственной достоверности, оне суть не что другое, как сокрытые долги.

Не имея собственной достоверности, оне ищут и заимствуют ее в бумагах высших классов: без сего не могли бы оне иметь обращения.

По мере сего займа достоверность высших классов бумаг уменьшается, ибо оне не представляют уже с точностию своего наличного капитала.

Посему выпуск ассигнаций есть совершенный неопределяемый налог, потаенно налагаемый.

В государственных оборотах, чем более будет сей выпуск, тем налог на капиталы будет тягостнее¹.

¹ Неизлишне будет показать постепенную раскладку сего налога и влияние его на все цены. Положим, что крестьянин А. имеет два капитала: 100 р. ассигнациями и 10 четвертей хлеба. В 1803 г. 100 р. стоили 75 р. серебром, а 10 четвертей хлеба приносили ему 50 р. серебром же. Таким образом, капитал состоял из 125 р. серебром. На разные его городские торговые издержки ему потребно было 25 р. сереб., оставалось 100 р. В 1804 г. сделан новый выпуск ассигнаций, оне потеряли от сего 10 процентов, и 100 р. прежних стоят уже на серебро вместо 75 только 65. Таким образом, капитал крестьянина потерял в деньгах 10%. Он должен искать вознаграждения в продаже хлеба. По счастью были большие закупы. К прежней цене хлеба он прибавил 10% и вместо 50 взял 60 р. Сумма его та же, что и в году предыдущем, т.е. 125 р. Но когда он приступил к покупке вещей на свои издержки, то точно те же уважения заставили купца приложить на все его

Поелику налог сей не имеет никакой определительной меры, то и приводит он все расчеты в неизвестность и смешение. По сокрытому его действию нельзя никак определить, сколько уменьшит он на каждый год капиталы, и, следовательно, нет способа с достоверностью заключать никаких обязательств ни с казною, ни между частными людьми.

Объемля капиталы без разбору и приражаясь не только к чистым доходам, но и к самому их произведению, он существенно вредит промышленности и более еще тяготит бедных, нежели богатых.

Ассигнации суть не только налог, но и налог весьма неуравнительный. Доказательство сему есть следующее:

Правительство, платя за потребности, ему нужные, ассигнациями, платит в самом деле такими векселями, кои не могут быть по именованию их уплачены. Следовательно, платит дороже, то есть к цене вещей прилагает и вознаграждение той потери, какая может быть при промене сих ассигнаций. Получивший сии векселя купец или земледелец делает из них двоякое употребление: 1) вносит подать в казну; 2) уплачивает свои предыдущие долги и договоры. В обоих сих случаях он платит не так, как получил их сам из казны с вознаграждением будущей потери, но по именованной цене ассигнаций. Следовательно, вознаграждение остается в его пользу, а потеря обращается: 1) на казну, ибо она получила тот же самый вексель без учета, который сама выдала с учетом; 2) потеря обращается на всех тех, коим казна платит жалованье, пенсии и доходы, ибо они платятся им без вознаграждения и по именованной цене такими векселями, коих они не могут превратить в нужные им потребности без учета; 3) потеря падает также и на договоры и долги частных людей, ибо условия, составленные по именованной цене с известным каким-либо учетом, платятся по той же цене с учетом превышающим, и, следовательно, труд или произведения платятся ниже, нежели во что при составлении условия они были оценены.

Из сего следует:

1) Что ассигнации составляют исключительный налог на следующие капиталы: 1) на всех людей, государству служащих и получающих жалованье, пенсии и доходы, то есть большею частью на класс людей

товары 10%, и, следовательно, вместо 25 р. крестьянин должен уже был издержать 35. В остатке у него не 100, но 90, то есть 65 р. серебром; он потерял те самые проценты, какие вообще потеряли бумаги, или, иначе сказать, правительство на капитал его наложило налог. В следующем году сделан новый выпуск ассигнаций, и деньги его еще потеряли 10%; следовательно, он имеет уже 55 р. Он приложил сии 20% на хлеб, чтоб выиграть и настоящий убыток, и потерю прошедшего года, и вместо 60 р. хлеб продал он за 80 р. серебром; сумма его 135 р. серебром. Но купец сделал на товары такую же накладку и вместо 35 требует от него 55, в остатке у крестьянина 80 р. серебром. Таким образом, капитал его вновь несет налог 10%.

недостаточных; 2) на всех тех, кои, не управляя сами имуществами, отдают их в содержание по контрактам; 3) на разных поставщиков и подрядчиков по контрактам.

2) Что с ежегодным преумножением ассигнаций все части земледелия и промышленности, основанные на контрактах, теряют достоверность; и как контракты сии составляют род монеты, или по крайней мере ее заменяют, то потребность монеты умножается и наем капиталов делается дороже. Контракты превращаются в комиссии. Капиталисты не хотят отваживать своих капиталов, а потому предприимчивость труда ослабевает и некоторые ветви ее совсем остаются без удобрения.

3) Налог сей не прикасается непосредственно к следующим классам: 1) к тем земледельцам, кои обрабатывают свою собственную землю или казенную; 2) к тем помещичьим крестьянам, коих подати не переменяются ежегодно; 3) к тем помещикам, кои не обязаны контрактами в поставке вина, хлеба и тому подобного; 4) ко всем откупщикам винным; 5) к тем купцам, кои торгуют променом монеты. Сии пять классов терпят от ассигнаций потерю единственно по возвышению цен. Следовательно, те из них, кои более своих произведений продают, нежели покупают чужих, могут еще быть в некотором прибытке.

Если налог сей продолжится долгое время без поправления, то он неминуемо расстроит все части государственного устройства, ибо с продолжением его никто не может знать, что он имеет сегодня и что будет иметь завтра.

По таковым зловредным свойствам ассигнаций невозможно определить им никакой соразмерности к прочим, ибо они никакой действительно не имеют; можно только определить степень вреда их по количеству их выпуска.

Степень вреда их обнаруживается следующими признаками:

1) Безмерностью ажио, коего нельзя изъяснить обыкновенным движением и наймом чужестранных капиталов.

2) Когда частные люди пустятся в непомерные закупки движимых и недвижимых имений без видимой пользы.

3) Когда цены земель и прочих недвижимых имуществ возвысятся не по соразмерности их доходов; покупателей будет много, а продавцов мало.

4) Когда в частные и государственные банки будут вносить великие суммы ассигнациями, ибо сие означает, что оне остаются без оборота.

5) Когда подряды, на год или более расположенные, для подрядчиков будут разорительны, а для казны неверны.

6) Когда все цены непомерно возвысятся.

7) Когда в общем мнении родится беспокойство, а роскошь увеличится потому, что никто не дорожит дешевыми деньгами.

VI. О кредитных бумагах наемных, или о курсе¹

Кредитные бумаги, о коих доселе было рассуждаемо, суть бумаги внутренние; но есть кредитные бумаги внешние, кои по связи своей с первыми заслуживают особенное внимание.

На торжище Европы при непрерывном и быстром движении предметов купля и продажа должны по необходимости обращать разные монеты, ибо всякая мена предполагает свое посредство².

Поелику золото и серебро приняты всеобщим мерилом цен, то и казалось бы, по первому воззрению, что один вес монеты и внутреннее ее достоинство должны были определять и цену.

Но есть разные обстоятельства, кои не допускают сего определения. Сии обстоятельства могут быть следующие.

Две нации, торгующие между собою, могут найтись в таком положении, что у одной металлических и кредитных капиталов много, а у другой мало. Первая приобрела их долговременную, пространную и непрерывную торговлю, коей все уплаты приведены к одной точке и, следовательно, удовлетворяются небольшим количеством металлической монеты. Вторая – и во времени, и в пространстве, и в движениях ее торговли быв ограниченнее – не успела еще наполнить капиталами всех протоков внутренних ее произведений и, следовательно, малое их количество может отделить на внешнюю промышленность.

В сем положении двух наций при закупке товаров должен, естественно, встретиться недостаток с одной стороны и избыток с другой. Между тем нужда или польза продажи с обеих сторон полагается одинакова.

Что должна делать нация, в капиталах слабейшая? – Она должна по необходимости заимствовать металлическую и кредитную монету у сильнейшей и платить ей за сей наем некоторый прибыток.

Сей наем иностранных кредитных капиталов есть то, что вообще называется курсом³.

¹ Глава эта означена цифрою VI согласно подлиннику.

² При всякой купле и продаже к истинной цене товаров прилагается цена тех металлов, кои служат им средством перехода из одних рук в другие. Деньги сопровождают товар и встречают его во всех положениях. Посему к точному определению цен товаров не довольно знать внутреннее их достоинство, должно еще приложить цену или внутреннее достоинство того металла, коим они перемещаются.

³ Что такое есть курс С.-Петербурга на Гамбург 27 штиверов? Он означает, что товар или облигация, купленная в С.-Петербурге, куплена была на гамбургские деньги.

Если бы в С.-Петербурге в минуту покупки было столько же капиталов и кредитов своих, тогда российский рубль принимал бы был в истинной его цене

Таким образом, на общем торжище должно представить себе два непрестанно льющиеся в противные стороны протока. Одним вливаются и изливаются товары; другим так же втекают и истекают деньги. Иностранные товары, например, в Россию входящие, встречаются равною им суммою денег или кредитов; выходящие из России встречаются также иностранными деньгами. Из сего устанавливаются два противодействия, два, так сказать, взаимные приращения: одно между товарами, другое между деньгами. Если внутренние российские деньги или кредиты не встретят иностранных товаров на пути их или на бирже, то товары сии тут останутся. Чтоб могли они продолжать свое движение, два только есть к сему средства:

- 1) Заменить их товарами российскими.
- 2) Поднять их наемными капиталами.

Если торговля свободна и товары российские в изобилии, то первый способ имеет место, и, следовательно, наем бывает мало важен, то есть курс для России выгоден. Если торговля стеснена или привоз товаров равен только их отпуску, а не превосходит его, тогда товары, быв разменены, не могут далее двигаться, и к движению их должно нанимать капиталы; то есть, курс для России бывает уже невыгоден: из каждого рубля должно тогда высчитать, чего стоит наем его. Сверх сего, место встречи денежных капиталов с товарами определяет количество и цену их найма. Если российские капиталы, быв все упражнены внутренними оборотами, не могут столько иметь протяжения, чтобы достигнуть, по крайней мере, до биржи, то движение иностранных товаров по необходимости должно производиться наймом, или, как называют, с рассрочками платежей. Если, напротив, иностранные капиталы имеют столько протяжения, что встречаются российские товары почти на самом их корне, то очевидно, что большая часть движения производится наемными деньгами и, следовательно, с убытком для российских купцов и с прибылью для иностранных.

Сим кратким понятием найма капиталов определяются все явления курса.

и стоил бы, например, 45 штиверов; но поелику ни капиталов, ни кредита общественного в то время не было, то и должно было нанять капитал или кредит иностранный и за сей наем заплатить 18, после чего и осталось в рубле уже 27 штиверов. Российский товар, на своем корабле привезенный, стоил бы, положим, в Лондоне 100 000 р. Но он привезен был на наемном корабле, и за фрахт заплачено купцу английскому 10 000 р.; следовательно, товар принес российскому купцу уже 90 000 р.

Фабрикант обрабатывает свои изделия чужим капиталом. То, что платит он за наем сих капиталов, составляет курс его изделий. Если бы капитал весь принадлежал ему, то продавал бы он их в истинной цене и курс его был бы *à pari*.

Курс упадет, когда внутренние капиталы и кредиты по каким-нибудь причинам изнемогают и употребляются в большем количестве наемные, например:

1) Когда по причинам войны отпуск товаров затрудняется, ибо товары заменяют капиталы в серебре и кредите.

2) Когда платятся внешние долги, ибо для уплаты сей в недостатке своих кредитных бумаг ищут чужих.

3) Когда истинные кредитные бумаги ослабляются в их достоинстве бумагами, на предположениях основанными, ибо, как выше примечено, всякая бумага, на одном предположении основанная, не имея своего достоинства, ищет и уменьшает достоинство других бумаг и их капиталов.

4) Когда иностранные капиталисты обращают назад кредитные их бумаги, не находя им в той стране верного употребления, или, слагая их в одно место без движения, довольствуются обыкновенными, но верными процентами.

Курс возвышается от причин, тому противных.

Общим правилом постановить можно, что в данное время курс определяется силою кредита внутреннего в отношении его к кредиту внешнему.

В наемном кредите должно различать количество его и протяжение.

Количество наемных бумаг может быть очень велико в порте, но нечувствительно во внутренней торговле, и в сем случае курс не имеет сильного действия на внутренние цены.

Но когда наемный кредит внедрится во внутренних источниках, когда движения внутренней торговли будут большею частью основаны на задатках чужих капиталов, тогда он овладеет ценами и будет непрестанно переменять их по своему движению.

Отсюда происходит, что отпуск товаров может быть весьма силен и видимый баланс склоняться будет постоянно в пользу нации отпускающей; но истинный прибыль и настоящий баланс будут в пользу нации приемлющей, ибо одним наймом капиталов заплатит она часть сего баланса и получит еще важную прибыль¹.

VII. О превращении монет и кредитных бумаг из одного класса в другой

Все явления купли и продажи не что другое суть, как превращение одного капитала в другой. Земледелец, продавая хлеб на медные деньги,

¹ По балансам нашим Англия, например, должна бы была разориться. Страннее еще то, сличая балансы разных наций, кажется, все в выигрыше – кто же проиграл?

купец, торгующий медью на серебро, и, наконец банкир, торгующий серебром одного государства на серебро другого, имеют одну и ту же цель – менять одни капиталы на другие в виде нужды или прибытка.

Все сии разнообразные и многосложные мены соделались бы весьма просты, если бы в государстве существовали исключительно одна только совершенная монета – серебро – и основанные на ней кредитные бумаги; тогда все вещи получали бы во внутреннем их обращении одну верную меру и переход их из одних рук в другие не затруднялся бы многосложными и часто обманчивыми расчетами.

Ни одно государство сей простоты доселе не могло достигнуть; но все вообще чувствовали его цену и старались заменить ее установлением твердой монетной единицы.

К установлению сей единицы избирается известное количество серебра или золота и определяется одним весом его и чистотою. Единица сия иметь может цену как товар, когда променивают ее на другие произведения или на внешние монеты, но сама по себе монетной цены она не имеет; измеряя все и полагая всему цену, она не может быть ни ценима, ни измеряема.

К сей таким образом избранной единице применяются и приводятся цены всех других монет, и доброта правильной монетной системы в том состоит: 1) чтобы сей общий меритель всегда удерживаем был в непремennom его достоинстве; 2) чтобы во всех сделках все прочие монеты могли быть к нему приводимы и им измеряемы.

Правило сие весьма важно. Какое смещение могло бы произойти, если бы в каком-либо государстве введено было множество разных мер и весов и если бы притом весы сии и меры были такого свойства, чтоб от нечувствительного влияния и перемен воздуха они переменялись? Один потерял бы на них сегодня и старался бы вознаградить завтра, и таким образом со всяким расчетом купли и продажи соединился бы другой многотрудный и гадательный расчет, чтобы не быть обманутым в мере и весе.

Беспорядок сей еще бы увеличился, если бы при разных мерах и весах не существовало ни одной постоянной, к коей могли бы они быть приводимы и ею исправляемы.

В первом положении находятся те государства, в коих хотя допускаются разные разменные монеты, но существует притом одна монета банковая непременяемая, с коею все другие сравниваются и ею измеряются.

Во втором положении находятся государства, в коих нет монеты банковской.

В том и другом положении, при всяком превращении монет и кредитов одного класса в другой, необходимо рождается ажио.

Искусство правильной монетной системы в том состоит, чтобы, терпя сие необходимое зло, правильными соображениями держать разные монеты в надлежащем равновесии. Чтобы определить сие равновесие, нужно рассмотреть законы, коими оно разрушается и восстанавливается, нужно рассмотреть главные обстоятельства превращения монет в разных их классах.

1. О превращении бумаг первого класса в кредиты иностранные.

Сообразно нашему предмету здесь приемлются в рассуждение две торгующие нации: одна обильная в произведениях, но слабая в денежных металлах; другая менее обильная в произведениях, но сильная в металлах и кредите.

В торговле сих двух наций слабейшая непременно должна нанимать капиталы свои у сильнейшей; капиталы сии мало-помалу приобретают весьма великое протяжение и, внедряясь в самую внутреннюю торговлю, возвышают цены товаров внутри и унижают их вне¹.

Чем умерить ажио, от сего найма происходящее? Один способ: представить другой наем, выгоднейший первого.

Сей-то самый способ все правительства в таковых положениях всегда употребляли.

Для сего известное число капиталистов, с участием правительства или и без оно, совокупив часть своих серебряных капиталов, составляют великую массу внутренних кредитов, всегда готовую за умеренную плату ссужать ими под верные залогов.

Таково есть установление банков Английского, Амстердамского, Гамбургского и Французского.

Ясно, что, чем сильнее будут банки сии в капиталах, тем движение торговли будет неприступнее для внешних наймов.

Посему-то сим банкам с основанием приписывают важное свойство удерживать курс в надлежащей мере.

Можно утвердительно сказать, что без сего умерения никакая торгующая нация не могла бы удержать постоянно выгод своей торговли, особливо в трудных обстоятельствах, столь часто разрушающих видимое равновесие, одною меною товаров устанавливаемое.

Имея точное понятие о существе установления сих банков, легко определить все их принадлежности. Две из них особенно замечательны:

1) Поелику банки устанавливаются для того, чтоб собственным наймом отразить наем капиталов внешних и поелику не могут иначе сего сделать, как имея всегда важную массу серебра в движении, то и получают они обыкновенно право торговать серебром и золотом.

¹ Берковец пеньки для русского купца стоит 70 р.; но для английского он стоит в самом деле только 50 р., ибо 20 р. составляют прибыль капитала, внаем им отдаваемого.

2) Но если бы банк сам начал торговать товарами, тогда он должен бы был сам у себя делать наем капиталов, и, по естественному соревнованию, тогда в видах его было бы сокращать как можно более торговлю других; а сие было бы противно самому существу его установления. Отсюда происходит, что банку самому торговля всегда должна быть воспрещена.

3) Сверх сих двух главных и существенных правил банк, особенно вновь учреждаемый, должен желать, чтоб кредиты его распространились сколь можно более везде, то есть желать, чтоб нанимали его капиталы не только внутри, но и вне, ибо, чем более наймов, тем более прибылька. Следовательно, он должен скупать наемные капиталы других и выпускать свои; иначе сказать – заводить в главных торговых местах свои конторы и стараться учредить обратный курс.

2. О превращении медной монеты в серебро.

Выше было примечено, что каждый раз, когда медная монета и кредитные ее бумаги превращаются в серебро, рождается ажио. Количество его соразмерно тому содержанию, в коем находятся сии два класса монет.

Если количество медной монеты ограничено одною необходимою размена, то ажио будет нечувствительно.

Но если или серебряная монета и кредиты ее в достоинстве своем слишком ослабеют, или медная слишком усилится, то ажио выйдет из меры.

Важный вопрос здесь состоит в том, каким образом привести его в надлежащую меру.

Если медная монета вышла из соразмерности потому, что серебряная умалилась или сама по себе невыгодным балансом торговли, войною и проч., или быв подавлена в достоинстве своем сильным выпуском ассигнаций, то в обоих случаях одно есть средство к возвращению соразмерности. Оно состоит в том, чтоб извлечь избыток медной монеты из обращения и превратить его в серебро посредством продажи. Для сего должно возвысить цену меди в монете и унизить ее в товаре большою продажей. Перемену сию можно произвести двояким образом: или перепечатать медную монету новым штемпелем с возвышением ее цены, или перелить ее вновь. Последний способ выгоднее первого потому, что посредством сего можно извлечь старую монету из обращения и, променяв ее на серебро, получить важную прибыль¹. Первый же способ представ-

¹ Тщетно бы здесь стали возражать, что возвышение цены медной монеты есть род неустойки и отказа в платежах частным людям со стороны правительства. Сие замечание было бы справедливо, если бы предлагаемо было возвышение в серебряной монете; предложение, впрочем, и невозможное. Но медная монета постоянного своего достоинства не имеет. Она заимствует его у серебра. Количество серебра войною, торговыми оборотами всегда может умалиться, и, сле-

ляет более удобства и скорости в исполнении. Приняв его, должно тотчас прекратить новый чекан медной монеты и всю медь обратить в продажу.

Если, напротив, медная монета вышла из соразмерности потому, что число серебряной монеты осталось то же, но выпуск меди и ее кредитов увеличился, то последствия должны быть те же, то есть должно сократить медную монету, а на счет ее избытка усилить серебряную.

Наконец, если соразмерность рушилась от обеих причин совокупно, то те же самые средства единственно представиться могут к ее восстановлению.

Но, восстановив соразмерность, должно еще примыслить способы к бесперывному ее сохранению.

Первый и простой способ был бы тот, чтобы, приметив сию несообразность по количеству ажио, тотчас или останавливать выпуск монеты медной, или прибавлять выпуск серебряной. Но сей способ в исполнении был бы безмерно заботлив, а иногда и невозможен.

Есть другой, несравненно вернейший и удобнейший.

Банк, управляющий медною монетою и кредитными ее бумагами, должен всегда иметь в запасе некоторую сумму для покупки серебра в слитках, и, как скоро ажио между ними увеличится, он должен пускать медь в продажу на серебро, а выпуск монеты приостановить, доколе промен не придет в прежнюю соразмерность. Скупленное серебро в слитках тотчас пускать в обращение.

Здесь еще представляется важный вопрос к разрешению: может ли банк, на медных капиталах основанный, выпускать свои кредитные бумаги под учет, например, под залог имений?

довательно, промен его на медь усилится. В сем положении вещей правительство, платя за свои потребности прежнюю медною монетою, по-видимому, платит то же количество, какое означено было в прежних его контрактах; но в самом деле платит оно несравненно менее, и кто, однако, же может на сие жаловаться с основанием? Впрочем, кто потерпит от возвышения цены медной монеты? Тот, кто ее имеет в ассигнациях или в металле, не выиграет ничего, ибо на тот же кусок меди не более он купит серебра, хлеба и прочих потребностей, как бы он ни назывался. Тот, кому его платить должно, также и по тем же самым причинам ничего не проиграет; ибо хотя прежний рубль и более в себе содержал меди, но зато он стоил дешевле, и, например, пуд меди содержал в себе 16 р., а по возвышении содержать будет, например, 32 р. Следовательно, весом получил он менее, но ценою точно по контракту. Цена сия возвысится еще в его пользу с той минуты, как правительство будет обращать медь в серебро, ибо от сего серебра будет больше, а меди меньше и, следовательно, медь будет дороже, а серебро дешевле, и таким образом государство получит прибыль, превратив мертвый капитал в достоверный; а частный человек вначале ничего не потерпит, а впоследствии разделит с правительством пользу.

Выше было постановлено два правила о медной монете и ее кредитах: 1) что они должны всегда сохранять точную соразмерность с серебром; 2) что они должны служить только средством к размену.

Какую монету будет выпускать банк под залоги? Если та, которая служит для размена, то он разрушит соразмерность недостатком. Если он будет выпускать сверх пропорции размена, то он разрушит соразмерность ее избытком.

3. О превращении облигаций в медную и серебряную монету.

Поелику два рода монет обращается у частных людей, серебряная и разменная, то казалось бы, что два рода могут быть и облигаций: одни, выданные на заем серебра, другие – на заем разменной монеты.

Но здесь прежде всего должно разрешить вопрос: полезно ли правительству занимать разменную монету?

Она может быть в трех положениях в отношении к серебряной: или в недостатке, или в точной соразмерности, или в избытке.

Первый случай почти невозможен.

Во втором заем ее для правительства был бы бесполезен, ибо для чего может оно желать сего размена? Для того, чтобы приобрести посредством меди серебро; но если медь не избыточна в обращении, то она от займа вздорожает; промен серебра на нее будет убыточен и даже невозможен, ибо тогда серебро искало бы медь, что случиться почти не может.

Остается последний случай: избыток разменной монеты. Нет сомнения, что в сем последнем случае из лучших способов исчерпать сей избыток есть – променять ее на облигации.

В самом деле, избыток разменной монеты существенно вредит серебряной. Она отнимает у нее часть ее достоинства и, сверх того, держа знатный капитал меди без употребления, обращается в действительный ущерб государству.

Самый краткий способ уменьшить ее был бы тот, чтобы выкупить ее на серебро; но сей способ не всегда состоит во власти правительства, и, следовательно, часто с великою пользою можно и должно прибегать к облигациям.

Медная монета в избытке всегда есть монета дешевая. Чем более уменьшается сей избыток, тем она становится дороже; следовательно, сама по себе приносит она уже доход. Сверх сего, снимая тяжесть, серебром давящую, правительство возвышает его достоинство и, следовательно, также приобретает доход. Сии две части дохода заменят с избытком проценты, за облигации платимые.

Впрочем, само по себе очевидно, что операция сия должна ограничиться дешевизною медной монеты. Как скоро придет она в соразмерность, заем должно прекратить.

Операция займов, несравненно выгоднейшая и постояннойшая, есть заем серебра. Выше были доказаны все его пользы.

Сей заем всегда может быть открыт, доколе правительство будет находить пользу в одобрении своих источников, в пособии торговле и промышленности.

Но какой будут иметь ход самые облигации; то есть будут ли оне принимаемы в учет на серебро и подати?

Если частные закладные и самые векселя могут быть в учет допускаемы, то кольми паче облигации правительства.

Может казаться трудным положить пределы такового учета. Если правительство будет главным заемщиком в учете, то частным людям ничего не достанется.

Здесь должно припомнить, что серебряный банк не иначе может располагать своим учетом, как по количеству входящих к нему капиталов. Для него все равно, частный ли человек представит облигацию правительства или само Казначейство. Ни тому ни другому не должен он отказать в займе, когда есть у него остальные капиталы, разумея под именем остальных те, коими за удовлетворением собственных своих платежей располагать он может.

Последний вопрос: полезно ли для государства допускать частные облигационные банки или земские системы?

Предмет сих систем есть тот же, как и общего банка. Все занимают серебро, чтоб ссужать им, получая некоторую прибыль; все они облегчают бумагами обращение чистого серебра. И понеже частному банку с большею точностью известны состояния залогов, то и нет сомнения, что ссуды его в некоторых случаях выгоднее будут, нежели ссуды общего банка. От заведения сих банков правительство лишится своих прибылей, уменьшит в некоторых случаях удобность займа. Но взамен сего оно получит две важные выгоды: 1) обращение бумаг частных банков уменьшит внутреннюю нужду в серебре, сократит его круг и, следовательно, большую его массу можно будет противополжить напряжениям внешнего кредита; 2) обращение сих бумаг уменьшит также потребность и разменной монеты и, следовательно, умножит медь в товаре. Сии выгоды столь уважительны, что в видах истинного государственного хозяйства должно всемерно способствовать учреждению частных банков.

Общее правило: чем операция серебра производится совокупнее и чем более оно заменяется кредитными бумагами, тем круг его обширнее, обращение удобнее и быстрее.

4. О превращении ассигнаций в другие кредитные бумаги.

Когда государство имело несчастье ввергнуть себя в ложную систему ассигнаций и, сильным налогом обложив все капиталы без различия, расстроило монетную и кредитную свою систему, то первый шаг пере-

хождения от сего хаоса к твердому порядку есть признать всю массу ассигнаций государственным долгом.

Сей шаг весьма важен и сам по себе должен уже произвести большую пользу, ибо, как скоро признан долг, так скоро явится надежда к его уплате и, следовательно, кредитная бумага, долг сей представляющая, возвысится в цене.

Какие могут быть способы к уплате сего долга? Серебро, медь и облигации.

О первом в трудных обстоятельствах думать невозможно.

Второй способ мог бы с пользою быть употреблен, особливо при открытой внешней торговле. Но в большей массе не может он быть чувствителен.

Следовательно, остается последнее средство – облигации.

Выше было примечено, что вся масса ассигнаций есть не что другое, как сокрытый долг.

Следовательно, она сама по себе составляет уже большую облигацию, выданную правительством с условием заплатить все ее купоны медью по предъявлению. Проценты сей облигации не платятся предъявителям, но обращаются в общий налог на капиталы.

Правительство не может заплатить сего долга по предъявлению. Следовательно, по всей необходимости должно его рассрочить и учредить на основании срочных платежей.

Подобно как в частных платежах, три только способа быть к сему могут:

1) Отлагая от доходов некоторую часть, ежегодно, по возможности остатков, уплачивать часть долга.

2) Скупать ассигнации посредством займа на облигации.

3) Основать особенный капитал на платеж процентов и постепенное погашение.

В первом способе полагается уплачивать по неравным частям один капитал долга, а проценты оставлять в налоге, предполагая, что по мере уплаты капитала налог сей сам собою будет уменьшаться.

Во втором способе полагается для уплаты долга составить другой новый долг в сроки и с процентами.

Третий способ, не предполагая нового долга, самый настоящий долг превращает в срочный с процентами и капиталом погашения.

Из сих трех способов тот должен, конечно, иметь предпочтение, в коем следующие два условия соединены будут в высшей степени: 1) краткость совершенного окончания уплаты; 2) постоянное и правильное движение процентов. Выгода первого условия очевидна. Второе условие важно потому, что если уменьшение процентов будет неравномерно, то ход остающихся без выплаты бумаг будет подвержен непрерывному колебанию и составит предмет частных предприятий, коих совме-

стничество может вредить успеху общего платежа. Так например, если в первый год выплачено будет 10 милн., во второй – 6 милн., в третий – 11 милн., то в первый бумаги возвысятся, во второй паки упадут, в третий паки возвысятся, и таким образом капиталы частных людей, до самой совершенной выплаты, будут в непрерывном колебании.

По сим условиям, сравнивая предлагаемые способы между собою, открывается:

1) Что первый способ в большой массе долгов весьма будет продолжителен, ибо никак нельзя предполагать, чтоб из доходов государства, сильно задолжавшего, можно было уделить знатную часть на уплату долгов; и например, для уплаты 400 милн., отлагая по 10 милн. ежегодно, потребно 40 лет, чтоб окончить платеж.

2) В течении сего времени налог процентов будет продолжаться с уменьшением, которое для народа будет нечувствительно; ибо в первый год он уменьшится только $\frac{1}{40}$ частью, во второй – $\frac{2}{40}$, или $\frac{1}{20}$, и так далее.

3) Если притом платежи будут неравны, как то и предполагать должно по неравному количеству остатков, то ассигнации будут в непрерывном колебании и расчеты в неизвестности. В первый год, когда заплачено будет 10 милн., оне возвысятся $\frac{1}{40}$, но в другой, при платеже 5 милн., оне возвысятся уже $\frac{1}{80}$; и как количество платежей будет неопределительно и неизвестно, то и перемены сии непрестанно будут озабочивать общее доверие, тем более что от состояния торговли и при самом постоянном платеже всегда должно быть в них некоторое колебание.

Второй и третий способы в существе своем одинаковы, ибо тот и другой превращают долг, существующий по предъявлению и без процентов, в долг срочный и с процентами с тем только различием, что во втором полагается посредство облигаций, выданных по согласию с некоторыми кредиторами, а в третьем самый долг сей считается одною большою облигациею.

Из сего открывается:

1) Что второй способ, равно как и третий, предполагает составление капитала для процентов и для погашения.

2) Время уплаты во втором способе зависит от успеха займов; но в третьем, быв раз исчислено, оно не может уже перемениться и с верностию придет к концу.

3) Единообразие платежей и, следовательно, правильный ход ассигнаций более может быть удостоверен в третьем способе, нежели во втором, ибо в третьем не зависит он от различного успеха займов, но, быв раз определен, ежегодно с достоверностию может быть исчислен. Когда известно будет количество и образ его платежа, тогда не трудно

будет исчислить, чего будет стоить, например, сторублевая ассигнация не только в будущем году, но и в десять лет. К сему надобно только приложить проценты и часть капитала, который уплачивается ежегодно.

4) Второй способ тем предпочтительнее первого, что в первых сроках займа он предполагает умеренный капитал на составление процентов и, следовательно, дает правительству время собрать и приуготовить способы к уплате¹.

Впрочем, тот и другой способы могут быть употреблены или вместе, или постепенно с тем различием, что третий.

Из соображения всех рассуждений, выше представленных, происходят следующие общие заключения:

I. В благоустроенной монетной системе два рода монет допускаются: серебряная банковая и разменная.

II. Разменная монета может быть с примесью серебра или медная.

III. Разменная монета должна быть в соразмерности с серебряною, то есть ажио ее не должно превышать обыкновенных при займе серебра употребляемых процентов.

IV. Коль скоро соразмерность сия разрушится и ажио возвысится, то должно или умножить серебряную банковую монету, или остановить выпуск разменной.

V. Кредитные бумаги, на банковом серебре основанные, составляют монету усовершенную.

VI. Посему серебро, в банке собранное и замененное кредитными бумагами, не извлекает его из обращения, но усиливает его, сообщая ему более движения.

VII. Нет другого способа действовать на курс, как установлением банковской монеты и ее кредита.

VIII. Те только государства могут иметь обратный курс, или курс положительный, которые имеют банковую монету.

IX. Самый лучший и единственный способ удовлетворить чрезвычайным расходам есть открытый заем, основанный на серебре.

X. Заем сей с пользою употреблять всегда можно и на удобрение источников доходов.

XI. Ассигнации суть самый тягостный и неуравнительный налог – оне составляют сокрытый и насильственный долг.

XII. Долг сей тягостнее и убыточнее всякого другого.

XIII. В государстве, где потеряна соразмерность монет, первое средство к восстановлению ее есть исчерпать избытки ассигнаций или, лучше сказать, их уничтожить.

¹ Так например: положив десятилетний заем 200 милн. руб. ассигнациями по 5%, нужно будет на платеж процентов в первые пять лет только 10 милн., или 5 милн. серебром. Напротив, для погашения 200 милн. в 10 лет третьим способом нужно 10 милн. процентов и 6 милн. для погашения.

XIV. Удобнейший способ к сему есть превращение сего долга в срочный, т.е. заем на облигации.

XV. Если бы заем оказался невозможным, тогда последний способ есть – принять весь долг одною большою облигациею и платить с постепенным погашением.

XVI. Уничтожив ассигнации, должно приступить к приведению в соразмерность разменной монеты, выкупая ее или на облигации, или на другую, лучшую разменную монету.

XVII. Разменная монета может иметь свои кредитные бумаги; но количество их ни в каком случае не должно превышать самого наличного ее количества.

XVIII. В помощь государственному банку можно с пользою допустить частные земские банки, основанные на облигациях.

XIX. В дополнение и усовершенствование монетной и кредитной государственной системы должно поставить частный кредит на самых твердых законных основаниях.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Устройство постоянной монетной и кредитной системы

135¹. Устройство постоянной монетной и кредитной системы включает в себе три главные предмета: 1) уплату кредита прежнего, или погашение ассигнаций; 2) установление кредита нового, или учреждение банка на серебре; 3) введение лучшей монетной системы.

I. Погашение ассигнаций

ПОЛОЖЕНИЯ ОБЩИЕ

136. Все способы, какие доселе были в других государствах употребляемы к погашению бумаг, подобных нашим, состояли в следующем:

1) Отказ платежей, или банкротство. Оно делается двояким образом: 1) формальным отказом, и 2) безмерным выпуском бумаг, до того усиленным, что оне сами собою теряют всякую цену и ход их прекращается.

2) Выкуп ассигнаций.

3) Возвышение их кредита.

¹ В подлиннике нумерация [параграфов] 129–134 пропущена.

4) Уменьшение ассигнаций до того, чтобы они уравнились с потребностью обращения.

5) Превращение ассигнаций в истинные кредитные бумаги, на серебре основанные, займом и постепенным их погашением.

Первый способ

137. Излишним признается здесь рассуждать о *банкротстве*. Довольно приметить, что неумеренный и ежегодный выпуск ассигнаций без постоянной уплаты есть уже само по себе начало банкротства.

Второй способ

138. *Выкуп ассигнаций* на металлическую монету не может быть допущен по самой невозможности его исполнения в настоящем положении финансов¹.

Третий способ

139. К возвышению кредита ассигнаций употребляемы были также различные способы, но всегда без успеха².

¹ Выкуп сей может иметь разные виды:

1) Выкуп ассигнаций *по именованной их цене*, но где взять 577 миллионов металлической монеты? Способ сей был бы, впрочем, и потому неудобен, что 577 миллионов в обращении возвысили бы все цены до чрезмерности.

2) Выкуп ассигнаций *по именованной их цене*, но на монету, уменьшенную в своем достоинстве $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ -ю. Способ сей во Франции был употреблен при Людовике XIV. Он есть не что другое, как сокрытое банкротство. Сюда принадлежат и те проекты, кои здесь были предлагаемы о переливе или о перештепелевании медной монеты с уменьшением ее цены.

3) Выкуп ассигнаций *по курсу* на металлическую монету. Положим, что на выкуп 577 миллионов потребно бы было только 300 миллионов. То же затруднение: где взять ее? Можно бы было по мере выкупа умножать металлическую монету в обращении. Сие было во многих государствах употребляемо, но без успеха. В Австрии платили треть жалованья серебром; но в великой массе ассигнаций серебро сие было поглощаемо, как капля в море.

² 1) В Дании предполагалось было расширить круг их действия и усилить земельские произведения установлением ссудной кассы для земледельцев. Ассигнации в сем предположении казались основанными на недвижимых имениях, подобно как и в штатах Американских; опыт доказал, что нельзя никаких ходящих капиталов основывать на недвижимом имении. Трудопоощрительный банк, здесь некогда предложенный, имел то же основание и произвел бы те же последствия.

2) В Швеции принято было правилом возвысить ассигнации лучшим учреждением биржевого курса. В течение 40 лет над сим трудились, учредили в разных местах 7 купеческих контор, истратили до 36 милн. талеров и не достигли, однако

140. Четвертый и пятый способы в начале своем одинаковы, но в последствиях различны. В том и другом полагается уменьшить количество бумаг; но в первом мерею уменьшения постановляется уравнение их с монетою металлическою, а во втором – совершенное их уничтожение. В первом способе полагается исправить кредит, а во втором – совершенно переменить его и поставить на других, лучших основаниях. В первом – полагается сохранить все ныне существующие банковые установления, а во втором – учредить новый циркуляционный банк, на одном серебре основанный, упразднив постепенно настоящие банки.

141. Сравнивая сии способы между собою, открывается, что твердость первого основана на одном слове правительства, а твердость второго – на самом существе его установления. Первое учреждение при встретившейся чрезвычайной нужде всегда может быть нарушено, и даже при малейшей перемене правил оно может возвратить те же затруднения; второе не может быть нарушено, как разве испровержением всего установления. Первое никогда не представит сильных способов действовать на курс торговый; второе, восприняв свою силу, будет обладать не только внутренним, но и внешним движением капиталов. Словом, пер-

же, цели. Общее правило: внешний курс может быть следствием внутреннего, но никогда не может быть его причиною.

3) В Австрии и во Франции предполагалось было возвысить бумаги введением мелких ассигнаций в один и два рубля. Известны последствия сего введения. Мелкие ассигнации, покружась некоторое время, пали так же, как и большие. В России вред сего учреждения был бы еще ощутительнее. То, что поддерживает еще наши пятирублевые ассигнации, есть именно медь, употребляемая для их размена.

4) В Швеции при Густаве III в 1772 году положено было возвысить бумаги иностранным займом; для сего занято было в Голландии до 3 милн. гульденов, сделано шведских рейхсталеров и открыт промен; сначала ассигнации вдруг и чрезмерно возвысились; но в течение 10-ти лет все серебро утекло из обращения, ассигнации упали, настала война, и впоследствии и король объявил банкротство в самый день несчастной его кончины.

5) Во Франции и в Австрии полагалось было также возвысить бумаги умножением медной разменной монеты мелкого достоинства. Но если медь несоразмерна серебру, то она сама по себе не что другое есть, как ассигнации.

6) Во Франции также полагалось было возвысить ассигнации допущением их в покупке национальных имений. Именья сии были раскуплены, а ассигнации тем не менее пали.

7) Во Франции же полагалось было основать ассигнации на залоге недвижимых имений или на коммерческих акциях. Первый способ употребляем был во время революции, а второй – в известной системе Ло. Мандаты, коими полагалось было заменить ассигнации, теряли 40 процентов еще прежде, нежели вышли (на них выдаваемы были обещания под именем *mandats promises*); в три недели они упали на 98% и таким образом исчезли прежде их рождения. Последствия системы Ло не требуют объяснения.

вое учреждение есть исправление временное, хотя и весьма полезное, но всегда переменною грозящее; второе есть коренное и существенное преобразование кредитной системы¹.

142. Впрочем, сколь способы сии ни различны в их последствиях, меры исполнения их в начале своем одинаковы: в том и другом предположении должно начать уменьшением ассигнаций. Происшествия и успехи других политических внутренних установлений лучше показать могут, где должно остановиться. Но как во всех публичных учреждениях должно целию действия предполагать самую высшую степень совершенства, то здесь и приемлется главным предметом последний способ преобразования, то есть совершенное погашение настоящего кредита и установление нового.

СПОСОБЫ ИСПОЛНЕНИЯ

143. Для погашения ассигнаций прежде всего полагается уменьшить их количество.

144. Для сего, прекратив совершенно их выпуск, полагается открыть внутренний заем.

145. Заем должен быть основан на серебре по курсу².

146. Заем должен быть разделен на разные степени и представлен в разных видах, дабы неудачу одного можно было заменить другим.

Первый вид займа

147. Для первоначального опыта полагается открыть заем 25 милн. рублей ассигнациями на 10 лет с уплатою процентов и капитала серебром по курсу займа.

148. Курсом сего займа принять тот самый курс, какой при открытии его ассигнации на серебро иметь будут, с нарочитым в пользу кредиторов возвышением³.

149. Платеж процентов удержать в законном его положении по 5%.

¹ Пример первого учреждения мы видели в прежней Франции, в Дании, некогда в Швеции и ныне видим в Австрии. Пример второго видели в Англии, в Голландии, в нынешней Франции и в Швеции. Россия обеим сим системам следует совокупно. В провинциях ее Остзейских и Польских система кредитная основана на серебре и золоте, а внутри – на ассигнациях. Никогда правительство не будет действительно обладать доходами сих провинций, если не учредит внутреннюю свою систему на других правилах.

² Занимать ассигнации с тем, чтобы платить после ассигнациями, есть пресекать зло на некоторое время, платя хорошую монету за худую.

³ Самое меньшее возвышение можно положить в 10%. Но если бумаги в то время будут очень низки, то можно допустить 20 и даже 25%.

150. Заем открыть на облигации, не менее 500 руб. каждую, учредив для сего конторы: в С.-Петербурге, в Москве, в Риге, в Нижнем и в Казани; в первых двух – 15 милн., в третьем – 5 милн., а в двух последних – по 2 милн. с половиною.

151. Платеж процентов будет производиться каждые шесть месяцев серебром в конторе, для погашения долгов учрежденной.

152. Уплата капитала начнется по истечении пяти лет, и каждый год уплачиваема будет пятая часть по жеребью.

153. В поощрение сего займа, сверх выгод в курсе, постановляется следующее:

1) Облигации будут иметь передаточный ход между частными людьми с бланковою надписью без всякого, однако же, принуждения.

2) Казна допустит их по именовательной их цене во всех залогах по контрактам и поставкам.

3) Десятую их часть будет ежегодно выкупать не по курсу займа, но по курсу настоящему, какой будет при их предъявлении.

4) Присылка денег на облигации в контору при открытии займа, так как и пересылка облигаций до самой окончательной их уплаты будет принимаема на почте без платежа страховых денег.

5) Первым участникам займа в течение шести месяцев назначаются премии.

6) С открытием сего займа банк заемный прекратит свои займы.

154. Все ассигнации, займом сим вырученные, предадутся публичному сожжению в тех самых городах, где оне в заем поступят.

Второй вид займа

155. Если сей заем будет иметь успех, то вслед за оным открыть второй на тех же самых условиях с различием только в курсе ассигнаций, который должен быть учрежден по тому, который будет тогда действовать, и с некоторым в выгодах уменьшением.

156. Если же первый заем будет неудачен, то второй заем открыть в виде лотереи.

157. Основанием сего займа постановятся следующие главные условия:

1) Каждый жребий будет не менее 500 рублей. Первый принесет 100 000 рублей облигациями, второй – 80 000 рублей и так далее до 1000 рублей.

2) Ни один жребий не будет без некоторого выигрыша.

3) Облигации будут платить постоянный доход серебром и выплачены будут все серебром в течение 10 лет на том же основании, как и в первом займе.

4) Курс ассигнаций на серебро по сим облигациям означится тот самый, который будет при открытии лотереи.

5) Прочие подробности займа сего сообразятся с лучшими в сем роде установлениями других государств.

Третий вид займа

158. Если второй заем под видом лотереи будет удачен, то учредить и третий на тех же самых основаниях, но в большем количестве. И сей образ займа продолжить до самого уравнения ассигнаций с серебром.

159. Если же заем с лотереєю будет неудачен, то остается следующий способ, не столь, может быть, скорый в своем действии, но взамен того не подверженный никакому сомнению и всегда зависящий от самого правительства.

160. Предполагается 100 милн. ассигнаций принять одною большою облигациєю и расположить уплату всех ее купонов по срокам на следующих правилах:

1) Приискать в доходах или в казенных имениях две статьи, из коих одна должна приносить 5 милн. ассигнациями, а другая – 1 500 000 рублей серебром; первая будет представлять проценты на 100 милн. облигацию, а вторая – капитал погашения.

2) Платить ассигнации есть истреблять их. Платить проценты их есть истреблять сумму, равную сим процентам. Следовательно, истреблением пяти миллионов бумаг будут ежегодно уплачиваемы проценты 100 милн. облигации.

3) Сила и действие капитала погашения во всех займах в том состоит, что он растет сам процентами и всем своим количеством и процентами на проценты истребляет долг. Посему 1 500 000 серебром, быв обращены под учеты векселей и металлов и даже на скуп самых ассигнаций по низкому их курсу, легко дать могут 10% в год; то есть во втором году капитал сей составит уже 1 650 000 и, следовательно, равняться будет по крайней мере 3 300 000 ассигнаций. Между тем к нему из ежегодного капитала прибавится еще 1 500 000 серебром и, следовательно, будет во второй год 3 150 000 серебром, или 6 300 000 ассигнациями; на третий год капитал погашения будет уже составлять с прибавкою ежегодною 4 965 000, или 9 930 000 ассигнациями. Таким образом, в десять лет все 100 милн. рублей ассигнаций будут совершенно заплачены и истреблены¹.

¹ Способ сей по верности своей предпочтительнее обоих первых; существенное их различие в том состоит, что действие первых оказывается в самом их начале; а действие сего последнего может быть ощутительно только при конце займа. За сим идут следующие зачеркнутые слова: Впрочем, основания сего способа изъяс-

161. Время и количество погашения зависят будут от обилия тех источников, из коих составляются проценты и капитал погашения. *Следующая за сим часть этого [параграфа] зачеркнута:* На погашение в 10 лет 400 милн. нужно приискать ежегодный доход 20 милн. ассигнациями и 4 500 000 серебром.

162. Учредив на сих правилах внутренние государственные займы, должно вместе с тем найти и источники их уплаты.

163. *Первый источник* – таможенный доход – может принести по крайней мере до 6 000 000 серебром.

164. *Второй источник* – продажа меди. Для сего нужно принять следующую распорядок: чекан и выпуск старых медных денег тотчас прекратить и всю медь обратить в продажу на серебро¹. Под предлогом запрещенного законами перелива монеты стеснить литье больших масс меди² и, скупая ее на ассигнации, продавать на серебро.

165. *Третий и важнейший источник* есть продажа казенных оброчных статей. Если бы государство и не имело долгов, то истинный разум доброй экономии требует сей продажи. Количество настоящего дохода сих статей простирается до 1 000 000 р. Нет сомнения, что не составляет он даже и 10-й части истинного дохода. Следовательно, со всею вероятностию сей последний можно положить в 10 милн. р. Недвижимые имения обыкновенно продаются по 20-летнему их доходу. Сие составило бы 200 милн. Но, положив цену оброчных статей во 150 милн. и даже во 100 милн., сие составит уже значительный капитал.

166. *Четвертый источник* – продажа казенных земель тем самым крестьянам, кои на них живут. Многие из сего произойдут пользы: умножится число владельцев собственности, земли лучше будут возделываемы, казна будет от них в срок получать капитал и проценты, а обыкновенные оброчные доходы заменит со временем общею поземельною податью. Земли сии должно продавать целым деревням так, чтоб могли оне и продать ее, если купят или найдут другую для своего поселения.

нены были подробно в введении, где было показано, что два есть способа привести в соразмерность всякие кредитные бумаги: уменьшить их число или умножить металлический капитал, на коем оне основаны.

¹ Количество меди, ныне обращающейся, слишком велико в сравнении с серебром. Надлежит только лучше и удобнее ее разместить.

² Большая масса меди обращается у нас в колокола. Сию церковную роскошь нужно запретить столько же, как и всякую другую. Сие может быть учинено весьма удобно одним постановлением, чтоб литье колоколов не иначе производимо было, как под надзором правительства и с его дозволением. Для сего губернаторы должны выдавать билеты и наряжать к надзору особенного чиновника, а им предписать, чтоб билеты не выдавали без разрешения высшего правительства. Таким образом литье не запретится формально, но затруднится и останется само собою.

167. С сею массою достоверного капитала с уверенностию пустить-ся можно на заем 200 милн. ассигнаций, когда первые пять лет на уплату процентов, полагая их со всеми издержками в 6%, не более потребно как 12 000 000 ассигнациями и когда один таможенный доход, серебром взимаемый, может почти равняться сей сумме, а капитал от продажи оброчных статей по мере его вступления, быв обращен в займы и учеты, без сомнения, возрастет весьма значащим образом, так что ко времени уплаты он, без сомнения, будет в избытке.

168. Образ уплаты расположить на основании, введенном во всех государственных займах, то есть вместе с назначением процентов определить и капитал погашения. *Следующая за сим часть этого [параграфа] зачеркнута*: Известно и математически доказано, что нет долга, который бы не мог быть уплачен в течение 50 лет, считая по 5%, назначением в капитал погашения одного только полупроцента. Следовательно, если назначится два, три или четыре, то время погашения можно сократить по той же соразмерности.

169. Для управления всех оборотов, к погашению долгов относящихся, учредить особенную эсконтную контору, коей и присвоить все источники означенных выше капиталов в точное хозяйственное распоряжение.

170. Вместе с открытием займов прекратить прием и выдачу ассигнаций в банках заемных, оставив одну ссуду под ручные залогов. Частные капиталы, в сих банках обращающиеся, войдут в общий счет государственных долгов, если вкладчики их не потребуют, чего, однако же, с вероятностию полагать нельзя. Если же потребуют, то, выдав им оные, казна ничего не потерпит, и долги ее не возрастут, ибо капиталы сии содержатся в числе 577 милн., на коих весь настоящий расчет основан¹.

171. В распоряжение новой учетной конторы отдать все экономические капиталы, банкам принадлежащие. К ней отнести все капиталы, в учетной конторе ныне состоящие.

172. Таким образом, при самом основании своем контора сия получит уже в управление свое знатные суммы и будет производить учет на лучших основаниях, нежели доселе он производился.

173. Если бы правительству в течение времени встретились какие-либо чрезвычайные нужды и представилась бы необходимость нового

¹ Воспитательный дом, поместив капиталы свои в новом займе и получая ежегодные проценты, не потерпит существенно в своих оборотах никакой от сего перемены. *Следующая за сим часть примечания зачеркнута*: особливо, если сохранены будут его предположения, коих, впрочем, польза не может стать в сравнение с высшими государственными нуждами. Здесь припомнить должно, что воспитательный дом не имеет другого кредита, кроме общего государственного. Следовательно, все меры, приемлемые к усовершенствованию сего последнего, существенно и к нему относятся.

займа, то заем сей производить не иначе как публично, в формах вышеозначенных; и вместе с сим займом поручить учетной конторе его уплату, снабдив ее надлежащим для сего капиталом из своего имущества, как-то: из продажи земель или даже какой-либо части лесов. Капитал сей не может быть важен, ибо на заем, например 20 милн. на 10 лет потребно будет не более одного миллиона 200 000 руб., чтобы доставить и проценты, и капитал погашения. Какая бы ветвь доходов или казенного имущества ни была назначена на уплату сих займов, они будут дешевле, нежели занимать без уплаты.

174. Действие сей учетной конторы продолжится до открытия нового банка.

II. Установление нового банка, на серебре основанного

НАЧАЛА ОБЩИЕ

175. Истинный государственный кредит нигде не может стоять без установлений, его утверждающих.

176. Опытами всех государств доказано, что одно из самых необходимых к сему установлений есть учреждение банка на серебре¹.

177. Все банки циркуляционные утверждаются на одной следующей простой истине: серебро, собранное в большей массе и представленное бумагами, имеет несравненно высшую степень удобства и быстроты в обращении, нежели серебро в раздроблении и в металлической монете.

¹ Против установления банка на серебре в России возражаемы были:

1) Образ правления, не имеющий форм монархических. 2) Недостаток капиталов и особенно настоящее стесненное положение финансов.

Возражения сии опровергаются следующими примерами:

Англия во все продолжение XVII века, борясь с разными препятствиями, силилась усовершенствовать свою конституцию. Ювелиры и золотых дел мастера одни занимались оборотами капиталов. Карл II занимал у них деньги, платя по 20 и 30 процентов, и, не быв в состоянии заплатить долгов, сделал банкротство на 1 328 526 ф.ст. В сие самое время начали помышлять об учреждении банка. Министры и парламент противились сначала его учреждению. Незвизрая на сие, в 1694 г. банк учредился. Первое его основание составляло не более как капитал 1 200 000 ф.ст., то есть около 7 200 000 руб. на наши деньги.

Известно, что банк во Франции учрежден тогда, как буря революции угрожала еще имуществам. Первый капитал его составлял около 15 милн. ливров, то есть не более 3 750 000 руб. на наши деньги.

В Голштейне в 1789 г. банк учрежден среди самого великого смещения финансов и монетной системы. Все пришло в порядок чрез два года после его учреждения.

Бумаги, основанные на серебре, имеют такое же отношение к металлической монете, как монета к куску металла без чекана.

СПОСОБЫ ИСПОЛНЕНИЯ

178. В первый или по крайней мере во второй год после открытия внутренних займов учредить новый банк на следующих основаниях:

1) Капитал банка состоять может от 10-ти до 20-ти миллионов рублей в серебре.

2) Он составлен будет акциями по 1000 рублей каждая.

3) Часть сих акций, например $\frac{1}{3}$, будет составлена вкладом капиталов от правительства.

4) Можно дозволить вкладчикам вносить $\frac{1}{4}$ часть серебром, и часть сия составит оборотный капитал банка, а $\frac{3}{4}$ – ассигнациями по курсу или облигациями по займу.

5) Операции сего банка относиться будут:

1. К коммерции:

а) открытыми счетами,

б) учетом векселей,

с) сохранною казною в золоте, серебре и бриллиантах.

2. К правительству:

а) платеж процентов по займам из доходов, присвоенных банку,

б) производство займов на короткие сроки и с определенными источниками.

Примечание. Последняя сия операция не прежде может быть допущена, как по расширении и оседлости банка.

179. Банк не будет ссужать под залоги недвижимых имений.

180. Он не будет производить другой торговли, кроме золота, серебра и меди.

181. К банку присоединится контора погашения долгов со всеми ее заведениями.

182. Управление банка будет составлено по преимуществу акций; правительство не будет над ним иметь другого влияния, как только в качестве вкладчика.

183. Существующие ныне заемные банки, прекратив свое действие с открытием займов, будут заниматься расплатою своего кредита и постепенно будут упраздняемы.

184. Вместо них будет основана другая система займов под залоги недвижимых имений, по примеру банка в Силезии.

185. Банк ассигнационный будет сокращаем по мере выкупа бумаг займом и наконец вовсе исчезнет.

III. Усовершенствование монетной системы

НАЧАЛА ОБЩИЕ

186. При установлении банка на серебре необходимо нужно усовершенствовать и монетную нашу систему.

187. Настоящая наша металлическая монета состоит в серебре и меди. Золото есть товар, коего действие в монете по малому ее количеству не заслуживает особенного внимания.

188. Сравнивая настоящую пробу нашей серебряной монеты с другими, открывается, что наш рубль имеет преимущество над серебряною монетою голландскою и австрийскою, но он ниже других.

189. Можно со всею удобностью удержать настоящую пробу рубля и основать на ней банковый непреременный рубль¹.

190. Но вместе с сим нужно ввести мелкую разменную серебряную монету низшего достоинства.

191. Истинное употребление медной монеты есть размен в придачу к серебру. По переменной цене меди никогда металл сей не может служить истинною монетною единицею.

192. Большое количество меди и в крупных слитках доказывает несовершенство нашей монетной системы и ложные ее основания.

193. Но еще ложнее и вреднее бы было вздумать в настоящем положении ассигнаций уменьшить достоинство медных денег переливом или переменою именоватальной их цены. Ассигнации сии лежат на меди, медь на серебре. Следовательно, уменьшив, так сказать, средний слой, поддерживающий наши бумаги, тем самым ускорится их падение; всю массу свою они будут тогда тяготеть на серебро².

СПОСОБЫ ПРИЛОЖЕНИЯ

194. Монетная система должна состоять из трех родов монеты.

1) *Монета серебряная банковая.* Она может быть настоящей или высшей пробы, но всегда постоянной. Разделение ее не должно нисходить ниже $\frac{1}{4}$ рубля.

¹ Никакая монета не может быть из чистого серебра. По опытам Гечета и Кавендиша, сделанным вследствие предложения г. Пита, найдено, что самая лучшая пропорция серебра к примеси есть $\frac{1}{12}$.

² Чтобы составить себе точное понятие о системе монетной, должно себе представить, что она составляется из всей массы обращающегося серебра, золота и меди, разделенной на всю массу ассигнаций. Положим например, что мы имеем 100 милн. серебра и золота, 80 милн. меди и 500 милн. ассигнаций, тогда рубль наш к серебряному рублю содержаться будет как 180–500, то есть как 9–25 или почти как 1–3. Что и близко подходит к настоящему курсу.

2) *Монета серебряная разменная*. Все низшие деления рубля – от $\frac{1}{4}$ рубля до 5 копеек – должны быть представляемы серебряною разменной монетою низшего достоинства.

3) *Монета медная* должна служить единственно разменом серебряной, а посему она должна составлять одни деления низшие – от 5 копеек до $\frac{1}{2}$ копейки.

195. К перемене монетной системы не прежде можно приступить, как с учреждением банка на серебре. Всякая операция в монете прежде сего установления имела бы самые вредные последствия, но банк без правильной монеты устоять не может. Следовательно, обе операции сии должны идти совокупно.

196. Между тем должно всемерно стараться скупать медь на ассигнации и переводить ее на серебро, а посему и нужно остановить при первых успехах внутреннего займа выпуск медной монеты старого чекана, а, напротив, вводить медную монету нового уменьшительного чекана, без всякого, однако же, принуждения.

197. Ход медной монеты старого чекана должно запретить и всю старую медную монету привлечь к переливу тогда, как уже большая часть ассигнаций будет истреблена займами.

198. Всю массу медной монеты, когда облегчится она от избытка ассигнаций, стараться привести в самую меньшую соразмерность, и именно до того, чтобы она могла служить единственно разменом серебряной монете в мелких ее делениях.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Об управлении финансов*

I. Постановления общие

199. Все источники государственных доходов и все расходы должны соединяться в одном управлении.

200. Чтобы управление сие могло действовать с силою и успехом, все приходы и расходы должны быть учреждаемы ежегодною сметою (бюджетом) в порядке, особенно для сего установленном (отделение 1-е – о расходах).

201. Где нет сметы или годового финансового закона или где закон сей не исполняется, там может быть казначейский счет (касса) приходов и расходов, но быть не может истинного управления финансов.

202. Расходы непредвидимые и чрезвычайные должны быть учреждаемы также по правилам единообразным и порядком установленным.

II. Учреждения особенные

203. В управлении финансов различаются три главные части: 1) источники доходов; 2) движение капиталов; 3) общая их поверка, или ревизия счетов¹.

204. *Первая* из сих частей принадлежит Министру Финансов, *вторая* – Министру Казначейства, или Государственному Казначею, *третья* – Главному Директору государственных счетов, или Государственному Контролеру; все сии части вместе составляют Министерство Финансов.

¹ Причины сего разделения очевидны. Доход каждой статьи от первоначального его источника, вливаясь в казначейство, должен пройти три главные степени. Первая из них есть установление дохода (*assiete*), вторая – его распределение (*repartition*) и, наконец, третья (*recerption*). Каждая из сих степеней сложена из множества дробных операций, кои все требуют надзора. Учреждение расходов по нуждам и по приходам также требует подробного соображения и сметы. Когда приходы доведены до казначейства и расходы назначены, сим кончится первая часть управления. После сего следует приходы разместить по общему назначению расходов, учредить сроки отпусков по срокам вступления, заменить одне суммы другими, распорядить, чтобы в бесчисленных их каналах оне двигались без остановки, чтобы оборот их был сколь можно более независим от места и времени, чтобы назначение, сделанное в Петербурге, было с верностью исполнено в Сибири, чтоб доход, в июне поступить имеющий, мог на случай нужды быть распределяем в январе или марте с точною и безубыточною его заменю, чтоб в средоточии управления каждый день было видимо и с точностью могло быть исчислено, где и какие на всем пространстве России в данное время находятся суммы, казне принадлежащие. Сие составляет вторую, и весьма обширную, часть управления финансов. В непрерывном своем обороте часть сия составляет по себе столько разных счетов, сколько она имеет разных мест, где производятся расходы. Если бы она была обязана производить на местах не только счет, но и поверку его, она впала бы в медленность и смешение. Для сего они и должны по необходимости ограничить себя тем, чтобы главные местные счета были с нею в непрерывной сообразности, а общую поверку счетов и свод их со всеми частями предоставить особенному учреждению, которое и составляет третью окончательную часть управления финансов.

I. Предметы Министра Финансов

205. Главные предметы Министра Финансов суть следующие:

I. Предположения, к законодательству финансов принадлежащие.

Сюда относятся: 1) Предположения к усовершенствованию управления казенных имуществ и исключительных казенных прав, системы податей и налогов, их установления, распределения и сбора. 2) Предположение ежегодной сметы доходов и расходов.

II. Управление источниками доходов.

Сюда принадлежат: 1) Управление казенными селениями и лесами.

2) Горные и соляные заводы.

3) Доход питейный.

4) Управление податями и налогами, как-то: оброчным сбором, внутренними пошлинами и проч.

5) Управление таможнями.

6) Управление источниками чрезвычайных доходов, как-то: системою кредитною с принадлежащими к оной установлениями, капиталом погашения и проч¹.

II. Предметы Министра Казначейства

206. Главные предметы Государственного Казначейства суть:

I. Прием и движение сумм, входящих из разных источников; сюда принадлежат:

1) Ежегодное их распределение по министерствам согласно утвержденным сметам, и соображение сроков и мест вступления с сроками и местами выдачи.

2) Состав и движение сумм, на платеж долгов определенных, и соображение их отпуска с выгодами торговли и внешним частным кредитом.

3) Состав и движение сумм, определенных на расходы чрезвычайные².

¹ Сюда принадлежит управление банков, доколе они останутся в настоящем их положении. Но по учреждении банка циркуляционного Министр Финансов не иначе может входить в его управление, как в качестве главного вкладчика. Капитал погашения и контора, им управляющая, останутся в его ведомстве, яко установления, к государственному кредиту принадлежащие. Сюда также относится управление горным департаментом, разными заводами, соляною экспедициею и проч.

² К сим трем отделениям принадлежать будут оба казначейства и экспедиция о приходах и расходах.

II. Управление монетное. Сюда принадлежат:

- 1) Установление монетной системы.
- 2) Передел монеты серебряной банковской, серебряной разменной и монеты медной¹.
- 3) Распределение монеты по местам и предохранение ее от всякого корыстолюбивого роста.

III. Надзор над исправным вступлением доходов в свои места; введение лучшей методы в счетах и охранение их верности.

III. Предметы Главного Директора государственных счетов

207. Главный предмет сего управления состоит в том, чтобы получать и поверять счета приходов и расходов всех местных управлений.

208. Управление сие объемлет не только приходы и расходы общие государственные, но и частные: губернские, уездные и волостные.

209. Общая цель сего управления есть обнаруживать пред правительством разные злоупотребления в сборе доходов и в употреблении их в расход.

210. На сей конец управление сие обязано преследовать всех тех, кои или не дают отчетов, или по отчетам сим окажутся под взысканием.

211. Особенная цель сего установления состоит в том, чтобы доставлять правительству ежегодно примечания, из самых опытов извлеченные, о движении его капиталов, представлять способы к облегчению их движения и к лучшей их проверке².

Состав Министерства Финансов.

212. Состав Министерства Финансов слагается:

- 1) из Министров и Главного Директора счетов,
- 2) из Совета Финансов,
- 3) из разных департаментов, к каждому управлению особенно принадлежащих.

¹ К сему разряду относиться будут все ныне существующие монетные заведения и те, кои впредь существовать могут.

² Из сего видно, что установление сие должно быть независимо от Министра Финансов и Государственного Казначейства. Ревизия счетов может наилучшим образом обнаружить положение обоих сих управлений. Одна ревизия счетов может показать, до какой степени финансовый закон в каждом году был сохранен или нарушен.

I. О звании Министров и Главного Директора счетов.

213. Министры и Главный Директор управляют каждый вверенными им частями особенно, сохраняя между собою по свойству их частей самые близкие сношения.

214. Каждое управление отвечает за движение своей части независимо от другой.

215. Предметы, требующие совокупного рассмотрения всех управлений, вносятся в Совет Финансов.

II. Состав Совета Финансов.

216. Совет Финансов составляется: 1) из Министров Финансов и Казначейства и из Главного Директора счетов; 2) из директоров тех департаментов, к коим наиболее принадлежат дела, в оный поступающие, и кои приглашаются по усмотрению министров.

217. Совет не имеет определенных дней присутствия, но собирается по приглашениям его председателя.

218. Министр Финансов есть председатель сего Совета.

219. Он учреждает присутствие и охраняет порядок рассуждений.

220. Под его руководством составляются журналы сего Совета.

221. Предметы Совета:

1) Всякое новое постановление в учреждениях финансовых, дополнение их и распространение.

2) Рассмотрение ежегодной сметы доходов и расходов.

3) Назначение сумм на расходы непредвидимые.

4) Назначение сумм на издержки чрезвычайные.

5) Годовые отчеты.

6) Составление условий на откупы и подряды.

7) Производство откупов и подрядов, торги и заключение контрактов.

8) Охранение пользы казенных по притязаниям частных людей, в судах производящимся.

9) Важные финансовые меры, требующие тайны, рассматриваются в сем Совете, но без приглашения директоров.

222. К Совету принадлежат два следующие установления:

1) *Комиссия финансовых законов и учреждений.*

223. Предмет сей комиссии есть рассмотрение и составление разных предположений, к лучшему устройству и усовершенствованию финансовой системы служащих, на основании общего ее плана.

224. Министр Финансов поручает сей комиссии все соображения, к предмету сему принадлежащие, и управляет ею непосредственно.

225. Министр Казначейства сообщает в сию комиссию виды его, к усовершенствованию части, ему вверенной, относящиеся.

226. Сия комиссия составляется из людей, в познаниях государственной экономии особенно отличившихся.

2) Комиссия тяжёбных казенных дел.

227. Предмет сей комиссии состоит в том, чтобы в делах спорных, возникающих в губерниях или в Сенате по притязаниям частных людей к казне или по иску казны на частных людях, охранять пользы казенные.

228. Для сего комиссия по делам, в губернии производящимся, состоит в сношении с губернскими казенных дел стряпчими; а по делам сего рода в Сенате Министр Юстиции сносится с Министром Финансов.

229. Если из донесений губернских казенных дел стряпчих комиссия усмотрит какое-либо упущение во вред казны, она представляет о том Министру Финансов, который, судя по положению дела, или дает губернскому стряпчему нужные наставления, или предписывает перенести оное установленным порядком в Сенат.

230. В Сенате никакое спорное дело казенное не может быть решено, не истребовав мнения Министра Финансов.

231. Министр Финансов предлагает оное на рассуждение комиссии и заключение ее, если признает нужным, вносит в Финансовый Совет на общее уважение или прямо представляет в Сенат.

232. Если решение Сената будет не согласно с мнением Финансового Совета, тогда дело поступает в Совет Государственный и восходит на Высочайшее решение.

233. Комиссия тяжёбных казенных дел составляется из четырех членов, из коих один председатель. Она имеет особенного секретаря и несколько письмоводителей.

III. Департаменты Министерства Финансов.

234. В каждом управлении Министерства Финансов находится столько разных департаментов, сколько разные рода дела и совокупность их при подробнейшем образовании сего министерства потребовать могут.

235. Каждый департамент состоит в непосредственном управлении одного директора.

236. Директор, управляющий департаментом, два главных имеет отношения к министру: 1) представлять ему срочные сведения или таблицы о положении части, 2) представлять на разрешение его все случаи, на кои нет точного постановления или где требуются изъяснения и дополнения.

237. Исключая сих двух отношений, директор управляет вверенною ему частью непосредственно и отвечает за ее исправность.

238. От каждого департамента находится при министре один секретарь и несколько помощников, кои и составляют особенную канцелярию

министра. Звание правителя канцелярии определится особенно при подробном учреждении сего министерства.

Печатается по:
Сборник императорского русского
исторического общества. Т. 45. СПб., 1885.

1. Генеральный годовой отчет о государственных доходах и расходах, полагаая расходы по новому предписанию декабря 20-го дня 1796 года¹

Приходов государственных состоит:

<i>Окладных</i>	Рубли	Коп.
1. С купеческого капитала	1.075,526	24
2. С мещан	1.314,529	–
3. С казаков и войсковых обывателей, пользующихся правом винокурения	1.049,068	30
4. С крестьян: подушных, с казенных и помещичьих вообще	14.390,053	45 $\frac{3}{4}$
Оброчных с казенных всякого рода (крестьян)	14.707,921	95 $\frac{1}{2}$
5. Накладных, по 2 коп. с рубля, с подушного и оброчного сбора	613,481	89
<i>Окладных, по временам переменяющихся</i>		
6. Питейных откупных	18.089,393	58 $\frac{1}{2}$
7. С оброчных статей	753,806	59 $\frac{1}{4}$
<i>Неокладных.</i>		
8. Таможенных	5.978,289	81 $\frac{1}{4}$
9. Соляных	841,947	81
10. С горных заводов	1.426,484	52 $\frac{1}{2}$
11. Разного звания неокладных сборов	3.432,691	47 $\frac{3}{4}$
Всего	63.673,194	64 $\frac{1}{2}$

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано тако:

«Мною утверждена 20-го Декабря 1796 года. Павел»

¹ Дело о росписи 1797 года; архив Департамента Казначейства Мин[истерства] Фин[ансов].

КОММЕНТАРИИ

«План финансов» М.М.Сперанского первый и единственный раз был опубликован в 1885 году в Сборнике императорского русского исторического общества (т.45). Этот сборник вышел в свет под названием «Финансовые документы царствования императора Александра I». В предисловии к нему А.Куломзин называл «План финансов» документом, «играющим столь важную роль в наших финансах и представляющим столь любопытную картину господствовавших тогда финансовых воззрений».

Появление «Плана финансов» было предопределено тяжелым финансовым положением страны вследствие неумелого управления и хозяйствования, огромных военных расходов и т.д. В 1808 году дефицит бюджета составил 124 млн руб., а в 1809 году – до 143 млн руб. против 26 млн руб. в 1807 году. Главным источником покрытия дефицита правительство считало выпуск новых ассигнаций. Сумма ассигнаций к 1810 году составила 533,2 млн руб. и курс ассигнационного рубля упал до 33 коп. Правительство пыталось покрыть дефицит бюджета и за счет займов. Первый внутренний заем 1809 года, несмотря на его краткосрочность и выгодные для подписчиков условия (6% и 1% премии и разные льготы), дал ничтожные поступления – всего 3,3 млн руб.

Россия оказалась на грани финансового краха, и в таких условиях М.М.Сперанский был призван Александром I к реформаторской деятельности.

«План финансов» был подготовлен М.М.Сперанским в очень короткие сроки (в этой работе, как уже отмечалось, ему помогал М.А.Балугьянский). В отчете, представленном императору Александру I 11 февраля 1811 года, М.М. Сперанский подводит предварительные итоги финансовой реформы, анализирует процесс осуществления плана финансов, выделяет его положительные моменты. Отчет состоял из четырех частей, затрагивавших наиболее важные и насущные вопросы (по управлению государственной канцелярией, комиссией законов, по плану финансов и финляндским займам).

В части, посвященной финансам, М.М. Сперанский вновь подчеркивает, что для спасения финансов России следует выполнить два главных требования: платить долги и уравнивать доходы с расходами. Исходя из этого, он выделяет две главные части плана финансов: кредитную систему и равновесие доходов. Возвращаясь к анализу кредитной системы, Сперанский кратко повторяет основные положения, выдвинутые им в «Плане финансов» (1810), для уплаты долгов:

«I. Остановить выпуск ассигнаций.

II. Отделить из государственных имуществ особенный капитал для погашения.

III. Чтобы ускорить движение сего капитала, открыть на счет его заем».

Несмотря на обилие критики и возражений, направленных против этих положений, М.М. Сперанский считал их в целом выполненными. Он констатирует, что выпуск ассигнаций прекращен, имущества продаются выше самой высокой их оценки, заем идет, падение курса денег остановилось, а его рост должен начаться с 1 февраля 1811 года. Как и прежде М.М.Сперанский подчеркивает важность «кредитных бумаг» и считает необходимым «основать новый» кредит. Он замечает, что от кредита «зависит жизнь и постоянное движение всех государственных богатств». Касаясь вопросов равновесия доходов и расходов, он пишет: «В сей части плана финансов сделаны следующие положения:

I. Установлена монетная система¹.

II. Учрежден порядок, коим сметы расходов должны быть составлены, рассматриваемы и охраняемы.

III. Экономическими суммами, прибавкою в налогах и другими пособиями удовлетворены все издержки 1810 года и обеспечены расходы 1811 года.

IV. Издано коммерческое положение на 1811 год».

В то же время Сперанский в своем отчете указывает на неудовлетворительное решение проблем, связанных с государственными доходами, подчеркивая, что он не достиг уровня 1787 года, то есть времени выпуска ассигнаций.

¹ Реформа денежной системы осуществлялась в рамках всеобщих финансовых преобразований. В соответствии с манифестом от 20 июня 1810 года о новом устройстве монетной системы, главной денежной единицей государства объявлялся серебряный рубль достоинством в 4 золотника и 21 долю чистого серебра. «Все прочие серебряные и золотые монеты оставались в свободном обращении по курсу к этому рублю. Но чеканиться в дальнейшем должна была лишь монета, определенная манифестом, а именно: банковая, или торговая, – рубль и полтина, серебряная, разменная в 20, 10 и 5 коп., и медная, разменная в 2, 1 коп. и в полкопейки, или в одну деньгу. [...] Манифест ... повелевал с 1811 г. все акты, крепости, векселя, условия и сделки во всех губерниях заключать в российской монете. Счет на иностранную монету во всех внутренних сделках следовало прекратить, а с 1812 г. запрещались хождение и ввоз иностранной мелкой разменной монеты» (Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., 1994. С. 22–23).

По мнению М.М. Сперанского, основными статьями дохода могли быть:

1. Личная подать.
2. Поземельная подать.
3. Сбор с винокурения.
4. Налог с промышленности и торговли (подати с купечества, таможенные сборы, подати с медных и железных заводов).
5. Доход с казенных имуществ, лесов и заводов.

Все остальные подати он считал незначительными и предлагал их упразднить. Надо отдать должное М.М. Сперанскому: делая некоторые выводы по осуществлению финансовой реформы, говоря об их результатах, он критически отнесся к своему плану финансов, возлагая при этом большую часть ответственности за его неполное выполнение на правительство. «Многие думают, что план финансов совершенно уже исполнен и все операции, в нем предназначенные, приведены в действие, – писал он. – Мнение сие никакого не имеет основания. Из всего выше изложенного видно, что некоторые только его части обработаны и изданы, другие же по стечению работ и теперь еще остаются без действия». (Сперанский М. Отчет в делах 1810 года, представленный императору Александру I 11-го февраля 1811 года. (Сообщено А.Ф.Бычковым). Сборник императорского Русского исторического общества. Т. 21. СПб., 1877. С. 447–462).

* * *

С. 40.

* *Капитул российских Орденов* – орденские советы или комиссии, где сосредоточивались все дела по орденам.

С. 41.

* *Ефимок* – иностранная серебряная монета, в больших количествах ввозившаяся на Русь в XVI–XVII вв. Название происходит от Joachimsthaler – первых талеров, чеканившихся в Йоахимстале (Сев.–Зап. Чехия). В 1655 году была сделана попытка ввести ефимки в обращение по узаконенной цене в 64 коп. Законность ефимок как платежного средства удостоверялась специальным русским клеймом, или «признаком» (изображение всадника на коне). Такие ефимки получили наименование ефимок с «признаком». Они выпускались всего один год. Вес ефимок (ок. 28 г.) был положен в основу веса серебряного рубля, чеканившегося с начала XVIII в.

** *Поташ* – нейтральная углекалиевая соль, K_2CO_3 , в состав которой в безводном состоянии входит 56,5% калия, 8,7% углерода и 34,8% кислорода. Используется в промышленных целях. В России и зарубежных

странах всегда пользовался большим спросом, и потому на отпуск этого товара увеличивали пошлину.

С.49.

* Еще в 1809 году в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» М.М.Сперанский писал: «Богатство государственное есть всегда в сложном содержании способов естественных и труда, на них употребленного. Поелику доходы не что другое суть, как часть государственного богатства, уделаемая на содержание управления, то из сего следует, что государственная экономия имеет два главные предмета:

- 1) приумножать вообще массу государственного богатства;
- 2) извлекать из нее доходы образом наименее отяготительным и распределять их на содержание управления без недостатку и излишества.

Посему два главные отделения должно себе представлять в управлении экономическом.

В одном ведаются источники народного богатства в отношении к их приумножению. Сюда принадлежат разные способы к ободрению земледелия, к управлению мануфактур, коммерции, промыслов и заводов.

В другом ведаются доходы, из общих источников извлекаемые, распределяемые и сохраняемые. Сюда принадлежат подати, таможи, оброчные и откупные статьи и проч.

Первое отделение имеет столько частей, сколько есть в государстве значащих ветвей промышленности, отделение сие можно назвать *государственным хозяйством*.

Второе отделение имеет две главные части:

- 1) извлечение доходов и распределение их по частям, требующим содержания;
- 2) счет и хранение остатков. Отделение сие можно назвать *отделением финансов*.

(Сперанский М.М. Проекты и записки. М., Л., 1961. С. 102.).

С. 51.

* Термин *вакенбух* относится к остзейскому (прибалтийскому) крестьянскому праву и происходит от эстонского слова «Wak» – мера для зерна. В эпоху господства ливонского ордена это слово употреблялось для обозначения территориального понятия дворянской вотчины, а затем – отбываемых в пользу вотчинника крестьянских повинностей. В XVII веке правительство Швеции предписало выяснить размеры крестьянских участков и повинностей с тем, чтобы они были занесены в особые книги. Эти книги были названы «Wackenbücher» и послужили, отчасти, образ-

цом «уставных грамот» для бывших крепостных крестьян. Вакенбухи являлись своего рода кадастровыми книгами. В этом смысле и был употреблен М.М.Сперанским данный термин.

С. 52.

* *Сбор с плакатных паспортов* – впервые фискальное значение паспорт получил в 1763 году как средство для сбора паспортных пошлин (за годовой паспорт взимался 1 руб. 45 коп.).

С. 58.

* Вопросы *теории монетной и кредитной системы* как основы оздоровления всей финансовой системы оставались предметом пристального внимания М.Сперанского. (См. также: *Сперанский М.М. Мысли о новых билетах казначейства // Русская старина. Т.8. СПб., 1873. С. 585–588; Сперанский М.М. Записка о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина. СПб., 1895).*

С. 60.

* *Ажио* – превышение биржевого (рыночного) курса ценных бумаг, других фондовых ценностей или денежных знаков по сравнению с их нарицательной стоимостью. Обычно исчисляется в процентном отношении к номиналу. Противоположностью ажио является дизажио.

С. 62.

* *Облигация* (от лат. obligatio – обязательство) – ценная бумага, представляющая собой долговое обязательство, по которому кредитор ежегодно получает годовой доход в виде фиксированного процента. Доход может выплачиваться в форме выигрышей, разыгрываемых в специальных тиражах, или путем оплаты купонов. Облигации подлежат погашению (выкупу) в течение определенного, заранее установленного при выпуске займа срока.

В дореволюционной России облигации назывались процентными бумагами. Они выпускались частными, общественными или правительственными учреждениями. Облигации представляли собой долговые обязательства этих учреждений. Посредством выпуска облигаций привлекался ссудный капитал или совершался заем. Долговой или заемный характер облигации являлся главным отличием от акции.

Держатель облигации не имел права распоряжаться капиталом предприятия пока оно нормально функционировало, но его право на капитал проявлялось в случае конкурса. Спорным считался вопрос относительно государственных процентных бумаг.

По характеру дохода, получаемого от процентных бумаг, последние делились на две большие категории: фонды, т.е. бумаги, которые приносили держателям постоянный, фиксированный ежегодный доход, и дивиденды.

дендные бумаги, доход от которых колебался из года в год и зависел от прибыльности предприятия.

Фонды, в свою очередь, делились на государственные, или гарантированные государством, и частные. Различие между частными фондами и дивидендными ценностями, кроме отличия по характеру дохода, выразилось еще и в том, что первые пользовались преимущественным правом удовлетворения из того капитала, который в них был представлен.

С. 66.

* Профессор В.Н.Твердохлебов придерживался мнения, что «ошибки финансового плана – изъятие ассигнаций путем займов и продажи государственных имуществ – вполне понятны: эти мероприятия считались чуть ли не аксиомами в капиталистических странах, в экономической литературе классической школы». (Проф. В.Твердохлебов. Сперанский и его деятельность в области финансов и денежного обращения // Советские финансы. 1945. № 12. С. 28.) Между тем одним из немаловажных тезисов, положенных в основу «Плана финансов», являлось осуждение бумажноденежной инфляции, приводившей к тяжелым последствиям. Для оздоровления денежной системы М.М.Сперанский предлагал не только прекратить выпуск ассигнаций, но и приступить к их постепенному выкупу государством за счет продажи государственных имуществ. Он подробно останавливался на том ущербе, который наносят государству бумажные деньги и требовал возврата к нормальному металлическому обращению.

С. 92.

* Теоретические выкладки по устройству и организации органов управления содержались в законодательных проектах и записках М.М.Сперанского (См., например: «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803), «Краткое начертание государственного образования» (1809), «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» (1809) // Сперанский М.М. Проекты и записки. М., Л., 1961). Для наглядности приведем цитату из «Общего обозрения всех преобразований и распределения их по временам»: «Положение наших финансов требует непременно новых налогов и весьма нарочитых. Без сего никак и ни к чему приступить невозможно. Налоги тягостны бывают особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому с очевидностью и подробно доказать их необходимость. Следовательно, очевидность сию должно заменить убеждением в том, что не действием одного произвола, но необходимостью, признанного и представленного от Совета, полагаются налоги. Таким образом, власть державная сохранит к себе всю целостность народной любви, нужной

ей для счастья самого народа; она оградит себя от всех неправых нареканий, заградит уста злонамеренности и злословия, и самые налоги не будут казаться тягостными с той минуты, как признаны будут необходимыми».

Другая цитата из того же произведения М.М.Сперанского: «Скрывать затруднения финансов есть верный способ умножать запутанность и питать беспокойство; к тому же ежедневное падение бумаг преграждает всякую возможность скрыть настоящее их положение. Первый шаг исправления есть признать публично сии затруднения, но вместе с тем показать средства и пути исправления. Кто чувствует свою силу, тот не боится угроз или нареканий. Россия в отношении к ее финансам точно стоит в сем отношении».

Н. И. ТУРГЕНЕВ

ОПЫТ ТЕОРИИ НАЛОГОВ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ТУРГЕНЕВ

Первую биографию Н. И. Тургенева написал его дальний родственник, известный русский писатель И. С. Тургенев. Он отмечал, что Николай Иванович родился не в 1787 и не в 1790 году, как было ошибочно показано в нескольких биографиях, а 11 (22) октября 1789 года. Его родители – Иван Петрович Тургенев и Екатерина Александровна, урожденная Качалова¹.

Раннее детство Н. И. Тургенев провел в Симбирске. Жил он главным образом в родовых селах Тургенева и Ахматове. В декабре 1796 года Тургенева переехали в Москву. Когда Николаю исполнилось девять лет, его поместили в университетский благородный пансион. В 1803 году он был переведен в старшее отделение пансиона и мог слушать лекции некоторых профессоров по назначению и выбору начальства или родителей. В четырнадцатилетнем возрасте он был записан на службу в архив коллегии иностранных дел. Н. И. Тургенев закончил пансион 22 декабря 1806 года с золотой медалью. С 1807 по 1808 год был вольным студентом в Московском университете. Летом 1808 года он уехал из Москвы в Петербург, откуда, недолго погостив у брата Александра, отправился за границу². Свое образование Тургенев продолжил в Геттингенском университете, где слушал лекции Шлецера, Гефера, Геде и других ученых по политэкономии, философии, юридическим и историческим наукам. Геттингенский университет являлся в то время наиболее

¹ *Тургенев И.С.* Николай Иванович Тургенев // *Декабристы в воспоминаниях современников*. М., 1988. С. 47–48.

Е.И. Тарасов писал, что время рождения Н.И. Тургенева определялось 10–11 октября, а это оказалось неверным. Он исправляет дату на 28 сентября на основании собственных указаний Тургенева в его дневнике.

² *Тарасов Е.И.* Из истории декабристов. Детство и юность Николая Ивановича Тургенева. Пг., 1915. С. 8–32. *Он же.* Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения. Самара, 1923. С. 47–91.

передовым центром науки и притягивал своими идеями многих молодых людей со всей Европы¹.

1811 год Н.И. Тургенев посвящает не только учебе, но и знакомству с Европой. Много путешествует: он побывал в Лейпциге, Саксонской Швейцарии, Дрездене, Гейдельберге, Париже, Женеве, Цюрихе, Милане, Риме, Неаполе и других городах.

После завершения образования (1812) Н.И. Тургенев поступил в комиссию по составлению законов, а в следующем, 1813 году, назначен русским комиссаром Центрального административного департамента союзных правительств, во главе которого стоял прусский барон Штейн. В качестве комиссара этого департамента Тургенев сопровождал русские войска в походах 1814–1815 годов².

В конце 1816 года Н.И. Тургенев вернулся в Россию. По его словам, в конце 1819 года он был принят князем С.П. Трубецким в Союз Благоденствия, устав которого («Зеленая Книга») в качестве основной цели определял «общественное благо»³.

С 1816 по 1824 год главными занятиями Н.И. Тургенева являлись служба и литературная деятельность. После возвращения из-за границы он был назначен исполняющим должность статс-секретаря Государственного совета, а с 1819 года еще и управлял 3 отделением канцелярии министерства финансов. В эти годы Н.И. Тургенев знакомится со многими будущими декабристами и поддерживает с некоторыми из них тесные дружеские отношения⁴. В отечественной литературе сложилось устойчивое мнение, что он являлся одним из создателей и руководителей Северного общества и «Союза Благоденствия». Однако один из самых серьезных исследователей жизни и деятельности Н.И. Тургенева, Е.И. Тарасов, считал, что в деятельности Северного общества он принимал пассивное участие, присутствуя лишь на немногих его собраниях, и действительно вступил в «Союз благоденствия» в конце 1819 года.

В 1824 году Н.И. Тургенев выехал за границу на лечение. Известие о смерти Александра I и восстании 14 декабря 1825 года он получил в Париже. После этого переехал в Лондон и весь следующий год путешествовал по Англии. Здесь он узнал о своем привлечении к суду по делу о тайных обществах, о ходе следствия, о приговоре и его вступлении в силу⁵.

¹ Декабристы. 86 портретов. М., 1906. С. 242–244.

² Там же.

³ Тургенев Н. Россия и русские. М., 1907. Ч. 1. Т. 1–2. С. 56–57.

⁴ Декабристы. 86 портретов. С. 244–245.

⁵ Декабристы и их время. Т. 1. М., 1932. С. 109.

Следственной комиссией Н.И. Тургенев обвинялся в том, что: 1) принадлежал к тайному обществу; 2) участвовал в 1820 году в совещаниях коренной думы, где выдвигалось целью введение республики; 3) занимал место председателя в совещаниях в Москве в 1821 году, когда объявлено было мнимое уничтожение общества; 4) по возвращении в С.-Петербург намеревался опять составить общество, для чего избрал некоторых из старых членов и принял новых; 5) в 1823 году участвовал в восстановлении почти разрушившегося общества; 6) знал о решении Южного общества ввести республику и сам был настроен в республиканском духе; 7) по вызову, сделанному с высочайшего утверждения, к ответу из чужих краев не явился, но прислал объяснение, которое, однако, не принято в уважение, как потому, что оно основано на городских слухах, так и потому, что он обязан был лично принести свои оправдания и в случае надобности очными ставками опровергнуть сделанные на него показания.

По приговору Верховного уголовного суда Н.И. Тургенев был осужден к ссылке в каторжную работу навечно¹.

Николай Иванович остался за границей. В своих письмах, адресованных брату, Сергею Ивановичу, он излагает взгляды на тайные общества и касается своего в них участия. В письме, отправленном из Лондона 20 июля 1826 года, он пишет: «...будучи в обществе, я имел только одну цель: освобождение крестьян, и ... эту цель почитал и почитаю важнейшею для меня в жизни... Из подробных объяснений подсудимых всякий беспристрастный человек должен убедиться в незначительности бывших обществ»².

Отвечая на доводы Следственной комиссии, Н.И. Тургенев пишет оправдательную записку. Касаясь мотивировки своего осуждения, он приводит целиком обвинительные пункты и опровергает их. В частности, он отмечал: «...я не принимал участия ни в образовании общества, ни в его восстановлении; я не привлекал новых членов; я не присутствовал, по словам донесения, на других совещаниях, кроме тех, которые имели своим предметом роспуск общества. Остается только установленным мое участие в сообществе, цель которого была определена уставом,

¹ Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственною Комиссиею, составлен 1827-го года // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 326.

² Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. С. 468.

рассмотренным следствием, не нашедшим в нем ничего, кроме банальностей»¹.

Оставаясь за границей, Н. И. Тургенев не перестает думать о братьях. Мысль о вечной разлуке с Родиной и с родными угнетает его. Он даже думает о возвращении в Россию и явке на суд. Со временем он вновь обращается к оправдательной записке и укоряет себя в малодушии, объяснение свое считает недостойным человека честного и гордого.

Волею судьбы Н. И. Тургенев стал эмигрантом и жил сначала в Англии, потом преимущественно в Париже. В 1833 году он женился, познакомившись со своей будущей супругой, Кларой, урожденной де Виарис, в Швейцарии.

В своих воспоминаниях Д.Н. Свербеев писал, что впервые встретился с Н.И. Тургеневым осенью 1833 года в Женеве. Он увидел в Николае Ивановиче серьезного человека, глубокого ученого, редко веселого, чаще пасмурного и задумчивого. Таким представился он в счастливую минуту своей жизни, писал Свербеев, за несколько дней до его женитьбы на дочери пьемонтского изгнанника, генерала Гастона Виариса².

Николай Иванович и его жена воспитали троих детей: дочь Фанни (13. 2. 1835–5. 2. 1890); сыновей Альберта (Александра, 21. 7. 1843–13. 1. 1892), художника и историка искусства, и Петра (21. 4. 1853–21. 3. 1912), скульптора, с 29 декабря 1907 года почетного члена Академии наук³.

В 1856 году Н. И. Тургенев был восстановлен во всех своих прежних правах и в следующем же году прибыл в Россию. Тогда же он приступил к устройству своих крестьян на условиях, очень выгодных для них и очень неудобных для него.

Умер Н. И. Тургенев в 1871 году близ Парижа на своей вилле Vert Vois, похоронен на кладбище Pere Lachaise. Иван Сергеевич писал, что Николай Иванович скончался тихо, почти внезапно, без предварительной болезни. За два дня перед кончиной, несмотря на свои восемьдесят два года, он еще совершал прогулки верхом. Биография заканчивается словами: «Память его останется навсегда драгоценной для всех, кто знал его; но и Россия не забудет одного из лучших своих сынов»⁴.

¹ *Тургенев Н.* Россия и русские. Ч. 1. Т. 1–2. С. 180–181.

² *Декабристы в воспоминаниях современников.* М., 1988. С. 51–52.

³ *Декабристы. Биографический справочник.* С. 180.

⁴ *Тургенев И.С.* Николай Иванович Тургенев. С. 49–51.

“Опыт теории налогов” Н.И. Тургенева. Обзор критики.

В 1830 году в Санкт-Петербурге в типографии Н. Греча вышла небольшая книжка под названием: «Некоторые замечания на «Опыт теории налогов», изданный г. Тургеньевым. Сочинение Действительного Статского Советника Николая Демидова».

Удивительным выглядит тот факт, что ни в одной из книг и статей, посвященных творчеству Н. И. Тургенева, эта работа не упоминается. Более чем странным кажется и то, что ни словом не обмолвился об этой работе самый добросовестный и скрупулезный исследователь его творчества и биографии Е. И. Тарасов. Сам же Н. Демидов так определил цели и задачи своей работы: «Отдавая должную справедливость книге под заглавием: «Опыт теории налогов», мы отваживаемся однако же сказать, что по прилежном исследовании оказываются в ней как недостатки в самой теории налогов, так равно и некоторые правила и заключения, основанные на одних умозрениях, не согласующиеся с опытом времен прошедших и с настоящими происшествiями, а потому и приняли мы намерение издать некоторые замечания на сию книгу, заслуживающую особое уважение по той чистоте и плавности слога, которым отмечается сие произведение...».

Приступая к анализу «Опыта теории налогов», Н. Демидов обращает внимание на игнорирование исторических аспектов в развитии налоговых систем европейских государств, указывает на отсутствие сведений относительно налогов, существовавших в начале образования европейских государств и России, в том числе вопросам их происхождения, а также усовершенствования налоговых систем этих государств. Критик выражает свое несогласие с определением налога, которое дает Н. И. Тургеньев. Н. Демидов определяет, что «налог есть участок имущества и трудов частных людей, уделаемый им на удовлетворение нужд и пользы общественных, и следовательно своих собственных». Он не согласен с утверждениями автора о том «что всякий налог есть зло, ибо лишает платящего части его собственности», а также с применением к налогу слов И. Бентама, который говорил о всяком законе как о зле, ибо всякий закон нарушает свободу. Рассуждая на эту тему, Н. Демидов заключает, что «закон в общем смысле не есть зло, не искореняет зло и назидает добро».

Демидов не согласен с тем, что налоги составляют единственный источник государственных доходов, и пишет: «... государственные доходы, кроме налогов, взимаются еще и с разных оброчных статей, с казенных доходов, фабрик, коммерческих заведений...» Он точно подмечает спорные моменты: «Пошлины за купчую или дарственную запись на землю не есть ли налог на самую землю, тем более, что почасти пошлины сии превышают и самый доход с таковой земли? Пошлины, взимаемые при межевании, и поземельные деньги, нерасчисленные по доходам с земель, не суть ли налоги с самой земли, ибо нередко часть таковых земель никакого не приносят дохода».

Н. Демидов предлагает и иной вариант классификации налогов. Он выделяет налоги:

- 1) с земли,
- 2) с доходов от земли,
- 3) с капиталов,
- 4) с доходов от капитала,
- 5) с лиц или работы,
- 6) с доходов лиц или работы,
- 7) со всех трех источников дохода без различия.

Демидов подвергает критике позицию Н.И. Тургенева по вопросу о таможенных и пограничных пошлинах, отмечая, что «Сочинитель вооружается против запретительной и распорядительной системы»; правила сбора таможенных пошлин называет произвольными и считает, что умозаключения автора построены на сомнительном принципе: «...в 1-м правиле Сочинитель выставляет, что «пошлину с иностранных товаров следует тогда только взимать, когда на таковой же товар собственного изделия наложен налог внутри государства, дабы тем не дать преимущества в совместничестве иностранному изданию пред своими». Он критикует и другие правила Н. Тургенева: репрессалии, правило, по которому никогда нельзя запрещать ввоза и вывоза товаров, обязанность поощрять иностранную промышленность, допуск прибавки пошлины на иностранные товары, «когда случайное и мгновенное изобилие ввозимого товара может сделать подрыв внутренним производением».

Заканчивая анализ третьей главы «Опыта теории налогов», Демидов пишет, что не одобряет ее, и в особенности «подразделения разных отраслей налогов и их источников».

В противовес Н. И. Тургеневу он считает основным источником пополнения казны от налогов налоги на предметы роскоши, а не на необходимые для жизни предметы (например, на хлеб, на соль и т. д.). Ины-

ми же важными источниками государственных доходов, по мнению критика, являются казенные имущества, к коим он относит: земли, воды, рудники, заводы, фабрики и другие заведения.

Рассматривая главу, посвященную сбору налогов, критик подчеркивает, почему, по его мнению, трудно отдавать предпочтение форме сбора с помощью откупщиков, а не взиманию налогов самим правительством. Н. И. Тургенев объяснял пользу сбора налогов правительством притеснениями налогоплательщиков со стороны откупщиков.

Всю шестую главу книги «Опыт теории налогов» Демидов определяет «как последствие той ложной и несчастной мысли, что налог, подобно как и закон, есть зло».

До выхода в свет книги Н. Демидова в прессе неоднократно появлялись критические заметки на «Опыт теории налогов», например, в популярном в то время «Духе Журналов» за 1820 год, № 4, 5 и 6. Анонимный автор эмоционально по форме подверг критике работу Н. И. Тургенева¹. Его раздражало преклонение перед английской конституцией, агитация за парламентский способ установления податей и налогов. Он обвинил Н. И. Тургенева в компиляции. Во второй и третьей статьях критик Н. И. Тургенева в корне отрицает возможность парламентариев выражать интересы населения, в частности, в вопросах установления шадящих налогов. Н. И. Тургенев упрекал критика за неосведомленность в исследуемых им проблемах.

Книга Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» не осталась незамеченной и в более позднее время. Расцвет российской финансово-правовой науки приходится на вторую половину XIX века. Ученые, жившие и творившие в тот период, по-разному оценили «Опыт теории налогов». Так, И. И. Янжул о достоинствах книги Н. И. Тургенева отзывался очень лестно: «Если бы это сочинение было в свое время издано на языке более распространенном в Западной Европе, оно заняло бы видное место между лучшими в начале XIX в. трудами по теории налогов и осталось бы на них не без влияния. Автор основательно изучил экономическую литературу Германии, Англии и Франции и, в отличие от большинства, по своим воззрениям в некоторых отношениях является даже оригинальным. Книга его подробно трактует все вопросы о налогах, начиная от их происхождения и источника до описания различных видов и

¹ См. также: Пиксанов Н. Безвестные статьи Н.И. Тургенева. (К истории русской публицистики.) // Декабристы и их время. Т. 2. М., 1932. С. 113–129.

общего действия, причем бумажные деньги рассматриваются как особый вид налогов.

С обширными сведениями автор соединяет тонкий аналитический ум и дар прекрасного изложения. Его критические замечания на некоторые воззрения Юма, Канара сохраняют свою цену до сих пор. По условиям того времени и состоянию самой финансовой науки на Западе, сочинение Тургенева долго оставалось у нас своего рода оазисом в пустыне¹.

Другой известный специалист в области финансового права, профессор В.А. Лебедев считал «Опыт теории налогов» замечательным явлением, одновременно подчеркивая, что сочинение это, «составленное из иностранных источников, не содержит в себе почти никаких указаний относительно России»².

Восторженно отзывался о Н. И. Тургеневе и его книге «Опыт теории налогов» В. В. Святловский³. Он называл автора новатором в области финансов и первым человеком, давшим превосходное учение о налогах. В. В. Святловский особое внимание обращает на вывод о невозможности отождествления права требовать подати с правом налагать их, а также на призывы к облегчению налогового бремени крестьянства и переложению его на привилегированные сословия. Его также привлекает предложение о реформировании способа взимания податей, по которому вместо обложения налогом заработной платы предлагалось взимать его только с чистого дохода.

Серьезный и детальный анализ работы Н. И. Тургенева был осуществлен профессором Е. И. Тарасовым в выпущенной им в 1923 году книге «Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк по истории либерального движения». Е.И. Тарасов подчеркивал особую ценность третьей главы «Опыта...» – самой обширной, дающей классификацию источников и способов налогообложения. По мнению Тарасова, автор довольно удачно для своего времени определил налоги, но не понял мысли Адама Смита, говорившего, что «государство для полезных предприятий должно не соотносываться с доходами и не стесняться расходами, раз надо ввести какое-либо полезное усовершен-

¹ Янжул И.И. Финансовая наука (Россия) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1899. Т. 55. С. 855–856.

² Лебедев В.А. Финансовое право. Т. 1. СПб., 1889. С. 191.

³ Святловский В.В. К истории политической экономики и статистики в России. Сб. статей. СПб., 1906. С. 56–67.

ствование»¹. Он также отмечает, что вторая глава – «Главные правила взимания налогов» – есть повторение и разъяснение того, что имеется у Ад. Смита в его книге «Исследования о природе и причинах богатства народов».

Скруплезно исследуя «Опыт теории налогов», Е. И. Тарасов утверждает, что «свою книгу Тургенев писал, широко пользуясь и во всем руководствуясь неизданными лекциями о финансах проф. Сарториуса, отчасти пятою книгою сочинения Ад. Смита»². В доказательство своей догадки он приводит несколько доводов и примеров. В частности, он пишет, что Н. И. Тургенев использовал при работе над своей книгой 155 сочинений разных ученых, которые вдохновляли его на написание книги, а конспектом и руководящей нитью служили записи лекций Сарториуса о финансах. Е. И. Тарасов отмечает, что поля страниц этих лекций испещрены разными характерными значками, указывающими, что Н. И. Тургенев подолгу работал над каждой страницей и над каждой фразой конспектов, брал из них указания, справки и выдержки. Тщательное сопоставление лекций Сарториуса с трудом Н. И. Тургенева позволило Тарасову прийти к выводу о том, что автор, работая над своей книгой, постоянно руководствовался этими лекциями. Это не удивило Е. И. Тарасова, поскольку у Н. И. Тургенева, по его мнению, интерес к политической экономии и финансам появился только в Геттингене и под влиянием Сарториуса. В то же время он отмечает, что при написании двух первых глав («Происхождение налогов» и «Главные правила взимания налогов») Н. И. Тургенев не мог использовать лекции Сарториуса, так как в них ничего нет о происхождении налогов.

Е.И. Тарасов объясняет приводимые им доказательства не с целью утверждения, что Н.И. Тургенев просто списал или перевел лекции своего учителя, а для того, чтобы показать сколь велика была его зависимость от Сарториуса и о роли лекций, облегчивших ему не только тщательное изучение налогов, но и написание самой книги. Как полагает профессор Тарасов, русские ученые позднейшего времени (Лебедев, Янжул, Ходский, Исаев, Святловский и др.) не изумлялись бы такому чуду, как «Опыт теории налогов», если бы потрудились изучить источники написания книги Тургенева.

Книга Тургенева имела шумный успех, в 1819 году автор выпустил второе ее издание. Многие известные люди России отнеслись к этой ра-

¹ Тарасов Е.И. Указ. соч. С. 234.

² Там же. С. 288.

боте весьма доброжелательно. Среди них были граф Н.П. Румянцев, Н.С. Мордвинов, граф С.О. Потоцкий. Н.И. Тургенев стал популярным и в среде либеральной молодежи.

Е.И. Тарасов считает, что среди современников не нашлось компетентного критика, который смог бы всесторонне изучить и объяснить значение «Опыта...». Он же указывает (это сделал и В.В. Святловский), на небольшую рецензию, напечатанную в «Сыне Отечества» в 1818 году (№ 50, 51). Ее автор А.П. Куницын, по словам Е.И. Тарасова, дает пересказ содержания книги без критического анализа. Кроме этого отзыва он упоминает еще короткий отзыв Ф.Н. Глинки «Несколько мыслей о пользе политических наук» (1819), не имевший научного значения.

Что касается иностранных откликов на «Опыт теории налогов», то до нас дошла одна короткая заметка-рецензия, напечатанная в венском «Gonversations-Welt» (1820).

В более поздних работах, посвященных научному наследию Н.И. Тургенева, зримо ощущались идеологические оттенки. Однако данное обстоятельство не служило препятствием к появлению глубоких аналитических исследований, в т. ч. посвященных «Опыту теории налогов».

В предисловии к переизданному в 1937 году труду Н.И. Тургенева рассматриваются наиболее интересные сюжеты. И.Г. Блюмин¹, автор вступительной статьи, считает, что книга привлекла к себе значительное внимание благодаря своему общественно-политическому значению. По его мнению, Н.И. Тургенев в своем «Опыте теории налогов» выступает не только против крепостного права, но и против всяких форм внешне-экономического принуждения, в том числе против принудительных работ в пользу правительства, против всевозможных личных повинностей. Одной из важнейших идей тургеневского «Опыта...», отмечает И.Г. Блюмин, является вывод о том, что эффективность налоговой системы непосредственно зависит от политического состояния страны, от степени реализации буржуазных политических свобод. Он приходит к выводу, что Н.И. Тургенев в своей работе находится под исключительным влиянием Адама Смита, что выразилось в полном поддержании фритредерских идей последнего.

Н.И. Тургенев, по словам И.Г. Блюмина, заимствовал у А. Смита наивную веру в капитализм как в безоблачное царство счастья и довольства, и эту веру в совершенство капиталистического строя, в догмат о

¹ См. также: Блюмин И.Г. Экономические взгляды Н.И. Тургенева // Проблемы экономики. № 4. 1936. С. 105–124.

всепасающей благодетельной роли свободной конкуренции он сохранил до конца своей жизни.

Завершая статью, И.Г. Блюмин отмечает, что «Опыт теории налогов» был написан Н.И. Тургеневым в лучшую пору его творческой деятельности, эта книга дает богатый материал для характеристики взглядов той эпохи, и, наконец, сыграла прогрессивную роль для России.

В конце 60-х годов в одном из фундаментальных исследований по истории русской экономической мысли ученые вновь возвращаются к теоретическим обоснованиям Н.И. Тургеневым налоговой и денежной систем¹. По их мнению, рассматривая налоговую политику царского правительства, Н.И. Тургенев имел возможность обсуждать и вопросы земледелия, промышленности, положение различных классов общества; защищал принцип взимания налога только с чистого дохода, не затрагивая самого капитала. Они также обращают внимание на другие позиции, содержащиеся в «Опыте теории налогов»:

- решительное выступление против физиократов, против их проекта установить единый налог с земли;
- одобрение существования косвенных налогов;
- поддержание государственного кредита и др.

Особо выделяется определение методологических основ теории финансов как науки, основанной на «наблюдениях, замечаниях, сделанных на опыте в течение нескольких лет». Авторы явно не одобряют отречение Н. И. Тургенева от политических и экономических целей декабризма и переход на позиции либерализма, вместе с тем признают, что его творческое наследие занимает значительное место в прогрессивном развитии русской экономической науки в России.

Закончив работу над «Опытом...», Н.И. Тургенев посвящает себя исследованиям по уголовному праву и уголовному судопроизводству. В его архиве был найден черновой набросок, носящий заглавие: «Теория политики», часть вторая «Управление государства». На первой странице помещено предполагаемое содержание этой части. Намечались четыре главы: в первой речь должна была пойти о разделении управления (право, полиция, финансы), во второй – о законах, в третьей – о полиции, а в четвертой – о финансах. Судя по дневнику, данную работу он начал

¹ См.: История русской мысли. Т. 1. Часть вторая. 1800–1861 гг. / Под ред. члена-корр. АН СССР А.И. Пашкова. М., 1958; Штейн В.М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948. Гл. 2.

писать 2 апреля 1820 года¹. В опубликованных дневниках (Т. 3. 1921) упоминаются и другие сочинения Н. И. Тургенева: «Нечто о барщине» – работа, написанная в 1818 году и сохранившаяся в черновом варианте, а также «Записка 1819 года. Нечто о крепостном состоянии в России».

¹ Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1816–1824 годы. Т. 3 / Под ред. и с примечаниями проф. Е.И. Тарасова. Пг., 1921. С. 386–387; *Тарасов Е.И.* Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху... С. 258.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мере успехов образованности хозяйство государственное приобретало более и более влияния на судьбу народов. Сие влияние, простирающееся на благоденствие и даже на величие государств, есть отличительная черта времен новейших в сравнении их с древними.

Утонченная образованность часто губила народы. Невежество, грубость нравов бывали прежде, так сказать, необходимым условием их независимости, могущества, славы. Напротив ныне образованность и просвещение, утверждая независимость, сделались новым источником и славы и могущества; самое благосостояние народов соделалось вместе орудием и залогом их свободы.

После многих долговременных заблуждений успехи разума имели наконец одним из блистательных и полезнейших следствий открытие тайны богатств народных. Государства, подобно частным людям, всегда желали обогащения, предполагая – и в сем случае с большею справедливостью, нежели люди частные, – что богатство ведет к благоденствию; но средства, избираемые для достижения сей важной цели, редко были верны. Еще и ныне предрассудки, необходимое следствие или малораспространенной образованности, или привычки, препятствуют государствам идти по открытому пути твердыми шагами.

В таком положении вещей искоренение мнений ложных, следственно вредных, и распространение справедливых неоспоримо должно способствовать благу общему. Сие самое указывает на необходимость и пользу науки, представляющей истинные правила, на коих зиждется, которыми сохраняется благоденствие народов.

В нашем отечестве сведения по части политической экономии начали распространяться с очевидным успехом. Даже иностранцы, занимающиеся сею наукою, с удовольствием замечают, что во всех российских университетах учреждены для политической экономии особенные кафедры и что она входила в курс наук, которые были преподаваемы великим

князьям российским¹. Должно также заметить, что успех новейших финансовых учреждений в России, который еще более обнаружится впоследствии, происходит единственно оттого, что они основаны более или менее на справедливых началах государственного хозяйства, успех, какого в подобных обстоятельствах тщетно искали многие другие правительства. Все сие делает излишним доказательства общей пользы, происходящей от изучения науки государственного хозяйства. Остается желать, чтобы благодетельный свет ее более и более распространялся не только в нашем отечестве, но и в государствах иностранных².

Заметим, однако же, особенное влияние, более нравственное, которое сия наука может иметь на человека.

Кроме существенных выгод, которые доставляет политическая экономия, научая, например, не делать вреда, когда стремишься к пользе, она благотворна в своих действиях на нравственность политическую. Занимающийся политическою экономией, рассматривая систему меркантилистов, невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим. Проходя систему физиократов*, он приучается любить правоту, свободу, уважать класс земледельцев, столь достойный уважения сограждан и особенной попечительности правительства, и потом, видя пользу, принесенную сею, впрочем неосновательною, системою, убеждается, что при самых великих заблуждениях действия людей могут быть благодетельны, когда имеют источником желание добра, чистоту намерений и благоволение к ближнему. Система физиократов и происхождением, и духом своим принадлежит XVIII веку. Тогда каждая идея о свободе при-

¹ *Say*. 3-me éd. Предисловие.

² Тот же вышеприведенный автор говорит в предисловии, между прочим: «Que les nations, qu'on dit civilisées, sont encore ignorantes et barbares! Parcourez des provinces entières de cette Europe si glorieuse, questionnez cent personnes, mille, dix mille: à peine sur ce nombre en trouverez vous deux, une peut-être, qui ait quelque teinture de ces connoissances si relevées, dont le siècle se glorifie. On n'en ignore pas seulement les hautes vérités, ce qui n'aurait rien d'étonnant; mais les éléments les plus simples, les plus applicables à la position de chacun». [...Нации, которые называются цивилизованными, все еще невежественны, все еще варвары. Объездите целые провинции этой прославленной Европы, спросите сто человек, тысячу, десять тысяч – и на это число вы, быть может, едва-едва найдете двух человек, кое-что смыслящих в тех возвышенных знаниях, которыми гордится век. Не только не знают о великих истинах (в этом не было бы ничего удивительного), но не знают элементарнейших вещей, которые доступны для всякого. – *Ред.*]

нималась с восхищением и быстро проникала в умы людей, особенно во Франции. К несчастью, такой энтузиазм не допускал строгого разбора, и вредное редко было различаемо от полезного. Физиократы одним из главных правил представляли свободу совместничества в промышленности народной: система их необходимо долженствовала пленить современников, утомленных игом меркантилизма. Наконец, занимающийся политической экономией, проходя систему, называемую Смитовою или *критическою*, научается верить одним только исследованиям и соображениям рассудка, простому здравому смыслу и всему, что естественно, непринужденно. Он и здесь увидит, что все благое основывается на свободе, а злое происходит оттого, что некоторые из людей, обманываясь в своем предназначении, берут на себя дерзкую обязанность за других смотреть, думать, за других действовать и прилагать о них самое мелочное и всегда тщетное попечение. Вместе с сим изыскивающему причины и свойства богатств народных представится неотрицаемый опыт времен протекших, и он удостоверится, что свобода новейших народов рождалась и укреплялась вместе с их благоденствием и основывалась на внутреннем устройстве, на финансах и что сии финансы, служа основанием свободе, бывали также и орудием оной.

* * *

*

Скажем несколько слов о издаваемой нами книге.

Она писана за несколько лет перед сим. Только некоторые необходимые перемены и дополнения внесены в оную впоследствии. Беспреданно занимаясь наукою государственного хозяйства, мы открыли много недостатков в изложенной нами теории налогов, особливо в отношении к общему свойству и действию оных. Заметно также, что о налогах, в России существующих, почти совсем не упоминается в сей книге: сие происходит оттого, что книга сия написана вне России. Известно, сколь неприятно и даже неудобно переделывать оконченное однажды; потому я решился издать мой первый опыт в первобытном его виде, надеясь, что он будет для меня не последним в обширной области политики. Впрочем, я полагал, что изложение теории налогов, служащих основанием финансов, как бы оно недостаточно ни было, не может быть совершенно излишним в такое время, когда у нас столь многие говорят о финансах и столь немногие о них пишут.

В некоторых местах «Опыта теории налогов» приводятся сочинения различных авторов по части государственного хозяйства и по другим частям. Сие делается иногда для того, чтобы показать источники, откуда заимствовано сказанное мною; иногда – дабы подтвердить мнение мое мнением известных писателей; всегда же – для того, чтобы представить или облегчить средства в выборе книг для занимающихся политическою экономией. Я почту мой труд вознагражденным, если он приведет кого-либо из моих читателей к сей прекрасной науке!

С.-Петербург, 13 апреля, 1818 г.

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЛОГОВ

В естественном, или диком, состоянии человека потребности в налогах существовать не может. Каждый печется, как может, о своем пропитании, о своем сохранении. По мере составления общества сперва из одного, потом из нескольких и многих семейств необходимость частных пожертвований для пользы общественной утвердилась между людьми. Сии пожертвования, сначала состоявшие в некоторых простых работах, в уделении части плодов, от земли получаемых, умножались и совершенствовались более и более вместе с усовершенствованием общества и дошли наконец до того состояния, в каком ныне нам являются.

Все системы налогов, существующие теперь в различных европейских государствах, имеют свое начало в средних веках. Переселение народов совершенно отделило новые народы от древних. Нравы, обычаи, частные постановления, устройство и управление государств – все различно в древней и новой Европе. Если для законодательства, если для словесности, для архитектуры существование древних народов оставило незабвенные и драгоценные памятники, то для политики¹, в особенности для финансов, славное бытие египтян, греков, римлян и других остается без всякого влияния, без всякой практической важности: все источники политики заключаются в истории новых и в особенности новейших народов; занятия политика ограничиваются исследованием варварства средних веков и успехов образованности времен новейших; изыскания его не переносятся в великую древность.

¹ Под сим названием разумеется наука образования и управления государств.

В начале политического существования народов средних веков ничтожность их финансовых постановлений была неразлучна с ничтожностью их нравственной и гражданской образованности. Верховная власть, основанная по большей части не на положительных законах, но на праве сильного; жестокое рабство, коим были угнетены бедные поселяне¹; буйная независимость сильных вассалов² довольно свидетельствуют недостаток в хорошем внутреннем устройстве и управлении. Потребности государственные, или, лучше сказать, потребности самих государей, были удовлетворяемы или из удельных имений, принадлежавших государям, или посредством единовременного сбора податей с подданных. Дух феодального правления грозно владычествовал тогда в Европе.

В новейшие времена многие порицатели восставали против системы феодального правления; но сии строгие судии забывают, что она была соответственна тогдашнему духу времени³, тогдашней образованности народов. Вследствие сей ответственности надлежит, напротив того, отдать всю справедливость благоразумию законодателей веков средних: они умели смотреть на вещи с надлежащей точки зрения. Дóлжно даже признаться, что в сем отношении они заслуживают предпочтении пред законодателями времен новейших, когда почти во всей Европе, с исключением двух или трех государств, законодатели или не хотят идти вместе с духом времени, придерживаясь старых и теперь неудобных правил, и чрез то воспрещают народу наслаждаться плодами распространившейся образованности; или же, напротив того, как сие было во Франции и в Гишпании, упредив народ в просвещении, влекут его против воли за собою и за призраком гражданского благополучия и, вознося народ не по его силам слишком высоко, вместе с ним упадают в бездну старого мрака, из коего вторичное освобождение делается тем труднее. В сем последнем случае народ, сделавшийся жертвою таких происшествий, не только что сам страдает от оных, но вместе своим примером чрезмерно устрашает других и представляет новые, благовидные, хотя и несправедливые, доводы защитникам неволи и врагам просвещения.

¹ Discours sur l'abolition de la servitude par J. J. Leuliette. P. 100.

² Putter. Entwicklung der heutigen Staats-Verfassung des Deutschen Reichs. T. I S. 86.

³ Blackstone. Commentaries on the Laws of England. T. II. P. 50, и Denina Storia delle Revoluzioni d'Italia. T. I. P. 288.

Феодальное правление, по-видимому долженствовавшее вначале утвердить власть монархов, охранять независимость государств и способствовать к их защите, впоследствии изменилось в своих действиях. Вассалы мало-помалу превратили ленные свои владения в наследственные; меч решал споры их между собою, часто и споры их с королями. Заметим, что сии междоусобные распри произвели отчасти рыцарство (*chevalerie*), сие прекрасное явление средних веков. – Но на что суровость феодального правления не могла подействовать, на то имели сильное влияние происхождение городов, сделавшихся убежищем независимости¹, распространение торговли, заведение фабрик и мануфактур, произведенное тем усовершенствование земледелия и, наконец, образование среднего состояния граждан, сделавшегося весьма важным в составе государственном: постепенные и мирные происшествия имеют действие более благодетельное, нежели сильные мгновенные перевороты.

Успехи образованности по мере их благодетельного влияния на нравы и обычаи народов действовали и на усовершенствование системы налогов. Граждане вследствие сих успехов начали освобождаться от угнетавшего их рабства, пользоваться, в смысле более пространным, правом собственности²; налоги начали быть распределяемы и собираемы с большею справедливостию и платимы с большею готовностию.

Таким образом, налоги, появившись вместе с образованностию, сделались и признаком успехов оной. Вследствие сего можно судить о состоянии образованности каждого особенного государства по состоянию налогов. Сей признак сделался в новейшие времена тем вернее, что по мере того, как государственные нужды требовали от каждого пожертвований необыкновенных, внимание целого народа, весь народный ум, все сведения устремлялись к усовершенствованию соразмерного распределения общественных повинностей и к улучшению способов собирания оных. По способу назначения, распределения и собирания налогов можно судить о сведениях, распространенных в народе; по количеству собираемых налогов – о богатстве его: две главнейшие черты, означающие образованность и просвещение.

Многие политики и статистики искали признаков благосостояния народного в других предметах. Но что лучше систе-

Налоги служат признаком образованности

¹ Robertson. History of Charles V. T. I. P. 32, 38.

² Les Finances considérées dans le droit naturel et politique des hommes. P. 65.

мы налогов может означить истинное благосостояние народа, благосостояние, основанное на законах ненарушаемых, на свободе гражданской? В тех государствах, где существуют и такие законы, и такая свобода, налоги назначаются правительством с согласия представителей народа. Нельзя не согласиться, что тот, кто должен платить, лучше всех может избрать образ платежа более для него приличный, более выгодный. Итак, если мы видим, что соби́рание налогов в одном государстве более согласуется с выгодами народа, нежели в другом, то мы смело можем сказать, что в сем первом государстве народ пользуется лучшими законами, большею свободою и, следовательно, большим благосостоянием, нежели в последнем.

Необходимость налогов

Следуя за постепенным происхождением налогов, можно удостовериться в необходимости оных. Несмотря на то, некоторые, повинуясь более внушениям сердца, нежели разума, сомневались иногда в сей необходимости. Иные желали даже доказать сие на опыте. По изгнании королей из Рима Валерий Публикола уничтожил все подати, но после надлежало их удвоить¹. Нерон, не быв еще злодеем, хотел в начале царствования своего также их уничтожить, но мудрый сенат удержал его от принятия сей меры². В последствии царствования сего чудовища подати были чрезмерны; даже для удовлетворения потребностей государственных статуи богов, золотые и серебряные, были превращены в деньги. Требовать ныне уничтожения налогов значило бы требовать уничтожения самого общества. Государство, или, точнее сказать, правительство, ничего не может делать для граждан, если граждане ничего не делают для государства. Умирать и платить подати надобно везде, сказал Франклин.

Мы находим, однако же, примеры в истории, что в некоторых государствах граждане, платя налоги, вместе с тем пользовались доходом от правительства. В древнем Риме гражданам доставалась часть добычи военной. В Бернском кантоне правительство разделяло между гражданами деньги, купленные кровию их соотечественников³. Сей последний пример существовал даже в самые новейшие времена. Что же касается до первого, то хотя в наши времена грабежи французов и могли быть сравнены с грабежами римлян, однако же новые грабители не рассуждали за благо разделять добычу с своими согражданами, кои,

¹ Histoire des Finances par Déon de Beaumont. T. I. Предисловие.

² Tac. Annal. Lib. XIII. Cap. 50.

³ Meiners. Briefe über die Schweiz. T. II. S. 128.

напротив, должны были платить новые налоги для того, чтобы правительство их могло делать новые грабежи.

Положив за правило, что налоги необходимы, определение оных может быть сделано следующим образом: налоги суть средства к достижению цели общества или государства, т. е. той цели, которую люди себе предполагают при соединении своем в общество или при составлении государств. На сем основывается и право правительства требовать податей от народа. Люди, соединившись в общество и вручив правительству власть верховную, вручили ему вместе с сим и право требовать налогов. Но не должно смешивать права требовать податей с правом налагать оные. Если первое везде неоспоримо принадлежит правительству, то в последнем оно бывает иногда ограничено¹. Во многих государствах введение налога делается с согласия народных представителей. Там польза сего согласия ощутительна не только для народа, но и для самого правительства. Скажут, что есть государства, где общая польза противится необходимости такого согласия; но где сии государства? Согласие со стороны народа для введения налогов может быть действительно и полезно только в тех государствах, которые пользуются сущностию, а не одними только формами гражданской свободы. Англичане давно уже гордятся сим преимуществом свободы и, конечно, имеют на то право². В некоторых других государствах, в особенности под французским влиянием образованных, равно как и в самой Франции, граждане в последние времена привыкли уже быть всегда одинакового мнения с правительствами³.

О количестве налогов в соразмерности с числом платящих оные можно сказать весьма немного: тринадцать миллионов англичан платят более, нежели 26 или 30 миллионов французов. Все зависит в сем случае от богатства народного, от выбора и распределения налогов. Впрочем, можно заметить, что правительство должно брать столько, сколько нужно для удовлетворения истинных потребностей государственных, а не столько,

Определение налогов

Народное согласие на взимание налогов

Величина налогов

¹ *Hegewisch*. Historischer Versuch über die Römischen Finanzen, замечает, что римляне не оспаривали права правительства налагать подати, но что народы германского поколения о сем всегда много спорили. S. 47.

² *Algernon Sidney*. Discourses, concerning Government. P. 288. Автор умер на эшафоте при Карле II жертвою свободы и своего твердого духа.

³ В 1810 году мне случилось спросить одного из народных депутатов в Касселе: зачем их собирают? Um dem König Ja zu sagen, отвечал он. [Чтобы сказать королю «да». — *Ред.*]

сколько народ дать в состоянии¹. Но сие правило имеет свои исключения, ибо нужды государственные могут иногда превосходить возможность удовлетворять оным. В таком случае правительство может прибегать к другим средствам, как-то: к займам. Часто же правительства удовлетворяют необыкновенным потребностям выпуском чрезмерного количества бумажных денег: средство гораздо вреднейшее первого, но иногда необходимое по причине недостатка в кредите. Во всяком случае правительство должно стараться не делать расходов, превышающих его доходы. Бережливость необходима для правительства точно так же, как и для частного человека. Главные правила экономии одинаковы в хозяйстве частном и государственном.

Общие
замечания

Предложив определение налогов, упомянув о их происхождении и необходимости, представим некоторые общие замечания. Многие писатели брали на себя бесполезный труд дока-

¹ Многими сочинителями по части финансов принято правило, «что доходы государства должны быть учреждаемы соразмерно расходам оною и что в сем случае государственное хозяйство совершенно противно в свойстве своем хозяйству частному; ибо каждый благоразумный человек должен издерживать соразмерно доходу, им получаемому». Сие правило, принятое без ограничения, конечно ведет к разорению подданных. В книге: *De l'esprit des économistes, pour le Prince de Golitzin*. Brunswick, 1796, p. 106, автор с большим остроумием опровергает сие правило, утверждая, что расходы государственные должны неотменно сообразоваться с доходами.

Déon de Beaumont, *Hist.*, говорит: «Les impositions sont à l'Etat ce que les voiles sont à un vaisseau: elles ne sont point faites pour le charger et l'accabler, mais pour le conduire et l'assurer». [Налоги для государства то же, что паруса для судна: они предназначаются не для того, чтобы его нагружать и обременять, а для того, чтобы его вести и обеспечить его плавание. — *Ред.*]

Тиберий, хотя и тиран, умел ценить важность и выгоды соразмерности в податях. Один из губернаторов провинций писал к нему, что он легко может увеличить налоги в своей провинции. Он отвечал, что хороший пастырь должен стричь овец своих, но не резать.

Montesquieu, в *Esprit des loix*, говорит: «Ce n'est pas à ce que le peuple peut donner qu'il faut mesurer les revenus publics, mais à ce qu'il doit donner; et si on le mesure à ce qu'il peut donner, il faut que ce soit du moins à ce qu'il peut toujours donner». [Государственные доходы надо измерять не тем, что народ может давать, а тем, что он должен давать; если измерять их тем, что он может давать, то по крайней мере пусть берут то, что он может давать всегда. — *Ред.*]

**Pretorius*. Versuch über das Besteuerungswesen. S. 50.

зывать несправедливость некоторых налогов¹. Они, например, утверждали, что подать с окон несправедлива, потому что правительство не имеет права лишать подданных дневного света. Такими опровержениями можно доказать несправедливость многих, если не всех, налогов. Каждый налог имеет свои неудобства. Надлежит только при введении налогов избирать те из них, кои сопряжены с меньшими неудобствами. К сему можно применить слова Бентама*, сказанные о законах: «Правительству, как врачу, предстоит одно дело: избирать меньшее зло. Всякий закон есть зло, ибо всякий закон есть нарушение свободы»². Так точно и каждый налог есть зло, ибо он лишает платящего части его собственности: надлежит только с искусством избирать сие зло, т. е. надлежит избирать легчайшее. – Другие писатели при теперешнем расстройстве финансов во всех европейских государствах посвятили себя бесполезному занятию – излагать различные проекты по части финансов. Почти все такие проекты противоречат один другому в предлагаемых средствах, между тем как все обещают одни и те же действия. Заблуждения сих писателей происходят оттого, что они более имеют доверенности к своему воображению, нежели к правилам той науки, в область которой они насильственно вторгаются. Правила как политики вообще, так народного хозяйства и финансов в особенности начертаны и утверждены бессмертным Адамом Смитом и его последователями. Но пустое воображение, самоуверенность, желание блеснуть новостью и охота писать цифры легко отвлекают от истинных правил и заводят в бесконечные заблуждения³. При всем том сии писате-

¹ *Chipman*. Sketches of the principles of Government. P. 190.

² *Bentham*. Traité de Législation. T. I. P. 79.

³ «Из всех людей, – говорит Юм, – самые вреднейшие суть сочинители политических проектов, если они имеют власть в руках своих; они же и самые жалкие и смешные, если не имеют сей власти». – «Of all mankind, there are none so pernicious, as political projectors, if they have power; nor so ridiculous, if they want it». *Hume*. Idea of a perfect common wealth». Discourse XII. P. 28.

Обыкновенно сии сочинители проектов являются в то время, когда финансы находятся в дурном состоянии. «В Испании (говорится в книге: *Mémoires et Considérations sur le commerce et les Finances d'Espagne*, par Forbonnois. T. II. P. 81) общественные несчастья родили множество проектов, коих сочинители, известные под общим названием *арбитристов*, умножились до такой степени, что название сие соделалось ненавистным; наконец же, они служили посмешищем на театрах».

ли негодуют, что проекты их остаются без действия, что правительства не употребляют предлагаемых ими средств, ведущих, по уверению их, к благоденствию и счастью народному. Благо-разумный же человек находит для себя некоторое утешение в том, что если правительства не всегда принимают в рассу-ждение предложения полезные, то они не более обращают внима-ния и на бесполезные и вредные. Конечно, есть случаи, когда благомыслящие люди излагают желания некоторых перемен и улучшений в системе образования и управления государственного и представляют правительствам необходимость если не предшествовать духу времени, то по крайней мере идти наравне с оным и не оставаться несколькими столетиями назади против других народов, – что в особенности бывает при бесполезном сохранении постановлений, основанных во времена варварства и совершенно противных настоящему состоянию образованности; постановлений, кои, не будучи сопряжены с выгодами государственными, полагают непреодолимую преграду благосостоянию народному; постановлений, кои, будучи противны до-казательствам опыта, образу мыслей современников, даже здравому рассудку, унижают достоинство человека. Но такими безделицами вышеупомянутые сочинители проектов не занимаются: в новом налоге на роскошь, в заведении новой фабрики, в выгодном торговом балансе видят они спасение и благоденствие миллионов и наполняют журналы и общества своими безрассудными восклицаниями! Заметим однажды навсегда, что в области финансов открытия невозможны. «Новые великие идеи по части финансов суть одна только пустая мечта», – сказал Неккер* после долговременного опыта¹.

«On a dit qu'en économie politique, il ne fallait s'en rapporter qu'aux chiffres; quand je vois qu'il n'y a pas d'opération détestable qu'on n'ait soutenue et déterminée par des calculs arithmétiques, je croirais bien plutôt que ce sont les chiffres qui tuent les états». *Say. Traité d'Economie politique*. T. I. P. 248. 3-me édit. [Высказывалось мнение, что в политической экономии не надо полагаться только на цифры; но когда я вижу, что нет таких отвратительных мероприятий, которых нельзя было бы защитить и осуществить с помощью арифметических вычислений, то я скорее готов поверить, что именно цифры и убивают государство. – *Ред.*]

Смит для доказательства предлагаемых им истин никогда не прибегал к выкладкам и вычислениям математическим, которыми в экономии политической можно доказывать все возможные нелепости.

¹ *Necker. Dernier compte rendu à l'Assemblée nationale*. P. 23.

Заклучим сию главу замечанием о тех людях, кои судят о финансах только по практике, не зная теорий сей науки. Суждения сих людей основываются обыкновенно на одних последствиях. Но, обращаясь к последствиям и не принимая в соображение истинных причин, они изобретают ложные, принимая каждое прежде случившееся происшествие за причину последующего, или, видя в последствиях одну только полезную сторону, они не исследуют и вреда, часто смешанного с полезным и даже превосходящего оное. Находя, например, что выгоднее делать свое сукно, нежели покупать его у иностранцев, они требуют запрещения иностранных сукон; но притом и не подозревают, что можно покупать сукно у иностранцев дешевле и лучшей доброты в сравнении с своим, а деньги, употребляемые на выделывание собственного сукна, употреблять другим, более выгодным и более приличным образом для государства. Если правительство, зная истинную пользу государства и позволив свободный ввоз чужих товаров, заставляет их чрез то платить деньги иностранцам, то они жалуются на недоброжелательство правительства к собственным подданным и таким образом едва ли не уподобляют себя той старухе, которая жаловалась на грозу, попортившую в ее огороде капусту, между тем как сия самая гроза оплодотворила пространнейшие нивы и доставила целому краю богатую жатву. Мы увидим впоследствии, что на таких несправедливых суждениях основана целая система, известная под названием системы меркантилистов*. Теперь же ограничимся вопросом: на чем основана теория финансов, против коей восстают те, кои оной не знают и судят о финансах по одной их практике? Ответ будет состоять в том, что теория финансов, как и всякой другой науки, основана на наблюдениях, замечаниях, сделанных на опыте в течение нескольких веков; что теория состоит не из чего более, как из сих наблюдений, соображенных между собою в причинах и действиях и изложенных в логическом порядке; что из расположенных таким образом наблюдений выводятся правила, аксиомы, кои одни только могут служить верным путеводителем в суждении и заключении о вещах. Не отвлеченные идеи, но опыт веков сотворил науку финансов. Сколь же безрассудно поступают те, кои, основываясь единственно на собственном своем суждении, осмеливаются восставать против неотрицаемого опыта и против свидетельства времен, против истории – сей великой наставницы людей!

ГЛАВА II

ГЛАВНЫЕ ПРАВИЛА ВЗИМАНИЯ НАЛОГОВ

Так как налоги, взимаемые правительством с подданных, сделались везде единственным источником доходов государственных, то правительство обязано стремиться к усовершенствованию сей части государственного управления, обязано пе­щись об истинных выгодах государства, кои состоят не в том, чтобы правительство получало сколь возможно более дохода, но в том, чтобы доход сей был сколь возможно менее обременителен для народа¹, на коем основывается истинное величие и слава правительства. Для достижения сей цели служат следующие правила.

РАВНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАЛОГОВ

Налоги должны быть распределяемы между всеми гражданами в одинаковой соразмерности; пожертвования каждого на пользу общую должны соответствовать силам его, т. е. его доходу.

Все граждане пользуются выгодами общества, следовательно, все должны споспешествовать сохранению оно­го. Каждый из граждан, находясь под защитою правительства и законов, обязан делать пожертвования, соразмерные его состоянию, для

¹ С сим согласно отчасти и правило, принятое некоторыми писателями, поставляющими искусство правительства при взимании налогов в том, чтобы народ, платя сколь можно более, думал притом, что платит сколь можно менее. *Théorie de l'impôt, par l'auteur de l'ami des hommes (Marquis de Mirabeau)*. P. 339. [«Ami des hommes», т. е. «Друг людей», — вышедшее в 1756 г. сочинение маркиза Мирабо* (отца знаменитого деятеля Великой буржуазной революции), где проводились идеи, близкие к учению физиократов. — *Ред.*]

поддержания сего правительства и сих законов. Одним словом: все должны споспешествовать благу всех. Исключения в пользу некоторых частных лиц всегда вредны для общества. Между тем мы видим, что не только некоторые из граждан, но даже целые классы народа бывали освобождаемы от налогов. Такая несправедливость становилась тем ужаснее, что исключения были делаемы в пользу тех из граждан и тех из классов народа, кои всех более были обязаны участвовать в повинностях общественных, пользуясь важнейшими богатствами в государстве. Во Франции духовенство¹ и дворянство, равно как и имения их, были освобождены от налогов, хотя и делали иногда добровольные пожертвования; только в некоторых местах платили они $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ общих налогов². Кроме сих коренных недостатков во Франции существовали другие, в сем отношении равно пагубные. Чиновники гражданской службы, жившие в городах, были освобождены от всех сельских налогов и не платили с своего недвижимого имения вне города никаких повинностей. Из сего злоупотребления произошло другое, состоявшее в том, что богатые деревенские помещики, не имевшие никаких подобных привилегий, делались на короткое время городскими жителями, платили небольшие городские повинности, жили в городах в продолжение того времени, когда налагались сельские подати, и чрез то освобождались от оных.

Сверх сего, в самом распределении налогов по разным провинциям Франции было великое неравенство. Некоторые (*paus rédimés*³), заплатив однажды навсегда известную подать, были чрез то освобождены от налогов с соли (*gabelle*), и торговля солью была в сих провинциях свободна. Другие (*paus francs*⁴) никогда не были подвержены сему налогу. Провинция Амиенская⁵ приносила правительству столько же дохода, сколько Прованс, имея менее жителей и будучи не столь обширна, как сия последняя; но первая была подвержена известным сборам (называемым *aides*), другая была освобождена от

¹ *Necker. Administration des Finances. T. II. P. 309.*

² *Bonvallet Desbrosses. Ressources et Richesses de la France, в предисловии.*

³ [«*Paus rédimés*», т. е. провинции откупившиеся. Это были провинции, которые в царствование Генриха II (1547–1559) откупились от налогов с соли. – *Ред.*]

⁴ *Necker. Administration des Finances. T. II. P. 15.* [«*Paus francs*», т. е. провинции свободные. – *Ред.*]

⁵ *Ibid. P. 233.*

оных. Сии различия происходили частью, как упомянуто выше, от единовременной заплаты денег за освобождение; частью от договоров, заключенных с правительством во время постепенного присоединения сих провинций к французской монархии; частью же от особенных узаконений, как, например, случилось во время царствования короля Иоанна. Сей король для вспомоществования казне своей, потерпевшей от отказа некоторых провинций платить питейные сборы, приказал, чтобы сии провинции были впредь почитаемы как иностранные в отношении к прочим (*considérées comme étrangères aux autres*) и чтобы на границах сих провинций были взимаемы такие же подати, как на границах государства. Все сии неравенства имели столь сильное влияние на различие цен во Франции, что, например, одна известная мера соли стоила в иных провинциях менее 10, а в иных около 70 ливров. Иногда случалось даже, что в одной и той же провинции цена соли менялась от 10 до 36 ливров¹.

Также и в других государствах дворянство и духовенство были часто освобождаемы от платы налогов. В Сицилии имения дворянства и духовенства не платили никаких податей. Напротив того, поселяне были обременены налогами, и то, что им оставалось от платы сих последних, отнимали у них адвокаты и монахи. В Испании духовенство не только что было свободно от многих налогов, но даже, когда откупщики требовали положенных податей от духовных особ, то сии отказывали в плате, угрожая требовавшим отлучением от церкви, и чрез то оставались в покое. В Люттихе $\frac{2}{3}$ всей земли принадлежали духовенству и были свободны от налогов². В то время, когда в Дании духовенство и граждане старались вручить королю неограниченную власть и когда дворянство противилось как сему преобразованию, так и плате налогов, некоторые члены сего сословия утверждали, что они имеют наследственное и законное право не платить общественных повинностей³. Древние римляне поставляли себе за честь платить тем более, чем знатнее они были. Знатные люди новейших времен, как мы видели, находили честь свою совсем в противном.

От неравного разделения податей между гражданами рождается ненависть одного класса народа к другому, от чего про-

¹ *Bonvallet*. P. 204, 307.

² *Von Dohm*. Ueber das Physiocratische System. S. 17.

³ *John Andrews*. The History of the revolutions of Denmark. T. I. P. 300.

исходит и ненависть к самому правительству. Французская революция представляет ужасные примеры того и другого.

Не нарушая сего должного равенства в распределении налогов, можно, однако же, согласиться в том, что правительство обязано стараться отклонять, сколь возможно, тяжесть налогов от простого народа. Редко государства находятся в столь цветущем состоянии, чтобы простой народ имел довольно сил сам отклонять от себя налагаемые на него подати. Количество всех налогов в Англии было равно количеству налогов во Франции прежде революции; но простой народ платил несравненно менее в первом, нежели в последнем, государстве. Главная тяжесть налогов в Англии падает на тех, кои имеют более способов платить оные. Но и такое покровительство простому народу должно иметь свои пределы. Неккер требует слишком многого, говоря, что сия метода может служить хорошим средством для уменьшения неравенства имений¹. Впрочем, сей почтенный министр делает прекрасное замечание, что бедные имеют нужду в покровительстве даже против самых законов и что если говорится: справедливость есть благодеяние государей, то можно также иногда сказать, что благодеяние есть справедливость государей. — Заметим наконец, что те люди, кои не в состоянии платить налогов, имеют полное право требовать освобождения от оных и получать его.

Отклонение
тяжести
налогов от
простого
народа

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НАЛОГОВ

Количество налога, время и образ платежа должны быть определены, известны платящему и независимы от власти собирателей. — Выгоды наблюдения сего правила очевидны как для народа, так и для самого правительства. Напротив, неопределенность налога в отношении как к количеству оною, так и ко времени платежа отдаёт платящих на произвол собирателей. Сверх того, в сем случае обязанные платить, не зная ни количества налога, ни времени платежа, должны иметь всегда в готовности известную часть своего капитала, которая, находясь таким образом в бездействии, бывает отнята от обращения, чрез что терпит все общество.

Неопределенность в платеже налогов доходила до высочайшей степени в средних веках, была всегда неразлучна с существованием рабства и исчезала по большей части вместе с оным. В новейшие времена никакое правительство, более

¹ [Necker]. Administration... Т. III. P. 113.

французского прежде революции, не отличалось недостатками сего рода. После Вервинского мира (в 1598) Сюлли старался прекратить сбор податей, своевольно налагаемых вельможами на беззащитный народ¹. Во время министерства Лувуа ввелось в обыкновение собирать фураж для полков, назначать зимние квартиры вследствие одного только письма министра, что, однако ж, было уничтожено регентом². Подать с имения, существовавшая до революции во Франции и известная под названием: *taille personnelle*, зависела, как мы увидим ниже, почти совершенно от воли собиравшего сию подать чиновника. Сей последний определял сумму платежа по наружному благосостоянию земледельца; для того земледелец старался казаться сколь можно беднее или подкупал собирателя подарками.

СОБИРАНИЕ НАЛОГОВ В УДОБНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Подать с поземельного дохода или с дохода от домов, требуемая в то время, когда сии доходы обыкновенно получают, есть подать, требуемая в самое удобное время для платящего. Пренебрежение сего правила не принесет никакой пользы правительству, для народа же может быть весьма пагубно. Если у земледельца потребуется подать тогда, когда его хлеб еще не продан, то он должен или отдать свой хлеб за бесценок, или занимать деньги и платить проценты. Напротив того, наблюдение сего правила облегчает подать для платящего: он платит в то время, когда важная часть его дохода находится в руках его, и таким образом налог делается для него менее тягостным.

Все преимущество податей с потребления, как мы увидим ниже, состоит в том, что каждый платит их тогда, когда ему заблагорассудится.

ДЕШЕВОЕ СОБИРАНИЕ НАЛОГОВ

Количество пожертвований, делаемых народом, должно сколь возможно более равняться доходу, получаемому от того правительством.

Сие правило предписывает правительству старание пещись о том, чтобы собрание налогов становилось ему сколь возможно дешевле. От получаемых налогов правительство

¹ *Mémoires de Sully, et Histoire générale des Finances de France par Arnould*. P. 159.

² *Forbonnois. Recherches et considérations sur les Finances de France*. T. II. P. 381.

должно уделять сколь возможно менее на издержки собирания оных. Противное сему бывает: 1, когда для собирания налога потребно великое число чиновников, жалование коих может заключать в себе важную часть дохода от налога; 2, когда налог вредит промышленности народной, отвращая людей от ремесл, для них выгодных, и принуждая обращаться к другим, для них невыгодным. В таком случае терпят самые источники общественного дохода; 3, когда чрезмерная величина податей возбуждает желание избежать платежа оных, что производит запрещенный торг; обманывать же правительство многие даже и не почитают преступлением¹; 4, когда с налогом соединены частые посещения или обыски в домах и различные исследования со стороны служителей правительства. От сего происходят излишние беспокойства, притеснения для граждан; и хотя сих беспокойств и притеснений нельзя назвать убытками, однако же, как справедливо замечает Адам Смит², они совершенно соответствуют той сумме, которую бы каждый согласился заплатить для избежания подобных неприятностей.

История финансов ясно доказывает, сколь мало различные правительства следовали сему правилу. В одной провинции французского королевства издержки собирания превосходили даже все количество собираемых в оной налогов³. Полагают, что во Франции издержки собирания налога с соли вместе с выигрышем откупщиков равнялись доходу, который получало правительство от сего налога⁴. Сюлли говорит, что в начале его министерства казна государственная получала 30 миллионов дохода, между тем как народ платил 150 миллионов⁵. По смерти Людовика XIV многие утверждали, что Франция в последние годы царствования сего короля платила 750 миллионов ливров, из коих король получал только 250 миллионов⁶. Официальные известия представляют издержки собирания, конечно, в ином виде и почти всегда несправедливо. Вследствие оных в последние годы прошедшего столетия собирание 544 800 000

¹ *Fichte*. Der geschlossene Handels-Staat. S. 196.

² *Adam Smith*. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. B. V. P. 258.

³ *Richesse de l'Etat*. P. 106.

⁴ *Von der Lith*. Neue vollständige Abhandlung von den Steuern u. s. w. S. 183.

⁵ *Mémoires de Sully*.

⁶ *Sinclair*. The history of the public revenue of the British Empire. T. III; *D. de Beaumont*. T. II. P. 39.

лиров дохода стоило во Франции 57 665 000 ливров, следовательно, более $\frac{1}{10}$. Некоторые полагают, что соби́рание налогов во Франции стоит ныне по крайней мере 15 со 100. В Испании в новейшие времена доходы государственные составляли 616 295 657 реалов, издержки соби́рания, по известиям, кои могут быть уподоблены официальным, простирались до 51 485 893 реалов; итак, более $\frac{1}{12}$. Издержки, нужные для соби́рания таможенных пошлин, простираются в Англии до 10 со 100¹, не считая случайных доходов соби́рателей, кои иногда превосходят вдвое или втрое их жалованье². Вообще соби́рание всего государственного дохода в Англии стоит, по мнению английских писателей, 10 со 100. В сем государстве действительные издержки соби́рания, составляющие, может быть, более 10 со 100, при всем том несравненно менее подобных издержек в других государствах, если судить не по официальным известиям, но по соображениям опыта.

Число служителей правительства, определяемых исключительно для соби́рания налогов, простиралось во Франции прежде революции до 25 000 человек³. В Англии и Шотландии число их простирается до 15 000. В Испании – до 30 000 человек⁴. В Магдебургской области число таких чиновников содержалось к числу жителей как 1 ко 100. В Галберштатской области – как 1 к 274⁵. В царствование Наполеона во Франции и в присоединенных к ней тогда землях число служителей правительства, определенных для соби́рания пошлин и воспрепятствования запрещенного торга, простиралось за 100 000 человек⁶.

В одном немецком государстве приход от акциза нимало не превышал издержек соби́рания; и правительство, как гово-

¹ *Adam Smith*. В. V. P. 376.

² Какие бы результаты сия последняя статья представила, если бы дело шло о русских таможах?

³ *Monthion*. Quelle influence ont les diverses espèces d'impôts sur la moralité, l'activité et l'industrie des peuples? P.301. Лучшее в сей книге есть заглавие; но оно не принадлежит автору, а составляет вопрос, сделанный Геттингенским ученым обществом. Ответ был неудовлетворителен.

⁴ *Borgoing*. Tableau de l'Espagne moderne. Т. II. P. 50.

⁵ *Comte De Mirabeau*. De la monarchie Prussienne. Т. IV. P. 40.

⁶ В сии исчисления не входят те люди, которые вместе с должностию соби́рателей соединяют и другие, равно как и военные люди, для наблюдения за контрабандою употребляемые.

рит один в последние времена весьма известный писатель¹, потому только не уничтожало сего налога, что некоторым инвалидам, определенным при собирании акциза, давался род пенсии в виде жалованья по занимаемым ими местам.

Кроме вышеизложенных четырех правил, коими надлежит руководствоваться при взимании налогов, есть еще одно общее правило, а именно:

ОБЩЕЕ ПРАВИЛО ПРИ ВЗИМАНИИ НАЛОГОВ

Налог должен всегда быть взимаем с дохода, и притом с чистого дохода, а не с самого капитала, дабы источники доходов государственных не истощались. Обстоятельства делают иногда нарушение сего правила необходимым, иногда извинительным: необходимым при чрезвычайных случаях, когда граждане должны жертвовать всем на пользу общую; извинительным при переходе собственности из одних рук в другие, о чем будет говорено ниже.

¹ *Fichte*. Der geschlossene Handels-Staat. S. 108. Автор понимает здесь Пруссию.

ГЛАВА III

ИСТОЧНИКИ И РАЗНЫЕ РОДЫ НАЛОГОВ

Все налоги вообще, какого бы рода они ни были, происходят из трех источников дохода общественного, а именно:

- 1, из дохода от земли.
- 2, из дохода от капиталов.
- 3, из дохода от работы.

Лучшее
разделе-
ние нало-
гов

Вследствие сего налоги могут быть всего приличнее разделены следующим образом:

- 1, налоги с дохода от земли.
- 2, налоги с дохода от капиталов.

Так как существуют налоги, кои непосредственно должны падать на самый капитал, то для сего сии налоги причисляются к особенному классу; итак

- 3, налоги с самых капиталов.
- 4, налоги с дохода от работной платы.

К сим четырем родам налогов надлежит присовокупить:

5, налоги, падающие на все три вышеупомянутые источника доходов без различия.

Положив основанием сие разделение, простое и соответствующее свойству вещи, упомянем о некоторых других разделениях, принятых более или менее в теории и в практике.

Разделе-
ние нало-
гов на
прямые и
непрямые

Обыкновенно разделяют налоги на непосредственные, или прямые, и на посредственные, или непрямые. Под первыми разумеют те налоги, кои прямо, или непосредственно, налагаются на лицо или на недвижимый капитал. Сюда принадлежат поголовные или подушные подати, подати с патентов, с капиталов, поземельная подать, подать с домов, с дверей, окон, подать с слуг, с экипажей и т. д. Под последними разумеют те налоги, кои налагаются не прямо на того, кто оные платит, но на товары, в цене коих заключается вместе и налог, так что тот, кто покупает товар, платит вместе с ценою и подать. Сии налоги

называются также налогами с потребления. Физиократы, кои ввели в большое употребление сие разделение, разумели под прямыми налогами подати, налагаемые непосредственно на производящий класс народа, который, по их мнению, состоит единственно из тех, кои занимаются земледелием. Непрямыми, или посредственными, налогами они называли все прочие, утверждая, что все сии налоги падают наконец посредственным образом на обработывателей и владельцев земли.

Стуарт¹, занимающий одно из первейших мест между политическими писателями и столь счастливо предшествовавший Адаму Смиуту, разделяет налоги на три класса:

1. Налоги с продажи, или пропорциональные, соразмерные налоги.

2. Налоги с владения, или произвольные налоги.

3. Налоги, состоящие в работе, или личные.

Некоторые разделяют налоги:

1. На обыкновенные и необыкновенные.

2. На общие и особенные, смотря по тому, платят ли их все или некоторые.

3. На главные и побочные, смотря по тому, более или менее они важны для государства.

4. На вещественные и личные, т. е. с вещей и лиц.

5. На налоги, платимые деньгами или натурою.

6. На налоги для бедных, для войны, для долгов и пр., и пр., смотря по различным причинам, побуждающим ко введению оных².

НАЛОГИ С ДОХОДА ОТ ЗЕМЛИ ВООБЩЕ

Сии налоги могут быть взимаемы как с чистого дохода, так и с грубого или целого дохода от земли, который назовем общим именем прихода.

НАЛОГИ С ЧИСТОГО ДОХОДА ОТ ЗЕМЛИ

Под названием чистого дохода от земли разумеется та часть прихода, которую получает владелец земли за вычетом всех издержек, нужных для обработывания оной и для собирания производимых растений или плодов.

¹ *Steuart*. An Enquiry into the principles of Political-Oeconomy. T. I. P. 317.

² *Eschenmayer*. Vorschlag zu einem einfachen Steuer-System.

Подать с дохода от земли может быть или определена однажды навсегда, или увеличиваться и уменьшаться вследствие увеличения и уменьшения дохода. Назовем первую непременною, вторую переменяющею податью.

Непременная поземельная подать

Великое преимущество непременной подати состоит в том, что, не возрастая с увеличением дохода, она не препятствует употреблению новых капиталов на земледелие, не полагает препон усовершенствованию оною и не подвергает владельца никакому другому неудобству, кроме неудобства платить подать¹. Вследствие сего преимущества непременная подать соответствует второму, третьему и четвертому правилам взимания налогов, ибо она определена, известна для каждого и не зависит от произвола собирателя, может быть взимаема в то самое время, когда владелец земли получает свой доход, и, наконец, собиране сей подати требует весьма мало издержек в сравнении с другими². Но сия непременная подать не соответствует первому из сих правил. Положим, что она была в начале своем разделена равным образом между владельцами земли; впоследствии доходы их должны необходимо измениться.

Иногда доход от земли переменяется от влияний природы, иногда от действий человеческих. Между тем как один из сих владельцев усовершенствованием земледелия увеличивает свой доход вдвое, втрое и более, другой, не имея к тому средств, остается при прежнем доходе; несмотря же на сию разницу в доходах, тот и другой платят одинаковую подать. Однако ж сей недостаток сильно вознаграждается вышеупомянутым преимуществом. Если, с одной стороны, некоторые владельцы платят несоразмерную подать в сравнении с другими, то, с другой стороны, большая часть всех владельцев смело употребляет все средства к улучшению земледелия, зная, что увеличение дохода от земли не подвергнет их увеличению налога. Англия обязана усовершенствованием своего земледелия в особенности выгодам, происходящим от непременности поземельной подати³. В 1799 году английским парламентом было узаконено, что доход, происходящий от поземельной подати и простирающийся до 2 037 627 фунтов стерлингов, должен быть навсегда непремен-

¹ *Adam Smith*. В. V. P. 260. *Von Struensee*. Abhandlungen über wichtige Gegenstände der Staatswirtschaft. Т. III. S. 93.

² О пятом общем правиле упоминать не нужно, тем более что будет особенно говорено о податях с капиталов.

³ *Sabatier*. Tableau comparatif des dépenses et des contributions de la France et de l'Angleterre. P. 55, 64.

ным; причем было предоставлено право откупаться от сей подати: даже было позволено постороннему человеку вносить откупную сумму налога и получать уплату с помещика земли, за которую была внесена в казну подать¹.

Впрочем, неравенства непрменной подати прекращаются с продажей той земли, на которую она наложена, или, лучше сказать, подать сия остается на том, кто продает землю. Покупщик при покупке земли исчисляет, сколько надлежит платить ежегодно из дохода с оной, и соразмерную сей плате сумму денег вычитает из покупной цены земли; так что если бы сей подати не было, то он заплатил бы за землю дороже. Посему-то поземельная подать, давно уже без перемены существующая в государстве, кроме общих выгод, свойственных всем давно введенным налогам, имеет и ту, что многие владельцы земель, платящие подать, заранее уже были вознаграждены за сию издержку в покупной цене оных. Итак, сия подать, если она не чрезмерна и не ослабляет сил, нужных для усовершенствования земледелия, впоследствии времени делается почти нечувствительною.

Неудобства непрменной подати могут быть весьма чувствительны только при упадающем состоянии государства, когда требование произведений земли уменьшится и когда усовершенствование земледелия делается бесполезным или невыгодным.

Что касается до переменяющейся подати с дохода от земли, то все преимущество оной состоит в том, что она более сообразуется с изменением дохода, увеличиваясь и уменьшаясь вместе с оным. Но неудобства переменяющейся подати делают сию выгоду весьма маловажною. Одно из сих неудобств состоит в том, что если подать должна увеличиваться вместе с доходом, то владелец земли редко будет стараться об усовершенствовании земледелия для увеличения дохода, зная наперед, что с умножением его прибыли увеличится и та часть дохода, которую он обязан платить правительству. Усовершенствование земледелия может даже иногда причинить владельцу земли один только убыток; ибо если он сделает важные издержки для сего усовершенствования, то умножение дохода в первые годы не доказывает еще истинной прибыли, но служит только к вознаграждению сделанных издержек; правительство же, не участвуя в сих издержках, хочет участвовать в увеличенном доходе. Итак, переменяющаяся поземельная подать не всегда соответ-

Переменяющаяся поземельная подать

¹ Raumer. Das brittische Besteuerungs-System. S. 107.

ствуется даже и первому правилу взимания налогов, ибо владелец земли, употребляющий капиталы на улучшение оной, платит иногда более, нежели тот, который не печется об умножении своего достояния. Второму правилу сия подать соответствует менее, нежели неперемная, потому что количество налога, равно как и самое приращение дохода, не всегда может быть, по крайней мере наперед, в точности известно владельцу. Третьему из сих правил подать сия может соответствовать наравне с неперемною податью, ибо собиранье может быть определено в самое удобное время для платящего. Четвертому из сих правил переменяющаяся подать соответствует несравненно менее, нежели неперемная, ибо при сей первой нужно большее число чиновников для исследования доходов, улучшений земли и т. д. Сверх того переменяющаяся подать может ввести злоупотребления; например, если помещик и тот, который нанимает его землю, согласятся несправедливо объявлять условия их договора: сие произведет новые изыскания со стороны правительства, которые вообще надлежит удалять от земледелия сколь возможно более.

Если поземельная подать уменьшается, как было в Венецианской республике¹, тогда, когда владелец земли, не отдавая внаем, сам обрабатывает оную, то сия перемена подати может иметь благодетельное влияние на земледелие, поощряя владельцев к собственному обрабатыванию земель своих; капитал же, ими на сие употребляемый, должен обыкновенно превосходить капитал наемщиков, который убавляется платою за землю. К тому же владелец земли, будучи совершенно и навсегда уверен в своей собственности, с большею охотою предпримет улучшение оной, будет с большею смелостию делать различные опыты, кои ему самому такого убытка причинить не могут, как наемщику, но могут быть весьма полезны для общества.

Заметим мимоходом, что предлагаемая физиократами единственная подать с земли должна, вследствие их системы, увеличиваться и уменьшаться вместе с количеством произведенной земли.

Многие предлагают согласовать выгоды неперемности и перемены поземельной подати определением оной на известное число лет (от 5 до 20). Такое определение подати, конечно, лучше ежегодного; но при всем том можно утвердительно ска-

¹ Mémoires concernant les droits et impositions en Europe. T. I. P. 156. В сем большом творении заключаются сведения о всех налогах в Европе, касающиеся до Франции весьма полны.

зять, что неперменная подать или такая, которая остается неперменною в течение долгого времени, например в течение ста лет – срок, не могущий препятствовать самым важным улучшениям земледелия, гораздо соответственнее выгодам и успехам общего благосостояния, особенно в тех государствах, где земледелие есть главнейшая отрасль промышленности народной.

Адам Смит предлагает относительно сего следующее¹: доход с земли, которую владелец ее намерен улучшить, должен быть предварительно исчислен соседними помещиками вместе с чиновником от правительства; и возвышенная подать вследствие увеличенного дохода должна быть определена на несколько лет, так, чтобы владелец мог быть уверен в вознаграждении всех своих издержек. Чрез сие, замечает означенный автор, выгоды правительства будут тесно соединены с усовершенствованием земледелия. Но заметим, что участие правительства в делах частных всегда более или менее вредно, в чем и сей автор вообще согласен.

Подать с поземельного дохода налагается вследствие опи- Кадастр
си всех земель в государстве; такая опись называется кадастром. При введении сей подати надлежит сообразоваться не только с пространством, но и с плодородием земли; также надлежит принимать в рассуждение и местоположение: выгодно ли оно для торговли или нет; должно различать свойство растений, смотря по тому, более или менее времени, труда и издержек требует произведение оных, и т. д. Можно также основываться при введении поземельной подати и на той цене, за которую земли в известном крае отдаются или могут быть отдаваемы внаем. Сверх того, закон должен определить содержание подати к доходу, и тогда свыше сего содержания подать не должна простираться. Во Франции после революции и в бывшем Вестфальском королевстве поземельная подать не могла превосходить $\frac{1}{5}$ чистого дохода.

По кадастру в Пруссии земли были разделены на несколько классов, смотря по их качеству и местоположению; от времени до времени сие разделение было рассматриваемо и исправляемо. Величина подати согласовалась также и с гражданским состоянием владельца. Полагали, что дворянство платило около 20 или 25 со ста чистого дохода, т. е. около четверти, духовенство же – около 40 или 45, т. е. около половины². Кадастр

¹ В. V. P. 268.

² Mémoires conc. T. I. P. 76.

Силезии отличается своею точностию. По окончании оногo имения духовенства, как римско-католического, так и протестантского, были подвержены поземельной подати, состоявшей из 50 со 100; имения орденов Тевтонического и Мальтийского платили 40 со 100; имения дворянства – $35 \frac{1}{3}$ со 100; земли же, принадлежавшие простым людям, платили $25 \frac{1}{2}$ со 100 из ежегодного чистого дохода¹. Надобно заметить, что оценка земель была сделана весьма выгодно для платящих поземельную подать и что улучшение земли и увеличение дохода, от того происходящее, не были подвержены увеличению налога². В Баварии правительство занимается теперь составлением общего кадастра для всего королевства. Судя по прилагаемым к тому стараниям, можно думать, что сей кадастр будет совершеннейший из всех ныне существующих.

Известная прежде во Франции подать под названием la taille³, которая была взимаема еще во время феодального правления, составляла впоследствии значительную часть доходов королей французских. Сия подать⁴ разделялась на два рода, из коих первый можно назвать поземельною податью в собственном значении сего слова (taille réelle), второй же – податью с имения (taille personnelle); сюда принадлежит только первая⁵. Существующая ныне поземельная подать и приносящая дохода около 170 000 000 франков⁶ есть переменяющаяся поземельная подать. Многие сведущие в финансах люди давно уже предлагают правительству сделать сию подать непременною⁷.

¹ Mémoires conc. T. I. P. 65.

² Vie de Frédéric II. T. III. P. 17.

³ Lamerville. De l'impôt territorial, в предисловии.

⁴ Карл VII вместе с учреждением милиции наложил сию подать на простой народ и на среднее состояние народа, т. е. на тех, кои платили прежде такие налоги высшему состоянию граждан за защиту, и принял притом обязанность сей защиты на самого себя. *Boulainvilliers*. Histoire de l'ancien Gouvernement de France. T. III. P. 112.

⁵ *Munier*. Essay d'une méthode générale propre à étendre les connoissances d'un voyageur, ou Recueil d'observations, etc.

⁶ Доход от сей подати на 1815 год был определен в 172 132 000 франков.

⁷ *Sabatier*. Des recettes et des dépenses publiques de France. P. 2.

Подати с земель, определенных для садов, парков, зверинцев и т. п. и служащих более к удовольствию, нежели к пользе владельцев, должны быть налагаемы соразмерно другим налогам с предметов роскоши. Во всяком случае сии подати должны быть по крайней мере равны податям с самых плодоносных хлебных полей в государстве. Подать с вод, принадлежащих частным людям, должна сообразоваться с обыкновенною поземельною податью. Пошлины за позволение ловить рыбу в реках, озерах и морях можно всего приличнее отнести к налогам с употребления капиталов.

К поземельным налогам относятся также подати с дохода от рудокопных заводов. Определение чистого дохода от оных несравненно труднее, нежели определение чистого дохода от земли, ибо добываемое количество металлов не столько зависит от прилежания человеческого, сколько от удачи. Человек может здесь действовать только на уменьшение издержек, нужных для добывания металлов. К тому же доход от рудников подвержен гораздо большим переменам, нежели доход от хлебных полей. Сии последние, несмотря на самое великое различие в плодородии их, могут существовать в совместничестве между собою даже и тогда, когда менее плодородные поля находятся в самом близком расстоянии от более плодоносных, между тем как требование произведений каждого рудокопного завода зависит от большего или меньшего обилия всех рудников в свете. Из сего можно исключить только грубые металлы, коих перевозка, по тяжести их, дорого стоит. Драгоценные же металлы, заключающиеся в малом количестве великую ценность, легко могут быть доставляемы из одной части света в другую; оттого и цена их везде почти совершенно равна или беспрестанно стремится к сему равенству. Если добывание металлов из собственных рудников стоит дороже, нежели покупка оных у других народов, то такие рудники должны необходимо быть оставлены, потому что всякий будет покупать или выменивать металлы у того, кто их отдает дешевле. По открытии рудников в Америке, когда ценность золота и серебра вообще втрое уменьшилась, почти все рудники в Европе, в коих были добываемы сии металлы, должно было оставить¹.

Подать с
рудников

¹ Не одни только металлы, но все вещи должно покупать там, где они дешевле. Почему меркантилисты не предлагают правилом иметь собственные рудокопные заводы, подобно собственным фабрикам и мануфактурам? Почему они не жалеют тех вещей, на которые они променивают деньги, жалея, однако ж, тех денег, за которые они получа-

Из сего следует, что в отношении к рудникам можно с большею пользою, нежели в отношении к хлебным полям, учредить переменяющуюся поземельную подать, которая бы увеличивалась и уменьшалась вместе с количеством произведений. Но дабы и в сем случае не препятствовать употреблению капиталов на усовершенствование рудоконных заводов, правительство может определять подать на несколько лет непременною. Иногда надлежит даже совершенно уничтожить оную, дабы не прекратить действия заводов.

В некоторых государствах правительство обязывает владеющих рудниками вместо платежа подати продавать в казну известную часть добываемого металла. Но так как сия продажа определяется обыкновенно по казенным ценам, ниже рыночных или вольных, то подать, платимая таким образом, имеет те же действия, как и платимая деньгами.

ПОДАТЬ СО ВСЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ИЛИ С ПРИХОДА, ОТ ЗЕМЛИ¹

Сия подать состоит в том, что земледелец во время жатвы должен отдавать известное количество собранного им с его полей хлеба. Так как обыкновенно сие отдаваемое количество состоит в десятой части, то и подать сия называется десятою долею, или десятиною². Неудобства сей подати при всей ее наружной справедливости весьма ощутительны. Главное состоит в том, что она не сообразуется с чистым доходом, ибо количество прихода не доказывает истинной прибыли. Часть всего произведения земли должна быть определена на будущий посев и на вознаграждение всех вообще издержек землепашества; но сии издержки бывают весьма различны вследствие различного плодородия полей. Если владелец весьма плодородных полей платит такую же часть произведения, как владелец менее плодородных, то для сего последнего подать становится тягостнее. Сверх того, сей налог препятствует усовершенствованию зем-

ют товары? – Вместе с пороками деньги рожают и множество заблуждений.

¹ Под словом «приход» разумеется здесь все количество плодов, денег и т. д., получаемое владельцем от употребления его капиталов, не исключая из сего количества части плодов или денег, потребных к вознаграждению сделанных издержек для получения оных. Остающееся за вознаграждением сих издержек есть чистый доход.

² The tithe, la dîme, die Zehnte. – Сия подать состоит иногда в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{5}$ и т. д. части целого дохода, но везде известна под названием $\frac{1}{10}$.

леделия, возрастая вместе с умножением произведений. Такое увеличение налога, как мы и выше видели, удерживает владельцев от употребления новых капиталов для улучшения земледелия. Сия подать делается еще тягостнее при нехороших жатвах: из 500 четвертей хлеба удобнее отдать 100, нежели из 50 – 10.

Будучи несогласна по своей несоразмерности с первым из четырех правил взимания налогов, сия подать не совсем соответствует и второму, ибо, несмотря на то что содержание платимого количества ко всему произведению известно, сие количество меняется, смотря по урожаю. Третьему из сих правил она соответствует, ибо собиране определяется в самое удобное время для платящего. Что же касается до четвертого правила, то сия подать столь же мало с оным согласуется, как и переменная поземельная подать с дохода.

Сей налог может быть собираем натурою или, по вычислению, деньгами. Для платящих собиране деньгами должно быть всегда выгоднее; разве только крайняя их бедность или недостаток в требовании произведений земли могут сделать собиране натурою более выгодным. Так же и для правительства собиране деньгами обыкновенно гораздо выгоднее. Подать деньгами может быть платима по оценке, меняющейся вместе с рыночною, или вольнопродажною, ценою, или по неперменной оценке, когда, например, известная мера хлеба определена однажды навсегда по одинаковой цене. В сем последнем случае подать меняется только с переменами в действительном произведении земли; в первом же она меняется, сверх того, и при переменах, случающихся с вольными ценами хлебных растений.

В Бернском кантоне сия подать собирается натурою и сбранный хлеб продается правительством с публичного торга преимущественно тем, кои подвержены сей подати¹.

Артур Юнг, путешествуя для исследования состояния хлебопашества, не находил в тех странах, где сия подать платилась натурою, ни значительных улучшений в земледелии, ни даже охоты к оным; напротив того, он заметил, что там, где земледелие находилось в цветущем положении, подати сии или совсем не существовали, или были превращены в денежные налоги. По большей части подати десятинные существуют в землях католических и доход от оных обыкновенно принадлежит духовенству. В протестантских землях сие гораздо реже. Сей причине

¹ *Meiners. Briefe über die Schweiz. T. I. S. 233.*

приписывают отчасти лучшее состояние земледелия в сих последних в сравнении с первыми.

Адам Смит, говоря о невыгодах, происходящих от десятинной подати для земледелия, упоминает, что *марена*, красивый корень, мог прежде расти только в Соединенных Нидерландах, где сия подать была уничтожена; чрез то сие государство пользовалось некоторою монополиею сего растения в отношении к прочим. Последние опыты ввести обрабатывание одного в Англии имели успех только вследствие постановления, что пять шиллингов с известного количества земли, производящей марену, должны быть платимы вместо подати десятинной¹.

В тех землях, где сия подать существует в отношении земледельцев к помещикам, правительство для пользы земледелия может предоставить обязанному платить десятину право откупаться от оной за известную, определенную законом цену, возложив на помещика обязанность соглашаться на принятие сей цены, как сие существовало в бывшем королевстве Вестфальском.

Между тем как в Европе подать десятинная принадлежит по большей части духовенству, во многих государствах Азии она составляет главный доход самого правительства. В Китае важнейшая часть доходов государственных состоит из подати с прихода всех земель в государстве; но она во многих провинциях не превосходит даже и тридцатой части обыкновенных произведений. Поземельная подать, существовавшая в Бенгале прежде, нежели земля сия перешла во владение английской Ост-Индской компании, состояла, как утверждают, в пятой части прихода. Такова же была сия подать и в Древнем Египте.

Древние римляне собирали такую десятину с завоеванных провинций; некоторые из сих платили оную натурою (*frumentum decumanum*), другие, как например, Гишпаниа, по вычислению, деньгами (*vectigal certum*). Такая же десятина была собираема в провинциях с рудокопных и соляных заводов и приносила весьма важный доход, в особенности в Гишпаниа и Македонии².

¹ *Adam Smith*. В. V. P. 276.

² *Nitsch's Beschreibung des Zustandes der Römer*. T II. S. 886.

Славный французский маршал Вобан предлагал королю превратить большую часть всех налогов в десятинную подать (*dixme Royale*)¹.

Заклучим статью о податях с дохода от земли рассмотрением *единственного налога*, предлагаемого физиократами².

¹ *Vauban. Projet d'une dixme Royale.* – Лагарп замечает (в *Eloge de Catinat*), что сие сочинение произошло из переписки маршала Катината с Вобаном и было составлено Буагильбертом; почитается, однако ж, сочинением Вобана, ибо в оном излагаются его правила.

² Система физиократов, или экономистов, возникла во Франции. Изобретатель оной был Г. Кеней (*Quesnay*), доктор г-жи Помпадур. Число последователей сего подлинно глубокомысленного человека было весьма велико, и к оному принадлежат многие из славнейших писателей французских. Главное правило сей системы состоит в том, что одно только земледелие есть производительное занятие в государстве. Вследствие сей системы все граждане разделяются на три класса. Первый состоит из владельцев земли, или помещиков. Второй – из тех, кои занимаются обработыванием земли. Третий составляют те, кои занимаются перерабатыванием и продажею произведений земли. К сему последнему классу, называемому непроизводительным, принадлежат и все прочие граждане в государстве. Второй класс называется исключительно производительным по той причине, что земледельцы одни только доставляют ежегодно новый чистый доход государству. Первый класс владельцев земли, как полагают физиократы, участвует в произведении сего ежегодного дохода посредством употребления своих капиталов на усовершенствование земледелия (*dépenses foncières*). Ремесленники и купцы, принадлежащие к третьему классу, не производят, по мнению физиократов, никакого чистого дохода: первые своими изделиями вознаграждают только ценность вещей, потребляемых ими во время работы; последние же способствуют только к обращению товаров. Как те, так и другие не могут увеличить народного богатства иначе, как посредством бережливости. Но при всем том сей класс почитается физиократами столь же полезным для общества, доставляя другим способ исключительно посвящать себя свойственным им занятиям. Вследствие сего физиократы полагали, что ни для которого из сих классов не может быть выгодно, если другие бывают угнетаемы правительством. То же самое заключали физиократы и о целых государствах во взаимном их между собою отношении, когда, например, одно государство занимается предпочтительно торговлею, другое же земледелием. Совершенно свободное совместничество в ремеслах и в торговле, общее и беспристрастное покровительство со стороны правительства по справедливости представляются в системе физиократов единственными средствами, ведущими к благосостоянию одного и всех государств. Всякое противное сему участие правительства в делах частных неминуемо должно уменьшать ежегодное произведение

О ЕДИНСТВЕННОМ НАЛОГЕ

Несмотря на то что различие состояния граждан, их имений, средств промышленности и пр. делает различие налогов необходимым, физиократы, или экономисты, почитая землю единственным источником всех произведений и земледельцев единственным производительным классом народа, старались доказать, и притом с необыкновенным остроумием, что все налоги падают наконец на земледельца, потому что он один доставляет обществу новые произведения; другие же классы только что перерабатывают оные, потому не могут сами собою нести подати; и вследствие сего доказательства предлагали наложить все подати непосредственно на земледельцев, которые потом должны будут искать за сие вознаграждения в возвышении цен их товаров. Не входя в сущность сей системы, которая, несмотря на свою странность, заслуживает великое уважение, мы рассмотрим только невозможность единственного налога с земледельцев. Вследствие сей системы земледелец должен платить весьма большую подать. Но прежде всего спрашивается: откуда получит он способы платить оную? Если он, как думают некоторые, должен платить подать натурою, то, приняв в рассмотрение, что сия подать составляет единственный доход правительства, он должен лишиться важнейшей части произведений земли чрез заплату налога, так что у него не может остаться нужного количества для содержания себя и вознаграждения издержек земледелия. Если подать должна быть платима деньгами, то невозможность платежа еще очевиднее. Когда же, напротив того, поземельный налог должен падать только на чистый доход, владельцем от его земли получаемый, то в таком случае доходы правительства не могут быть достаточны для удовлетворения потребностей государственных.

земли, возвышать цены товаров и, следственно, вредить производительному классу граждан. Система физиократов заслуживает величайшую похвалу, полагая сущность народного богатства не в деньгах, но в потребляемых товарах и предлагая притом свободу ремесел и торговли главнейшим средством для умножения количества ежегодных произведений. Во Франции и по сие время некоторые политики держатся более или менее сей системы. Поспешим, однако же, заметить, что сия система существует только в теории и не может существовать на практике, почему некто сравнивал ее с великолепным домом – но без лестницы. Лучшие сведения о сей системе можно получить из книги: *La Physiocratie, par Dupont*; в ней собраны некоторые из славнейших сочинений, к сей системе принадлежащих.

Физиократы говорят далее, что земледелец, заплатив подать, будет искать вознаграждения за оную в цене своих произведений. Но сколь высока должна быть цена сия? Много ли останется у земледельца хлеба для продажи, если важнейшая часть оного нужна для заплаты подати? Впрочем, никто не имеет потребителей (как мы увидим ниже) менее в своей власти, как земледелец, выгоды которого не позволяют уменьшать количества его произведений и чрез то действовать на возвышение цены оных. Должно также вспомнить, что и совместничество иностранных произведений будет препятствовать такому возвышению цен, если физиократическая система не будет введена во всем свете.

Некоторые думают¹, что по введении сей системы сначала многие из земледельцев погибнут, но что впоследствии все придет в порядок, и равновесие установится между всеми классами граждан. Но какого равновесия можно ожидать до тех пор, пока один из сих классов должен нести все повинности общественные?²

Иные предлагают заменить все налоги одним подушным окладом, определяемым в соразмерности имению каждого; для сего, по их мнению, надлежит разделить народ на несколько классов и пр., и пр. – Невозможность исследовать имение каждого есть сильнейшее опровержение сего предложения.

Система физиократов была столь распространена во Франции, что Бордоский парламент предлагал однажды королю ввести единственный налог во всем государстве³. Герцог Баденский Карл, дед ныне царствующего, известный, впрочем, своими сведениями и отличным характером, будучи усердным последователем системы физиократической, желал на опыте видеть благотельные действия оной; и несколько городков и селений, подверженных сему несчастному опыту, сделались жертвою ученого любопытства герцога.

НАЛОГИ С ДОМОВ

Дом служит человеку для укрытия себя от влияний воздуха или вместе с сим и для роскоши. Справедливость требует, чтобы жилища первого рода были освобождаемы от налога. На жилища второго рода подать должна быть налагаема, но толь-

¹ *Canard*. Principes d'Economie Politique. P. 189.

² *Minau de la Mistringue*. Idées sur les impôts publics. Richesse de l'Etat. P. 82.

³ *L'Antifinancier*. P. 33.

ко в таком случае, когда хозяин сам живет в доме или, отдавая внаймы, получает доход от оно́го. Дом, в котором никто не живет и коим никто не пользуется, вместо прибыли причиняет один только убыток хозяину и потому должен быть свободен от налога.

Сей налог должен сообразоваться в величине своей с пространством земли, занимаемой домом, и с местоположением; или определительнее сказать: налог с дома должен быть назначаем в соразмерности той сумме, за которую оный отдается или может быть отдан внаймы. При соблюдении сего налог с домов будет соответствовать всем четырем правилам, ибо оный может быть определен в соразмерности доходу, получаемому от дома, или доходам того, кто живет в доме, предполагая, что каждый избирает для себя жилище, соразмерное его состоянию. Величина налога может быть установлена и известна; взимание может быть определено в то время, когда хозяин получает плату за наем или, если он сам живет в доме, когда он получает свои доходы. Издержки собирания сего налога не весьма значительны.

Доход от строения Доход от дома разделяется на две части, из которых одна происходит от самого строения, а другая – от земли, на коей оно находится¹. Доход от строения есть не что иное, как проценты употребленного на оно́е капитала. Сей доход должен не только что равняться количеству процентов с денежных капиталов, но превосходить оно́е тою частию дохода, которая нужна для содержания, поправок дома и для постепенного возвращения капитала, в течение нескольких лет, употребленного на строение. Между тем как отданный в проценты капитал остается в одном и том же положении, капитал, употребленный на строение, мало-помалу в течение нескольких лет уничтожается вместе с обветшанием дома. Доход от земли, на которой стоит дом, зависит единственно от местоположения. Если сверх обыкновенных процентов и упомянутой суммы, нужной для поправок дома и постепенного возвращения капитала, строение приносит еще какую-нибудь прибыль, то сия прибыль относится к доходу от земли, а не к доходу от строения. Положим, как сие иногда бывает, что дом и земля принадлежат двум различным лицам; тогда вся сия прибыль будет принадлежать владельцу земли.

Доход от земли

Означенное равновесие между доходом от домов и от употребления денежных капиталов не всегда существовать мо-

¹ *Adam Smith. B. V. P. 280.*

жет вследствие различных обстоятельств. В то время когда требование домов беспрестанно умножается, капиталисты будут употреблять свои деньги на построение оных; в таком случае совместничество домов, действуя на понижение платы за оные, способствует к уравнению сей платы с процентами за ссуду денег. Но некоторые особенные обстоятельства могут удерживать нарушение равновесия в пользу владеющих домами, препятствуя построению новых по недостатку места или по неуверенности в продолжении требования домов. Такая неуверенность была весьма очевидна в Касселе, когда сей город был резиденцией короля вестфальского: плата за наем домов возвысилась несравненно выше платы за ссуду денежных капиталов; но никто не хотел строить новых домов, не зная, долго ли останется резиденция резиденциею и королевство королевством.

Тогда же, когда требование домов уменьшается, равновесие между процентами с денежных капиталов и доходов от домов нарушается гораздо более. Если вследствие превосходной прибыли от домов денежные капиталисты могут употреблять свои капиталы на построение оных, то владельцы домов вследствие превосходной прибыли от денежных капиталов не могут с такою же удобностию превращать свои дома в деньги, ибо продажа домов в то время, когда требование оных уменьшится или совсем прекратится, трудна или невозможна без важных убытков. Оттого и случается, что, когда денежные капиталы продолжают приносить доход, дома не только что никакой прибыли не приносят, но причиняют даже убыток, и владельцы оных находят себя иногда принужденными отказываться от своей собственности, не будучи в состоянии нести всех повинностей, сопряженных с оною; сие в особенности бывает во время войны при сильном проходе войск¹.

Сие равновесие нарушается иногда совсем особенным образом. Положим, что проценты за ссуду денег должны содержаться к плате за наем домов как 1 к 2, т. е. что если за сто рублей, отданных в проценты, получается ежегодно 10 рублей, то за сто рублей, употребленных на построение домов, должно получать двадцать, из коих десять служат процентами за употребленные сто рублей, другие же десять служат для поправок и для постепенного возвращения капитала. В государстве, где

¹ Во время существования голландского королевства во многих городах Голландии некоторые из жителей совершенно ломали свои дома, дабы чрез то избежать платы податей, на оные налагаемых; например, в Гааге в течение трех лет сломано таким образом 644 дома.

действительная ценность денег остается непременно, капиталисты денежные, получая 10 со ста, не будут употреблять своих денег на построение домов, если дома могут приносить только 15, а не 20 со ста, содержание, нужное к сохранению равновесия. Но в государстве, где действительная ценность денег переменяется вследствие упадка бумажных денег, расчетливые капиталисты будут и тогда употреблять свои деньги на постройку домов, когда, имея случай получать с денег 10 на сто, они могут получать от домов только 15, а не 20, следовательно, ниже обыкновенного содержания. Такой расчет будет основываться на том, что отданный капитал в проценты вследствие уменьшения действительной ценности бумажных денег, например $\frac{1}{4}$, должен уменьшиться такою же частью, несмотря на то, что содержание процентов к капиталу не переменялось, между тем как капитал, употребленный на построение дома, не зависит от перемен, случающихся с деньгами: если действительная ценность оных уменьшается, то плата за наем увеличивается в соразмерности сему уменьшению. Таким образом, владельцы домов, получая менее процентов, более уверены в сохранении капитала, а следовательно, и дохода с оногo.

Смит говорит¹, что налог с дохода от домов не может падать на доход со строения; в противном же случае хозяин строения, не получая должной прибыли, перестанет употреблять таким образом капитал свой, вследствие чего уменьшится совместничество и доход с домов возвысится; сия подать, продолжает Смит, разделяется между владельцем земли и тем, кто живет в доме. – Но мы видели, что совместничество владеющих домами не легко может уменьшиться. Все зависит в сем случае от различия трех состояний государства². При успевающем состоянии, когда требование домов беспрестанно увеличивается, налог сей должен падать на того, кто живет в доме. Если же Смит говорит, что в сем случае наемщик дома, не сделавшись богаче от введения налога, не захочет платить за дом более той суммы, которую он платил тогда, когда не было налога, и из сего заключает, что наемщик дома не будет нести сего налога, то причина сия, конечно, неудовлетворительна; ибо если при таких обстоятельствах наемщик дома не захочет платить за дом более, то он обыкновенно нанимает другой дом, хуже прежнего, но за ту же цену, и в сей цене платит вместе и нало-

¹ В. V. P. 282.

² О сем различии см. ниже, в главе V.

женную на дом подать. При неперемежающемся и упадающем состоянии государства, когда совместничество домов превосходит требование оных, жилец, конечно, не будет нести сего налога, который в таком случае разделится между хозяином дома и владельцем земли.

Сказанное о налоге с домов относится равным образом к подати с земли, на которой дом построен, и к подати с самого строения. Но подать на землю и подать на строение налагаются независимо одна от другой. Первая сообразуется с одним только пространством и иногда с местоположением, вторая же, сверх того, и с качеством дома. В Англии подать с земли, находящейся под домами, полагается равною в содержании своем обыкновенной поземельной подати, о коей было говорено выше; оценка, по коей платится подать с земли под домами, в Англии также непременно. Первая подать со строения была собираема там по числу дымов¹, с каждого по два шиллинга. Так как для взимания сей подати собиратели должны осматривать дома, что всегда сопряжено с беспокойством для граждан, то впоследствии сия подать была уничтожена как несовместная с народною свободою². Вторая подать сего рода состояла в Англии в двух шиллингах с каждого дома. С дома, имеющего десять окон, надлежало, сверх того, платить 4 шиллинга; с дома с 20 окнами и более – 8 шиллингов. Впоследствии дома с 20 окнами и более, до 30, платили 10 шиллингов; имевшие 30 окон и более платили 20 шиллингов. Окна можно считать, не входя в дом, и, таким образом, подать не влекла за собою вышеупомянутого неудобства. Наконец и сия подать была уничтожена, и вместо оной введена собственно так называемая подать с окон: сия последняя, кроме обязанности платить 3 шиллинга с каждого дома в Англии и 1 в Шотландии, увеличивается в Англии от 2 пенсов с каждого окна, когда оных не более семи, постепенно до 2 шиллингов с каждого в домах, имеющих 25 и более окон. В последние годы сия подать была возвышена.

Во Франции сей налог распределен не весьма равным образом, ибо в городах с окна в доме бедного человека платится то же, что и с окна в доме богатого; в селениях сия подать также одинакова в отношении к домам поселян и к домам бога-

Подать с окон

¹ *Campbell*. Political Survey on Great Britain. Т. II. P. 513.

² *Smith*. В. V. P. 290.

тейших людей. Доход от оной предполагался на 1815 год в 14 181 000 франков¹.

В Голландии со всех домов без исключения владельцы платили прежде² $2\frac{1}{2}$ со ста той суммы, которой дома стоили; но исчисление сей суммы бывало всегда ниже действительной ценности домов. Если дом был перестроен и увеличен и т. д., то в таком случае следовала новая оценка, по коей определялась подать.

Учреждение податей с окон одинаковым образом во всем государстве несправедливо. Дом, приносящий мало дохода или стоящий недорого и находящийся в уездном городе, может иногда иметь более окон, нежели дом, находящийся в столице и приносящий важный доход.

Один сочинитель предлагает взимать с каждого все налоги в соразмерности пространству занимаемого им дома или комнат³. Кроме неудобства, что в таком случае каждый будет стесняться в жилище своем, при упадающем состоянии государства не всегда можно судить о благосостоянии человека по обитаемому им дому, в особенности в землях, имеющих климат жаркий, где обширный дом не требует более издержек, как и обыкновенный. Во многих городах Италии, которая, к сожалению, конечно, не делает никаких успехов в благосостоянии, можно нанимать за безделицу самые обширные дома; небогатый человек может там жить почти в таком же доме, как и богатый.

К статье о налогах с дохода от земли вообще можно отнести прибавочные подати, существующие во Франции (centimes additionels). Сии подати платятся по департаментам Франции в соразмерности налогам с дохода от земли, налогам с движимого имущества, с окон, дверей и патентов. Доход от сих прибавочных податей должен быть употребляем для местных потребностей в каждом департаменте, но часто бывает издерживаем иначе самим правительством. Прибавочные подати, как видно, касаются не только подати поземельной, но и других прямых налогов. Но так как первая из оных доставляет правительству несравненно более, нежели прочие, то приличнее упомянуть о прибавочных сантиммах в статье о налогах с дохода от земли.

¹ *Sabatier*. Des recettes et des dépenses publiques de la France. P. 12.

² *Mém. conc.* T. I. P. 145.

³ *V. d. Lith.* S. 208, где говорится о сем предложении, Г. Лоенем сделанном.

Прибавочные сантимы должны составлять в 1815 году 99 710 500 франков. В 1816 году сей налог был еще увеличен¹.

НАЛОГИ С ДОХОДА ОТ КАПИТАЛОВ

Все богатства народные проистекают из двух главных источников, кои суть силы природы и силы человеческие. Но для извлечения богатств из сих источников нужны средства. Сии средства состоят в различных орудиях, строениях, деньгах и так далее. Ценность сих орудий, строений, денег называется капиталом. Таким образом, капитал состоит из произведенных искусством человека вещей и ценностей. Землю нельзя назвать капиталом, ибо она дана человеку природою и количество оной не может быть увеличиваемо посредством накоплений, как то бывает с капиталами².

Определение капиталов вообще

Под названием общественного капитала разумеются все вещи и все ценности, произведенные искусством человеческим и находящиеся в целом обществе.

Общественный капитал

Под названием недвижимого или постоянного капитала разумеются предметы, употребляемые владельцем оных в той отрасли промышленности, которою он занимается, и приносящие ему доход, не переходя от него к другому. Постоянный капитал земледельца состоит в скоте, употребляемом для земледелия; в его сохе и других орудиях; в строениях, способствующих его занятиям. Постоянный капитал мануфактуриста также состоит в машинах, орудиях, строениях, нужных для работы. Постоянный капитал портного состоит только в его игле, утюге и ножницах и т. д. К числу различных родов постоянного капитала можно также отнести приобретенные сведения в различных науках и искусствах, ибо приобретение сведений требует издержек, кои суть капитал. Примером сему может служить ученый, получающий плату за преподавание изученных им наук; лекарь, получающий плату за пользование больных; художник, получающий плату за свои картины, за играение на инструменте, за пение и т. д.³

Постоянный капитал

¹ Budget de 1816. P. 37.

² Say*. Catéchisme d'Economie Politique. P. 28.

³ Не должно удивляться неравенству прибылей, получаемых каждым из сих, так сказать, капиталистов. Различные причины действуют на количество их дохода, как-то: большее или меньшее просвещение, вкус публики, большее или меньшее уважение, сопряженное с каждым занятием. Труд платится не только деньгами, но и уважением. Таким

Обращаю-
щийся ка-
питал

Под названием обращающегося капитала должно разуметь те предметы, кои приносят прибыль не иначе, как оставляя владельца своего и возвращаясь к нему в ином виде. Посему обращающийся капитал торгующего купца состоит в товарах, которые он продает и которые возвращаются к нему в виде денег. Обращающийся капитал земледельца состоит в хлебе, который он продает и который возвращается к нему в виде денег. Капитал земледельца почти весь состоит в недвижимом, или постоянном, капитале, капитал купца – почти весь в обращающемся. Постоянный капитал сего последнего состоит только в его лавке или магазине.

Ценность скота, употребляемого для земледелия, есть постоянный капитал, равно как и орудия земледельческие. Содержание же сего скота есть обращающийся капитал, так же как и плата работникам: хозяин получает прибыль, разлучаясь с капиталом, нужным для сего содержания и для сей платы. Ценность скота, купленного не для работы, но для продажи, есть обращающийся капитал: хозяин получает свой доход посредством продажи скота. Стадо коров или овец, купленное не для продажи, но для того, чтобы доставлять молоко или шерсть, есть постоянный капитал: хозяин получает доход, не разлучаясь с сим стадом. Содержание сего стада есть обращающийся капитал. Ценность, заключающаяся в нужных для новых произведений земли семенах, есть постоянный капитал, ибо, несмотря на то что семена переходят от хозяина в землю и обратно, сей капитал остается во владении одного и того же человека.

Большая часть обращающегося капитала всего общества бывает ежегодно и иначе присоединяема к постоянному капиталу или назначаема для непосредственного потребления. Все машины и орудия не принесут никакого дохода, если не будет употреблен обращающийся капитал для доставления материалов и содержания работников.

образом, плата за труд хорошего ученого, истинного поэта состоит по большей части в сей плате уважения и славы, которую они приобретают.

В сих исследованиях надлежит также принимать в рассуждение и время, в течение которого человек может получать плату за талант свой. Ученый может долее употреблять его с прибылью и славою, нежели славный певец, танцовщик. Что касается до поэтов, то мы имели случаи удостовериться, что и их таланту природа поставила пределы и что за сими пределами творения их не получают прежней платы ни славою, ни даже деньгами.

Часть обращающегося капитала, определяемая для непосредственного потребления, состоит в товарах, припасах и во всех других предметах, нужных для жизни. Сохранить и увеличить сие количество предметов, определяемое для потребления, есть единственная цель как постоянного, так и обращающегося капитала. Богатство или бедность народная состоят в изобилии или недостатке сего количества¹.

Так как вследствие вышесказанного важная часть беспрестанно отделяется от капиталов для непосредственного потребления, то сии капиталы должны быть дополняемы в свою очередь. Сии дополнения или вознаграждения проистекают от земли и от сил человеческих как источников всех богатств народных.

Капиталы могут быть употребляемы в земледелии, в торговле, в ремеслах.

Так как употребленные капиталы на земледелие имеют целью произведение дохода от земли, то подати, налагаемые на таковые капиталы, суть не что иное, как подати с дохода от земли, о коих было говорено выше.

Подати с употребленных капиталов в торговле налагаются на товары: в таком случае они превращаются в налоги с потребления, о коих будет говорено ниже. Но подати могут быть налагаемы на денежные капиталы. Рассмотрим свойства сих последних налогов.

НАЛОГИ С ДЕНЕЖНЫХ КАПИТАЛОВ

Главнейшее их неудобство состоит в том, что величина денежных капиталов никогда не может быть исследована с верностию. Иногда даже сам владелец не может с точностию знать употребляемых своих капиталов, ибо состояние оных подвержено частым переменам. Подробное исследование состояния капиталов со стороны правительства может иметь вредные следствия для граждан, в особенности же для купцов, у коих сие часто должно оставаться тайною. Такое исследование может даже причинять банкротства. Кроме сего, налог с денежных капиталов действует иногда на перемещение оных из одного государства в другое. На сем основывается положение, что капиталы, употребленные на земледелие, служат более верною порукою благосостояния государства, нежели капиталы, употребленные в торговле. Помещик земли должен необходимо быть гражданином того государства, к которому он принадле-

¹ *Adam Smith*. В. II. P. 13.

жит; владеющего денежными капиталами можно в сем отношении назвать гражданином целого света: он всегда с большею легкостью может перемещать свои деньги из одного места в другое.

Доход, происходящий от денежного капитала, разделяется на две части: одною частью платится процент владельцу капитала, другая остается употребляющему оный. Сия последняя часть дохода, говорит Смит, не будет участвовать в плате налога. Но и в сем случае, как почти во всех других, действие налога зависит от различия трех состояний государства. Если оно находится в успевающем состоянии, то сей налог не будет несомни владельцем капитала, ни употребляющим оный, но упадет на потребителя. Если же при неперемежающемся или упадающем состоянии государства совместничество капиталов превзойдет требование оных и если притом перемещение капиталов из одного государства в другое вследствие особенных обстоятельств будет затруднительно, то налог должен необходимо упасть как на владеющего капиталом, так и на употребляющего оный, хотя, впрочем, сей последний будет платить меньшую часть налога. При состоянии государств в течение последних годов и даже при настоящем перемещении денежных капиталов затруднительно. В некоторых государствах великое накопление денежных капиталов производит низкие проценты, делающие перемещение новых капиталов невыгодным. В иных же перемещению препятствуют находящиеся в обращении бумажные деньги, коих ценность часто меняется и упадает; в иных препятствия находятся в самой системе правления.

К числу налогов с денежных капиталов принадлежит введенная в Англии подать с дохода от аннуитетов* и дивидендов, получаемых некоторыми лицами или целыми обществами. Она состоит из 10 со ста. Такая же подать существовала в Голландии и состояла из 190 гульденов с каждой акции Индийской компании. Сия последняя была убыточнее первой.

Подати, налагаемые на доходы, происходящие от капиталов, частными людьми правительству суженных, принадлежат также сюда. Они существовали иногда во Франции, например, когда в 1763 году был установлен налог с дохода (*rente*) от государственных обязательств, переходящих от одного лица к другому посредством наследства, дара, продажи и т. д. Пожизненные (*rentes viagères*) и тонтинные доходы, равно как и все проценты, платимые казной, были тогда подвержены подати, состоявшей в $\frac{1}{10}$. Такие налоги, взимаемые правительством с сумм, которые оно платить обязано, противны главным прави-

лам кредита государственного, и благоразумное правительство никогда не прибегнет к сему средству получать доход¹.

Подать с денежных капиталов не соответствует первому из четырех правил взимания налогов по той причине, что не равно касается до всех капиталов и что состояние оных вообще не может быть исследовано с точностию; может соответствовать второму и третьему; но противна четвертому, требуя большое число чиновников для собирания и будучи сопряжена с неприятностями при исследовании капиталов.

Заключим сию статью замечанием весьма простым и справедливым, но противным мнению многих, а именно: что деньги составляют весьма малую часть капитала общественного. Деньги суть не что иное, как средство, коим различные части общественного капитала приводятся в движение и разделяются между людьми. Деньги составляют часть сего капитала только потому, что имеют внутреннюю ценность, свойственную всем металлам. Полагают, что в Англии, богатейшем государстве в Европе, количество чистых денег простирается только до 18 миллионов фунтов стерлингов, что не составляет даже 127-й части всего общественного капитала, исчисляемого в 2 миллиарда 300 миллионов фунтов стерлингов (более 55 миллиардов рублей). Издержки одного года простираются иногда до 100 миллионов фунтов стерлингов и более². Доход общественный в Англии простирается, как полагают, далее 200 миллионов фунтов стерлингов: доход же правительства, по бюджетам, – от 60 до 70 миллионов. Ценность произведений земли простирается ныне в Англии до 100 миллионов³. Неккер исчисляет, что около 1784 года вся сумма чистых денег во Франции составляла

Деньги
суть малая
часть об-
щес-
твенного
капитала

¹ Народное собрание во Франции (*assemblée constituante*) в 1790 году желало ввести налог с обязательств государственных. Мирабо противился сему введению и защищал истинные начала государственного кредита и нравственности государственной превосходною речью.

² Издержки, сделанные правительством в 1813 году, составляли 112 391 000 фунтов стерлингов.

³ *Gentz. Essai sur l'administration des Finances de la Grande Bretagne* P. 42, 244. Табеля английского торгового баланса с начала XVIII столетия представляют ежегодно большую или меньшую прибыль, получаемую Англиею чистыми деньгами; сия прибыль составила бы ныне 347 миллионов ф.ст. (более 8 миллиардов рублей). Прибавив к сей сумме те чистые деньги, которые существовали в Англии до XVIII столетия, все сие составляет около 400 миллионов ф.ст.; между тем мы видим, что ныне в Англии чистых денег не более как на 18 миллионов. *Say. Traité d'Econ. Pol. T. I. P. 194. 3-me éd.*

2 миллиарда 200 миллионов¹, между тем как, по самым умеренным исчислениям, сделанным около того же времени, капиталы, на одно земледелие во Франции употребленные, составляли более одиннадцати миллиардов. Приняв сие в рассуждение, можно удостовериться, что деньги составляют весьма малую часть богатства народного. Как жалки после сего все усилия меркантилистов обогащать государства чистыми деньгами! Какие народы суть самые богатейшие, как не те, у коих всего менее чистых денег и кои не имеют собственных рудников? И какие народы суть беднейшие, как не те, кои обладают богатейшими золотыми рудниками в свете? Пусть взглянут на Англию и Гишпанию!

НАЛОГ С КАПИТАЛОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В РЕМЕСЛАХ

К налогам с капиталов вообще относится также налог, взимаемый с капиталов, употребляемых в ремеслах. Сей налог взимается обыкновенно в виде платы за свидетельство, патент или знак, выдаваемые ремесленникам.

Польза общественная требует свободного совместничества в ремеслах, так чтобы всякий мог получать патент на то ремесло, коим он заниматься желает. Между тем во многих государствах совместничество в ремеслах ограничено. Иногда ремесленник должен пробыть несколько лет учеником, несколько — подмастерьем; должен употребить несколько лет на путешествия в других землях, дабы иметь право сделаться в своей мастером. Такие ограничения совместничества, конечно полезные для цеховых мастеров, не соответствуют выгодам публики, которая в таком случае должна покупать вещи не у тех людей, кои могут делать оные всех лучше и дешевле, но у тех, которые имеют исключительное право на изделие и продажу.

Относящийся сюда налог с извозчиков, разносчиков и т. п. в действии своем весьма сходен с податью, на простых работников налагаемую, с тою только разницею, что как при успевающем, так и упадающем состоянии совместничество простых извозчиков и разносчиков обыкновенно увеличивается и уменьшается скорее, нежели пространное совместничество простых работников, и потому прибыль сих первых при свободном совместничестве почти никогда не может быть значительна. Если при успевающем состоянии требование усилится, то и совместничество ремесленников увеличится, тем более что для

¹ Сие исчисление справедливо почитается слишком высоким. Мы увидим ниже, что в начале XVIII столетия всю сумму чистых денег во Франции полагали в 1 миллиард 300 миллионов.

занятий такого рода не нужно иметь в готовности важных капиталов. При упадающем состоянии уменьшение требования уменьшит и совместничество. Таким образом, совместничество и требование, всегда соответствуя одно другому, удерживают прибыль почти в неперменном положении; и она редко будет превосходить то количество дохода, которое нужно для поддержания ремесла и содержания ремесленников с их семействами. Посему сей налог должен быть весьма умеренный, ибо ремесленник обыкновенно разделяет, хотя и в малой мере, плату его с потребителем. Налог с извозчиков, занимающихся своим ремеслом в большом виде, должен сообразоваться с важностию капиталов, ими употребляемых. Такие извозчики по большей части не будут нести налога, потому что совместничество их не столь легко увеличиваться может, как совместничество первых, и потому что они, служа нуждам или прихотям людей роскошных, всегда без труда могут увеличить получаемую плату соразмерно налогу. Но сие самое обстоятельство могло бы заставить их при упадающем состоянии государства нести налог, если бы они не могли без важных затруднений ограничиваться в своем совместничестве.

Подать с капиталов, в ремеслах употребляемых, легко может соответствовать трем последним правилам взимания налогов. Старание правительства может согласовать оную и с первым.

НАЛОГИ С ЖАЛОВАНЬЯ

Приняв в рассуждение, что приобретенные сведения составляют капитал того, кто их имеет, можно отнести к податям с капиталов взимаемые в некоторых государствах с жалованья как гражданских, так и военных чиновников. Против податей сего рода возражают, что правительство берет одною рукою то, что дает другою; но обстоятельства делают иногда сию подать извинительною. Случается, что правительство, имея мгновенную нужду в деньгах, как, например, теперь во Франции¹, и не желая уменьшить жалованье чиновников непосредственным образом, уменьшает оное посредством налога. Иногда сии по-

¹ Временная подать с жалованья приносит весьма значительный доход французскому правительству. Сверх сего, во Франции берется известная подать с некоторых чиновников, когда они дают присягу при вступлении в должность. Известно, что подобная сей подать существует и в России; но подать в России за чины составляет несравненно более, нежели во Франции за должности, где по большей части платится в таком случае по три франка.

дати нравятся народу, как например, в Англии, где они состоят из 10 со ста со всякого жалованья. Такие подати существовали в Голландии и Дании. В некоторых малых государствах Германии известные проценты вычитаются из жалованья чиновников, в особенности военных, для поддержания придворных театров, которые иногда преимущественно пред всеми полезными заведениями обращают на себя внимание маленьких немецких деспотов. Заметим, к чести нашего правительства, что в России вычет из жалованья делается для госпиталей, а не для театров.

Подать с жалованья бывает несомно тем, кто его получает. Конечно, может случиться, что большая подать на небольшое жалованье заставит платящего искать вознаграждения за оную у тех, кои до него имеют нужду.

НАЛОГИ С САМЫХ КАПИТАЛОВ

Хотя главнейшее правило при взимании налогов состоит в том, что они должны быть налагаемы на доход, а не на самый капитал, — несмотря на сие, существуют налоги, взимаемые с самых капиталов.

Сии налоги собираются при переходе собственности от одного лица к другому.

Собирание сих налогов производится непосредственным образом, как-то: при продаже имения, при разделах, при ссуде денег, при вступлении в брак надлежит писать купчую, заемное письмо или договор на гербовой бумаге, за которую платится в казну известная сумма, смотря по цене имения или по величине ссужаемой суммы; иногда такие договоры должны быть вносимы в публичные списки, причем платится подать. При переходе собственности от умершего к живому подать берется с духовной или за введение в наследство. Для удостоверения дохода от сей подати правительство объявляет все таковые договоры, заключенные неузаконенным порядком, недействительными или определяет за неисполнение существующих на сей случай узаконений особенное взыскание. Что касается до подати с наследства, то она должна сообразоваться не только с ценностью капитала, но также и со степенью родства наследников с умершим. Чем ближе родство сие, тем менее должна быть подать, и напротив. Наследство, получаемое детьми от отца, должно по многим причинам быть освобождено от сего налога. Часто дети от смерти отца своего делаются не богаче, но беднее, если, например, отец пользовался личными доходами, происходившими от службы или от его частных занятий. Напротив того,

отдаленные родственники обыкновенно ничего не теряют от смерти оставившего им имение и в сем смысле справедливо называются на немецком языке смеющимися наследниками (Lachende Erben). Согласно сему, во многих государствах, как например, во Франции, подать при переходе имения вообще от одного лица к другому сообразуется со степенью родства сих лиц, так что чем ближе родство, тем менее бывает подать. Но при всем том во Франции берется подать с имений, переходящих от отца к детям, и, сверх того, платится подать даже и тогда, когда наследник отказывается от наследства. В Голландии наследники в прямой линии не платили никакой подати, между тем как прочие платили от 5 до 30 со ста, соразмерно степени родства их с умершим.

Кроме того, сии налоги могут согласоваться с свойством перехода имения от одного лица к другому, так что, например, на даровые имения можно наложить большую подать, нежели на продаваемые. Конечно, в сем случае подарки могут быть делаемы в виде продажи. С имений, даруемых правительством частным людям, можно также при переходе оных к сим последним взимать обыкновенную подать.

Если имения или капиталы вследствие пожертвований переходят во владение общепольных заведений, то таковой переход собственности не должен влечь за собою налога; в противном случае налог, уменьшая ценность пожертвования, отвращает более или менее упомянутые заведения от предполагаемой цели их учреждения.

Справедливость требует, чтобы имения, продаваемые вследствие конкурса, были также освобождаемы от сих налогов. При таких обстоятельствах заимодавцы теряют обыкновенно часть своих требований; взимаемый с имения налог очевидно платится не тем, кому принадлежит имение, но заимодавцами и увеличивает их и без того уже более или менее важную потерю.

Наконец, закон должен освобождать от сего налога имения маловажные, принадлежащие людям бедным.

Налог, взимаемый при продаже имения, должен падать, по всей вероятности, на того, кто продает, ибо сей последний обыкновенно бывает принужден к продаже, между тем как покупатель редко бывает принужден к покупке. Впрочем, может случиться, что при успевающем состоянии государства, когда требование желающих покупать превосходит совместничество желающих продавать имения, покупатель будет нести все количество или часть сей подати. Сие может случаться и тогда, ко-

гда со владением недвижимой собственности сопряжены важные права политические, например, право быть представителем народным и т. д. По мере как сей налог падает на продавца, оный причиняет убыток человеку, обыкновенно находящемуся уже не в лучших обстоятельствах, и потому бывает иногда весьма тягостным.

Так как при переходе капиталов и земель от одного лица к другому объявление цены оных делается иногда несправедливо, то по сей причине сей налог не всегда соответствует первому из четырех правил; согласен же, напротив того, с тремя другими правилами.

Подати с наследства были известны в древние времена. Введенный в Риме Августом налог под названием *vicesima haereditatum* состоял в двадцатой части всего имения, переходившего от умершего к живому. Ближайшие родственники и бедные были освобождены от оногo.

Во время феодального правления подать с имений при переходе оных от одного лица к другому была в большом обыкновении.

Налоги с гербовой бумаги изобретены в новейшие времена и вскоре после изобретения были введены почти во всех государствах¹. Ничего, замечает Смит, одно правительство не перенимает так скоро у другого, как искусства брать деньги с подданных.

В Голландии писали духовные завещания на гербовой бумаге, коей цена простиралась от 3 копеек до 300 гульденов. Относительно гербовой бумаги для заемных писем и коммерческих векселей в королевстве Нидерландском вышло в феврале 1816 года новое постановление. В Северной Америке подать с гербовой бумаги приносит весьма важный доход правительству: она употребляется при всех договорах, духовных завещаниях и при вступлении в брак².

Во Франции сии подати (*droits d'enregistrement*) весьма велики и приносят важный доход правительству.

Существенная и весьма важная невыгода налогов с капиталов вообще состоит в том, что они платятся не из дохода, но из самого капитала. С другой стороны, выгода сих налогов

¹ Подать с гербовой бумаги была введена в Голландии в 1624 году. Вероятно, изобретение оной должно приписать голландцам. Beckmann's Geschichte der Erfindungen. T. I. B. II. S. 2.

² Benjamin Franklin*. Political, Miscelanous and Philosophical Pieces. P. 258.

также очевидна и состоит в том, что каждый платит их тогда, когда он имеет на то средства, уделяя часть из получаемого или платимого им капитала.

Вследствие того что сей налог уменьшает самый капитал, некоторые люди, охотники до исчислений, утверждают, что имения, уменьшающиеся при каждом переходе от одного лица к другому, должны наконец исчезнуть совершенно; что так как все имения в государстве необходимо должны переходить от одних лиц к другим вследствие наследства и продажи, то налог сей должен иметь неминуемым последствием уничтожение всех имений или капиталов в государстве. Но, делая такие исчисления, они забывают, что, между тем как одни члены общества терпят ущерб в своих капиталах, другие вознаграждают оный своею бережливостию; забывают, что, если один источник общественного дохода иссякает, изобилие других между тем увеличивается. Общественное потребление не может превышать общественного дохода; общество не может издерживать того, чего оно не имеет. Правительство может брать от народа то, что он добывает из источников своего богатства, но не может уничтожить сих источников, кои состоят в земле и в силе человеческой.

Вышеупомянутое мнение столь же несправедливо, как и то, если бы кто думал, что человек, имеющий 100 000 рублей капитала и проживающий ежегодно 10 000, необходимо должен в течение десяти лет лишиться своего имения; забыв, что проживающий ежегодно 10 000 получает ежегодно столько же дохода.

Один из новейших политических писателей¹ с справедливостию замечает, что по состоянию налогов с капиталов можно судить об успехах правительства в науке финансов. Во Франции, говорит сей автор, сии налоги составляют пятую часть всех доходов государственных, между тем как в Англии они составляют восемнадцатую. Сие доказывает несовершенство системы финансов во Франции в сравнении с Англиею.

Подать с гербовой бумаги, на коей во многих государствах должно писать просьбы в присутственные места, к различным чиновникам государственным, которая исключительно должна быть употребляема даже для производства дел, не относится к налогам сего рода, но к налогам с потребления. Сия подать платится без всякой соразмерности капиталу, но единственно соразмерно нужде того, кто сию бумагу употребляет. В

¹ *Ganilh*. Considérations sur la situation financière de France en 1816.

Налог с
отъезжаю-
щих за
границу

России подать с такой гербовой бумаги велика, как в сравнении с прочими налогами в России, так и с податями сего рода в других государствах. Подати за клеймо на картах, газетах, на серебряной и золотой посуде и т. п. принадлежат также к податям с потребления. Напротив того, относится к налогам с капиталов подать, платимая отъезжающими из государства. Сия подать не может приносить важного дохода правительству; тягостна для тех, кои оной бывают подвержены; может быть в политическом отношении противна выгодам государства, ибо препятствует иностранцам переселяться в оное, угрожая им потерю части их капитала, если они захотят возвратиться в свое отечество, и вообще не согласна с правилами справедливости. Сюда же относится подать, взимаемая с имущества умерших людей, коих наследники, находясь в другом государстве, переводят имущество к себе. Сия подать, конечно, не столь вредна, как первая, но не составит важного дохода для правительства.

НАЛОГИ С ДОХОДА ОТ РАБОТНОЙ ПЛАТЫ*

Цена рабочей платы простого работника зависит от требования и от обыкновенной цены съестных припасов¹, но в большей мере от сего первого, нежели от последней. Если требование работников увеличивается, то и цена рабочей платы возвышается, и обратно.

При успевающем состоянии государства, когда требование превосходит число работников, подать, наложенная на работника, будет несомна тем, кто пользуется его работою, ибо работник вследствие налогов возвысит цену платы за работу. При неперемениющемся и упадающем состоянии, когда совместничество работников превосходит требование, рабочая плата уменьшается до самой низкой цены². Бывали примеры в Германии, что работники иногда желали работать из одного только хлеба, без всякого денежного вознаграждения. При продолжении такого состояния совместничество работников должно необходимо уменьшаться: одна часть сих несчастных погибнет, другие переселятся в иностранные земли; вообще же класс простых работников ограничится тогда в возобновлении своем; и таким образом оставшиеся работники удержат цену рабочей платы на той степени, которая необходимо нужна для поддержания их бедственной жизни. Если и при таком состоя-

¹ *Ad. Smith. В. I. P. 38. Steuart. Т. II. P. 509.*

² *Herenschwand. Discours fondamental sur la population. P. 114.*

нии государства налог будет угнетать сей несчастный класс народа, то совместничество работников должно уменьшиться более, нежели сколько бы оно уменьшилось без сего налога, т. е. большее число работников должно погибнуть, большее число должно расстаться с своим отечеством, дабы оставшиеся получили новые силы для заплаты налога; и при сем-то положении простых работников оправдаются слова Реаля¹, который говорит, что во многих государствах крестьянин не может посредством труднейшей работы доставить себе нужного для его существования, подобно Данаидам, наполнявшим водою бездонные сосуды; все собираемое им течет в руки ненасытного правительства или тех, коим он подчинен.

Правительства для вспоможения бедственному состоянию простых работников предпринимают иногда построение различных зданий или доставляют другие способы простому работнику получить плату. Таким образом Борис Годунов во время голода построил в Москве славную Ивановскую колокольню; таким образом французское правительство привело в лучшее состояние древние памятники в Риме и т. д.

Что касается до влияния цены съестных припасов на работную плату, то постоянная дороговизна оных не уменьшает дохода работника только при успевающем состоянии государства. Мгновенная дороговизна и при сем состоянии, конечно, будет чувствительна для работников, ибо на короткое время они нелегко могут возвысить цену работной платы.

Весьма желательно, чтобы правительства никогда не налагали податей на доход от работной платы. При успевающем состоянии государства, когда налог падает на потребителя, сей последний может быть подвержен налогу другим образом, не касающимся до простого работника; при неперемняющемся и упадающем состоянии сей налог бывает более или менее тягостным для простых работников, следственно, вреден и самому государству. Но часто правительства не знают собственных своих выгод; потому и налог сей существовал во Франции, в государстве, которое прежде революции отличалось по части финансов самыми несправедливыми и безрассудными постановлениями. Там та часть личных сборов, которая была налагаема на промышленность деревенских работников, была не что иное, как налог с дохода от работы². Доход сих работников был определяем по величине работной платы в том уезде, где

¹ *De Real. La science du Gouvernement.*

² *Mém. conc. T. III. P. 129.*

они жили, и по числу рабочих дней, которых полагалось 200 в году. Подать с каждого работника переменялась ежегодно, сообразно обстоятельствам или, лучше сказать, произволу тех, которые собирали оную. В Богемии все ремесленники разделены на четыре класса; последний из сих классов заключает в себе городских и деревенских работников, из коих каждый должен платить ежегодно по 25 гульденов¹.

Исправленные работы

К числу сего рода налогов можно отнести обязанности крестьян исправлять различные работы в тех государствах, где рабство не существует. Такие личные повинности в пользу правительства или помещиков суть следы необразованности средних веков, и правительство должно стараться по возможности уничтожать сии повинности, превращая их в плату денежную². В Англии они были уничтожены еще в 1660 году; в Шотландии – вскоре по утишении последнего возмущения; во Франции – в 1776 году. В Австрийских и Ганноверских землях сии обязанности в отношении к правительству были также уничтожены, и правительства подали сим благодетельный пример помещикам, имевшим право на такие повинности со стороны крестьян³. В последние времена они были уничтожены почти во всех немецких государствах. Сии повинности иногда более принадлежат к налогам с капиталов, нежели к налогам с доходов.

В Индии все подданные без исключения должны в продолжение известного времени обрабатывать поля их государей⁴.

Работы такого рода причиняют всегда более убытка тому, на кого возлагаются, нежели сколько приносят пользы правительству или господину. Часто работник должен терять много времени для того, чтобы прийти на место работы; сверх того, сии повинности отвлекают земледельца от главнейших его занятий. Наконец, какого прилежания можно ожидать от того, кто работает, не получая вознаграждения, и каких плодов можно ожидать от такой работы? Земледелец, так, как и всякий

¹ Мém conc. Т. III. P. 119.

² Обязанность иметь в своем доме военный постой может быть отнесена к личным повинностям тех, кои имеют дома. Сию повинность надлежит также, смотря по возможности, удобства и выгодам, стараться превращать в денежные сборы и на собираемые деньги строить казармы для помещения военных людей.

³ Beckmann's Beiträge zur Oeconomie. Т. I. S. 115.

⁴ Meiners. Ueber Asien. Т. II. S. 290.

другой человек, работает охотно и прилежно только тогда, когда он работает для себя, – самая простая, но важная истина.

Один немецкий сочинитель и эконом замечает, что в Германии поместья, подверженные таким повинностям, не находят при продаже столько охотников, как те, кои свободны от оных¹.

К числу сих повинностей принадлежат обязанности поселян исправлять дороги, провожать колодников, ловить беглецов и т. п. обязанности, кои везде могут быть предоставлены местной или земской полиции.

Все такие повинности, как налог, не соответствуют ни одному из четырех правил взимания налогов; первому правилу, потому что они не равно падают на сильного и слабого работника, на прилежного и ленивого, на богатого и бедного: первый из сих последних может за себя нанимать других, второй должен всегда сам работать; сверх того, различная отдаленность места работы от жилища поселян делает сии повинности неравными; не соответствуют второму правилу, потому что не всегда может быть определено время и количество работы; третьему, потому что часто поселянин должен производить сии работы в самое неудобное для него время; и наконец, в особенности четвертому, потому что такие повинности, как сказано выше, причиняют гораздо более убытка исполняющему оные, нежели сколько приносят выгоды правительству или господину.

Несмотря на все сии неудобства личных обязанностей исполнять работу, есть люди, кои находят их хорошим учреждением. Граф Соден² одобряет оные, потому что многие из бедных, говорит он, скорее согласятся работать, нежели платить; потому что работы сии могут быть легко уравнины; потому что тот, кто не хочет работать, нанимает за себя другого; и наконец, потому что они должны быть исполняемы там, где живет работник.

Первая из сих причин может быть справедлива при упадающем состоянии государства, при котором предполагается, что бедность поселянина должна быть весьма велика и что он не может найти для себя никакого выгодного занятия. Такое состояние государства, расстраивающее хорошую систему налогов, не может служить доказательством в пользу личных повинностей. При успевающем или даже и при неперемеющемся

¹ *Westfeld. Ueber die Abstellung des Herrendienstes. S. 64.*

² *Graf von Soden. Ueber die National-Oeconomie.*

состоянии государства всегда выгоднее платить за сии повинности деньгами. Опровержение прочих причин сего автора следует из сказанного выше.

Есть случаи, когда такие повинности могут быть необходимы, как например, в военное время при проходе войск, когда требуются от поселян подводы или когда сами поселяне употребляются другим образом. Так как вообще в военное время жители тех мест, где проходят войска, несут более тягостей, нежели прочие, то правительство может выдавать сим жителям свидетельства за поставляемые ими вещи для армии и за другие пожертвования такого рода с обещанием принимать сии свидетельства впредь в уплату налогов или платить по оным чистыми деньгами. Кроме сего, правительство может дать таким свидетельствам меновую ценность, дабы оные могли вступать в обращение подобно государственным ассигнациям.

В России личные повинности в отношении к правительству иногда необходимы при теперешнем положении вещей; в отношении же к частным людям они неразлучны с крепостным состоянием крестьян¹.

¹ Что касается до крепостного состояния крестьян в России, то о сем в последние времена довольно много говорили и даже иногда писали, но, к сожалению, без пользы; ибо против крепостного состояния говорили и писали по большей части такие люди, в особенности иностранцы, кои, находя с справедливостию самую вещь нехорошею, не имели, однако же, надлежащих сведений ни о России вообще, ни о состоянии русских крестьян в особенности; в пользу же крепостного состояния говорили такие люди, которые воображают, что крестьянин не может приносить дохода помещику иначе, как составляя его собственность. Противники не понимали друг друга. Первые в неведении своем сравнивали русских крестьян с африканскими невольниками; другие, напротив того, сравнивали господина в управлении крестьян его с отцом семейства и власть первого с властью сего последнего.

J'ose dire portant, qu'ils n'ont point mérité

Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité!!!

[Я все же осмелюсь сказать, что они не заслужили ни таких чрезмерных почестей, ни такого оскорбления!!! – *Ред.*]

Беспристрастные люди могли, однако же, чаще вразумлять и исправлять суждение первых, нежели последних. Если последним говорено было о необходимости постепенного дарования крестьянам некоторых личных прав, если говорено было о необходимости постепенного ограничения власти помещиков, которая в действиях своих часто бывает противна религии и человечеству, то они делали восклицания против царства разума во Франции, как будто права собственности и личной свободы, на коих создается благосостояние государств, должны влещи за собою уничтожение религии и законов! Пусть сии

НАЛОГИ СО ВСЕХ ТРЕХ ИСТОЧНИКОВ ДОХОДА БЕЗ РАЗЛИЧИЯ

К сему роду налогов принадлежат:

1. Поголовные налоги.
2. Налоги с имущества или с дохода вообще.
3. Налоги с потребления и
4. Чрезвычайные налоги.

ПОГОЛОВНЫЕ НАЛОГИ

Поголовные налоги собираются с каждого поровну, иногда же сообразуются с званием или чином.

В сем последнем случае неравенство очевидно: звание и чин не доказывают дохода, с которого налог должен быть взимается; бедный человек может иметь важный чин, и напротив.

Подушные налоги, собираемые с каждого поровну, суть следы необразованности предшествовавших времен, когда нужды общественные были малозначущи и когда правительства, не зная утонченных способов разделения налогов, брали с каждого поровну.

Главное неудобство поголовных, или подушных, налогов состоит в том, что они не сообразуются с доходом каждого; но оно обыкновенно вознаграждается маловажностью подати. При настоящем состоянии налогов суммы, получаемые правительствами от подушных окладов, могут быть собираемы другим образом, более справедливым и выгодным как для народа, так и для самого правительства.

люди взглянут в историю. Где найдут они, чтобы народ, которому правительство даровало священные права человечества и гражданства, восставал против виновников своего благополучия? Всегда и везде народ платил любовь, признательностью и повиновением за делаемые ему благодеяния. Возмущения народные всегда происходили от противного. – Но таковы люди! Введение доброго везде легче, нежели искоренение злого. В России, с тех пор как в народе показалось сильное стремление к нравственному усовершенствованию в соразмерности с большими успехами в хорошем, мы гораздо менее отстали от дурного. Будем, однако же, питать сладостную надежду, что Россия, имеющая много других преимуществ пред прочими государствами, станет наряду с ними и в сем отношении. Дух времени, выгоды самих помещиков служат основанием сей надежде. – Благоустроенное государство не должно созидать своего благоденствия на несправедливости; угнетение одного класса граждан другим не может быть залогом благосостояния великого и нравственно доброго народа.

Сии налоги вследствие несоразмерности имению платящего, не соответствуя первому правилу взимания, могут согласоваться с тремя последними.

Подушные налоги существовали прежде в Англии и во Франции. Собрание оных в первом из сих государств было сопровождается меньшею строгостию, нежели в последнем. В Голландии городские жители были освобождены от поголовных налогов; также и малолетние не платили оных. В Дании по узаконению о налогах сего рода, сделанному в 1767 году, каждый должен платить 1 талер ежегодно, и сие как в самой Дании, так в Норвегии и Голстейнском владении. Солдаты и имеющие от роду не более 12 лет были освобождены от платы сего налога¹. В Польше поголовная подать была платима людьми всякого состояния, возраста и пола; дворянство в сем государстве платило втрое более, нежели простой народ; чиновники государственные кроме подати с чинов своих платили и налог поголовный.

В начале существования Древнего Рима поголовные налоги (*ex capitae*) были в большом употреблении и составляли почти единственный доход правительства. В числе причин падения Римской империи замечают также и поголовный налог, введенный Константином в замену многих других. Народ, угнетаемый неравенством и величиною оного, охотно покорялся завоевателям, коих правление, так как они имели менее потребностей, казалось народу лучше утонченного тиранства римлян².

Поголовный налог с негров

Поголовная подать, налагаемая на негров в южных провинциях Северной Америки и в островах Западной Индии, есть в собственном значении не что иное, как налог с капитала, употребляемого на земледелие, ибо негры в сем отношении совершенно равны скотам и орудиям, употребляемым, подобно им, для обрабатывания земли³.

¹ Authentische Acten-Stücke, als Beiträge zur Geschichte der Dänischen Staaten. S. 33. Сия подать была в первый раз введена Христианом V, коему нужны были деньги для войны со шведами в 1679 году. *John Andrews. The History of the Revolutions of Denmark. T. I. P. 382.*

² Hume's Essays. T. II. Essay VIII. P. 107.

³ *Adam Smith. B. V. P. 39.* При сем Смит делает следующее замечание: «Поголовные подати с рабов, употребляемых при обрабатывании земли, были в старину известны во всей Европе. Такого рода подать существует теперь в России. Вероятно, вследствие сего обыкновения поголовные налоги всякого рода были почитаемы признаком рабства. Но надлежит отличать поголовный налог, платимый свободными людьми, от того, который налагается на людей, не пользующихся сво-

НАЛОГИ С ДОХОДА ВООБЩЕ

Подать с дохода, проистекающего от имени как движимого, так и недвижимого, налагается по оценке, которая делается или ежегодно, или на несколько лет; иногда же все граждане не бывают разделяемы на несколько классов, смотря по доходу каждого; для первого класса определяется сумма, свыше которой налог не должен простирается, для последнего – сумма, ниже коей все капиталы освобождаются от налога: таким образом налог не касается до бедных.

Подати с доходов вообще всегда бывают более или менее тягостны для народа и были вводимы по большей части только при необыкновенных обстоятельствах. В Англии вскоре по заключении последнего мира общее мнение народа начало требовать уничтожения сего налога (income-tax); из всех частей королевства приходили представления парламенту, изъявлявшие сие требование. После сильных споров между оппозициею и министерством, которое показало себя в сем случае весьма с невыгодной стороны, сия подать была наконец уничтожена. Она состояла из 10 процентов с дохода, объявляемого владельцами и в случае нужды поверяемого чиновниками со стороны правительства, и приносила от 10 до 15 миллионов фунтов стерлингов. Доходы ниже 60 фунтов стерлингов были освобождены от сей подати.

бодю. Первый бывает платим тем, на кого оный налагается, и означает, что платящий имеет собственность, следовательно, не может быть собственностью другого; потому и налог сей нельзя почитать признаком рабства, последний же платится помещиком». Из сих слов явствует, что подушный оклад, существующий в России, принадлежит более к первому роду сего налога, собираемому с людей свободных, нежели к последнему, ибо в России крестьяне сами платят подушный оклад, но не помещики их, кроме разве тех, кои, лишая крестьян всякой собственности, принимают на себя обязанность платежа налогов. Бывают примеры, что добрые помещики платят за крестьян своих государственные подати в случае неурожая для облегчения их или в случае хорошего урожая для изъявления им признательности за работу. Случается также, что помещики для отвращения хлопот от крестьян своих принимают на себя взнос податей и рассчитываются потом с крестьянами; но все сие служит доказательством добродушия некоторых помещиков, более или менее пекущихся о благе подвластных им земледельцев. Итак, подушный оклад в России не есть подать с капитала, употребляемого в земледелии, но личный налог с земледельцев. Сверх того, и свободные крестьяне в России подвержены сему налогу.

Во Франции¹ прежде существовала такого рода подать под названием *taille personnelle*. Она собиралась в тех провинциях, где не была введена поземельная подать (*taille réelle*). Сия первая налагалась на деревенских жителей вследствие оценки их имущества. Никакой общий закон не означал содержания сей подати к предметам, кои были подвержены оной², и она обыкновенно определялась, смотря по наружному благосостоянию плативших; иногда же определение подати сообразовалось с исправностию или скоростью платы, так что те, кои лучше исполняли сию обязанность, вместо того, чтобы получить одобрение за свою исправность, должны были платить еще более. Сей подати во Франции были также подвержены некоторые городские ремесленники³. К сему роду налогов относится известная прежде во Франции подать под названием *maltôte*, коей первоначальное введение приписывают святому Людовику. Так как впоследствии она сделалась весьма тягостною, то и была называема *male tôte*, т. е. дурно собираемая (*mal tollue*), от чего произошло название *maltôte*⁴. Под сим же названием была платима во Франции королям третьего поколения подать каждые три года за то, чтобы они не переменили ценности монет⁵.

Существующая ныне во Франции подать с движимого имущества (*contribution mobilière*) взимается соразмерно плате за наем дома. Сия подать была введена в начале революции вместо существовавших дотоле поголовных налогов (*capitation*). Взимание ее сопряжено с бесчисленными неудобствами, почему правительство позволяет местным городским начальствам, от-

¹ При рассмотрении бюджета на 1816 год, внесенного французским правительством в собрание народных представителей, один из сих последних, Ганиль, коего сочинения приводятся в сей книге, предлагал ввести подать с доходов во Франции в замену некоторых других налогов. Сие предложение не имело никакого последствия. Принимая в рассуждение теперешнее плохое состояние финансов во Франции и необходимость отклонить, сколь возможно, от бедных людей тяжесть налогов, можно думать, что введение подати с доходов в замену некоторых других было бы не бесполезно, тем более что от сей подати можно было бы освободить как более потерпевших от войны, так и вообще всех людей недостаточных.

² *Monthion*. P. 97.

³ *Munier*. Т. II. P. 172.

⁴ *Déon de Beaumont*. Histoire des Finances. Т. I. P. 56. *Maltôtes* были известны и в Англии. *Sinclair*. Hist.

⁵ Сие называлось: *Consvetudo et relevatio monetæ*. *Déon de Beaum*. Hist. des Finances. Т. II. P. 66.

меня оную, возвышать взимаемую пошлину с некоторых предметов потребления при ввозе оных в город (ostroï).

В небольших государствах, особливо в вольных городах, сия подать может быть собираема таким образом, что каждый из граждан, исчислив сам величину своего дохода, платит определенное число процентов, обязавшись присягою жертвовать соразмерно своему достатку. В Гамбурге существовало сие обыкновение, и подать приносила всегда более, нежели сколько ожидать было можно. Вообще надлежит, однако же, избегать определения налогов по собственному объявлению платящего, в особенности сопровождаять сие присягою, ибо при таком, в некотором отношении произвольном, платеже человек имеет побуждение и выгоду объявлять несправедливо¹.

Подать с имения, бывшая в обыкновении в Нюренберге (losung), была соединена с большими затруднениями для граждан, нежели в Гамбурге. Каждый должен был вычислять количество своего имения на бумаге и доказывать справедливость сего вычисления. Если оно было ложно, то начальство брало штраф с имения даже и по смерти того, кто сделал такое исчисление².

Подать с имения существует и в швейцарских кантонах. При случае необыкновенных издержек граждане должны объявлять под клятвую состояние своего имения, и тогда в соразмерности оному налагается подать³. В голландской истории видны примеры, что подати с имения были также платимы по собственному объявлению. С особенною верностию была там платима подать, состоявшая из 2 со ста всего имения, вскоре по возведении в звание штатгалтера последнего принца Оранского. В больших государствах, в особенности там, где целые классы граждан освобождены от налогов, подать с имения, или с дохода вообще, не может быть с верностию собираема по собственному объявлению граждан количества их достатка⁴.

В начале 1812 года в России введен налог, коего содержание к доходу было определено правительством, но объявление дохода предоставлено платящим.

¹ *Beccaria. Dei delitti e delle pene. P. 52.*

² *Nicolay's Reisebeschreibung. T. I. S. 23. Bergius. Polizei und Cameral-Magazin. T. VI. S. 207.*

³ *Mém. conc. T. I. P. 149.*

⁴ *Forster's Ansichten. T. I. S. 359.*

НАЛОГИ С ПОТРЕБЛЕНИЯ

Третий род налогов со всех трех источников дохода без различия состоит в налогах с потребления.

Что есть потребление?

Потребление есть действие, противное произведению; оно есть разрушение произведенных ценностей. Нельзя уничтожить составного вещества предметов, так же как и сотворить оно; но можно разрушить пользу, данную сему веществу, и, разрушая пользу, разрушить вместе и ценность: сие разрушение называется *потреблением*¹.

Потребление касается двоякого рода предметов: одни служат для необходимых потребностей жизни, другие – для роскоши. Сделать общее точное разделение между сими двумя родами предметов трудно или даже невозможно. Определить различие сих в одном известном государстве легче. При сем надлежит однажды навсегда согласиться, что к предметам, потребным для жизни, принадлежат не только те, кои необходимо нужны для сохранения существования человека, но также и те, без коих человек не может обойтись, не нарушая правил пристойности. Льянная рубашка не принадлежит в точности к предметам, необходимо потребным для жизни: греки и римляне не имели таких рубашек и притом, кажется, не менее нас наслаждались жизнью. Но при теперешнем состоянии народов простой поденщик постыдится ходить без рубашки, неимение которой может служить знаком той величайшей степени бедности, до которой едва ли кто достигнуть может без собственной вины. Правила сей пристойности не одинаковы в различных государствах. Обыкновение сделало в Англии, говорит Смит, кожаные башмаки предметом необходимой потребности. Самый бедный работник поставит себе за стыд показаться людям, не имея оных. В Шотландии, продолжает сей автор, обыкновение сделало башмаки предметом необходимой потребности для мужчин, но не для женщин, которые без всякого стыда ходят босиком. Во Франции кожаные башмаки не принадлежат к предметам необходимой потребности ни того, ни другого пола: простые люди ходят там в деревянных башмаках. – С большею справедливостию можно, однако, отнести все предметы, употребляемые для простой пищи и питья, для простой одежды и обуви, к предметам первых потребностей для человека².

¹ Say. Catéchisme. P. 22.

² Le superflu – chose très nécessaire. Volt. [Излишек – вещь, весьма необходимая. Вольтер. – *Ред.*]

Между предметами роскоши надлежит различать те, кои приносят пользу употребляющему оные, и те, кои служат единственно для тщеславия и посредством коих один желает отличиться пред другим.

Желательно, чтобы предметы, необходимые для жизни, были всегда свободны от налогов; но сего никогда не бывает, потому что сии предметы потребляемы всеми гражданами государства и подать с оных должна приносить важный доход правительству. Самые большие налоги с предметов роскоши не принесут правительству такого дохода, как умеренный налог с предметов, необходимых для жизни, потому что первые служат для потребления более ограниченного числа людей.

Подать с предметов, необходимых для жизни, возвышая цену оных, действует, как мы видели выше, на возвышение работной платы. При успевающем состоянии государства сие возвышение легко производится в действо; при упадающем состоянии влияние сей подати весьма вредно, ибо она, возвышая работную плату, делает совместничество работников более ограниченным, нежели каково оно было бы тогда, когда бы подать не производила сего возвышения; совместничество же простых работников может уменьшиться не иначе как их гибелию. Кроме сего, несмотря на необходимость, дороговизна предметов первой потребности, как-то: хлеба, соли, — уменьшает потребление оных между бедным классом народа. Бюш, говоря о большой подати с хлеба в Гамбурге, замечает, что бедные жители сего города распространяют бережливость сей пищи даже и на малолетних детей, отчего их телесные силы не могут достигать должного совершенства. Сие замечание автор оправдывает тем, что в Гамбурге дети простых людей почти всегда имеют вид слабости, малы ростом.

Что касается до подати с предметов роскоши, то происходящее от того возвышение цен сих предметов не действует на возвышение работной платы. Например: подать с табака, который можно почитать предметом роскоши вообще для всех классов народа, не возвысит работной платы. Смит замечает, что возвышение цены портера в Англии вследствие увеличения подати тремя шиллингами с бочки сего напитка не возвысило цены работной платы в Лондоне¹.

Подать с потребления предметов, необходимых для жизни, совсем не соответствует первому правилу взимания налогов, ибо никак не сообразуется с доходом платящего: богатый пла-

¹ [Adam Smith.] В. V. P. 334.

тит, например, за соль одну и ту же подать. Второму правилу сия подать соответствует, ибо каждому известны количество подати или цена того предмета, на который наложена она. Что касается до третьего правила, то хотя в некотором отношении и можно сказать, что сия подать, платимая вместе с покупною ценою предмета, платится в самое удобное время, однако надлежит заметить, что платящий не может отложить потребление соли или хлеба на несколько времени и потому всегда должен покупать сии предметы и, следовательно, платить подать, несмотря на то, удобно ли для него время платежа или нет. Наконец, с четвертым правилом подать сия весьма несообразна, требуя, как и все другие налоги с потребления, много издержек собирания.

Подать с предметов, служащих для роскоши, и в особенности для тщеславия, согласна более или менее с тремя первыми правилами по той единственно причине, что от каждого зависит покупать или не покупать сии предметы и, следовательно, платить или не платить подать. С четвертым правилом по причине дороговизны собирания она не согласуется.

Заметим, что налоги с роскоши должны иметь единственною целию получение от оных дохода¹. Учреждать сии налоги для уменьшения самой роскоши не только что бесполезно, но и вредно. Предметы, служащие для роскоши, могут весьма часто меняться, и если правительство захочет уменьшать роскошь налогами, то оно должно вместе с переменами моды изменять и налоги. Кроме того что перемены моды вредят тем, кои занимаются изделием и даже продажей модных предметов, они делают их тем дороже. Надлежит преобразовывать посредством законов то, что основано законами, и изменять посредством обычаев то, что введено обычаями, сказал Монтескьё.

Вообще надобно стараться налагать подать с потребления сколь возможно ближе к тому, кто, наконец, должен нести онаю. Предмет, на который наложена подать, переходя из одних рук в другие, беспрестанно увеличивается в цене своей, ибо каждый, заплатив вместе с ценою за предмет и подать, наложенную на оный, получает при новой продаже предмета не только что цену оного и заплаченную им подать, но и некоторое вознаграждение за его, так сказать, предварительную плату подати; так что тот, кто наконец потребляет предмет сей, платит в цене оного не только за подать, но и за все упомянутые вознаграждения, полученные теми, чрез руки коих предмет

¹ *Boesnier de l'Orme. De l'esprit du Gouvernement économique. P. 387.*

постепенно переходил. Итак, чем далее от потребителя наложе-на подать, тем более он платить должен, и напротив.

Изъяснив различие предметов, необходимых для жизни, и тех, кои служат для роскоши, упомянув о действии налога как на те, так и на другие, приступим к общему изложению налогов с потребления.

НАЛОГИ С ПРЕДМЕТОВ, СЛУЖАЩИХ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Налогам с потребления бывают подвержены:

1. Предметы, служащие для внутреннего потребления человека или для пищи и питания.

2. Предметы, служащие для внешнего или наружного потребления человека.

К предметам первого рода в особенности принадлежат соль, горячие напитки, мясо¹, мука, хлеб и т. п.; пошлина с сих предметов обыкновенно называется акцизом. Для умножения доходов государственных правительств иногда присваивают себе исключительное право производства и продажи некоторых из сих предметов. Сие обыкновенно делается с солью, горячими напитками и с табаком. Конечно, такие монополии, равно как и все прочие, не согласны с выгодами общества; но правительство, привыкнув к получению некоторых доходов посредством монополий, иногда не хочет, а иногда и не может отказаться от прав своих. Акциз

Нигде подать с соли не была более разорительна, как во Франции прежде революции, а отчасти даже и ныне. – Нельзя без горестного ощущения видеть бедного поселянина, у которого правительство отнимает последнюю копейку, и сие за то, что он пользуется производением, данным природою в величайшем изобилии, необходимым для его здоровья и жизни, сей жизни, которая для него, может быть, не так нужна, как для самого правительства.

Кроме неравенств сей подати во Франции, происходивших от различия провинций, в коих была введена большая соляная подать; тех, где платилась малая соляная подать; тех, которые имели соляные заводы, и освобожденных провинций (*pays de grandes gabelles, pays de petites gabelles, pays de salines, pays redimés et exempts*), в каждой из оных существовали различия

¹ В некоторых землях акциз со скота, определенного для боя, различен от подати с мяса: первый должен быть заплачен прежде, нежели скот бывает убит, вторая платится с мяса по количеству веса.

цен, основанные на обыкновении и привилегиях¹. Норманская провинция казалась быть избранною, дабы служить зрелищем всех угнетений и несправедливостей, кои влекла за собою сия подать². Сверх того, правительство, предполагая, сколько каждый потребляет ежегодно соли, взимало с него по сему предполагаемому количеству известную подать; но сие предположение никогда верно не было. По деланным исчислениям выходило, что человек, имевший 60 000 ливров дохода, платил за потребление соли $\frac{1}{2}$ со ста сего дохода, имевший же 600 ливров дохода – 10 со ста³.

Сие содержание в отношении к поселянам было еще несправедливее и тягостнее. Введение подати с соли во Франции полагают в 1345 году, когда государственные чины позволили Филиппу VI, первому из дома Валуа, наложить подать как на соль, так на вино и водку⁴. Президент Гено приписывает введение сей подати также Филиппу Валуа, многие же – Филиппу Прекрасному, а другие – Филиппу Длинному⁵. Подать с соли была уничтожена во Франции в 1789 году по предложению Неккера, и для замены никакой другой подати тогда определено не было⁶. Впоследствии сия подать была введена в новом виде, но при всем том остается довольно тягостною для простого народа, который должен покупать соль вчетверо дороже в сравнении с ценами соли в соседних землях, а именно в Швейцарии и некоторых немецких государствах.

Доход от подати с соли во Франции простирается ныне до 30 и до 40 миллионов, доход от табака – до 40 миллионов. Подати с различных напитков приносят до 60 и более миллионов. Образ собирания сих последних податей делает оные весьма ненавистными для народа.

¹ *Gruber de Grubenthal*. Théorie de l'administration des Finances. Т. II. P. 20, и *Necker*. Compte rendu. P. 82.

² *Forbonnois**. Recherches et considérations sur les Finances de France. Т. I. P. 509.

³ *De Guer*. Considérations sur les Finances. P. 150.

⁴ *Déon de Beaumont*. Hist. des Finances. P. 64. Вследствие сего Эдуард III называл в шутку Филиппа: l'auteur de la loi salique.

⁵ *Arnould*. Histoire. P. 84 и *Déon de Beaumont*. Histoire des Finances.

⁶ *Heinrich*. Geschichte Frankreichs. Т. III. S. 417.

Акциз был введен в Англии так называемым долгим парламентом¹. В 1729 году акциз с соли был уничтожен, но вскоре был вновь введен Вальполем для уменьшения поземельной подати². Подать с кожи, мыла, свечей, состоящая в 8, 25 и 15 со ста, гораздо тягостнее в Англии, нежели подать с соли, несмотря на то, что налог втрое увеличивает цену сей последней³.

Подать с соли была известна и древним. По изгнании королей из Рима сенат присвоил себе монополию соли – поступок, казавшийся тогда благодеянием народу. Впоследствии соль была подвержена налогу в Римской империи; город Рим был освобожден от оног⁴.

Акциз с муки введен также почти во всех государствах; сверх сего, в иных землях берется в городах подать с испеченного хлеба. В Голландии цена хлеба, потребляемого в городах, увеличивается более нежели вдвое вследствие сего последнего налога.

Акциз с хлеба в Папской области был замечателен своею странностию. Всем владельцам земли, исключая привилегированных, было запрещено продавать собираемый ими хлеб как иностранным купцам, так и внутри государства⁵. Все количество хлеба надлежало продавать папскому правительству, которое платило за хлеб вдвое менее настоящей цены оног. Скупленный таким образом хлеб правительство продавало всем хлебникам в папских владениях, и никто, кроме сих хлебников, не имел права печь хлеба, даже и для собственного потребления. Каждому хлебнику было предписано покупать определенное количество хлеба из папских магазинов. Мера, которою правительство мерило продаваемый хлеб, была $\frac{1}{5}$ менее той, которою хлеб измерялся при покупке. Если у хлебника оставался хлеб по прошествии года, то правительство покупало оный по половинной цене и продавало вновь как обыкновенно. Несмотря на сей излишек, в следующий год хлебник должен был покупать такое же количество хлеба, как и в прошедший.

В Республике женеvской правительство содержало всегда в магазинах хлеба на два года. Хлебникам было запрещено покупать хлеб на рынке: они были обязаны покупать оный из ка-

¹ *Sinclair*. History. T. I. P. 172.

² *Id.* T. III P. 27.

³ *Ad. Smith*. B. V. P. 337.

⁴ *Hegewisch*. S. 59.

⁵ *Gomari*. Mémoires des cours d'Italie. T. II. P. 94.

женных магазинов. Прочие граждане покупали где хотели. От сего налог, взимаемый с хлеба при продаже одного из магазина, падал только на тех, кои не могли печь хлеба у себя дома, следовательно, по большей части на бедных. Впрочем, магазинный хлеб был только немногим дороже обыкновенного¹. В Генуе правительство принимало на себя труд печь хлеб в казенных печах, и хлебники только что продавали оный². Луккское правительство имело магазины для всех предметов, служащих к обыкновенному потреблению, желая чрез то содержать съестные припасы в одинаковой цене и помогать иногда бедным³.

При сем случае пожалею о различных усилиях правительств, стремящихся к понижению цен хлебных и обеспечению насильственным образом продовольствия народного. Восходя к началам, коими правительства в сих случаях руководствуются, они должны были бы равномерно и даже предпочтительно принять в свое распоряжение и самое производство хлеба, обрабатывание полей, посев хлебных растений и т. д. Если же сие последнее занятие не прилично обязанностям правительства, то насильственная и тщетная попечительность о продовольствии точно так же не соответствует оным.

Странный способ собирания акциза был введен Кольбером в Париже. Сей министр определил известное число людей, торговавших в Париже курами, гусями, яйцами, дичью и т. п., для покупки сих предметов у деревенских жителей и для продажи оных в городе с вычетом одной копейки с ливра. Сей акциз, замечает Форбоне⁴, приносил правительству 500 000 ливров дохода ежегодно. — Но если бы сия подать была платима при ввозе сих предметов в город, то, вероятно, правительство получило бы не менее дохода; совместничество же городских продавцов было бы свободно.

Фридерик Великий употреблял для собирания акциза тех из заслуженных солдат своих, коим не удалось получить патента или дозволения на прошение милостыни, или места собирателя пошлин с дорог, или места учителя в народных школах; и те люди, которые жертвовали жизнью для короля, должны бы-

¹ *Von der Lith.* S. 96.

² *Patié. Aperçu historique et politique d'Italie.* Т. II. P. 278.

³ *Gomari.* Т. III. P. 35.

⁴ *Forbonnois. Rech. et Cons. sur les Fin. de France.* Т. I. P. 477.

ли ходить по домам и обонянием узнавать¹, не жарит ли кто гусей или не жжет ли кто кофе!

Голландцы прежде всех усовершенствовали соби́рание акциза. Впрочем, подать с хлеба, мяса и т. п. была известна еще в XIII столетии². Один достойный уважения писатель³ говорит, что во Франции акциз был известен прежде царствования Хильперика и был в самом начале весьма тягостен для народа. Юсти производит слово акциз от *accidere* (отрезывать). Сей автор, великий враг акциза, говорит, что он ограничивает разумную свободу человеческих поступков, подвергая их беспрестанным исследованиям со стороны собирателей. Но заметим, что если сия подать ограничивает разумную свободу, о которой упоминает сей автор, то и все прочие налоги имеют то же следствие, уменьшая способность действовать соразмерно сей свободе, посредством ограничения дохода каждого. Фон дер Лит, противник Юсти, уверяет, что акциз приглашает иностранцев селиться в той земле, где оный введен! Некоторые из новейших писателей предлагали уничтожить акциз и взимать собираемые посредством оного суммы прямыми налогами⁴. Один французский писатель⁵ предлагает ввести акциз вместо многих других налогов. – Давно уже замечено, что нет нелепости, которой бы когда-нибудь не утверждал кто-либо из философов и политиков.

НАЛОГИ С ПРЕДМЕТОВ, СЛУЖАЩИХ ДЛЯ ВНЕШНЕГО ПОТРЕБЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

К предметам второго рода, кои бывают подвержены налогам с потребления, принадлежат все произведения ремесл, фабрик и мануфактур.

Подати с сих предметов бывают собираемы внутри государства или на границах.

Соби́рание пошлин внутри государства

Соби́рание внутри государства производится различным образом: иногда правительство налагает подати на самые фабрики и мануфактуры, смотря по количеству и ценности вырабатываемых на оных товаров; иногда оно обязывает платить за

¹ Отчего они и назывались *Schnüffler*.

² *Praetorius*. S. 210.

³ См.: *Works of Davenant*. Т. III. P. 67.

⁴ *Krönke*. *Das Steuerwesen, nach seiner Natur und Wirkungen*. S. 432.

⁵ В книге под заглавием: *Le Reformateur*. P. 92.

дозволение продавать сии товары. Сверх сего, правительство обыкновенно взимает подати с товаров при перевозе оных на дорогах, каналах и реках.

Пошлины
с дорог и
каналов

Дороги и каналы могут принадлежать правительству или частным людям. Первые с большею пользою будут находиться в руках правительства; ибо частный человек может пренебрегать содержанием дорог в исправном состоянии, между тем как доход его от оных не уменьшится: люди будут продолжать ездить и по дурным дорогам, платя притом определенную пошлину. Что касается до каналов, то сии удобно могут находиться в руках людей частных: владелец, получающий пошлину, будет всегда содержать канал в исправном состоянии; нерадение сделает канал неспособным для судоходства, и тогда исчезнет доход от пошлины. Таким образом, собственные выгоды принуждают частного человека содержать канал в исправности.

Пошлины с дорог и каналов должны иметь единственную целию вознаграждение издержек, нужных для содержания оных в исправном положении. Исключение из сего правила может с справедливостию существовать тогда только, когда дороги или каналы были сделаны иждивением частного человека: в сем случае правительство должно ему позволить получать в доходе от пошлин с дороги или канала не только вознаграждение издержек, потребных для содержания оных, но также и нужные суммы для постепенного возвращения всего употребленного капитала. Если же дороги и каналы сделаны правительством, то не согласно было бы с выгодами оного возвращать издержанные миллионы копейками¹. Сии выгоды требуют, чтобы употребленные капиталы приносили пользу облегчением средств сообщения между различными частями государства и ободрением промышленности народной.

Пошлина с дорог должна сообразоваться с числом лошадей или с тяжестью повозок; таким образом каждый будет платить соразмерно вреду, причиняемому дороге проездом его². Сия пошлина никогда не должна сообразоваться с ценностью товаров, ибо сие причинило бы беспрестанные исследования и несправедливости. Пошлина с каналов должна также для избежания всех затруднений сообразоваться с величиною барок,

¹ *J. Mauvillon. Physiocratische Briefe. S. 80.*

² Во Франции запрещено иметь узкие шины у повозок, служащих для перевоза товаров; сии шины должны быть тем шире, чем тяжелее повозка; в противном случае берется с возчиков штраф.

стругов и лодок или с названием сих судов. Судходство по рекам должно быть совершенно свободно от всех пошлин, включая платы за издержки, нужные иногда для содержания шлюзов, и т. п.

Желательно, чтобы пошлины с дорог вовсе не существовали и чтобы правительства принимали исключительно на себя исправное содержание оных. Кроме всех неприятностей, сопряженных с платою сих пошлин, собиране оных весьма дорого стоит. Во Франции в новейшие времена сии пошлины были совершенно уничтожены¹. В Германии пошлины, собираемые с дорог, почти везде представляют правительствам случай награждать заслуженных солдат, определяя их для собиране. Но хорошее устройство в финансах и справедливость правительств могут доставить средства награждать инвалидов другим образом, более приличным их заслугам и более выгодным для государства.

Если совершенная свобода сообщения и вообще торговли внутри государства самым действительным образом способствует благосостоянию народному, то ограничение сей свободы имеет совсем противные последствия. Такое ограничение действует непосредственно на уменьшение количества произведений, лишает народ средств добывания себе дохода; с уменьшением же справедливого дохода одного члена общества уменьшается доход общественный. Сверх того, все препятствия, делаемые внутренней торговле, имеют вредное влияние и на иностранную, которая, несмотря на пустые доводы меркантилистов, есть не что иное, как следствие первой, и не может существовать без оной. Но правительства и в сем отношении, как во многих других, действовали вопреки выгодам народа и, следовательно, своим собственным. Во Франции Лоара, сия прекрасная река, соединяющая течением своим несколько провинций, была подвержена 28 пошлинам от Сен-Рамберта до Нанта. Сии пошлины имели столь вредное действие, что товары, которые можно было сплавливать по сей реке, были отправляемы сухим путем². Во Франции таможенные пошлины внутри государства разделяли прежде все провинции на три части: провинции, подверженные тарифу 1664 года, кои назывались провинциями пяти больших откупов; подверженные тарифу 1667 года, и провинции, кои почитались иностранными.

¹ Bosc. Sur l'accumulation des capitaux.

² Forbonnois. Rech. et Cons. sur les Fin. de France. T. I. P. 305.

Разделение Германии на несколько особенных государств, причина великой образованности и бедствий сей земли, между прочими препятствиями торговле внутренней подает также повод к умножению пошлин с рек судоходных. Случается, что одна река протекает чрез владения нескольких мелкопоместных князьков немецких; каждый из сих ныне самодержавных владельцев хочет на свою часть воспользоваться местоположением своего государства и собирает на нескольких верстах несколько различных пошлин. К сему присоединяются в Германии другие вредные постановления, вследствие коих некоторые прибрежные города имеют право заставляя проезжающих по реке купцов с товарами оставлять их барки и брать другие от граждан сих городов¹. В Испании почти все товары, перевозимые из одной провинции в другую, были подвержены пошлинам на границах оных². Кроме сего существовала в Испании подать, известная под названием *алкавала* и состоявшая сначала из 10, потом из 14 со ста ценности не только всех продаваемых, но также всех перевозимых товаров из одной провинции в другую и даже из одной лавки в другую. Купцы, откупщики, мануфактуристы, лавочники равно были подвержены оной. С справедливостию приписывают упадок земледелия и мануфактур в Испании отчасти сему налогу.

Иногда учреждение пошлин внутри государства происходит от злоупотреблений, кои время сделало законом.

В средние века часто вассалы получали в награждение от королей привилегии собирать такие пошлины³; и так как для королей сии награждения ничего не стоили, то они умножали их до бесконечности. Даже добрый Генрих IV давал позволение своим придворным и любовницам собирать различные пошлины, думая, что такие сборы ничего казне не стоят.

Таможенные пошлины внутри государства были наконец уничтожены как во Франции⁴, так в Испании и в папских областях⁵.

¹ *Runde*. Deutsches Privatrecht. S. 383.

² *J. Blanc. de Volx*. Etat Commercial de la France. T. III. P. 54.

³ Альман упоминает об одной грамоте, находящейся в Дофине, из коей видно, что Берtrand, граф Фольнарквирский и Амбрунский, дал монахам клузским право пыли (*pulverage*) в деревнях Коншской провинции, т. е. право брать пошлину с овец, которых гоняют из одной деревни в другую и которые чрез то пыль причиняют.

⁴ *Arnould*. P. 210.

⁵ *Allemand*. P. 23.

У древних римлян еще в самом начале были известны таможенные пошлины внутри государства (*portoria*). По изгнании королей они были уничтожены, но впоследствии опять введены¹. Юлий Цезарь возобновил соби́рание уничтоженных во время консульства Метелла Непота таможенных пошлин касательно иностранных товаров². Август ввел новые таможенные пошлины во всех провинциях со всех товаров без исключения, кои были вывозимы или привозимы для продажи; величина сих пошлин была неодинакова и переменалась, смотря по государственным потребностям или по воле императора. Обыкновенно сии пошлины состояли из 5 со ста³.

Римлянам приписывают изобретение сих пошлин, введенных вначале для известных награждений, впоследствии же распространенных под предлогом обезопасения судоходства⁴.

Соби́рание пошлин на границах государств

Казалось бы, что при введении налогов цель правительств должна ограничиваться получением от того дохода. Между тем, собирая деньги, правительства соединяют иногда с сим и цель направления народной промышленности. Нигде сия цель так не заметна, нигде она не является столь важною для правительств, как при учреждении пошлин на границах. Системы пошлин во всех государствах основываются более или менее на ложных правилах системы меркантильной. Чего не ожидают меркантилисты от сих пошлин? Посредством пошлин на иностранные товары они хотят привести в самое цветущее состояние собственные фабрики и мануфактуры, возвышая цену привозимых товаров и таким образом доставляя преимущество своим фабрикантам и мануфактуристам против иностранных и заставляя притом своих потребителей платить большие деньги за дурные *домашние* изделия; посредством пошлин, как при ввозе так и вывозе налагая на одни товары более, на другие менее и чрез то доставляя преимущество первым в сравнении с последними, они заставляют народ обращаться к таким изделиям, которых обрабатывание, по мнению министров, для него

¹ Henry. History of England. P. 396, в древней истории Англии.

² Jul. Caes. Comm.

³ Cicer. in Verr. Lib. II. Cap. 75.

⁴ Allemand. Traité des péages. P. 6.

всего выгоднее¹. Тщетная заботливость! Гораздо лучше предоставить произволу частных людей выбор их занятий и употребление их капиталов, когда они чрез то никому, кроме себя, вредить не могут, ибо они всегда лучше министров разумеют собственные свои выгоды². Все влияние правительства на частных людей должно ограничиваться в сем отношении позволением каждому искать своих выгод и употреблять свои капиталы, как ему заблагорассудится. Потому-то замечено с некоторою справедливостью, что в сем отношении правительство делает для подданных все, если оно ничего не делает³.

¹ Чего ни делали властолюбивые министры для направления промышленности! Прославившийся деспотическими поступками португальский министр Помбаль думал, между прочим, что полезнее для португальцев пахать землю, нежели заниматься деланием вина; для сего во многих местах было повелено разорить виноградники, но земля осталась пустою; производство хлеба осталось то же, между тем как производство вина значительно уменьшилось; а число нищих, воров и разбойников увеличивалось тем более, чем точнее была исполняема воля деспота. Сей же министр, находя, что в Португалии мало городов, захотел умножить число оных и построил для сего Villa Real de S. Antonio и Villa Pomball. Для населения же сих городов велел он сжечь все дома в Monte Gordo. Он же учредил общество торгующих вином, назвал себя президентом оного и дал обществу право покупать вино у всех жителей королевства за известную низкую цену; наконец, он велел жителям Лиссабона и всей провинции Эстремадуры не отдавать денег займы за проценты никому, кроме сего общества.

Помбалу вздумалось также выписать людей искусных в делании шелка; исполнив сие, он запретил всем тем, кои у них не учились, заниматься сим ремеслом. Народ с досады рубил свои шелковичные деревья. *Luder. Ueber die Industrie der Portugiesen. S. 37 и сл.*

Так же и во Франции было однажды запрещено разводить виноград там, где может расти хлеб. Некоторые от того разорились, и последствия доказали, сколь вредно было сие узаконение.

Иногда такие поступки влекут за собою скорые последствия, столь же явные, как и бедственные. Например, когда в 1594 году Филипп II запретил голландцам ездить в Португалию для покупки товаров Восточной Индии, то голландцы начали сами ездить в Восточную Индию и выгнали оттуда португальцев.

Можно привести множество таковых примеров, ясно доказывающих несправедливость и вред меркантильной системы относительно направления народной промышленности правительством.

² *Bentham. Traité de Legislation. T. II. P. 103.*

³ Один из самых неутомимых новейших писателей политических, Прадт, сочинения коего, заключаая много неосновательного, представляют также много важных истин, в книге своей: *Congrès de Vienne. T. II, между прочим, говорит: Pour rendre un peuple heureux, il ne faut*

Кроме сего, министры, следующие меркантильной системе, хотят посредством пошлин сохранить торговый баланс – великое, но пустое слово в устах меркантилистов – всегда в выгодном состоянии для своего государства; и потому случилось, что если, например, государство *A* имело невыгодный баланс в торговле с государством *B* и между тем покупало от сего государства известные товары за дешевую цену, то министры государства *A* налагали на ввоз сих дешевых товаров пошлину, которая возвышала цену оных до такой степени, что для подданных становилось выгоднее покупать сии товары от государства *C* за гораздо большую цену в сравнении с прежнею, дешевою, не возвышенною налогом ценою; и сие потому, что товары государства *C* не были подвержены таким пошлинам, как товары государства *B*. Причина сей меры состояла в том, что государство *A* имело выгодный баланс против государства *C* и что, несмотря на дорогую цену, платимую за известные товары сему последнему, перемена почиталась весьма полезною, уменьшая сумму чистых денег, ежегодно платимых государству *B*. Увеличение сей суммы в платеже государству *C*, по мнению министров, было не вредно по причине выгодного торгового баланса. Вследствие таковых правил торговые договоры были заключаемы, нарушаемы и уничтожаемы, смотря по торговым балансам. Заметим мимоходом, что договоры торговые не нужны, когда есть хороший тариф.

Вследствие той важности, которую имеют таможенные пошлины в глазах меркантилистов, они служат для них мерою счастья и несчастья народов. Имея перед глазами таможенные списки, в неверности коих никто никогда не сомневался, они восхищаются, что отечество их обогащается чистыми деньгами, и даже не подозревают ничтожности такого богатства.

Для достижения выгодного баланса правительства особенно стараются, чтобы их подданные как можно менее покупали от иностранцев и чтобы как можно более им продавали. Вследствие сего правительства бывают гораздо снисходительнее при пошлинах с вывоза своих, нежели при пошлинах со ввоза иностранных товаров. Сия снисходительность простирается часто столь далеко, что правительства определяют даже

que dépenser peu, et administrer le moins possible. Laisser faire et laisser passer, c'est à peu près à quoi se réduit tout l'art de gouverner. [Чтобы сделать народ счастливым, надо только поменьше тратить и возможно меньше администрировать. Laissez faire и laissez passer – к этому почти что сводится все искусство управления. – *Ред.*]

награждения за вывоз, забыв притом, что таким образом дают одному то, что берут у другого.

Несмотря на то что Адам Смит самым блистательным образом доказал ложность меркантильной системы; несмотря на то что почти все политические писатели следуют теперь Смиту, система меркантильная и ныне еще по большей части управляет действиями правительств. Если справедливые мнения распространяются нескоро, то искоренение ложных требует еще более времени¹. Можно наполнить целые томы исчислением нелепостей сей системы, которой конечная цель состоит в том, чтобы собрать деньги всего света в одно известное государство: верх заблуждения разума человеческого!

Пределы сего сочинения не позволяют пространно говорить о сей системе, которая в течение трех последних столетий не переставала быть одною из важнейших причин пролития крови человеческой. В продолжение сего периода времени не было ни одной войны, к предприятю которой не подали бы хотя некоторого повода торговые выгоды государств, выгоды, ложно разумеемые правительствами и основанные на безрассудных правилах сей системы².

¹ Добрый Лафонтен сказал:

L'homme est de glace aux verités;

Il est de feu pour le mensonge.

[К истинам человек холоден, как лед, а ложь схватывает с быстротой пламени. – *Ред.*]

² Последователи меркантильной системы в доказательство превосходства оной ссылаются, между прочим, на выгоды, происшедшие для Англии от славного навигационного акта, узаконенного Кромвелем, – и это главная опора меркантилистов. Конечно, навигационный акт имел последствия благодетельные для Англии, хотя и не столь важные, как многие думают; но сей акт был полезен для сего государства не потому, что ограничивал свободу торговли, но потому, что сие ограничение могло способствовать к усовершенствованию мореходства английского, на коем основано могущество Великобритании. Итак, навигационный акт хотя и способствовал благосостоянию Англии, но способствовал как пожертвование, которое Англия принесла и приносит в пользу независимости и силы государства. Пожертвование же остается пожертвованием, то есть невыгодным само по себе. Ограничение свободы торговли в Англии имело свою особенную благоразумную цель, было само по себе невыгодно, но имело действия, превосходившие пользою невыгоды. Можно ли из сего заключить, что и все другие государства должны для увеличения благосостояния народного следовать тем же правилам системы запретительной? Надлежит прежде знать: требуют ли запрещений политические выгоды государства; может ли система запретительная споспешествовать силе и политиче-

Правила собирания таможенных пошлин на границах

Настоящее состояние Европы и взаимные отношения государств делают таможенные пошлины почти необходимыми. При учреждении их можно с пользою и справедливою следовать только следующим правилам.

1. Ежели один товар был подвержен налогу внутри государства и если сего же рода товар привозится из чужой земли,

ской независимости государства? Все поступки правительства должны иметь известную постоянную цель, даже и запрещения. Мы видим, что в Англии они отчасти имели цель сию. Едва ли можно полагать, чтобы такая же цель могла существовать для других государств. История показывает, что полезное одному государству редко может быть полезно другому, что причины и средства возвышения и падения государств различны в каждом из них. Каждый народ идет или, по крайней мере, должен идти своею особенною стезею к величию, славе и гражданскому счастью. Подражания в сем случае едва ли могут быть удачны.

Сверх сего, полезное, как и все вообще, имеет свое время. Характер времени независим от характера вещей. Одна и та же вещь может быть полезна в одно время и бесполезна и вредна в другое. Северная Америка несравненно более других государств сходствует с Англиею в политическом бытии своем, в выгодах и правилах государственных. Но и для Америки слепое подражание Англии не может быть обильно в полезных последствиях. Американское правительство недавно ввело у себя нечто весьма подобное навигационному акту; но можно ли ожидать от сего узаконения тех же действий для Америки, какие оно произвело для Англии? Кромвелев навигационный акт был полезен не потому только, что соответствовал выгодам Великобритании, но и потому, что был издан в Кромвелево время. Если бы Европа находилась ныне в том же положении, в каком она была при Кромвеле, то, вероятно, навигационный акт был бы благодетельным учреждением для Америки. Но в том ли отношении находится ныне Америка к другим государствам, в каком находилась тогда Англия к прочим народам европейским? Таких ли имеет ныне Америка союзников в могуществе, богатстве и в торговле, каковых имела Англия при Кромвеле? Те же ли средства, те ли препятствия, наконец, те же ли выгоды запретительная система обещает ныне, каковыя она обещала в половине XVII столетия?

Конечно, есть правила неизменные и основанные на опыте веков, коими должны для пользы народов руководствоваться все правительства. Но сии правила другого рода с правилами системы меркантильной! Они основаны в натуре человеческой; их рождает природное чувство в душах возвышенных: святое чувство любви к отечеству – драгоценный дар неба для нравственного человека – делает их действительными.

то при ввозе должно взимать с одного пошлину, дабы не дать преимущества в совместничестве иностранному купцу пред своим¹.

2. Если иностранное государство наложило пошлину на привоз одного из наших товаров, то в таком случае, конечно, позволительно отмищать за сие таким же образом, или, как говорится, употреблять репрессалии; но сие тогда только полезно, когда мы можем надеяться, что вследствие наших репрессалий иностранное государство уничтожит наложенную на наш товар пошлину; в противном случае мы только что наложением пошлины возвысим цену товара ко вреду наших покупателей и без вреда иностранцам.

3. Совершенных запрещений ввоза и вывоза товаров никогда делать не должно, разве требует того безопасность государства или граждан².

4. Ежели государство не достигло еще той степени образованности, на коей находятся прочие; если народонаселение еще не соответствует пространству земли и если вследствие сих причин народ мало занимается переработыванием грубых произведений, – то в таком случае следует налагать на вывоз сих грубых произведений весьма малые пошлины или совсем никаких, дабы чрез то не препятствовать усовершенствованию внутренней промышленности. При таком положении государства не должно также ограничивать ввоза иностранных произведений, не должно в замену оных ободрять переработывание собственных и для того заводить фабрики и мануфактуры. Североамериканское правительство поступило весьма благоразумно, положив за правило никогда не брать пошлин с вывоза

¹ *Galiani*. Dialogues sur le commerce des bleds. Т. II. Р. 514. С необыкновенным остроумием представлены в сей книге многие истины политически, хотя автор часто ошибается, держась меркантильной системы.

² Запретительные предосторожности бывают нужны только при чрезвычайных обстоятельствах, например во время чумы. Запрещения во времена обыкновенные почти всегда вредны и никогда не соответствуют цели, для коей устанавливаются правительством. В Турции запрещено вывозить из государства все предметы, нужные для внутреннего потребления человека; в столице постановление сие исполняется весьма строго; но опыт доказывает, что сие запрещение, введенное для сохранения изобилия, есть единственная причина случающихся там великих недостатков в съестных припасах. Впрочем, торговля в Турции свободна, хотя и подвержена известным налогам.

товаров; если же с вывозимого товара пошлина была заплачена прежде, то при вывозе она возвращается¹.

5. Если государство находится на одинаковой степени образованности с другими, то пошлины с вывоза грубых произведений могут быть несколько возвышены, но так, чтобы чрез то не ограничился вывоз и подданные сего государства не были бы принуждены перерабатывать грубые произведения сами, между тем как для них выгоднее предоставлять сие иностранцам.

6. Величина пошлин при вывозе из государства, в особенности переработанных произведений, должна также сообразоваться с совместничеством, в коем находятся купцы сего государства с другими на иностранном рынке. Если купцы сего государства пользуются некоторою монополиею на иностранном рынке, то пошлина может быть увеличена более обыкновенного. Если же пошлина с вывоза некоторых предметов будет увеличена чрезмерно, то в таком случае иностранцы могут уменьшить потребление свое или иногда даже начинать сами производить сии предметы²; и в таком случае сбудутся слова Свифта, что в финансовой арифметике два и два часто делают не четыре, но один.

7. Пошлина со ввоза иностранных грубых произведений никогда не должна быть столь велика, чтобы чрез то могло уменьшиться потребление сих товаров внутри государства. Если сии товары должны быть далее перерабатываемы в государстве, то пошлина должна быть еще менее.

8. Пошлина с переработанных иностранных товаров никогда не должна быть так велика, чтобы могла затруднить или даже уничтожить совместничество иностранных товаров с соб-

¹ *Albert Gallatin. A sketch of the Finances United States. P. 10.*

² Один из весьма сведущих людей по части финансов, которого сочинения приводятся в сей книге, сказывал мне, что прежде начатия последней войны между Англиею и Франциею, когда торговля была еще свободною, в Германии был закупаем хлеб по 80 талеров за известную меру для отправления в Англию. Можно легко себе представить, что в Англии сей самый хлеб продавался за гораздо большую цену, ибо, кроме перевоза, каждый из купцов, находившихся между первым производителем в Германии и последним покупщиком в Англии, имел некоторую прибыль. Когда сообщение Англии с Германиею пресеклось, англичане, употреблявшие прежде капиталы свои на торговлю с сею последнею землею и не имея более средств употреблять оные тем же образом, умножили собственное произведение хлеба, и от того последовало, что наконец та же самая мера, которая продавалась в Германии, на месте, по 80 талеров, стоила менее 70 в самом Лондоне.

ственными того же рода; иначе сии последние будут издаваемы хуже, и внутренняя промышленность придет в упадок – истина, не известная меркантилистам, которые желают все занятия предоставить исключительно жителям одного государства, отдавая от них совместничество иностранцев.

9. Ежели вследствие случайного и мгновенного изобилия ввозимых иностранных товаров можно предполагать, что посредством сего потерпят внутренние производители, хотя внутренние потребители от того и выиграют, то в таком случае кратковременные выгоды потребителей должны уступить продолжительным выгодам производителей, и правительство поступит весьма благоразумно, наложив или возвысив пошлину со ввозимого товара, содействующую выгодное совместничество внутренних производителей с иностранцами возможным¹.

Если иностранные товары бывают ввозимы в государство с тем, чтобы их посылать далее, то в таком случае, не брав с оных никаких пошлин, можно позволить купцам при ввозе складывать товары в таможенные магазины, кои должны находиться под присмотром чиновников таможенных; и когда купец будет посылать сии товары далее, то надлежит брать с него только, так сказать, за постой. Если пошлина с таких товаров взимается при ввозе в государство, то она или по крайней мере часть оной должна быть возвращаема при вывозе товаров из государства. Предлагаемый первый способ удобнее второго, ибо при сем последнем может случаться более обманов. Правительство, учреждая так называемые свободные пристани, следует первому способу. Во всяком случае надлежит предоставить на произвол купца платить пошлину или складывать свои товары в магазин.

Пошлины могут быть возвращаемы и в таком случае, когда грубые товары, ввезенные в государство, были в оном переработаны и вновь вывозятся.

При вывозе за границу можно предоставить купцу заплатить пошлину на месте, откуда вывозятся товары, или на границе.

¹ Поводом к помещению здесь сего правила послужил случай, описываемый Сеем (Traité. T. I. P. 261. 3-me éd.), когда в 1815 году английское правительство опасалось слишком великой дешевизны хлеба от ввоза иностранного. Такая дешевизна могла бы много повредить английским производителям, потому что произведение хлеба, так, как и многих других предметов, стоит в Англии дороже, нежели в других государствах по причине великих налогов и пр.

Пошлины, взимаемые с иностранных товаров, проходящих чрез государство, или транзитные пошлины, могут иногда быть налагаемы на сии иностранные товары без вреда собственной торговле и промышленности. Сие бывает тогда, когда товары не могут переменить пути, по коему посылаются. Важнейший из налогов сего рода есть пошлина, платимая купеческими кораблями, проходящими чрез Зунд, которая приносила в последние времена 750 000 талеров дохода¹.

При введении пошлин надлежит смотреть и на положение границ. Если сии последние суть произвольные, т. е. означенные властью или согласием соседей, то в таком случае собиранье пошлин будет труднее, требуя более надзора. При так называемых природных границах (моря, реки, горы) взимание податей будет легче. Смотря по сей легкости или трудности, надлежит учреждать некоторые пошлины или нет, ибо иногда никак невозможно предупредить запрещенного торга.

Вообще при учреждении таможенных пошлин правительство должно иметь в виду неограниченную свободу торговли и стремиться к сей цели сколь возможно. Польза, могущая от того произойти, гораздо важнее собираемых таможенных пошлин².

Налоги с потребления вообще собираются непосредственным или посредственным образом. В первом случае потребитель платит подать ежегодно, или, иначе, за потребление известных предметов, которое продолжается обыкновенно довольно долго. Так собираются подати с карет, посуды и т. п. Во втором случае подать платится единовременно и налагается на предметы, когда они находятся еще в руках продавца, который получает заплаченную им подать от потребителя в покупной цене. Отличительный знак сих предметов состоит в том, что потребление оных продолжается не столь долго. Таким образом собирается большая часть таможенных пошлин, акциз и т. п.

Собиранье налогов с потребления

¹ Authentische Aktenstücke, als Beiträge zur Statistik der Dänischen Staaten. S. 73.

² «If raw silk could be imported from China and Indostan dutyfree, the silkmanufacturers in England could greatly undersell those of both France and Italy». (*Ad. Smith. В. V. P. 357*). [Если бы шелк-сырец ввозился из Китая и Индостана беспошлинно, то английские владельцы шелковых мануфактур могли бы с большим успехом побивать владельцев шелковых мануфактур как Франции, так и Италии (*Ад. Смит. Богатство народов, т. II, кн. 5, стр. 395 русск. перевода. Соцэкгиз. – Ред.*)]

Сии два рода взимания податей согласны с нуждами потребителя: карета служит несколько лет, и подать с оной платится по частям ежегодно; конечно, подать с кареты может быть взята однажды навсегда, когда она находится еще у каретника; но для потребителя кареты выгоднее платить подать по частям ежегодно, нежели заплатить оную всю вдруг в покупной цене. В отношении к серебряной и золотой посуде невыгода посредственного собирания еще очевиднее. Такая посуда может служить сто лет и более; если бы подать, платимая ежегодно за потребление оной, была заплачена вся вдруг с самого начала, когда посуда находилась еще у мастера, то цена оной возвысилась бы до такой степени, что едва ли нашлись бы охотники покупать сию посуду¹. Напротив, для предметов скорого потребления прилично собирание посредственное, ибо в таком случае каждый платит соразмерно своим издержкам. Если бы и с сих предметов подати были собираемы непосредственным образом, т. е. если бы каждый платил известную подать за дозволение потреблять такие предметы, то тогда расточительные люди платили бы менее в сравнении с бережливыми. Сверх сего, непосредственное собирание лишило бы налоги с потребления главнейшей выгоды оных, а именно выгоды платежа налога вместе с ценою предмета. Несмотря на сие, было предлагаемо собирать налоги с потребления непосредственным образом, так, чтобы купец не платил вперед ничего, но чтобы каждый платил ежегодно за дозволение потреблять известные предметы. В некоторых государствах подати с различных предметов скорого потребления были подлинно налагаемы непосредственным образом, как-то: вместо акциза с муки была налагаема подать на каждого из подданных свыше пятнадцати лет, вследствие которой каждый мог молоть столько хлеба, сколько ему было угодно². Таким же непосредственным образом взималась иногда и подать с соли, чему мы видели пример выше, говоря о сей подати во Франции. В некоторых землях Германии непосредственное собирание подати с соли существовало и теперь еще существует, как например, в герцогстве Дармштатском.

Главнейшая выгода податей с потребления, как выше упомянуто, состоит в том, что они платятся неприметным образом вместе с ценою товаров: тот, кто покупает товар, платит вместе с ценою и наложенную подать на оный.

¹ *Adam Smith*. В. V. P. 342.

² *Von Justi*. S. 89.

Главнейшее неудобство сих податей состоит в том, что соби­рание оных требует великого числа чиновников, следствен­но, дорого стоит.

Другое неудобство сих податей состоит в том, что с одно­го и того же предмета обыкновенно собирается несколько раз­личных податей, например: сколько раз заплатится подать с шерсти, покуда наконец сделанное из нее сукно превратится в кафтан? Во Франции с привозимого вина в Париж платилось прежде в самом Париже 32 или 33 различные пошлины; но кто бы подумал, что за сие самое вино должно было заплатить поч­ти столько же пошлин, прежде нежели оно доходило до сего города?¹ В Голландии, прежде нежели можно было сварить ры­бу с обыкновенною приправою, надлежало заплатить более 30 пошлин².

Различные злоупотребления, производимые умножением сих податей, подали повод к заключению, что они имеют еще недостаток, состоящий в возможности со стороны правительст­ва без затруднения умножать разные их роды. Подлинно ино­гда правительства до невероятности пользовались сею возмож­ностью. В течение одного года царствования Екатерины Меди­цис было изобретено 57 различных податей, по большей части с потребления; трудность состояла только в том, какие дать им названия, и для того, говорит Бомон, сии налоги получали имена чудовищ, кои их выдумывали³. Вообще мало таких предметов, кои не были бы подвержены налогам⁴. У римлян,

¹ L'antifinancier. P. 52. Автор замечает, между прочим, что в иных го­родах собиратели податей приходили в дома простых людей и, пред­полагая, что они потребляют вина более, нежели за сколько платят подать, брали с них новую пошлину с лишнего питья, которая называ­лась tropbu.

² Temple. Etat des Provinces Unies. P. 325.

³ Первый министр Консини открыл тогда, между прочим, новый ис­точник дохода, дозволив преступникам откупаться деньгами от нака­заний, к коим они приговорены были, не исключая даже и осужденных на галеры.

⁴ Каких средств не употребляют правительства для получения денег! Чины, места*, ордена часто продают за деньги. Папы собирали вели­чайшие суммы за канонизацию даже в новейшие времена, унижая таким образом то, что должно быть для них всего важнее, всего священнее...

*Министр Поншартрень сказал однажды Людовику XIV: «Toutes les lois qu'il plait à votre majesté de créer une charge, dieu crée un sot pour l'acheter». [Всякий раз, как вашему величеству угодно бывает создать какую-нибудь должность, бог создает глупца, готового ее купить. – *Ред.*]

как говорят древние писатели, подати были наложены на смолу древесную, на каждую черепицу на крышах. Калигула¹ наложил подать на тех несчастных, которые торгуют своими прелестями².

Император Никифор и Михаил Пафлагонянин наложили подати на дым и на воздух, говорят современные писатели в метафорическом смысле, исчисляя бедствия народные.

Запрещенный торг

Кроме показанных доселе неудобств подати с потребления имеют особенное, весьма важное неудобство, рождая запрещенный торг. Запрещенный торг равно вреден правительству, купцу и потребителю: первому, лишая оное доходов от пошлин и причиняя издержки для воспрепятствования непозволенному торгу; второму, подвергая его различным опасностям; третий же должен платить за товар дороже по причине сих опасностей. Тяжкие и часто безрассудные налоги побуждают к запрещен-

В числе различных средств приумножения доходов государственных не должно забывать прибыли, которую различные правительства, уважающие более деньги, нежели нравственность граждан, получают от лотерей, равно как и прибыли, которую разделяют с правительством игроки карточные за позволение законным образом и публично разорять своих сограждан. Лотереи, учрежденные правительством, существуют почти во всех европейских государствах; они бывают тем вреднее, чем дешевле стоят лотерейные билеты. Во Франции лотереи приносят теперь от 6 до 7 миллионов дохода правительству; во время императорского правления сей доход простирался до 12 миллионов; прежде революции, как видно из счетов Неккера, оный составлял более 9 миллионов. Публичные игрецкие дома (*maisons de jeu*) приносят французскому правительству около 6 миллионов и более; сии деньги издерживаются столь же неблагородным и безнравственным образом, как и получают, будучи употребляемы на содержание секретной, или так называемой высшей, полиции, которую Шатобриан в негодовании своем называет *un monstre né dans le sang révolutionnaire de l'accouplement de l'anarchie et du despotisme*. [Чудовище, рожденное в революционной крови от совокупления анархии и деспотизма. — *Ред.*]

*Министр Поншартрень сказал однажды Людовику XIV: «*Toutes les lois qu'il plaît à votre majesté de créer une charge, dieu crée un sot pour l'acheter*». [Всякий раз, как вашему величеству угодно бывает создать какую-нибудь должность, бог создает глупца, готового ее купить. — *Ред.*]

¹ *Hegewisch*. S. 213 и *Nitsch's Beschreibung*. . . S. 889.

² В новейшие времена сие ремесло получило в некоторых государствах равные права со всеми другими ремеслами, и, выдав патент, правительства принимают под свою защиту занимающихся оным. Замечательно, что даже некоторые из пап, например Сикст IV, позволяли существование развратных домов за заплату некоторой подати. *Spittler*. *Kirchen-Geschichte*. S. 236.

ному торгу¹, а сей последний влечет за собою наказания. Таким образом правительство рождает прежде побуждение, а потом подвергает наказанию тех, кои следуют сему побуждению; и притом часто увеличивает наказание соразмерно тому самому обстоятельству, которое должно бы облегчить его, т. е. соразмерно побуждению преступить закон².

Сверх сего надобно вспомнить, что правительство наказывает в сем случае за такие поступки, которые, если бы ему не вздумалось сделать их преступлениями, были бы совсем не противны законам.

Запрещенный торг происходит и тогда, когда правительство определяет цены на рынках различным предметам. В таком случае по определенным ценам продаются на рынках одни только дурные товары, хорошие же продаются скрытым образом по цене возвышенной. В Римской империи во время Диоклетиана, во Франции во время Робеспьера были определены цены для всех продаваемых предметов. Нынешний дей алжирский также употребил сие истинно алжирское средство для обеспечения продовольствия своих подданных, которые – заметим мимоходом – и остались без хлеба. Легко можно себе представить ужасные последствия таких постановлений при малейшей строгости в исполнении.

Для предупреждения или прекращения запрещенного торга правительство имеет два способа; первый состоит в уменьшении побуждения посредством уменьшения налога; второй – в затруднении торга посредством строжайшего надзора. Первый из сих способов гораздо легче, вернее и прибыльнее для самого правительства. Если оно для отвращения запрещенного торга уменьшит подать до известной степени, то торгующие согласятся скорее платить умеренную подать, нежели подвергаться опасностям непозволенного торга; и тогда доход правительства, несмотря на меньшую подать, увеличится³. Второй способ не столь верен в отношении к доходу, угнетателен для частных людей и часто бывает сопряжен с жестокостью, чему свет видел новый ужасный пример в узаконении бывшего

¹ An Enquiry into the principles of taxation, chiefly applicable to articles of immediate consumption. P. 123.

² *Kaime*. Sketches of the History of man. P. 477.

³ Питт уменьшением пошлин с чаю значительно увеличил доход правительства от оных.

французского императора о контрабанде¹. Несмотря на самый строгий присмотр и на самые жестокие постановления, запрещенный торг всегда будет продолжаться, если он представляет значительные выгоды. Узаконения французского правительства против запрещенного торга были жестоки до невероятности²; но, несмотря на то, колониальные товары всегда входили во Францию и принадлежавшие ей иностранные земли³. Известно, что на границах тех государств, где запрещен ввоз некоторых товаров, иностранные купцы имеют своих корреспондентов, которые берутся ввозить запрещенные товары, получая за то известные проценты, смотря по большей или меньшей опасности ввоза.

К числу налогов со всех трех источников дохода без различия можно некоторым образом отнести суммы, получаемые правительством от почт. Правительство, предоставляя себе исключительное право содержания почт, посредством коих частные люди посылают письма, деньги и пр., определяет за таковые отправления известную плату. Заметим только, что возвышение сей платы почти никогда не увеличивает дохода государственного. Чем менее стоит отправление писем, денег и пр., тем более оных отправляют, и напротив. Во Франции почтовые доходы имеют весьма хорошее назначение: они употребляются комиссиею погашения государственных долгов на выкуп казенных обязательств.

Здесь же можно упомянуть о подати, вычитаемой правительством из действительной ценности металлических денег; сия подать должна вознаграждать правительство за издержки, нужные для чекана монет.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ НАЛОГИ

К числу податей, налагаемых на все три источника дохода без различия, принадлежат наконец чрезвычайные налоги. Они собираются при необыкновенных случаях, в особенности при

¹ Между прочим, вследствие сего узаконения множество людей были заклеены как самые величайшие преступники за то, что они, вопреки вкусу правительства, предпочитали сахар свекле.

² В 1811 году мне случилось быть однажды в Palais de justice в Париже, когда в одно утро главный суд (Cour de cassation) подтвердил смертные приговоры двадцати голландцев, осужденных за контрабанду.

³ Прежде революции полагали, что во Франции 3500 человек были ежегодно вовлекаемы в процессы от запрещенного торга, и тот год, в который посылалось за контрабанду только 300 человек на галеры, почитался счастливым годом. Schlözers Staats-Anzeigen. Heft 41.

военных обстоятельствах. Сим налогам бывают подвержены или все без изъятия, или только некоторые классы граждан.

В прежние времена, когда кредит не возвысился еще до той степени совершенства, на которой он находится ныне, правительства часто прибегали к сим налогам. В новейшие времена долги заступили место сих последних. Случалось, однако же, что и ныне те государства, которые не имеют кредита, употребляли для удовлетворения нужд правительства и правителей¹ так называемые *принужденные займы* (*emprunts forcés, gezwungene Anleihen*), кои суть не что иное, как чрезвычайные налоги.

Что касается до государственных долгов, то мнения об оных различны; одни представляют долги вернейшим средством довести государство до величайшей степени благоденствия, другие – до разорения и нищеты. Первые приводят в пример Англию. Но они принимают действие за причину: Англия не оттого богата, что имеет много долгов, но оттого имеет долги, что она весьма богата. Ко второму заключению подали повод пагубные последствия злоупотребления кредита государственного. Не обращая внимания ни на то, ни на другое мнение, должно согласиться, что обыкновение делать долги государственные есть необходимое, отчасти весьма благодетельное следствие образованности народов, в особенности если правительство, делающее или имеющее долги, умеет воспользоваться системою погашения, умеряющею в столь сильной степени вредные действия оных².

Прежнее французское правительство до революции, истощив тогдашние источники кредита, часто прибегало к чрезвычайным налогам, которые иногда были весьма тягостны, в особенности по причине неравного распределения: обыкновенно сии налоги были платимы только некоторыми состояниями народа. Императорское правительство употребляло оные, потому что никогда не имело кредита. Нынешнее французское правительство также прибегло к сему средству в 1815 году, уч-

¹ Так например, последний заем в 1810 году в Вестфалии был сделан для путешествия короля в Париж.

² Изобретение системы погашения долгов, говорит один из лучших нынешних писателей по части финансов*, может во многих случаях быть уподоблено изобретению пороха. Сие последнее совершенно переменило тактику или искусство вести войну, первое может совершенно преобразовать науку финансов, и в особенности умножить средства для предприятия и продолжения войн.

* *St. Aubin*. L'industrie littéraire et scientifique liguée avec l'industrie commerciale et manufacturière ou opinions sur les finances, etc.

редив принужденный заем 100 миллионов фр.; около $\frac{1}{10}$ сей суммы было уступлено частными людьми правительству в виде пожертвований.

В средние века, как выше упомянуто, чрезвычайные налоги были в большом обыкновении. Например, во время крестовых походов была введена почти во всей Европе так называемая *саладинская подать*, состоявшая в $\frac{1}{10}$ с имущества тех, кои не брали в них участия. Чрезвычайные налоги в средних веках платились также королям при рождении их детей, при замужестве дочерей или при делании рыцарем старшего сына королевского¹. Юм с справедливостию замечает, что короли тогдашнего времени подражали в сем случае восточным государям, к которым никто не смеет приблизиться без подарка.

В Англии во время последней междоусобной войны правительство для содержания армии приказало, чтобы каждый из подданных раз в неделю не обедал и чтобы заплатил деньги, от того сбереженные, казне. Сия подать принесла 608 400 фунтов стерлингов дохода в продолжение шести лет².

Последние римские императоры часто налагали на богатых чрезвычайные подати. При различных случаях должны были города, декурионы и т. д. посылать императорам золотые короны и т. п.³

Чрезвычайные налоги бывают обыкновенно несомы тем, кто их платит.

Добровольные пожертвования

При необыкновенных обстоятельствах граждане делают иногда добровольные пожертвования на пользу общую; величина оных зависит частью от богатства народного, частью от важности цели, для которой определяются, а всего более от народной любви к отечеству. Нигде такие пожертвования по сие время не бывали столь важны, как в России. В Англии они бывали иногда значительны, во Франции почти всегда маловажны. Один английский сочинитель⁴ замечает, что добровольные пожертвования во Франции в 1797 и 1798 годах для поддержания важных издержек, потребных тогда частью для предполагаемой высадки в Англию, простирались до 273 607 ливров, немного более добровольного приношения одного английского

¹ *Sinclair. Hist. T. I. P. 19.*

² *Ibid. P. 172.*

³ *Hegewisch. S. 315.*

⁴ *George Rose. A Brief examination into the increase of the revenue, commerce and manufactures of Great-Britain. P. 46.*

мануфактуриста, сделанного почти в то же время и состоявшего из 10 000 фунтов стерлингов. В России частные люди делали пожертвования, гораздо превосходившие обе сии суммы вместе, не говоря уже о пожертвованиях, которые деланы были целыми губерниями в различные времена и которые даже исчислить едва ли возможно. Немцам до новейших времен едва ли известны были такие пожертвования, хотя и ныне они являлись только в Северной Германии и были малозначащи. Причину сего надлежит искать в политическом устройстве Германии.

ГЛАВА IV

СОБИРАНИЕ НАЛОГОВ

Правительство может собирать доход от налогов посредством определенных на то чиновников или отдавая собрание налогов на откуп*.

Откуп на-
логов

При сем последнем способе правительство имеет ту выгоду, что оно получает известные суммы в определенное время и избавляется от труда, сопряженного с собственным собиранием. Но сей способ, с другой стороны, гораздо тягостнее для народа, нежели первый. Откупщик ни на что более не смотрит, как только бы выручить должную сумму денег, не заботясь о том, может ли человек, отдающий ему последнее сегодня, быть в состоянии платить налог впоследствии: разорение тысячи семейств не причинит ему никакого убытка. Откупщикам всегда казались не довольно строгими узаконения против неисправных плательщиков. Вследствие сего при тех обстоятельствах, когда правительства имели особенную нужду в исправном платеже со стороны откупщиков, они всегда требовали новых, строжайших узаконений, и нужда заставляла правительства исполнять сии требования. Самые строгие постановления относительно неисправных плательщиков существовали в тех землях, где главная часть налогов была на откупе.

Если правительство собирает доход от налогов посредством своих чиновников, то оно для собственных своих выгод должно поступать с неисправными плательщиками гораздо человеколюбивее, нежели откупщики, зная, что если подданный разорится от налога сегодня, то завтра он ничего ему не заплатит. Впрочем, самое дурное правительство чувствует более сострадания к народу, нежели сколько можно ожидать от откупщика.

Вследствие сего собрание налогов посредством откупа гораздо неприятнее для народа, который, видя роскошь откупщиков, думает, что они обогатились от угнетения бедных; в их золотых экипажах и ливреях народ узнает кровь свою. Оттого рождается в нем ненависть к откупщикам, могущая соделаться весьма пагубною для государства. Можно быть уверены, что собрание налогов самим правительством, хотя с некоторым порядком устроенное, никогда не принесет менее дохода, нежели откуп оных; ибо кроме нужных издержек собрания как в том, так и в другом случае откупщики должны иметь прибыль, которая иногда превосходит суммы, платимые ими правительству. Дон Мигель Забола в донесении своем Филиппу V в 1734 году доказывал, что провинциальные доходы, отданные на откуп за 7 миллионов пиастров, должны, по умеренному и согласному с общим желанием исчислению, приносить 70 миллионов¹. Во времена Сюлли стоило только погрозить рассмотрением дел откупщиков, дабы собрать с них важные суммы.

Способ собрания посредством откупа был в обыкновении весьма долгое время во Франции²; и народ ни на что так не

¹ *Sonnenfels*. Grundsätze der Polizei-Handlung- und Finanz-Wissenschaft. T. III. S. 136.

² Ныне собрание налогов во Франции устроено таким образом, что правительство всегда может иметь в определенное время известные суммы своих доходов. Каждый из главных собирателей налогов (*Receveurs Généraux*) обязывается заплатить в течение нескольких месяцев сумму всех налогов одного года, которые собираются с жителей одного департамента, ему вверенного. Представляя о сем министру финансов, каждый из главных собирателей объявляет условия, на коих он соглашается предпринять сие дело; условия, состоящие в определении времени, в течение которого будут вносимы им деньги, количество оных, и в назначении ему за сие процентов. (Это называется *soumission*.) Вследствие сего главный собиратель дает от себя министру финансов векселя на различные суммы и сроки, соответствующие приходу каждого месяца. По сим векселям всегда производится уплата немедленно по представлении оных. Время, в течение коего главный собиратель должен получить все годовые налоги, полагается обыкновенно в 16 месяцев (*exercice*). В течение первых месяцев, начиная с января, он получает весьма мало, потом приход увеличивается постепенно до декабря; в четырех первых месяцах следующего года приход опять постепенно уменьшается, и в марте поступает последняя часть годовых доходов департамента. Главный собиратель имеет две причи-

жаловался, как на строгость откупщиков; ненависть народная к сим последним часто причиняла возмущения¹.

В Испании большая часть налогов была на откупе². В 1742 году сия система была почти совершенно отменена³.

В Голландии часть государственных доходов была также на откупе. Угнетения откупщиков произвели в 1748 году возмущение. Правительство уничтожило тогда откупы, и, хотя налоги совсем не уменьшились, однако же народ платил их впоследствии без роптания⁴.

Иногда доход от известных налогов был не только что отдаваем на откуп; но откупщики имели даже монополию тех предметов, кои были подвержены сим налогам. В таком случае

ны заботиться о скорейшей плате налогов: 1, дабы быть с своей стороны всегда в состоянии уплачивать по выданным векселям; 2, потому что если в течение месяца, на который он выдал векселей на 100 000 франков, он соберет 120 000, то он может излишние 20 000 употребить выгодным для себя образом. С некоторого времени таковые излишние суммы отдаются главными собирателями правительству, которое платит за оные проценты. Для правительства сие учреждение представляет различные выгоды: доходы поступают в казну скорее и в определенное время; казна может даже распоряжаться доходами прежде получения оных, употребляя векселя главных собирателей.

Распределение налогов предоставляется во Франции в каждом департаменте совету, составленному из выбираемых в департаменте жителей (*Conseil général*). Жалобы на несправедливость распределения налогов рассматриваются в совете префектуры (*Conseil de préfecture*), который по сему сносится с министром финансов. Кроме сего подлежит суждению совета департамента все касающееся до полезных учреждений в департаменте, до одобрения земледелия, торговли, промышленности; также касающееся до больших дорог и т. п. совет представляет правительству. Если представления его бывают одобрены, то префекту поручается исполнение; и сие исполнение также предлагается на рассмотрение совета. Таковой, по-видимому весьма хороший, порядок имеет то важное неудобство, что члены совета департамента находятся в слишком большой зависимости от префекта.

¹ *Heinrich. Geschichte Frankreichs. T. I. S. 335.*

² *Mém. et Cons. sur les Finances de l'Espagne (par Forbonnois). T. II. P. 43.*

³ *Bourgoing: T. II. P. 4.*

⁴ *Lüder. Ueber National-Industrie und Staats-Wirtschaft. T. III. S. 688.*

откупщик пользовался на счет народа не только прибылью откупщика, но еще большим выигрышем монополиста.

Во Франции подати с табака и с соли таким образом прежде собираемы были.

Древняя история представляет также примеры собирания налогов посредством откупа. В Афинах большая часть налогов была на откупе¹; и вообще полагают, что все налоги с потребления, в особенности пошлины, отдавались на откуп во всей Древней Греции². Во времена республиканского правления у римлян важнейшие налоги были на откупе. Целые общества предпринимали сии откупы в провинциях, и откупщики были известны под названием *Publicani*³. Они имели в Риме своего начальника (*Magister Societatis*). Сие обыкновение кончилось при императорах; только таможенные пошлины были тогда отдаваемы на откуп, прочие доходы были собираемы казенными чиновниками⁴. Цицерон называет откупщиков столпами государства. Во Франции также было употребляемо сие выражение; но только в сем последнем случае замечено, что сии столпы сделаны из золота и заключают в себе богатства всего здания.

Для собирания налогов самим правительством определяются в городах и на границах особенные чиновники; в селениях собирание налогов часто предоставляется местному начальству. Иногда собирание некоторых налогов возлагается на присутственные места. Чиновники, в особенности на высшие места правительством определяемые, должны, без сомнения, быть такие люди, кои бы имели право на общую доверенность⁵. В некоторых государствах выбор чиновников для собирания так

Собирание налогов правительством

¹ Voyage du jeune Anacharsis.

² *Heeren*. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der alten Welt. Т. III. S. 315. Из сего превосходного сочинения видно, что в древней Греции существовала неограниченная свобода касательно ремесл и торговли и что в сем отношении греки были гораздо счастливее новейших европейцев, где ложные правила и различные злоупотребления, приведенные в системы, угнетают промышленность и отстраняют успехи благосостояния и образованности.

³ Cic. pro Planc. 9 Cic. in Verr. Lib. III. Cap. 6.

⁴ *Hegewisch*. S. 355.

⁵ Неккер в *Compte rendu* 1781 года говорит, между прочим: «On a remarqué parmi les receveurs-généraux des domaines supprimés un ancien sellier de V. M., un Commissaire de quartier, etc.». [Заметили, что среди главных сборщиков налогов находился один бывший шорник вашего величества, один участковый комиссар и т. д. – *Ред.*]

называемых прямых налогов можно иногда предоставить жителям городов и селений и подчинить их одному главному чиновнику в губернии, который может быть определяем правительством. В таком случае исчезло бы отчасти то недоброхотство, которое граждане обыкновенно питают к собирающим с них налоги. Избранные чиновники из благодарности за доверенность сограждан старались бы поступать при исполнении своей должности сколь можно осторожнее, в особенности относительно к неисправным плательщикам. В Англии все налоги, исключая таможенные пошлины, акциз, подати с клейма, собираются и даже отчасти распределяются людьми, избранными от народа, почти без всякого участия со стороны правительства. В акте, определяющем налог, парламент вместе назначает известное число достаточных людей в каждом графстве, коим поручается, по существующим узаконениям, произвести раскладку между гражданами и сбор с них определенной подати. Большая часть употребляемых для сего людей не получает никакой платы; те только, кои действительно получают податные суммы от платящих, и писцы получают при сем случае известные проценты¹.

У римлян также существовало обыкновение предоставлять гражданам выбор известных чиновников для местного управления; но обязанности некоторых из них были совсем особенного рода. Например, обязанности, возлагаемые у римлян на декурионов, по справедливости почитались весьма обременительными. В должность декурионов были всегда избираемы богатейшие люди. Они должны были иногда платить за все издержки их округа, содержать на свой счет в исправном состоянии городские стены, дороги, мосты, каналы и пр. За сии пожертвования они пользовались некоторыми выгодами и по исполнении должности в продолжение нескольких лет получали известное титуло. Случалось, что богатые, желая избежать выбора, оставляли город, в коем они жили; но правительство отыскивало их и принуждало к исполнению возложенной на них должности².

О
неисправ-
ных пла-
тельщиках

С неисправными плательщиками поступают неодинаковым образом в различных государствах. Во всяком случае телесные наказания никогда не должны быть употребляемы: сие противно не токмо достоинству человека вообще, но и свойству

¹ Darstellung der inneren Verwaltung Grossbritanniens, von L. Fr. von Vincke, Königl. Preuss. Oberpräsidenten. S. 129.

² Mémoires de l'Académie des inscriptions.

самой вещи в особенности: налоги берутся не с лица подданного, а с его имения; итак, в самой величайшей крайности правительство может лишить его имения, но никогда не должно касаться его особы. По сей причине должно стараться избегать наказаний, состоящих в лишении свободы и тюремном заключении. Сии наказания не только что не соразмерны с преступлением, но и противны предполагаемой цели оных, совершенно лишая виновного всех средств исправления, т. е. всех средств заплатить должный налог. Скажут, что такая строгость иногда необходима; но по крайней мере должно согласиться, что необходимость сия не так часто встречается, как можно было бы заключить по количеству неисправных плательщиков, содержащихся в тюрьмах. Наказание в сем случае, как и во всех других, должно быть соразмерно преступлению и как можно менее препятствовать достижению той цели, к коей оно должно стремиться. Если кто не может заплатить налога по бедности, в коей он находится не по собственной вине; то тогда несчастье такого человека, само по себе тягостное, не должно влесть за собою наказаний, но, напротив, требует помощи от сограждан и от самого правительства. Если же бедность происходит от нерадения или от других пороков, то в таком случае неисправный плательщик может быть отдан под надзор местного начальства и употреблен выгодным образом для общества. Во всех государствах законы определяют наказания за неисправный платеж налогов несоответственно проступку; но нигде сия несоответственность не вознаграждается в такой степени правительством, как в нашем отечестве. Доказательством сему служит манифест от 30 августа 1814 года. Благополучие не чуждо тем государствам, где недостатки законодательства таким образом вознаграждаются личными качествами государей!

У римлян были в обыкновении телесные наказания за неплатеж налогов, но Константин уничтожил оные.

Во Франции принудительные средства состояли в умножении должной суммы несколькими процентами, в продаже домашней посуды или скота, в тюремном заключении или в том, что к неисправному плательщику ставили военный постой¹. Сие последнее средство, состоящее в военном постое, употреблялось во Франции также и во время республиканского правления и было сопровождаемо еще большею строгостью, нежели прежде. Тот, к которому ставили в дом солдат, должен был давать им не только что пищу, но, сверх того, и деньги, по одному

¹ Monthion. P. 295.

франку и более в день. Таким образом военные экзекуции были введены во внутреннем управлении государства! Если через 10 дней подати не были заплачены, тогда у неисправного плательщика все находящееся в доме было продаваемо с публичного торга и даже еще не собранный с полей хлеб его¹. Известный своими странностями республиканец Дюбуа Крансе и другие оправдывали сии строгие меры примером Китая! Все сии средства, принуждая к платежу, уменьшают способность платить².

¹ *D'Ivernois. Histoire des finances Françaises en 1796. P. 148.*

² К принудительным средствам можно отнести употребленное английским королем Иоанном. Один жид бристольский не хотел заплатить 10 000 марок, на него наложенных; король велел вырывать ему каждый день по одному зубу, пока сия важная сумма не будет заплачена. Несчастный еврей, терпевший в продолжение семи дней и, следовательно, потерявши семь зубов, согласился наконец заплатить требуемую сумму.

ГЛАВА V

УРАВНЕНИЕ НАЛОГОВ

Введенный налог не всегда бывает несом тем, на кого оный налагается. Налог, взимаемый с производителя и продавца товаров, бывает иногда несом ими, иногда же тем, кто товары покупает. Падение налога на того или другого зависит от совместничества производителей или продавцов и требования потребителей. Если сие требование превосходит совместничество продавцов или производителей, то сии последние будут всегда иметь возможность возвысить цену произведений и таким образом заставить платить и подать, наложенную на оные. Если требование потребителей менее, нежели совместничество производителей или продавцов, то сии последние сей возможности иметь не будут и найдутся в необходимости платить налог, взимаемый с них, не возвышая оным покупной цены, или ограничиться в своем совместничестве. Итак, уравнение налога зависит от совместничества капиталистов и требования потребителей. Взаимное же отношение совместничества и требования зависит от трех различных состояний государства. Таким образом, желая при учреждении налога знать, каково будет уравнение оногo, надлежит определить, в каком отношении будет совместничество тех, кои будут подвержены налогу, к требованию потребителей. Для определения сего отношения надлежит исследовать, в каком состоянии находится государство: в успевающем, в неперемняющемся или в упадающем. Не исследовав сего состояния и не определив по оному совместничества и требования, нельзя предузнать уравнения налога.

От недостатка сего предварительного исследования выбор налогов бывает часто невыгоден для правительства. Не пред-

видя уравнения и желая наложить подать на одного, правительство налагает оную в самом деле на другого. Желая введением подати ограничить прибыль купца, оно вместо того только заставляет потребителя платить за покупаемые товары дороже; выигрыш же купца не уменьшается. Иногда правительство, налагая большие подати на предметы роскоши, думает, что сии подати не причинят вреда никому, кроме богатых и роскошных людей; но сии богатые люди без труда отказываются от потребления таких предметов; те же, кои занимались переработыванием и продажей оных, вследствие уничтоженного требования должны оставлять свои занятия, приниматься за другие или приходиться в разорение. Таким образом наложенные подати на роскошь могут вредить не богатому, но ремесленникам и купцам. Во всех государствах существуют налоги, от коих доход мог бы быть собираем другим образом, более выгодным для народа, если бы правительства вникнули в свойства уравнения налогов.

Положения
Канара

Исследования одного из новейших французских писателей¹ об уравнении налогов отличаются остроумием, хотя мнения и заключения сочинителя не всегда согласны с справедливостью. Рассмотрим некоторые положения сего сочинителя.

1. «Каждая подать, – говорит он, – разделяется по частям, начиная от первого производителя до последнего потребителя, несмотря на то, на кого она была наложена. Следственно, подати с дохода и с потребления не имеют между собою никакой разницы».

Мы видели сию разницу, состоящую в том, что сии налоги соответствуют одни более, другие менее главным правилам взимания; видели также, что одни из них легче могут падать на потребителя, другие труднее.

2. «Первое общее действие налога есть уменьшение числа потребителей тех предметов, на кои наложена подать. Но действие налога сим еще не прекращается. Сначала та отрасль промышленности, на которую наложена подать, сокращается, и *конечности*, или *крайности*, оной исчезают². Те, кои составляли сии последние, переходят потом к другим отраслям, более при-

¹ *Canard*. Principes d'Economie politique. – О том, что каждый налог сам собою стремится к уравнению и разделению между всеми, см. в книге: *Browne Dignan*. Essai sur les principes de l'Economie publique. P. 146.

² Под сими выражениями автор понимает во всяком ремесле тех работников, кои находятся в худом состоянии и кои при угнетении их ремесла налогом прежде всех оставляют оное.

быльным, увеличивают в оных совместничество и чрез то уменьшают выигрыш сих отраслей до такой степени, пока убыток первой отрасли, подверженной налогу, не разделится также и между другими. Итак, – заключает сочинитель, – тяжесть налога разделится равным образом между всеми отраслями промышленности». Автор сравнивает в сем отношении налог с кровопусканием. «Жила, – говорит он, – из которой пущена кровь, потеряла оной не более, как и все прочие части тела».

Сие мнение справедливо в том отношении, что все отрасли промышленности должны приносить равный или почти равный доход, соразмерный употребляемому капиталу. Если одна отрасль приносит более прочих дохода, то совместничество в оной увеличивается, и выигрыш равняется с выигрышем в прочих отраслях, и обратно. Но бывают исключения из сего правила: мы видели, что перемещение капиталов из одной отрасли промышленности в другую более или менее трудно, смотря по свойству оных. Уменьшит ли налог выигрыш в подверженной оному отрасли, зависит от различия трех состояний государства: при успевающем состоянии выигрыш платящего налог предварительно не уменьшается, ибо он соразмерно налогу увеличивает и свою прибыль.

3. «Если подать наложена на один известный предмет, то потребление уменьшается не только в отношении к сему предмету, но в отношении почти ко всем прочим. Если я плачу за один товар дороже прежнего, то я ограничиваю себя в потреблении другого, и притом самого излишнего. Посему, – заключает автор, – возвышение цены одного предмета вследствие налога уменьшает токмо самые излишние издержки».

Справедливо в сем мнении то, что налоги вообще ограничивают способность делать издержки. Но если в отношении к некоторым сие действие налогов касается только до излишних издержек, то не должно забывать, что есть такие люди, коих издержки ограничиваются необходимым, и что, следовательно, в отношении к сим людям налог уменьшает потребление не излишних, но необходимых предметов.

4. «Введение каждого нового налога подвержено двум невыгодам, кои суть: *трение* и *приливы*¹, происходящие от нарушенного равновесия в прибыли различных отраслей промышленности и продолжающиеся до тех пор, пока сие равновесие восстановится. Тогда тяжесть налога делается нечувствитель-

¹ Frottement et fluctuations. Автор разумеет под сим стремление налога к равновесию.

ною, и в строгом смысле можно сказать, что она уничтожается, и налог впоследствии не бывает несом никем. Конечно, налог уменьшает *конечности*, или *крайности*, в каждой отрасли, но в то же время он наполняет пространную отрасль работы для *политического усилия*¹. Все те, коих слишком большое совместничество вытесняет из различных отраслей промышленности, употребляют свои силы и способности в сей пространной отрасли. Все количество работы в государстве остается то же после налога, как было и прежде оно, с тем только различием, что государство будет иметь менее игрушек и других безделок, но вместо того более солдат, пушек и т. п.² Каждый с равным количеством работы, конечно, пользуется в таком случае меньшим количеством наслаждений, но сие ограничение нечувствительно, ибо все люди вообще распространяют или ограничивают свои нужды соразмерно легкости или трудности удовлетворять оным³. Итак, – заключает автор, – налог прежде всего распространяется от того, кто его платит, на всех производителей, продавцов и потребителей той же отрасли; потом он простирается на другие отрасли вследствие увеличения совместничества, производимого теми, кои оставляют отрасль, подверженную налогу, и переходят к тем, кои от него свободны. Производимый сим избыток в совместничестве всех отраслей наполняет пространную отрасль *политического усилия*, польза которой вознаграждает все прочие отрасли за уменьшение излишнего потребления, от налога происшедшего. Тогда тяжесть налога приходит в равновесие и делается для всех нечувствительною».

¹ Effort politique. Автор изъясняет сие выражение следующим образом: «Усилие государства происходит от усилий каждого из граждан. Вследствие сего каждый должен жертвовать частию своей деятельности не только для сохранения порядка и законов, но также и для произведения той силы, которая нужна для отечества, дабы противодействовать государствам, окружающим его». И сию силу автор называет политическим усилием. Р. 153.

² Замечание остроумное, но, к сожалению, слишком сообразное с политическою системою французского правительства в то время, когда автор издал свою книгу.

³ Р. 180. Автор разумеет здесь, что ограничение наслаждений делается нечувствительным тогда, когда оно делается общим для всех.

В опровержение сего заключения заметим, что, пока люди находятся в различных отраслях промышленности, они употребляют свои силы и способности, доставляя доход себе и обществу; но, переходя к отрасли так называемого *политического усилия*, они не только что обществу никакого дохода не приносят, но требуют даже пожертвований от оною для своего содержания. Сия последняя отрасль причиняет обществу издержки, между тем как все прочие доход ему приносят.

5. «Налог не может падать на простого работника, по крайней мере в течение долгого времени, потому что он вырабатывает только то, что нужно для его существования. Плата его есть крайняя цена всякой работы; не налог, но совместничество работников, большее или меньшее народонаселение увеличивают и уменьшают плату работную».

Мы видели, что налог не может падать на простого работника в течение долгого времени; но притом мы видели, что налог, возвышая работную плату, не перестает быть вредным всему классу работников при упадающем состоянии государства. При таком состоянии работник вырабатывает только то, что необходимо нужно для его бедного существования и для заплаты налога, если оный существует; но при успевающем он вырабатывает более, нежели сколько для сего нужно. Если налог не падает на работника, то он падает на того, кто пользуется его работою; следовательно, автор противоречит сам себе, говоря, что налог не возвышает работной платы. Налог, совместничество работников, требование их работы, цена съестных припасов – все сие вместе определяет количество работной платы.

6. «Единовременные налоги, – говорит автор, – всегда дурны».

Совершенная правда, ибо они обыкновенно бывают несомы тем, кто их сначала платит.

7. «Налог тогда только вреден, когда он находится в *трени*, т. е. когда разделяется между производителями, продавцами и потребителями. Итак, видно, что вред происходит не от налога, но от нарушения равновесия, им причиняемого, между различными отраслями промышленности. Из сего следует великая истина, что каждый старый налог хорош, а новый дурен».

Действия каждого налога различны как по свойству оною, так и по различию трех состояний государства. Заключение же автора справедливо: давно введенные налоги, к коим народ привык, несравненно менее вредны в действиях своих, нежели

нововводимые; хотя, впрочем, существуют и такие, которые всегда остаются весьма вредными. Следуя сему правилу, надлежит лучше стараться увеличивать старые налоги, нежели вводить новые. Некоторые кажутся иногда весьма невыгодными, но имеют в пользу свою, так сказать, право давности. Мы заметили выгоду давно введенных налогов, говоря о податях с дохода от земли.

Из приведенных положений сего автора можно заключить, что если бы он обратил должное внимание на различие трех состояний государства, то система его была бы гораздо совершеннее. Да послужит сие доказательством, что ни остроумие, ни глубокомысленность не могут охранить от ложных заключений, если правила, на коих основываются суждения, неопределенны или несправедливы.

Различие
трех со-
стояний
госу-
дарства

Видя во всем касающемся до налогов важность различия трех состояний государства, постараемся определить оное сколь возможно яснее.

Никто никогда не сомневался, что состояние каждого государства может переменяться. В одном периоде времени оно находится в благоденствии, потом приходит в упадок. Бросим взгляд на историю народов. Государства рождались, цвели и разрушались. До какой степени совершенства доходили некоторые из древних народов в образованности, богатстве, в могуществе и славе! Теперь одни только развалины славного их бытия существуют. Какой народ носила на себе благословенная земля Италии или Греции! Ныне отечества Леонидов, Фемистоклов, Аристидов, Брутов, Катонов, Гракхов и других героев древности и человечества окованы цепями иноплеменного владычества! Священный прах великих мужей раздражен политикою государств новейших. – Но обратимся к истории сих последних. Возьмем в пример Голландию¹; сравним нынешнее ее состояние с прежним. Где та торговля, которою трудолюбивые, бережливые голландцы соединяли между собою все страны света, которая занимала значительнейшую часть народа, посредством которой они владели важнейшими колониями и которая, наконец, довела сие государство до такой степени богатства, на какой ни одно государство в Европе никогда не находилось? Сверх сего, сравним прежнее политическое состояние сего государства с настоящим. Богатство голландцев давало им прежде важное место между державами европейскими. Иногда даже

¹ Вообще различие трех состояний государства приметнее в торговых государствах.

Голландия делалась средоточием всей европейской политики; и еще в половине XVII века голландское правительство полагало пределы дерзким замыслам честолюбивого завоевателя¹. Взглянем на тогдашний образ правления республики и на нравственное состояние граждан; свобода была для них драгоценнее их богатств; благоразумная бережливость, строгая честность были их добродетелями. Правительство их отличалось умеренностью, благоразумием, терпимостью. Несчастные, угнетенные суеверием монарха-деспота² и изгнанные из своего отечества, спешили в объятия республики, дабы там дышать свободно и без препятствия оставаться верными своему исповеданию. — Что видим мы теперь в Голландии? Одни печальные остатки минувшего благоденствия. Торговля и вместе с нею богатства исчезли; политическое существование и свобода Голландии были в последние времена совершенно уничтожены³. Если же те-

¹ Людовика XIV.

² Людовика XIV.

³ Трудно описать состояние Голландии во время французского владычества. Нигде действия так называемой системы твердой земли, или континентальной, не были столь ужасны, как в голландских провинциях, присоединенных ко Франции. Города, некогда богатейшие в свете, доказывали прежнее благосостояние государства огромными, но пустыми домами. Прежде в некоторых из сих зданий занимались до 500 человек и более одними торговыми делами; в последние времена жил в таком доме какой-нибудь французский комиссар. Корабли купеческие гнили в гаванях; жители, привыкнув к беспрестанным занятиям торговым, по пресечении оных жили в праздности; самая бережливость их, сделавшись бесполезною, начинала исчезать. В присутственных местах беспрестанно слышно было о процессах против контрабандистов. Король голландский чувствовал, сколь трудно его подданным существовать без торговли, и для того не предпринимал строгих мер для уничтожения оной, которых требовал брат его, император французский. Голландцы, видя, что король заступался за их выгоды у своего брата, точно возымели некоторую привязанность, более личную, нежели, так сказать, патриотическую, к королю своему и в особенности весьма сожалели о нем во время присоединения Голландии ко Франции, потеряв вместе с королем всю надежду торговли. Что касается до уменьшения народонаселения в Голландии, то сему может служить примером, что в Амстердаме вскоре по прекращении торговли число жителей уменьшилось от 220 000 до 190 000.

перь Голландия составляет часть значительного государства, то самое сие государство едва не сделалось было в политическом отношении английскою колониєю.

Выведем из сего только для нас нужное заключение, а именно что Голландия прежде находилась в цветущем или успевающем состоянии, а после в упадающем. Количество налогов не могло быть одинаково в том и другом случае. В сем последнем Голландия могла платить несравненно менее налогов, нежели в первом. Уравнение налогов также различно при каждом из сих двух состояний. При первом капиталы и работа могли всегда иметь выгодное употребление; следственно, требование превосходило совместничество капиталистов и работников или по крайней мере требование соответствовало совместничеству. Если при сем успевающем состоянии подать была наложена на простого работника, то чрез сие доход его не уменьшался; он возвышал в сем случае свою работную плату и мог сие делать, потому что действительное требование работы при успевающем состоянии всегда превосходит совместничество работников, и таким образом сии последние имеют потребителей или пользующихся их работою, так сказать, в своей власти. Если подать была наложена на помещика земли, или на землевладельца, то и они таким же образом не несли оной, но, возвышая цену произведений земли, заставляли потребителей нести подать; они могли сие делать, потому что требование желающих покупать произведения земли при успевающем состоянии государства превосходит совместничество тех, кои производят или продают оные. Мануфактурист по сей же причине не нес подати, но, возвышая цену мануфактурных изделий, заставлял покупателя или потребителя нести оную. Купец также заставлял платить наложенную на его товары подать тех, коим он продавал оные, ибо совместничество торгующих было всегда менее совместничества требователей: голландцы торговали с целым светом.

Преобра-
щение всех
налогов
при успе-
вающем со-
стоянии в
подати с
потребле-
ния

Такое уравнение налогов доказывает, что *при успевающем состоянии государства все налоги, на какой бы из трех источников дохода они наложены ни были, превращаются наконец в подати с потребления*. Тогда все налоги разделяются между всеми потребителями, т. е. между всеми гражданами государства: каждый из них платит соразмерно своим издержкам, и по сей причине налоги всех родов при успевающем состоянии государства ни для кого не обременительны или по крайней мере не

разорительны¹. – Вот причина, позволявшая правительствам при цветущем состоянии государства умножать налоги без вреда благосостоянию народному; все налоги падали тогда на потребителей и платились почти неприметным образом, между тем как беспрестанно умножавшиеся богатства давали народу новые силы и новые способы для заплаты возрастающих налогов.

Из вышесказанного следует, что превращение всех налогов в подати с потребления возможно только при успевающем состоянии государства, не может существовать при неперемежняющемся и еще менее при упадающем состоянии.

Сие превращение при успевающем состоянии случается с некоторыми из налогов скорее, с другими – не так скоро. Например, налог с дохода от земли требует более времени, дабы упасть на потребителя, нежели подать с мануфактурных изделий или пошлины с привозимых товаров.

Итак, государство находится в успевающем состоянии тогда, когда требование превосходит совместничество капиталистов и работников, когда капиталы и работа всякого рода мо-

¹ Автор of the inquiry into the principles of taxation, p. 180, говоря о мнении Смита, что подать с монеты не бывает несомна никем, ибо всякий покупает оную с намерением, дабы опять продать, замечает, что если в хорошем состоянии общества каждый может отклонить от себя подать, то оной никто не платит, так как подати с монеты – замечание остроумное, но сравнение не совсем справедливое. Подати с монеты подлинно никто не несет, когда она находится в обращении; но подать бывает платима или тем, который захочет дать монете другой вид, т. е. перелить оную, или, что всего вероятнее, тем, кому правительство в первый раз выдает монету, потому что если бы правительство выдавало ему известное количество чистых денег, не вычитая чеканной подати с оных, то он получал бы тогда, очевидно, более, нежели сколько он получает за вычетом сей подати, и мог бы вследствие того увеличить свое действительное требование товаров. Итак, если вычитается подать, он получает менее, или, что все равно, он несет сию подать. Чеканную подать может иногда нести само правительство. Что же касается до налогов вообще, то они должны быть наконец платимы даже и в успевающем состоянии государства; потребитель не может их отклонить от себя. Если бы налогов не было, то он, без сомнения, платил бы менее за товары, им потребляемые; а платя более, он несет наложенную на оные подать.

гут быть употребляемы с прибылью, и, сверх сего, когда иностранные капиталисты и работники находят такое же выгодное употребление своим капиталам и работе в сем государстве, и, наконец, когда народонаселение сильно увеличивается.

Если же в государстве совместничество капиталистов и работников превосходит требование капиталов и работы; если употребление капиталов и работы не представляет должных выгод; если промышленность народная уменьшается; если внутренние силы государства слабеют; если внешнее влияние его более и более лишается своего веса; если народонаселение уменьшается, то такое государство находится в состоянии упадающем.

При таком состоянии простой работник, денежный капиталист, купец, мануфактурист, помещик не могут заставить потребителей нести всю тяжесть или часть налога иначе, как по уменьшенном совместничестве в каждой из сих отраслей промышленности: возможность сего уменьшения различна в сих отраслях, и от сей возможности уменьшения совместничества зависит и уравнение налога.

При упадающем состоянии работная плата должна неотменно уменьшиться вместе с уменьшением требования работы, неразлучно соединенным с упадком государства, и дойти до такой цены, которая необходимо нужна работнику для поддержания его жизни и уплаты налога. Но для получения сей цены надлежит, чтобы вместе с уменьшением требования работы и совместничество работников ограничилось. Мы видели выше, каким образом совместничество простых работников ограничивается.

Денежный капиталист при упадающем состоянии вначале получает весьма мало процентов; но мало-помалу совместничество денежных капиталистов ограничивается, и оставшиеся находят себя в возможности возвысить проценты до известной выгодной степени и соразмерно налогу. Денежный капиталист всех менее терпит при упадающем состоянии, потому что он всех легче может переменить употребление своего капитала, перенести оный в другие государства и т. д. Чем долее такое состояние государства продолжается, тем более совместничество капиталистов ограничивается, так что остающиеся капиталисты возвышают иногда проценты выше той степени, на которой они находятся в государствах успевающих. На сем основываются в упадающих государствах жалобы на всеобщий недостаток в деньгах, на сем основываются безрассудные исчис-

ления, определяющие, когда последний грош выйдет из государства¹.

Совместничество купцов, занимающихся иностранною торговлею, уменьшается с большею трудностью, нежели совместничество денежных капиталистов, но гораздо легче, нежели совместничество работников, земледельцев и помещиков. Сии купцы могут без значительного ущерба превращать свои капиталы единственно в денежные, перемещать сии последние в другие государства или, оставляя прямую² торговлю, заниматься перевозною³. Заметим, что при упадающем состоянии государства прямая торговля сего государства с другими и обратно бывает весьма незначительна, ибо заграничная торговля основывается на внутреннем благосостоянии государства и упадает вместе с оным.

Для купцов, занимающихся внутреннею торговлею, перемещение капиталов, следственно, и ограничение их совместничества будет труднее; но при всем том и они могут при продолжении упадающего состояния, ограничившись в совместничестве, заставлять потребителя нести если не весь налог, то по крайней мере часть оногo.

Мануфактуристы при упадающем состоянии должны нести всю тяжесть налога, пока совместничество их не ограничится, в особенности когда их изделия служат для роскоши. Если оные служат для первейших потребностей жизни, то они могут с большею удобностию заставить потребителей нести часть налога. Совместничество мануфактуристов ограничивается не иначе как с пожертвованием значительной части их собственности. Если изделия мануфактур посылаются в чужие земли, то возвышение цены изделий вследствие налога будет зависеть от совместничества сих мануфактуристов с другими на иностранном рынке.

Помещик и земледелец весьма много терпят при упадающем состоянии государства. Никакие бедствия общественные не могут значительно уменьшить их совместничества. Они

¹ Во многих местах Германии были делаемы такие исчисления. Некоторые практические политики во Франции исчислили, что вследствие наложенной на сие государство контрибуции и невыгодного торгового баланса в течение двух лет все чистые деньги выйдут из Франции!!

² От своего к иностранному и от иностранного к своему государству.

³ От одного иностранного государства к другому, также иностранному.

обыкновенно не могут быть доведены до такой крайности, чтобы многие из них погибли, как то случается с работниками при упадающем состоянии. Оставить отечество, продав свою землю, для них весьма трудно, ибо при таком состоянии мало бывает желающих покупать оную. Итак, они должны окончательно нести налог, ими платимый, и могут искать вознаграждения за zapлату оного только в ограничении своих издержек и в бережливости. Люди, употребившие свои капиталы на построение домов, будут находиться еще в худшем положении: требование домов при упадающем состоянии может почти совсем прекратиться, между тем как требование произведений земли никогда пресечься не может.

Сие доказывает, что выгоды владельцев земли всегда тесно соединены с выгодами всего государства; почему правительства при введении перемен, касающихся до благосостояния всего народа, должны более всего сообразоваться с выгодами помещиков и земледельцев; но вместо того кажется, что правительства в таких случаях более сообразуются с выгодами купцов¹, которые не только что не всегда соединены с пользою государственною, но могут даже иногда быть совершенно ей противны.

Непеременяющееся состояние государства есть середина между успевающим и упадающим.

При непеременяющемся состоянии государства простые работники для получения работной платы, нужной для их существования и для zapлаты налога, должны также ограничиться в их совместничестве, которое, впрочем, при сем состоянии уменьшается не столь жестоким образом, как при упадающем.

Земледельцы и помещики будут при непеременяющемся состоянии нести большую часть налога. Владееющие домами будут обыкновенно нести всю тяжесть оного.

¹ Однажды Кольбер, желая сделать некоторые преобразования по части финансов, просил в рассуждение сего совета у одного из знатнейших купцов парижских. Сей благоразумный человек отвечал министру: «Лучший совет, который я могу вам дать, состоит в том, чтобы вы никогда не спрашивали у купцов совета касательно финансов». Некоторые министры, не похожие, впрочем, на Кольбера, много вредили государству и самим себе, следуя советам купцов.

Мануфактуристы будут нести меньшую часть налога при неперемежающемся состоянии государства, нежели при упадающем.

Так как совместничество денежных капиталистов и купцов может легко ограничиться, то они при продолжении неперемежающегося состояния не будут нести налога, но возвысят выигрыш свой от употребления их капиталов.

При успевающем состоянии государства успехи бывают различны. Если успевающее государство находится еще в начале своего политического существования, то успехи бывают обыкновенно сильнее, нежели тогда, когда государство давно уже наслаждается бытием политическим. Россия и Англия находятся в успевающем состоянии; но успехи России сильнее, нежели успехи Англии, ибо Англия не переставала процветать и обогащаться в течение нескольких столетий. С продолжением цветущего состояния государства успехи оно, по естественному ходу вещей, делаются мало-помалу слабее. Успехи России при таком духе народа и правительства, каковой существует в отечестве нашем, были бы еще совершеннее, если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности и к благосостоянию не препятствовало существование рабства.

Относительно Англии надлежит заметить, что, несмотря на непрерывные успехи сего государства, благосостояние народное оным не соответствует. С приобретением новых богатств беспрестанно увеличивались и повинности общественные. Великие, почти невероятные издержки правительства, делаемые посредством займов и беспрестанного умножения налогов, наносили сильный ущерб благосостоянию народному; так что, несмотря на успехи Англии, кои, впрочем, доказываются самыми издержками правительства, часто представляются в сей земле явления, свойственные только упадающим государствам. Величина налогов делала по сие время успехи Англии почти недействительными для умножения богатства народного: они служили только для умножения доходов правительства. Вследствие сего принужденного положения Англии надлежит судить о настоящем благосостоянии и богатстве английского народа с большею осторожностью¹.

Различие
успехов
при успе-
вающем
состоянии
го-
сударства

Успехи
России

¹ Настоящее положение Англии, конечно, весьма невыгодно; но сие положение не оправдывает опасений и предсказаний, которыми различные политики стараются устрашать или утешать, смотря по обстоятельствам, людей легковверных и несведущих. Иные из сих политиков предсказывают, что Англия должна разрушиться под тяжестью

Успехи Северной Америки сильнее, нежели успехи России. Сие происходит кроме различных причин, весьма ясных для всякого рассудительного человека, частью и от большого переселения европейцев в сию часть света.

Большая часть других государств европейских находится в неперемняющемся состоянии, как-то: Германия¹, Швейцария, Швеция, Дания.

Франция и Испания находятся теперь неоспоримо в упадающем состоянии. Если в первом из сих государств существующий порядок вещей утвердится; если Франция еще долго будет находиться в мирном положении, то сие государство с помощью конституции вновь оживотворится; народная промышленность и заграничная торговля воскреснут; упадающее состояние Франции прекратится, и она вследствие богатств природных может прийти в успевающее. Что касается до Испании, то нельзя теперь предвидеть, чтобы сие государство могло прийти в цветущее состояние.

неимоверного государственного долга; иные думают, что тарифы держав твердой земли разорят Англию; иные опасаются даже, чтобы последние стечения народные в Спафильд и повторение оных не привели всего государства в великое замешательство, и т. д. Все такие рассуждения неосновательны и тщетны. Благоденствие Великобритании утверждено на самых твердых основаниях, а именно: на внутренней силе государства, на внутренней торговле, внутренней промышленности народной, на характере и еще более на свободе народной.

Одним из сильнейших доказательств великого богатства Англии служит то, что правительство всегда может делать добровольные займы у частных людей. Относительно богатства Англии можно также заметить, что там в 1806 году тысяча двадцать один человек объявили свои доходы для уплаты подати, каждый более 10 000 ф. стерлингов.

¹ Некоторые части Германии находятся теперь неоспоримо в упадающем состоянии, как например, Рейнские области, столь долго страдавшие под так называемым провизорным, или временным, правлением: целые селения в сем краю готовы и желают переселиться в Россию, не требуя от русского правительства ничего, кроме паспортов. Многие земледельцы из сего края изъявили свою охоту переселиться в Польшу и в Россию по прочтении в газетах объявления наместника Царства Польского, приглашающего иностранцев селиться в польских владениях.

Голландия, находившись долгое время в упадающем состоянии, может теперь поправить свое положение, оживить внутреннюю промышленность и заграничную торговлю, но никогда не может достигнуть прежнего благоденствия. Выгоды жителей Бельгии и Голландии часто оказываются в совершенной противоположности между собою; как например, касательно иностранной торговли первые желают ограничения оной, потому что имеют фабрики и мануфактуры, кои от свободной иностранной торговли приходят в упадок; выгоды же голландцев требуют величайшей свободы для торговли заграничной. Неоспоримо также, что и естественные свойства бельгийцев и голландцев, противоположность их национальных характеров, различие вероисповедания должны, препятствовать общему их благоденствию.

Что касается до Италии, то иностранная торговля может теперь оживить внутреннюю промышленность, и в особенности привести в лучшее состояние города приморские. Но что значат все богатства мира, когда нет главного, неоцененного богатства – независимости государственной? Провидение обогатило сию землю в избытке всем, что может способствовать к благоденствию народному; но политика, которая часто поступает вопреки намерениям провидения, лишила Италию главнейших средств для достижения сего благоденствия.

Для распознавания трех различных состояний государств существуют некоторые признаки; но сии последние надлежит исследовать весьма осторожно, ибо иногда один и тот же признак означает совершенно противное.

Признаки
трех состо-
яний госу-
дарства

Сии признаки существуют в прибыли, получаемой от употребления капиталов в земледелии, в торговле, и в прибыли от простой работы.

Действия большой прибыли от употребления капиталов суть большой доход и высокие проценты. Действие большой прибыли от работы есть высокая работная плата. Малая прибыль от дохода сих источников имеет противные действия. Итак, вот три главнейших признака различных состояний государства.

Начнем рассмотрением признака процентов.

Высокие проценты могут существовать не только при успевающем, но также и при упадающем состоянии государства. Итак, дабы справедливо судить о состоянии государства по высоким процентам, надлежит прежде исследовать, отчего сие происходит. Если высокие проценты имеют причиною уменьшенное совместничество денежных капиталистов, то сие есть

вернейший признак упадающего состояния государства. Если же высокие проценты происходят от того, что требование капиталов всегда еще превосходит совместничество капиталистов, то сие есть признак состояния успевающего.

Кроме сего отношения требования к совместничеству, высокие проценты имеют иногда причиною неверность в возвратном получении ссуженного капитала¹. Сия неверность обыкновенно происходит от недостатков законодательства. Иногда по причине дурных банкротских уставов заимодавец может лишь с большим трудом или совсем не может принудить своего должника к заплате; иногда тяжбы требуют для выгодного окончания не только одного права, но и денег. Иногда привилегии высших классов граждан не позволяют заимодавцу взыскать удовлетворения с имущества должника; сие последнее неудобство существует в высочайшей степени в Венгрии относительно тамошнего дворянства. Кроме сего, запрещение не брать выше поставленных законом процентов имеет непосредственное влияние на возвышение оных. Все сии недостатки законодательства, полагая препятствия промышленности народной, действуют на возвышение процентов. В Америке, несмотря на сильнейшие успехи сей земли в сравнении с Россиею, состояние процентов не выше, чем у нас².

¹ Здесь разумеется во всем государстве, а не в отношении к особенным лицам.

² В средние века проценты с ссужаемых капиталов были весьма высоки; но это происходило, конечно, не от успехов государств в благосостоянии. Напротив того, сии проценты свидетельствуют варварство и, следственно, бедность тех времен, когда капиталы были весьма редки и занимались более для расточительности, нежели для выгодного употребления; когда законы не ограждали достаточным образом прав заимодавца и когда ремесло ростовщиков почиталось презрительным и во всей Европе было предоставлено почти исключительно угнетенным евреям. В нашем древнем отечестве проценты были также весьма высоки; причина во многих отношениях та же: тогдашнее нравственное состояние России, хотя, может быть, выгодный торг, ведомый нашими предками с чужеземцами, имел некоторое влияние на возвышение процентов при тогдашнем недостатке в капиталах. Что же касается до древнего русского законодательства по сей части, то оно, может быть, было не хуже теперешнего. Высокие проценты могут также быть следствием опасностей, сопряженных с торговыми предприятиями, для которых капиталы занимают. Так, в Афинах существовало два рода

Для выгод как народа, так и правительства надлежит отвращать такие препятствия или совсем не вводить оных. Сие не стоило бы правительствам ни малейшего труда; напротив того, избавило бы их от излишних забот и принесло бы государству несравненно более пользы, нежели все запрещения ввоза и вывоза, нежели все некстати заводимые фабрики и мануфактуры и вообще всякое направление народной промышленности.

Если высокие проценты бывают иногда признаком успевающего состояния государств, то надлежит заметить, что и низкие, или малые, проценты могут иногда служить признаком самого цветущего состояния. Сие бывает тогда, когда государство после великих успехов в благосостоянии начинает вследствие естественной необходимости идти далее тихими шагами; в таком случае богатство народное делает совместничество капиталов равным требованию, несмотря на обширность или величину сего последнего, ибо великое богатство умножает капиталы¹; и тогда проценты, без сомнения, должны уменьшиться. Пример и доказательство сему представляла Голландия: при самом цветущем состоянии сего государства проценты не превосходили 3, несмотря на обширную торговлю, которая допускала выгодное употребление капиталов. – Тюрго с справедли-

процентов: одни внутренние, другие заграничные или морские; сии последние были вдвое выше первых, потому что в сем случае капиталы употреблялись на торговлю отдаленную с народами малообразованными.

¹ Сие подало повод некоторым сочинителям утверждать, что, «чем сильнее успехи государств, тем ниже в оных проценты, и напротив». С большим остроумием старается доказать сие положение вышеприведенный сочинитель Гереншванд (в *Discours fondamental sur la population*. P. 116). Северная Америка представляет совершенно противное сему правилу; но автор говорит, что если сие государство делает исключение из его правил, то это происходит от чрезвычайных и единственных обстоятельств, в коих оно находится. – Если бы автор сказал: чем долее продолжаются успехи государства, тем ниже делаются в оном проценты, то сие было бы справедливо. Беспреданное накопление капиталов понижает проценты, так как всякое умножение совместничества уменьшает всякого рода прибыль. В Голландии низкие проценты доказывали, что после сильного возрастания успехов сии успехи продолжались с меньшею быстротою; в Америке высокие проценты доказывают, что в сей земле успехи начинаются; вначале же успехи государств бывают всегда сильнее, нежели впоследствии.

востию приписывает понижение процентов в Европе вообще духу экономии или бережливости, который более распространен, нежели дух роскоши¹; но надобно при сем заметить, что и умножение капиталов имело на сие понижение сильное влияние; бережливость же произошла вместе с усовершенствованием промышленности и с размножением способов выгодного употребления капиталов.

В таком государстве, где великие богатства действуют на сильное понижение процентов, займы могут быть делаемы с легкостью как частными людьми, так и правительствами, своим и иностранными. Напротив, в государстве, коего успехи еще начинаются, несмотря на быстроту оных, правительство не находит довольно сумм для выгодного займа; частные люди на то же жалуются, и оттого иногда в успевающих государствах входит в обыкновение думать, что деньги редки: те же жалобы, как и при упадающем состоянии. Сии суждения происходят оттого, что люди, видя действие, не видят причин: при упадающем состоянии денег становится в государстве подлинно менее, ибо когда государство делается беднее, то уменьшение всех производимых и продаваемых предметов должно, без сомнения, влечь за собою уменьшение знаков, представляющих сии предметы и служащих для обращения оных. При успевающем состоянии мнимый недостаток в деньгах не оттого происходит, что оных становится менее: сумма оных, напротив того, умножается; но беспрестанно усиливающееся требование денег всегда превосходит совместничество капиталистов и производит то, что денег все еще мало в сравнении с возможностью употреблять оные. В государствах, кои еще недавно находятся в успевающем состоянии, накопление капиталов невозможно, как сие бывает в тех, кои уже несколько столетий наслаждаются успевающим состоянием.

Рассмотрим признаки трех различных состояний, заключающиеся в доходе от земли и от работной платы.

Состояние дохода от земли легко знать можно. Если сей доход велик; если помещики и в особенности земледельцы, на коих создается благоденствие народное, находятся в хорошем положении; то можно заключить, что и государство находится в цветущем или успевающем состоянии. Если доход от земли незначителен; если помещики живут не в изобилии; если земледельцы отказываются от приятностей жизни, то государство находится в неперемняющемся состоянии. Если же помещики с

¹ *Turgot*. Sur la formation et la distribution des richesses. P. 109.

трудом могут содержать себя своими доходами; если земледельцы находятся в нищете и не имеют довольно способов работать столько, сколько бы они могли; если они ограничивают себя в потреблении предметов первой потребности, то в таком случае государство, конечно, находится в упадающем состоянии.

Что касается до работной платы, то она также может служить верным признаком трех различных состояний государства, тем более что величина ее везде может быть без труда исследована. Работная плата возвышается вместе с умножением народного богатства и понижается вместе с уменьшением оногo.

Однако же в сем правиле мы видели исключение. Во Франции во время императорского правления работная плата была высока; но сие, конечно, не доказывало благоденствия народного. Работная плата возвышалась по обыкновенному порядку оттого, что требование превосходило совместничество работников. Причиною сего превосходства было не большое число требователей, но весьма малое число работников: все наиболее способные люди к работе находились в армиях, и сильно ограниченное чрез то совместничество работников позволяло остающимся, даже и мало способным людям к работе, требовать и получать высокую плату.

Беспрестанные войны необходимо должны возвысить работную плату более или менее во всех государствах. Итак, желая судить о состоянии государства по работной плате, не надобно забывать и сей причины, действующей на ее возвышение.

Об успехах Англии нельзя судить по величине работной платы, ибо плата, получаемая в Англии простыми работниками, в особенности на фабриках и мануфактурах, весьма мала. Они не могут жить выработываемыми деньгами, но получают вспомоществование из сумм, собираемых для бедных. Сия невозможность в богатой земле существовать трудами рук своих происходит оттого, что в Англии, несмотря на беспрестанно увеличивающийся доход общественный, великие расходы государственные весьма обременительны для народа. Почти половина годового общественного дохода издерживается ежегодно правительством. Великие налоги необходимо должны действовать на возвышение цен всех вообще товаров. Дороговизна, приводя народную промышленность в некоторое принужденное положение, не позволяет простым работникам, не имеющим никаких капиталов, кроме сил природных, возвысить ра-

ботную плату до такой степени, чтобы она могла им доставлять все способы к существованию, тем более что сии способы облегчаются вспоможениями, которые работники получают из сумм для бедных.

Дабы определить, велика или мала работная плата независимо от различия действительной и нарицательной ценности оной, надлежит исследовать, сколько времени простой работник или поденщик с своим семейством может прожить зарабатываемыми деньгами в один день. Если платою работы одного дня от может прожить три, четыре и более дней, то работная плата высока и доказывает, что государство находится в успевающем состоянии. Если зарабатываемыми деньгами в один день работник может прожить только один или два дня, и притом скудным образом, то государство находится в неперемняющемся состоянии. В упадающем состоянии работная плата едва только доставляет работнику хлеб несущный. В Америке поденщик работною платою одного дня живет 4, 5 дней и более. В Германии в бедственном ее положении работники иногда соглашались, как мы видели выше, работать из одного хлеба. Мы не говорим здесь о возвышении работной платы, происходящем от неприятностей, опасностей и вреда, сопряженных с некоторыми родами работы.

Дабы судить об успевающем состоянии России по величине работной платы, надлежит принять в рассуждение, что на возвышение оной крепостное состояние части работников неоспоримо имеет важное влияние: совместничество работников, конечно, ограничивается, когда одна часть простых людей не может располагать собою по своей воле.

Часто один взгляд на работника, на земледельца может дать некоторое понятие о состоянии государства: в тех землях, где получаемая ими от их занятий прибыль велика, они лучше едят, лучше пьют, лучше одеваются, прилежнее работают, и напротив. Заметим, что они употребляют более прилежания и охоты не тогда, когда они менее получают за свою работу, но тогда, когда они более за оную получают. Сие доказано опытом вопреки безрассудному мнению, что налоги и недостаток побуждают к прилежанию. – По одному взгляду на простого человека можно судить о степени благосостояния государства, между тем как множество фабрик, мануфактур, поселений, ко-

лений, заводимых правительствами, не дадут никому ясного понятия о богатстве народном.

Мы видели выше, что успехи государства доказываются также и умножением народонаселения. Там, где средства к существованию изобильнее, там и число жителей умножается более, нежели в земле бедной или там, где благосостояние уменьшается. В Северной Америке народонаселение удвоится в течение двадцати лет. В некоторых городах Англии число жителей беспрестанно и сильно увеличивается. Гласков, имевший в 1791 году 66 000 жителей, имеет теперь 110 000; Ливерпуль, имевший в 1801 году 77 000, имеет теперь 94 000. В Бристоле в такое же время число жителей увеличилось от 63 000 до 76 000¹. В России число жителей в Одессе и в некоторых других городах умножилось в содержании еще более сильном. Напротив того, в Италии, которая находится в неперемняющемся или даже в упадающем состоянии, число жителей во многих городах уменьшилось вдвое или более против прежнего, так же как и в некоторых городах Германии, например, в Кельне. Что касается до искусственного многолюдства столиц, то оно, конечно, не доказывает благосостояния народного, подобно как произрастания оранжерейные не доказывают благорастворенности климата. Столицы всегда были гробом государств как в физическом, так и в нравственном смысле.

По благосостоянию или, лучше сказать, по роскоши высших классов граждан нельзя судить о благосостоянии государства. Роскошь, будучи доведена до высокой степени, служит более доказательством упадающего, нежели успевающего, состояния. В те времена, когда Римская империя быстро стремилась к падению, роскошь знатных людей была на высочайшей, почти невероятной степени². Даже и бережливые голландцы при упадающем состоянии своего отечества сделались роскошными и расточительными. Роскошь дворян в России часто доказывает только то, что они имеют крепостных крестьян, коих силами и способностями, а равно и капиталами они по своему произволению располагать могут. И потому роскошь в России более печалит внимательного наблюдателя, нежели в иностранных государствах.

Роскошь
богатых

¹ *Say: De l'Angleterre et des Anglais.*

² См. о сем в бессмертном творении Гиббона*: *Gibbon. History of the increase and fall of the Roman Empire.*

В пространном государстве, какова, например, Россия, некоторые части оно́го могут находиться в различных состояниях, и сие местное различие должно, конечно, быть принимаемо в рассуждение при исследовании способов уравнения налогов.

ГЛАВА VI

ОБЩЕЕ ДЕЙСТВИЕ НАЛОГОВ

Налоги, важные для общества в существе своем, важны и в действиях.

Налоги имеют непосредственное влияние на уменьшение богатства народного, ибо часть дохода общественного, получаемая чрез налоги правительством, издерживается, не умножая сего дохода.

Налоги причиняют препятствия промышленности народной, отъежая часть капиталов, употребляемых подданными, от ее назначения и предоставляя оную правительству.

Кроме сего, налоги имеют вредное влияние на народонаселение, образованность и нравственность народную.

Налоги, угнетающие простого работника, имеют самое непосредственное влияние на народонаселение. Трудность доставления средств пропитания ограничивает бракосочетание между простыми людьми. Трудность воспитывать детей производит то, что они умирают в нежнейшем младенчестве. Налоги, делая трудным прокормление самих работников, имеют действием увеличение смертности между ними.

Налоги могут также ограничивать способы граждан давать детям своим приличное воспитание, и сие не только между простыми людьми, но также и между людьми среднего состояния. Таким образом налоги будут препятствовать распространению образованности. Замечено, что в Англии великие налоги, заставляя людей более всего думать о своих денежных выгодах, отвращают их от занятий умственных. Утверждают, что теперь в Англии читают гораздо менее, нежели прежде. Один из

лучших писателей по части политической экономии¹ опасается, чтобы отечество Баконев, Невтонов и Локков не начало идти в просвещении назад быстрыми шагами.

На нравственность налоги имеют самое вредное влияние. Дабы в сем удостовериться, надлежит только вспомнить о тех несчастных, которые от налогов делаются преступниками, не говоря уже о других примерах, доказывающих вредное действие некоторых налогов². Приметно, что в Англии число преступлений увеличивается вместе с увеличением общественных повинностей. 1813 год представляет в Англии пятнадцать тысяч приговоров по различным преступлениям; целая Европа такого числа преступлений в течение одного года не имела³. Налоги с потребления при всех своих выгодах более прочих побуждают к нарушению закона и делают людей, часто не совсем испорченных, преступниками. Многие честные люди знакомятся, так сказать, с обманом при плате налогов. Некоторые утверждают, что люди, способные обманывать правительство, не всегда способны обманывать своих сограждан, но и обманывать правительство не есть добродетель.

Ложные
мнения о
действии
налогов

Некоторые писатели думали, что налоги могут побуждать к трезвости, бережливости, прилежанию; что они отвращают от какого-то нравственного зла⁴. Иные даже утверждали, что каждый новый налог производит в гражданах новую способность нести оный, отчего произошло и то безрассудное мнение, что каждое увеличение общественных повинностей увеличивает промышленность народную. Другие говорили, что самые великие налоги причиняют народу более пользы, нежели вреда, что малые налоги разрушают торговлю и пр.; для доказательства же такой бессмыслицы приводили в пример подать с пшеницы, наложенную Юлианом в Антиохии!!⁵ – Вопреки истории сии люди хотят доказать, что там, где налоги велики, бывает против правительства менее бунтов, и, где налоги незначительны, бунты сии чаще случаются как, например, в Швеции и некото-

¹ *Say. De l'Angleterre. . . P. 22.*

² Синклер говорит, что вследствие акциза на солод в Шотландии цена пива увеличилась третью частию, оттого простой народ начал пить более вина, нежели прежде, и сия перемена имела множество дурных следствий, неразлучных с большим употреблением сего напитка.

³ *Say. De l'Angleterre. . . P. 27.*

⁴ Между многими приведем только: *Achenwael's Staats-Klugheit. S. 225.*

⁵ См.: *Principes de tout gouvernement. T. II. P. 79.*

рых других государствах. Но если бы и можно было согласиться, что налоги побуждают к трудолюбию, то должно вспомнить, что для нового произведения не довольно одного трудолюбия: для сего нужны также и капиталы, составленные из произведенных предметов, а сии-то предметы и отъемлются налогом. К тому же ценность предметов, которая производится для того только, чтобы служить для уплаты налога, не обогащает ни платящего, ни государства, потому что потребляется безвозвратно.

Некоторые также утверждают, что налоги ободряют промышленность не потому, что подданные платят оные, но потому, что правительство оные получает, выпускает в обращение и чрез то усиливает и распространяет сие последнее¹. На сие заметим, что деньги, платимые подданными правительству, суть следствие труда или промышленности платящих, которые, заплатив налог, безвозвратно лишаются ценности оного. Когда же правительство вновь выпускает деньги в обращение, то оно не отдает их даром, а покупает для себя или труд, или изделия подданных. Итак, правительство издерживает ценность пожертвований, делаемых людьми двух различных родов. Последним оно платит за их жертвования; первые остаются без всякого возмездия, и жертвования их, потребленные правительством, остаются потерянными для общества. Впрочем, для увеличения обращения не нужно, чтобы подданные отдавали свои деньги правительству: они с большею выгодною для себя могут издерживать свои доходы и чрез то распространять промышленность и обращение.

Те, кои говорят, что налоги способствуют усовершенствованию промышленности и обогащению государства, ссылаются на все богатые народы, платящие великие налоги. Но такое заключение в отношении к налогам столь же несправедливо, как в отношении к долгам, о чем было упомянуто выше, и здесь действие принимается за причину: богатые народы приобрели свои богатства не оттого, что платили великие налоги; но оттого платят сии налоги, что они прежде приобрели сии богатства.

Юм почитает сие последнее заключение тем более опасным, что оно имеет, по его мнению, некоторую справедливость. Сей автор, принимая в рассуждение, что все древние и новые государства, обогатившиеся торговлею, не были благодетельствованы природою ни в отношении к климату, ни в отноше-

¹ *Steuart*. Т. II. Р. 557.

нии к плодородию, говорит: итак, если природные неудобства могут иметь некоторое благодетельное влияние на промышленность, то почему не могут неудобства искусственные иметь такого же влияния? Мы отвечаем, что природные неудобства не могут иметь никакого влияния, кроме вредного, на промышленность народную. На направление же сей промышленности, конечно, может иметь влияние местоположение земли, заставляющее, например, приморских жителей предпочтительно заниматься торговлею; но сие влияние независимо от неудобств природных, ибо мы видим, что страны, облагодетельствованные дарами природы в отношении к климату и плодородию земли, так же обогащались торговлею, как и страны, лишенные таковых выгод; мы видим, что Карфаген с соседственными странами и города Италии так же прославились торговлею, как Тир и Голландия. Следственно, не природные неудобства, но одно только природное местоположение земли может иметь влияние на промышленность, и притом только на направление оной.

Если бы природные неудобства имели влияние на усовершенствование промышленности или если бы они побуждали к промышленности, то сие действие должно бы оказываться во всех тех землях, кои имеют сии неудобства; между тем как мы видим, что гораздо большая часть таких земель не имеет значительной промышленности. Можно даже сказать, что если бы природные неудобства имели непосредственное действие на усовершенствование промышленности, то действие сие должно бы увеличиваться вместе с сими неудобствами, и, следственно, самоеды должны бы быть самым промышленным народом.

Государства, о коих говорит Юм, должны были вследствие местоположения, или, как он разумеет, вследствие природных неудобств, предпочтительно избрать промышленность торговую. Торговля обыкновенно возвышает государства на известную степень благосостояния скорее, нежели какая-либо другая отрасль промышленности; но из сего еще не следует, чтобы такое направление промышленности к торговле было полезнее других направлений: что скоро возрастает, должно необходимо скоро и погибнуть. Все торговые государства древних и новых времен никогда не могли противостоять сильным политическим переворотам, внутренним или внешним; между тем как государства, коих величие утверждено на дру-

гом, более прочном основании, могут переносить самые ужасные перемены. Чего ни претерпела Франция в конце прошедшего века? Торговля сего государства уничтожилась, промышленность уменьшилась; но народ не только что сохранил политическую силу свою, но даже увеличил ее в важной степени и подтвердил сказанное славным Монтескьё: что никогда народ не бывает столь силен и опасен для других, как после внутренних революций. В последнее время политическая сила французов была уничтожена, Франция была два раза завоевана – какое торговое государство могло бы перенести такие бедствия, не разрушившись в основании своем? Между тем как Франция, если один только внутренний мир в сем государстве утвердится, может вновь прийти в цветущее состояние.

Впрочем, если бы кто и думал, что природные неудобства имеют влияние на усовершенствование промышленности народной, то сие не позволяет еще заключать, что и искусственные неудобства должны или могут иметь то же действие. Иначе все правительства с охотою воспользовались бы таким превосходным и прибыльным способом умножать богатства народные!

Налоги всякого рода, при каком бы из трех состояний государства взимаемы ни были, всегда более или менее вредны для богатства народного; и вследствие умножения налогов народ делается не богаче, не прилежнее, не промышленнее, но только беднее¹.

Заметив общее влияние налогов, упомянем о частном влиянии, которое они имели в различных государствах. Налоги, или, определительнее сказать, дурные системы налогов, были одною из причин, как видно из истории, что нидерландцы сделали независимыми от Испании, швейцарцы от Австрии,

Влияние дурных систем налогов

¹ В доказательство действия налогов на благосостояние народное можно здесь привести замечание, сделанное в Ирландии. Там исчислено, что некоторые из предметов, подверженных налогам, уменьшились в количестве своем следующим образом: из количества повозок, карет и т. п., за которые платятся подати, убыло в 1816 году против прежних лет 2955, из числа лошадей – 1785, из числа слуг – 624, из количества дымов – 5563, из числа окон (которые закладывают, дабы не платить подати) – 21 004.

фрисландцы от Дании и, наконец, козаки от Польши¹. На возмущение североамериканских колоний против Англии дурная система финансового управления относительно иностранной торговли имела решительное влияние. Нельзя также оспаривать, что неискusstное собиpание денег с народа подало повод к лютеровоp реформации.

Расстройство финансов, конечно, не произвело французской революции, но много споспешествовало оной и имело особенное влияние на ход ее. Царствование Людовика XIV, столь блистательное в течение некоторого времени, было весьма пагубно для Франции, особливо в отношении к финансам. При Людовике XV беспорядок во всех частях государственного управления, особливо по части финансов, дошел до такой степени, что история просвещенных народов до тех пор ничего подобного не представляла. В то время мнение о революции было весьма распространено во Франции, даже сам король разделял его. Все в течение ста лет правительством накопленные бедствия обрушились наконец на невинной главе Людовика XVI.

Важность
министра
финансов

Такое влияние финансов на судьбу государств делает весьма важными системы финансовые, принимаемые для управления; вместе с сим представляется также и важность министров, управляющих финансами. Трудность исполнения сей должности увеличивается вместе с уменьшением возможности исполнять оную с успехом. Чем невыгоднее обстоятельства, в коих государство находится, и, следовательно, чем менее средств оно представляет к удовлетворению общественных потребностей, тем более требуется от министра. Какие бы меры он ни предпринимал, всегда должен быть готов слышать ропот и негодование народа, но никогда не должен презирать оных: неуважение общего мнения, хотя и неосновательного, свойственно только неспособности и невежеству; хороший министр финансов старается исправлять общее мнение хорошим исполнением своих обязанностей. Невыгоды такого положения тем более бывают чувствительны, что публика² ни о чем так неосновательно и несправедливо не судит, как о предметах, касающихся до финансов; между тем как сии суждения всегда имеют

¹ *Martin Hassen. Die wahre Staats-Klugheit. S. 79.* Книга сия посвящена императрице Анне Иоанновне. Автор был секретарем российского посланника в Берлине в 1707 году.

² Здесь не разумеется общее мнение народа, которое редко ошибается, если существуют средства, чрез кои оно может сделаться гласным.

некоторый вид справедливости, ибо судящие ссылаются на делаемые ими пожертвования. Трудность, сопряженная с должностью министра финансов, увеличивается в тех государствах, где налоги назначаются самим правительством без согласия представителей народных. Французская история, столь обильная неистовствами всякого рода, представляет пример различных несчастий, которые постигли чиновников, управлявших финансами. Считая с Энгера де Мариньи, жившего в царствование Филиппа Прекрасного, до барона Самблансе, который погиб жестоким образом вследствие ненависти герцогини Ангулемской, матери короля Франца I, история упоминает о двенадцати главных правителях финансов. Из сего числа восемь умерли насильственной смертью¹, трое были изгнаны из государства, и только один Флоримонд Роберт, живший в царствование Карла VIII и Людовика XII, умер спокойно, оставя свою должность².

Правительство поступает сообразно с собственными выгодами, если оно сообщает подданным известия о количестве доходов и расходов государственных. Такая гласность полезна правительству, увеличивая к нему доверенность народа. Английское правительство много обязано сохранением кредита публициету. Введение гласности там, где она неизвестна, должно быть произведено в действо мало-помалу и с осторожностью. Первому отчету (*compte rendu*) Неккера иные припи-

О публици-
цитете

¹ Многие из них были жертвою придворных интриг или даже ненависти самих королей. Главнейшею причиною казни Энгера де Мариньи была, конечно, личная к нему ненависть короля. Монтегю, казненный в 1413 году, во время существования Арманьякской и Бургиньонской партий, был совершенно оправдан впоследствии общим мнением. Память Жака-Кера, осужденного также за несправедливо приписанные ему хищения, была оправдана историею, которая свидетельствует, что король пожертвовал судьбою сего чиновника ненависти его неприятелей или, справедливее сказать, жадности придворных, которые разделили между собою его имущество и давали сами себе расписки в суммах, которыми он их ссужал, и что, вероятно, осуждение его имело также некоторою причиною приверженность его к дофину. Заточенный в тюрьму при Людовике XIV главный правитель финансов Фуке, конечно, во многих отношениях был виновен; но наказание его имело, может быть, главнейшею причиною нескромную страсть к особе, пользовавшейся милостями и любовью короля.

² *Arnould. Hist. gén. des Finances de France. P. 108.*

сывают большой вред, потому что посредством сего отчета публицитет был введен весьма скоро. Может статься, что в сем поступке Неккера была какая-нибудь неосторожность; но вред происходил не от введенной гласности, но оттого, что отчет показал состояние финансов в невыгодном виде; сие же невыгодное состояние каждый чувствовал и без отчета по мере обременявших его налогов.

В заключение сего приведем слова Сея¹, что политическая экономия не есть наука просто умозрительная и не принадлежит к числу тех наук, которые можно почесть роскошью в системе знаний человеческих. Основательное знание экономии политической есть обязанность управляющих государством; и можно смело сказать, что всякое правительство, которое не будет понимать правил сей науки или будет презирать оные, необходимо должно погибнуть от финансов.

Окончив статью о действии налогов, заметим, что на самые налоги имеет влияние, кроме богатства народного, образ правления государства и дух народный, и сие влияние особенно показывается в охоте или готовности народа платить налоги. Сия готовность всего более видна в республиках; отвращение к налогам – в государствах деспотических. Неккер приводит в пример, что в Англии была наложена подать на кости для игры (dez). Все возможные надзирания не могли бы предупредить тайной работы и ввоза такой безделки; несмотря на то, сия подать подлинно приносит доход правительству. Но во Франции, продолжает Неккер, где налог есть неприятель, которого ненавидят и над которым смеются попеременно, такая подать вместо дохода причинила бы одни только издержки правительству².

В чистых монархических государствах, конечно, нигде налоги не платятся с большею доверенностью, как в России.

¹ De l'Angleterre. . . P. 30.

² Admin. T. I. P. 54.

ГЛАВА VII

О БУМАЖНЫХ ДЕНЬГАХ КАК О НАЛОГЕ

Если сумма бумажных денег*, находящихся в обращении, соразмерна требованию; если ассигнации равны в ценности своей чистым деньгам, то в таком случае бумажные деньги суть не что иное, как средство обращения, равное в действии своем металлической монете.

Если же бумажные деньги несоответственно первоначальной цели оных будут умножены свыше потребности обращения и если вследствие сего ценность оных унизится против ценности чистых денег, то в таком случае убыток, претерпеваемый чрез то народом и равняющийся потере ассигнаций против чистых денег, есть не что иное, как налог, и притом налог, весьма неравно разделенный между гражданами. Каждый из сих последних несет оный соразмерно сумме бумажных денег, ему принадлежащих или им употребляемых.

Для исследования свойств бумажных денег нужно войти в некоторые подробности и означить первоначальное происхождение и усовершенствование сего способа, служащего к обращению товаров и вместе с сим к удовлетворению потребностей государственных.

Когда крестовые походы пробудили Европу от мрачного варварства, в коем она была погружена дотол, все между европейскими народами приняло тогда новый вид. Несправедливо, если только с худой стороны будут смотреть на сие явление, единственное в истории; благодетельные следствия крестовых походов едва ли не превышают вред, причиненный ими. Крестовые походы были одною из главнейших причин истребления рабства в тогдашней Европе; они дали новую важность средне-

му состоянию граждан в государствах европейских; новые понятия, новые идеи родились в народах¹. Крестовые походы возвысили торговлю до такой степени, на какой новая Европа еще никогда оной не видела. Тогда в первый раз увидели народы, сколь важный перевес имеют морские державы в политическом свете. Слава венецианцев и генуэзцев по большей части была основана на крестовых походах². Средиземное море, сия колыбель образованности рода человеческого, снова вступило тогда в права свои и гордилось исполинскими успехами своих республик, овладевших торговлею мира.

Сильное распространение торговли заставляет почувствовать затруднения, сопряженные в делах коммерческих с употреблением драгоценных металлов: серебра и золота. Сии затруднения состоят в том, что деньги от перехода из одних рук в другие теряют часть своей внутренней ценности; плата чистыми деньгами требует много труда и издержек; сохранение наличных денег соединено с неудобствами всякого рода.

О банках Для отвращения сих затруднений были учреждены прежде в Генуе (в 1407 году), а потом в Венеции (в 1582) два различные заведения под названием банков.

Учреждение Венецианского банка было в главных частях своих следующее: купцы для отвращения упомянутых затруднений отдавали свои чистые деньги в особое, для того определенное место; суммы, вносимые каждым, были записываемы в общую книгу; для каждого вносившего деньги был определяем особенный лист. Вследствие сего взаимные платы между купцами производились перепискою сумм с одного листа на другой. Такие заведения воспоследовали в 1609 году в Амстердаме, в 1619 году в Гамбурге и называются *сохранными банками*. Сии банки, кроме всех других выгод, представляют и ту, что вносимые в оные деньги, оставаясь непеременимыми в своей внутренней ценности, служат мерою³, по коей определяется ценность

¹ Кажется, говорит Робертсон, что крестовые походы суть первое происшествие, которое исторгло Европу из ее бездействия и дремоты. Hist. of Charles V. T. I. P. 22.

² Heeren's kleine Schriften: Ueber die Kreuzzüge.

³ По-английски – Standart. Такая мера денег особливо нужна в тех государствах, кои терпят вред по торговым сношениям от дурной монеты соседних земель. Напрасно в сем случае Мирабо (De la Monarchie Prussienne. T. IV. P. 40) старается опровергнуть вред, говоря, что никто не отдает денег своих даром. Опыт доказывает, что часто, в особенно-

всех находящихся в обращении денег, как своих, так и иностранных. Сохраняемые в банках деньги бывают всегда нескольшими процентами дороже денег, находящихся в обращении.

Заемные дела, не быв вначале предметом заведения сохранных банков, сделались мало-помалу одним из их важнейших занятий: правительства не преминули воспользоваться представлявшимися случаями делать займы, которые вредили сохранным банкам и часто были причиною их падения. Ссуды частным людям делаются под залоги, следственно, не могут иметь вредных последствий для банков.

Учреждение Генуэзского банка было следующее: купцы, вносившие деньги в банк, получали от него в замену денег обязательства или расписки. Вносимые деньги были предоставляемы банку; обязательства же вступали в обращение, подобно чистым деньгам. Таким образом были введены в употребление настоящие бумажные деньги¹.

Мало-помалу ассигнационные банки начали быть учреждаемы во многих государствах, в особенности по открытии Америки и пути в Восточную Индию чрез мыс Доброй Надежды, когда торговля столь сильно распространилась. Все сии банки были основаны по примеру Генуэзского и принадлежали вначале частным людям, кои, соединяясь в общества, составляли известный капитал и выдавали в обращение на место внесенных в банк чистых денег обязательства банковые различных ценностей.

сти на границах, дурные и хорошие деньги, имеющие одинаковую нарицательную ценность, принимаются одинаковым образом. Прусские деньги подлинно заставляли саксонское правительство бить столь же дурную монету. Никакое государство не отличается столь дурною монетою, как Пруссия. Во время семилетней войны Фридерик II унижил действительную ценность мелкой монеты до такой степени, что прусские гроши были втрое хуже так называемых конвенционных, о достоинстве коих можно судить по тому, что из Англии были присылаемы фальшивые конвенционные деньги целыми бочками и были притом лучшей пробы, нежели настоящие. В Германии и в старые времена деньги были весьма дурны, оттого что разные князья, епископы и города имели право бить каждый свою монету*.

* *Risbeck. Geschichte der Deutschen. T. II. S. 36.*

¹ В Китае еще в конце XIII столетия были изобретены бумажные деньги; они часто теряли свою ценность и часто были вновь вводимы.

Составляемый таким образом капитал бывает употребляем в торговле, и барыш разделяется между теми, кои участвовали в составлении. Выдаваемые же ассигнации банк обязывается платить чистыми деньгами по представлении сих первых.

При учреждении Ассигнационного банка правительством оно, выпуская в обращение ассигнации, обыкновенно также обязывается платить по оным чистыми деньгами.

Соразмерность выдачи ассигнаций с требованием
Дабы всегда быть в состоянии платить по представляемым ассигнациям, банк должен соразмерять выдачи с требованием ассигнаций. О сем требовании банк может судить как по тому, в каком количестве и как скоро выданные ассигнации возвращаются назад в банк для заплаты по оным, так и по тому, сколь свободно ассигнации образуются, т. е. с охотою ли их принимают или нет. Если ассигнации превосходят потребность обращения и, следовательно, возвращаются в банк вскоре после выпуска, то в таком случае банк должен для поддержания кредита немедленно уничтожать вступающие ассигнации, дабы чрез то уменьшить сумму всех выданных им бумажных денег и привести оные в соразмерность требованию¹. Если, напротив того,

¹ Здесь надлежит заметить, что при увеличивающемся требовании чистых денег по банковым ассигнациям уменьшение сих последних иногда не может быть средством помочь сему неудобству. Банк должен всегда в точности исследовать причины усилившегося требования: например, если сие происходит от потребности платить чистыми деньгами чужим государствам, то уменьшение бумажных денег в сем случае только что увеличит общее затруднение и недостаток в средствах размена. В последние времена Английский банк при увеличившемся однажды требовании чистых денег по ассигнациям (причина коего была неизвестна) начал уменьшать последние. Вместо сих отнятых от обращения ассигнаций должно было иметь серебро или золото, и потому требование денег еще более увеличилось. Банк, думая, что сие требование происходит от платы золотом иностранным государствам, вновь усилил выдачу ассигнаций. После сего золото начало возвращаться в банк; следовательно, оно не было употребляемо для иностранных уплат и возвращалось в банк, потому что ассигнации способнее к обращению, нежели золото. Замечание и пример сей приводит г. Торнтон, который в сочинении своем о кредите английских бумажных денег представил некоторые новые разительные явления, случающиеся с бумажными деньгами вообще, и глубокие его сведения видны, как по теории, так в особенности по практике. Торнтон сим

выпущенные ассигнации не удовлетворяют в полной мере требования и ценность бумажных денег начинает превышать ценность металлических, то банк может тогда усилить выпуск ассигнаций, дабы сделать сумму оных соразмерною потребностям обращения. Величина суммы чистых денег, которую банк должен всегда иметь в готовности для платы по представляемым ассигнациям и которая должна быть вновь дополняема по мере ее уменьшения, не может быть определена и зависит совершенно от обстоятельств и доверенности, которою банк пользуется. Иногда кредит Ассигнационного банка может возвыситься до такой степени, что весьма маловажная, незначащая сумма чистых денег может служить основой выдачи величайших сумм ассигнациями. Конечно, непредвидимые обстоятельства без всякой вины со стороны банка могут иногда уничтожить кредит его, как например, случилось в Пруссии в 1806 году, когда вследствие Енского сражения так называемые казенные свидетельства (Tresorscheine) вдруг потеряли три четверти прежней своей ценности. Против такого рода случаев необыкновенных, приводящих в замешательство все дела государственные, никакая осторожность, никакая сила человеческая вообще не может предохранить кредита бумажных денег¹.

примером старается опровергнуть вышеупомянутое правило, предложенное Адамом Смитом, что уменьшение ассигнаций есть лучшее средство удержать или возвысить ценность оных при упадке кредита банка. Но сей случай, который может быть справедливым, совсем не опровергает истины правила Адама Смита, но показывает только, что оно, как и другие, имеет свои исключения.

¹ Менее опасны следствия непредвидимых случаев другого рода, не влекущих за собою общего замешательства, [они] могут иногда быть отвращаемы посредством искусства и умного поведения правителей банков. Примером сему может служить Лондонский банк: в 1715 году, когда партия Стюартов угрожала взятием Лондона, требования чистых денег по банковым ассигнациям чрезвычайно увеличились. Банк в сию решительную минуту изобрел невинное средство платить по представляемым ассигнациям мелкою монетою, считание которой требовало много времени. Сверх того, правители банка представляли для заплаты важные свидетельства, получали чистыми деньгами и вскоре потом приносили их назад в банк, требуя промена оных на ассигнации; им платили прежде прочих под тем предлогом, что суммы их были важнее; многие же, наскучив долгим ожиданием, возвращались домой с своими ассигнациями. Между тем неприятель отступил, и

Общая польза государства требует, чтобы банки не выдавали ассигнаций на слишком мелкие суммы. При наблюдении сего правила употребление ассигнаций не распространится между людьми бедными, и в маловажных торгах чистые деньги останутся в употреблении.

Учет, покупка имений, ссуды ассигнационных банков

Частные банки обыкновенно занимаются учетом, или дисконтированием, векселей; иногда они употребляют капиталы свои даже на покупку недвижимых имений, как например, в Швеции Ассигнационному банку принадлежали железные заводы. Частные ассигнационные банки делают также ссуды под залоги частным людям. Ссуды, делаемые сими банками правительству, несравненно опаснее в своих последствиях, нежели ссуды сохранных банков. В сем последнем случае вред ограничивается разорением Сохранного банка; между тем как в первом случае, соединив выгоды Ассигнационного банка посредством займа с системою управления государственного, правительство принимает более и более участия в делах банка и, употребляя во зло власть свою, причиняет вред кредиту выпущенных в обращение банковых ассигнаций. Монархические и республиканские правительства поступали в сем случае одинаковым образом. Генуэзский банк делал важнейшие ссуды правительству под залог государственных доходов, так что впоследствии большая часть оных принадлежала банку. Сии ссуды были одною из главнейших причин падения Генуэзского банка. Английский банк при самом учреждении своем отдал правительству почти весь первобытный капитал свой¹. Ссуды Английского банка правительству привели оный в невозможность променивать представляемые банковые ассигнации на чистые деньги; и правительство, не будучи с своей стороны в состоянии платить банку, дало ему в 1797 году позволение остановить плату чистыми деньгами по представляемым ассигнациям. Сие позволение было впоследствии несколько раз возобновляемо, и таким образом банковые ассигнации в сущности своей сделались государственными. Сверх сего, Английский банк по поручению правительства и за известное вознаграждение

опасность прошла. Таким образом банк выиграл много времени, не отказывая никому в удовлетворении.

¹ Первобытный капитал Английского банка, состоявший при учреждении оного в 1694 году из 1 200 000 ф. ст., почти весь тогда же был отдан правительству по 8 со ста. Кроме 96 000 ф. ст. процентов правительство тогда платило банку ежегодно 4 000 ф. ст. на издержки управления.

(commission) производит уплату процентов (rentes) заимодавцам государственным. В Швеции Ассигнационный банк ссужал также важными суммами правительство. Вследствие таких ссуд частные банки не могут существовать без помощи и влияния правительства, приходят обыкновенно в расстройство, и тогда правительство переименовывает частные банки в государственные¹.

¹ Дабы представить вредные следствия участия правительства в делах частных банков, упомянем о банке славного Ло (Law), заведенном во Франции в начале прошедшего столетия. Сие явление, единственное в истории финансов, по большей части известно не в истинной своей сущности. Многие, не будучи порядочно знакомы с наукою о финансах, состоящею не в рассуждениях о торговом балансе, о средствах заводить фабрики, мануфактуры и чрез то удерживать чистые деньги в государстве и не в подобных сим нелепостях системы меркантильной; многие, не понимая или не желая понимать истинных правил кредита, почитают систему Ло основанною на обмане. Нельзя причислить Неккера ни к тому, ни к другому числу сих людей; но пристрастие или самолюбие не позволяло ему справедливо судить о сей системе.

Известно, что по смерти Людовика XIV финансы французского государства находились в дурном состоянии; долг, оставленный сим расточительным королем, простирался до 2000 миллионов ливров. Несмотря на важные, по большей части своевольные, уменьшения сего долга, уплата процентов стоила ежегодно около 100 миллионов. Но потребности правительства и затруднительные обстоятельства королевства препятствовали уплате даже сих процентов. В сие время шотландец г. Ло представил регенту герцогу Орлеанскому план учреждения Ассигнационного банка. Вследствие сего представления был основан банк (в 1716 году) и зависел единственно от г. Ло, употребившего на сие заведение все свое имение. Первобытный капитал сего банка простирался до 1200 акций или частей, из коих каждая состояла из 5000 ливров банковыми ассигнациями, так что все сие составляло шесть миллионов ливров. На самых ассигнациях было напечатано, что банк обещается платить немедленно по представлении оных чистыми деньгами того веса и той доброты, кои имела монета во время выдачи ассигнаций. Посредством сего последнего обещания все бравшие банковые ассигнации были обеспечены относительно своевольных мер, часто предпринимаемых правительством для возвышения нарицательной ценности монет; банк же был с своей стороны чрез то обеспечен в рассуждении унижения сей ценности, и доверенность народа имела такое действие, что в скором времени ассигнации были предпочитаемы чистым деньгам и стоили оттого одним процентом дороже. Таким образом банк удержался в самом исправном состоянии до 1719 года, когда регент, заплатив всем бравшим участие в основании банка взнесенные ими деньги, преобразовал оный в банк Королевский. Цель сего преобразования состояла в следующем: регент,

видя с какою охотою публика принимает банковые ассигнации вместо чистых денег, вознамерился сим способом привлечь все чистые деньги, находившиеся тогда во Франции, в государственную казну, выдав вместо оных столько же ассигнаций; полученными же наличными деньгами он хотел погашать долги государственные и платить по представляемым ассигнациям для поддержания кредита. Чистые деньги, думал он, будут возвращаться в казну посредством заплаты налогов и т. п. Намерение регента было честно и похвально, но вряд ли ему были известны правила государственного кредита. Вместе с сею переменою банк отступил от правил частного кредита, на коем он был основан г. Ло, и начал сообразоваться с правилами кредита государственного, который зависел тогда во Франции только от справедливости и честности правительства. С сею переменою соединена была другая, состоявшая в том, что на ассигнациях было обещано платить означенную сумму просто чистыми деньгами, не упоминая, какого веса и какой доброты. Таким образом ассигнации были сравнены с чистыми деньгами, и своевольные перемены, с ценою сих последних делаемые, должны были иметь равное влияние и на цену первых. Ло противился сему преобразованию, но, несмотря на то, оно было исполнено; и сей совершенно невинный человек был впоследствии проклинаем всем народом, когда злоупотребление власти правительства было доведено до высочайшей степени. Несмотря на сию перемену, кредит банковых ассигнаций совсем не упал: сие происходило частью от твердости кредита, данного банку г. Ло при начальном учреждении оного. Народ после, как и прежде сей перемены, продолжал с доверенностью принимать ассигнации; и сия доверенность явствует всего более из сочинений тогдашних писателей французских по части финансов, славных в свое время, но теперь имеющих одно только историческое достоинство: они простирают пользу банка до бесконечности, и рассказы их касаются до пределов чудесного. Но недолго продолжалось сие заблуждение, и вторая главная перемена, случившаяся с банком, показала французам, сколь несовершенны были их понятия об оном. Сия перемена состояла в том, что узаконением от 22 февраля 1720 [года] повелено было соединить Королевский банк с Компаниею Западной Индии, с которою была соединена и Компания Восточной Индии. Невзирая на сие преобразование, королю оставлено было важное влияние на дела банка. Компания должна была ручаться за хорошее управление как собственных своих, так и дел банка и в залог сей обязанности должна была дать правительству в заем 1600 миллионов ливров. С сего-то времени начались все замешательства в банке: сия ссуда была одною из непосредственных причин падения всей так тогда называемой *системы*. Главная цель, которую имел регент при сей перемене, состояла в том, что он хотел обратить все государственны долги в акции сего торгового общества. Для сего герцог имел намерение покупать акции сей компании, потом занимать заплаченные им за оные ассигнации для дополнения ссуды, обещанной компаниею. После того он хотел платить сими ассигнациями всем государственным заи-

Кроме главных ассигнационных банков существуют во многих государствах так называемые провинциальные банки. В Англии и Северной Америке сии последние находятся в большом количестве. Кредит провинциальных банков зависит частью от кредита Главного банка. Все честолюбие сих первых стремится к тому, чтобы увеличить кредит свой в Главном банке. Провинциальные банки, коих выигрыш ограничивается вследствие увеличения их совместничества, часто стараются вредить один другому.

модавцам, и когда бы посредством сей платы вышедшее в свет количество ассигнаций слишком умножилось, то он предназначался продавать акции и уничтожать имеющиеся вступить вследствие сего ассигнации. Сумма акций компании была увеличена до чрезвычайной степени, но только десятая часть оных была выдана в свет. Для удобнейшего произведения в действо всех сих планов нужно было иметь в государственной казне как можно более чистых денег, и для того решением Государственного совета (от 27 февраля 1720 года) запрещено было каждому из подданных иметь у себя более 500 ливров чистыми деньгами и все свыше сей суммы отдавать правительству взаймы. Французы смиренно повиновались, хотя и можно было предполагать, что такое повеление совершенно уничтожит кредит банка. Собрав таким образом чистые деньги, французское правительство возвысило нарицательную ценность оных и, употребив возвышенную монету в уплату долгов, выиграло около 35 со ста. Кредит же ассигнаций не претерпел еще и от сего никакого вреда.

Как скоро чистые деньги были выданы в свет, то явилось новое повеление, которым нарицательная ценность чистых денег была вновь унижена и приведена почти в первое состояние. Все ожидали вскоре нового дальнейшего уменьшения сей ценности и для того, дабы не потерять еще более, спешили променивать чистые деньги на ассигнации.

Вследствие всех сих средств, употребленных для заплаты долгов государственных, выданные в свет акции и ассигнации простирались более нежели до 2600 миллионов ливров, между тем как всю сумму чистых денег во Франции полагали около 1300 миллионов. Пагубные следствия такого богатства, в особенности возвышение цен всех товаров, обратили на себя особенное внимание правительства; и мнения членов совета были различны только в том, что одна сторона предлагала вспомогательным средством удвоить нарицательную ценность чистых денег и чрез то иметь 2600 вместо 1300 миллионов; другая же сторона предлагала лучшим новым средством уменьшить вдвое ценность бумажек, чрез что вместо 2600 осталось бы только 1300 миллионов. Наконец было повелено уменьшить вдвое ценность всех бумажных денег во Франции, как акций, так и банковых обязательств. Лишь только (21 мая) сие повеление было обнародовано, то все бумажные деньги совершенно потеряли свою ценность и вышли из обращения.

Сумма ассигнаций, выпущенных в обращение провинциальными банками в Англии, почитается равною сумме ассигнаций Главного банка. Все же количество бумажных денег в Англии составляет более 60 миллионов фунтов стерлингов.

Вследствие введения бумажных денег в государстве сумма всех денег будет превосходить потребность внутреннего обращения. Для восстановления соразмерности между количеством всех денег и потребностью внутреннего обращения чистые деньги будут выходить за границу до тех пор, пока сия соразмерность восстановится. Не надобно думать, чтобы из сего выхода монеты происходило для государства что-либо другое, как польза: никто не посылает своих денег в чужие края даром; и государство получает за выходящие чистые деньги равное ценности оных количество товаров различного рода. В сем только отношении бумажные деньги подлинно умножают богатство народное, сами же по себе они сего богатства увеличить не могут¹.

Причина выхода чистых денег состоит в том, что деньги стремятся туда, где они дороже. Введение бумажных денег, делая чистые деньги внутри государства дешевле, представляет удобность за равное количество чистых денег покупать в чужих краях более товаров, нежели внутри государства.

¹ «The gold and silver money, which circulates in any country, may very properly be compared to a highway, which, while it circulates and carries to market all the grass and corn of the country, produces itself not a single pile of either. The judicious operations of banking, by providing, if I may be allowed so violent a metaphore, a sort of waggon-way through the air, enable the country to convert, as it were, a great part of its highways into good pastures and cornfields, and thereby to increase very considerably the annual produce of its land and labor». *Adam Smith*. В. II. P. 115. [«Золотые и серебряные деньги, обращающиеся в государстве, могут весьма справедливо быть уподоблены большой дороге, которая, доставляя на рынок сено и хлеб, не производит сама ни малейшего количества ни того, ни другого. Дела банковые, производимые с благоразумием, представляя, так сказать, род воздушного пути, позволяют преобразить главнейшую часть большой дороги в хорошие паствы и хлебные поля и посредством сего в важной степени увеличить ежегодное произведение земли и работы». *Адам Смит*. Исследование свойств и причин богатств народных. Книга II, глава 2.]

Не надобно также думать, чтобы посредством беспрестанного умножения бумажных денег можно было наличные деньги совершенно выгнать из государства; чистые деньги тогда только выходят за границу, когда количество их превышает потребность внутреннего обращения, т. е. когда они делаются дешевле своей обыкновенной ценности, которую имеют почти во всем свете. Коль скоро сумма бумажных денег достигнет до той известной точки, когда оные будут, не теряя своей ценности, заступать место чистых денег, то сии, уменьшившись посредством выхода за границу до известного количества, нужного для сравнения их с ценностью чистых денег во всем свете, будут оставаться внутри государства; если же выпуск в обращение бумажных денег будет продолжаться и после достижения вышеупомянутой известной точки, то сие несоразмерное умножение бумажных денег не будет действовать на уменьшение количества чистых, но только на уменьшение ценности самых бумажных денег. Когда ценность чистых денег внутри государства делается равною с ценностью чистых денег во всем свете, тогда не будет никакой особенной прибыли посылать их за границу. Итак, чистые деньги, вследствие введения бумажных, могут только до тех пор выходить за границу, пока действительная ценность звонкой монеты, уменьшенная введением бумажных денег, сравнивается с действительною ценностью чистых денег в других государствах; и если после сего сравнения выпуск бумажных денег не прекратится, то тогда они будут уменьшаться в своей ценности без всякого влияния ни на количество, ни на ценность чистых денег. Если же в государствах, имеющих пагубное изобилие в бумажных деньгах, чувствуется недостаток звонкой монеты, то сие происходит как оттого, что народ от других причин сделался подлинно беднее, т. е. имеет менее товаров всякого рода и, следовательно, менее средств промена и обращения оных, так и оттого, что люди, видя беспрестанное понижение курса бумажных денег, происходящее от беспрестанного умножения количества оных, неохотно отдают за оные свои чистые деньги и стараются хранить сии последние у себя, не выпуская в обращение.

Многие¹, однако же, утверждают, что посредством беспре-
станного умножения бумажных денег можно наконец выгнать
все чистые деньги из государства. Мы повторяем, что чрезмер-
ное умножение бумажных денег может только иметь влияние на
уменьшение их ценности, может даже совершенно уничтожить
сию ценность; но тогда-то и появляются чистые деньги, ибо
известно, что если где бумажные деньги вследствие уничтоже-
ния кредита оных или от других причин выйдут из употребле-
ния, то немедленно появляются в обращении чистые деньги.
Никогда не можно опасаться недостатка в чистых деньгах там,
где обращение имеет в оных нужду. Где есть товары, там всегда
должны существовать и существуют знаки, могущие служить
для обращения оных. Каждый народ, имеющий товары, всегда
может получить за оные посредством промена или торговли
чистые деньги. Чрезмерное умножение бумажных денег, конечно,
вредно для государства, но совсем в других отношениях,
независимых от количества чистых денег.

Когда по введении бумажных денег чистые деньги должны
выходить за границу, то тщетны будут все старания правитель-
ства удержать серебро и золото внутри государства: от умно-
жения знаков, представляющих товары всякого рода, не увели-
чится требование сих товаров; излишние знаки, не нужные для
представления товаров, должны неотменно исчезнуть из обра-
щения или сделаться дешевле. Так как чистые деньги могут ис-
чезнуть из внутреннего обращения употреблением оных в чу-
жих краях, то оные и исчезают таким образом. Так как бумаж-
ные деньги не могут исчезнуть из внутреннего обращения с
прибылью, потому что они не имеют никакой действительной
ценности и не могут быть потребляемы в чужих краях и там
оставаться, то посему бумажные деньги от чрезмерного умно-
жения оных делаются дешевле.

Вредные
следствия
бумажных
денег

Следствия чрезмерного выпуска в обращение ассигнаций
различны относительно к частным и государственным банкам.
Если ассигнации частного банка начнут приходить в упадок, то
и кредит его поколеблется, и банк должен при продолжении сих
обстоятельств наконец рушиться, и таким образом вредные по-
следствия чрезмерного количества бумажных денег прекраща-
ются, хотя с разорением многих людей.

¹ В числе коих Бюш*, сделавшийся известным в Германии своими со-
чинениями о торговле и подлинно заслуживающий уважение за свои
большие, не скажу исполненные ума и приятности, творения.

Но что может удержать правительство от беспрестанного выпуска в обращение ассигнаций, даже и тогда, когда они теряют часть своей ценности? Сколько каналов имеет правительство, посредством коих оно может, так сказать, наводнять государство своими банковыми ассигнациями! Оно может, например, выдавать чиновникам жалование своими ассигнациями; может приказывать платить налоги не иначе как ассигнациями. Мы видели даже, что правительство может запретить частным людям иметь у себя более известной суммы чистых денег. Французская революция показывает, что правительство может даже угрозами смертной казни способствовать распространению ассигнаций¹.

Следствия чрезмерно великого количества бумажных денег, выданных в обращение, пагубны и ужасны. Беспре­стан­ный упадок курса ассигнаций производит в каждом неуверенность в истинном состоянии своего имения. Между тем как большая часть граждан от упадка ассигнаций разоряется, некоторые из них, например, должники, выигрывают. Неуверенность в имении, случающиеся убытки в оном и незаслуженные прибыли – все сие побуждает к расточительности; благоразумное хозяйство, сей важный источник благосостояния народного, делается трудным или даже невозможным.

Сверх сего, перемены в ценности бумажных денег рождают известный торг оными (agiotage). Сей торг имеет весьма вредное влияние на нравственность, представляя людям способ получать выигрыш вредным образом для государства, поощряя их употреблять непо­зво­ли­тель­ные средства, дабы подейство-

¹ Различие действий, которые имеет падение кредитных заведений, частных и государственных, было замечено в начале XVIII столетия. Обворожительные надежды, сделавшиеся тогда столь пагубными для Франции, о чем было говорено выше, перешли к голландцам и англичанам. В Англии Зюдзейская компания приняла на себя часть долгов государственных вследствие выгодного для нее договора с правительством. В то же время составилось в Англии несколько других торговых обществ, которые обещанием великих барышей старались привлечь к себе деньги от капиталистов. Многие из сих последних обманулись в своих ожиданиях, но правительство не употребляло само никаких средств для обольщения народа. Компании разорились и исчезли; но кредит правительства, кредит государственный, сохранился.

вать на перемену курса бумажных денег, как то: распространение ложных слухов, известий и пр.¹

Примеры совершенного уничтожения кредита государственных ассигнаций столь же часты, как и ужасны следствия оною. Франция кроме вышеупомянутого претерпела несколько подобных банкротств. В начале республиканского правления в сем государстве были введены ассигнации единственно для вспомоществования потребностям государственным; кредит не сопровождал сей меры, и ассигнации спустя около двух лет упали почти до половины своей ценности и произвели великие замешательства во всех отраслях промышленности, несмотря на то что правительство, ручаясь за кредит ассигнаций, определило для выручки оных продажу национальных имений (принадлежавших прежде дворянству и духовенству), обещало (чего никогда не случалось ни с какими банковыми ассигнациями) уничтожить их немедленно по возвращении оных в государственную казну и, что всего важнее, сдержало сие обещание. Главные причины сей неудачи состояли в том, что не было учреждено никакой казны, которая бы хотя сначала платила по представляемым ассигнациям; в том, что платеж за покупаемые имения был разделен на 12 лет, и потому вначале только двенадцатая часть ассигнаций, следующих за проданные имения, могла быть уничтожена. Правительство старалось всеми способами распространить обращение ассигнаций не только внутри Франции, но даже и в завоеванных ею тогда государствах; но при всем том за один ливдор платили наконец 20 000 ливров ассигнациями².

Во время войны Северной Америки с Англиею в американских областях были выпущены в обращение бумажные деньги, которые вскоре начали упадать по той причине, что не могли быть промениваемы на чистые деньги. В 1775 году американский конгресс определил выпуск ассигнаций на два миллиона долларов, которые должны были постепенно быть изъяемы из обращения посредством налогов. Первое изъятие сего рода было назначено 31 ноября 1779 года. За сим выпуском ассигнаций последовали другие, и в начале 1776 года было уже в обращении всего 20 миллионов долларов ассигнациями; в

¹ В 1814 году в Англии даже один из знатнейших лордов (Кохран) не постыдился заниматься сим неблагородным ремеслом и был за то осужден к постыдному наказанию.

² Полагают, что количество всех бумажных денег во Франции простиралось до 45 миллиардов.

сие время они состояли в равном курсе с чистыми деньгами. Но конгресс продолжал делать новые выпуски, и вскоре вся сумма ассигнаций составляла 200 миллионов долларов. Кроме сих ассигнаций, общим всему государству, различные области выдавали свои особенные. В 1779 году ассигнации теряли около 30 со ста. Тогда конгресс вознамерился выпустить новые ассигнации вместо старых. Сии последние должны были быть уничтожаемы; новые же выдаваемы в содержании ко старым как 1:20; так что 200 миллионов старых были бы выкуплены 10 миллионами новых ассигнаций. Сие средство осталось без успеха. Тогда конгресс начал употреблять для поддержания кредита ассигнаций революционные средства, как-то: он определил цены всех товаров и цену работной платы; долги, сделанные займами в звонкой монете, должны были быть платимы ассигнациями. Вредные последствия таких мер были ощутительны, и конгресс нашелся в необходимости уничтожить сии постановления; ассигнации же, теряя 400 против 1, в 1781 году вышли совершенно из обращения¹.

В последние годы примеры сильного упадка ассигнаций представлялись и теперь еще представляются в Австрии и Дании, из коих в первой в 1811 году за сто гульденов серебром платили более тысячи ассигнациями; в Дании же один серебряный талер стоил в 1812 году двенадцать бумажных.

Российские государственные ассигнации имеют некоторое различие с иностранными, состоящее в том, что наши могут без потери быть промениваемы на медные деньги.

О русских ассигнациях

Состояние курса российских ассигнаций в одинаковом виде в течение последних годов и при весьма трудных обстоятельствах весьма замечательно. Так как нет действия без причины, то и сие явление должно на чем-либо основываться. Главную причину одного можно почитать то, что ассигнации, сделавшись равными в ценности своей четвертой части ценности серебряной монеты, упали более, нежели сколько должно им упасть было вследствие тогдашней соразмерности между звонкою монетою и бумажными деньгами, которая всегда определяет ценность сих последних. Таким образом, причина, вследствие которой бумажные деньги должны были неотменно упасть в последующих годах, не имела сего действия, потому что упадок бумажных денег предшествовал сей причине; действие сей причины ограничилось только тем, что предшествовавший ей упадок бумажных денег, происходивший не столько

¹ Chateaubriand. Essai sur les révolutions. T. II. P. 163.

от перемены соразмерности бумажных денег к чистым, т. е. от умножения сих первых, сколько от принятых финансовых мер, — что сей упадок был, так сказать, утвержден, консолидирован и основывается теперь на сих обеих причинах.

Средства поправки кредита бумажных денег

Происходящий от чрезмерного умножения государственных ассигнаций упадок курса оных, заставляет правительства думать о возвышении сего курса. Но средства, в сем случае, употребляемые ими, состоят обыкновенно в единовременных пособиях, кои не только что зла не искореняют, но делают оное даже более чувствительным впоследствии. Должно наконец согласиться, что все такие единовременные вспоможения совершенно бесполезны, чему опыт непрестанно представляет доказательства.

К числу вспомогательных средств сего рода принадлежит в особенности то, что правительства при великом упадке банковых ассигнаций выдают новые бумажные деньги, кои должны быть употребляемы на выкуп старых. Свойство сих новых бумажных денег бывает различно, смотря по обстоятельствам. Во Франции в конце 1796 года при великом упадке курса ассигнаций были введены новые бумажные деньги под названием *мандатов*^{*}. Сии мандаты, подобно ассигнациям, должны были быть употребляемы в заплате налогов и в покупке национальных имений; и в сем последнем случае с тою только разницею, что, имея мандаты, можно было выбрать какое-либо из национальных имений, заплатить ценность одного мандатами и вступить во владение без дальнейших околичностей. Цена каждого имения должна была равняться двадцати- или двадцатидвухлетней сложности дохода. Содержание ассигнаций к мандатам было сначала определено как 30:1, потом как 100:1. Невзирая на все старания правительства поддержать курс мандатов, он беспрестанно упал более и более¹.

Средства, кои по сие время были употребляемы в Австрии для поправления кредита бумажных денег, состояли также в единовременных пособиях, а именно: в уничтожении старых бумажных денег посредством новых. При обнародовании манифеста австрийским правительством, вследствие коего так называемые погашающие свидетельства (*Ammortisations-Scheine, billets d'ammortissement*) должны были заступить место банковых ассигнаций, все сведущие по сей части люди

¹ Правительство платило тогда чиновникам жалованье отчасти хлебом, мясом, свечами и даже лесом. *D'Ivernois. Histoire des finances Françaises, en 1796. P. 71.*

предвидели, что сей способ поправить кредит бумажных денег останется безуспешным; и опыт оправдал сие мнение. Последняя финансовая операция в Австрии, обнародованная в 1816 году, могла бы принести существенную пользу, если бы правительство точнее определило сумму чистых денег, посредством коих оно намерено выводить из обращения ассигнации, и если бы оно ограничило свои действия выкупом ассигнаций посредством получаемых им контрибуционных денег из Франции и Италии; с сею операциею могло бы быть соединено и учреждение банка, но на лучшем основании, нежели то, которое принято австрийским правительством. Судя по обнародованному о сей операции манифесту, никак нельзя ручаться за успех принимаемых мер, и вероятно, что добрая воля правительства не увенчается удачею¹.

Средство уменьшить сумму бумажных денег посредством возвышения нарицательной ценности чистых денег равно бесполезно и несправедливо².

Единственное средство для поправления курса государственных ассигнаций состоит в уменьшении количества оных.

Такое уменьшение всего лучше и выгоднее может быть произведено посредством продажи за ассигнации недвижимых имений государственных, если таковые существуют. Получаемые за имения ассигнации должны быть немедленно уничтожаемы. Система погашения может быть и в сем случае употреблена с великою пользою. При продаже государственных имуществ вместе с крестьянами в тех землях, где сии последние не пользуются еще совершенною свободою, правительство может законом определить права и обязанности как сих крестьян, так и новых их помещиков. Сим даст оно прекрасный и благодетельный пример всем помещикам вообще, сотворив новый

¹ Сделанные австрийским правительством перемены в погашении долгов по изданию сего манифеста нам неизвестны.

² Иногда правительства возвышают нарицательную ценность чистых денег для уменьшения государственных долгов: мы видели пример сему выше, говоря о финансовых операциях регента во Франции. Таковой же пример показывает история Швеции, когда в 1685 году в сем государстве нарицательная ценность денег была возвышена вдвое. Оттого казенные займодавцы потеряли 9 миллионов талеров. *Puffendorff. Histoire de Suède. T. II. P. 66.* — Древняя история также представляет примеры перемен ценности чистых денег. *Heeren's Ideen. T. III. S. 319.*

класс граждан в государстве, класс, в состав коего со временем вошли бы все крестьяне, принадлежащие помещикам, и который рано или поздно должен произойти вследствие успехов образованности и просвещения.

При продаже имений правительство не должно определять сроков, в течение коих известная часть имений должна необходимо быть продана, дабы при конце сих сроков не быть принужденным отдавать имения ниже действительной ценности оных.

Если правительство не имеет ни таких имений, ни чистых денег для выпуска ассигнаций по курсу, ни кредита, то в сем случае нет другого способа к поправлению государственных финансов, как, оставляя все количество ассигнаций в обращении, определить нарицательную ценность оных по курсу и заставить подданных платить налоги по сей униженной ценности. В сем случае правительство должно только стараться, чтобы ассигнации еще более не упали.

Кроме сих средств одно только совершенное уничтожение бумажных денег может поправить состояние государственных финансов.

Какую пользу принесли все другие средства, употребляемые для поправления финансов в различных государствах? Какую пользу принесли в Австрии все не надлежащим образом учрежденные комиссии погашения долгов? Никакой, но между тем, может быть, подали невыгодный пример другим правительствам, кои без успеха, но с убытком учреждали вскоре после того такие комиссии.

Покупка
ассигнаций
по курсу

Если правительство покупает бумажные деньги на чистые по курсу, то сие согласно с справедливостию. Скажут, что правительство обещало платить по ассигнациям сполна; но мы заметим, что сие обещание, не быв исполняемо прежде, не может и не должно быть исполняемо после. Те, у которых правительство покупает ассигнации по курсу, получили оные за такую же цену, какую им дает правительство; все же количество потери, претерпенной ассигнациями, несли прежние владельцы оных, когда ассигнации, постепенно упадая, переходили из одних рук в другие. Если бы правительство при покупке ассигнаций начало платить не по курсу, но в полной определенной ценности оных, то сие было бы весьма несправедливо, ибо последние владельцы бумажных денег, которые продают оные правительству, получили бы чрез то незаслуженный важный барыш на счет как прежних владельцев ассигнаций, так и на счет всего народа, который доставляет чистые деньги правительству.

Впрочем, такого рода несправедливости нельзя ожидать ни от какого правительства.

Многие представляют уменьшение ценности бумажных денег и определение оной по курсу со стороны правительства чрезвычайным вредным для кредита государственного и противным политике. Но мы заметим, что при таких обстоятельствах вред от бумажных денег уже существует и сии меры не могут увеличить вреда сами собою, но могут только воспрепятствовать еще большему распространению оного. Что касается до кредита, то сии меры не только что его уменьшить не могут, но приводят в лучшее состояние: опыт доказывает, что если государство, не имея кредита, объявляет себя банкротом, т. е. унижает или совсем уничтожает ценность бумажных денег, то сия мера, избавляя государство от обязанностей, требующих денег, возвышает кредит государственный, и правительство по объявлении себя банкротом находит более сумм для займа, нежели прежде.

Как при постепенном упадке курса бумажных денег, так и при совершенном уничтожении оных правительство должно пешичь о наблюдении справедливости относительно взаимных договоров подданных между собою. Такое попечение тем легче, что оно ничего не стоит; но иногда правительства и даром не могут быть справедливыми! В сем случае важные соображения не позволяют иногда правительству вмешиваться в подробное уравнение тяжести между подданными. Для сего правительство должно определить содержание бумажных денег к чистым во все время упадка ассигнаций, дабы все платы, основанные на договорах, заключенных в продолжение сего упадка, были делаемы, следуя сему содержанию¹.

Уменьшение ценности бумажных денег

Определение содержания бумажных денег к чистым во все время упадка сих первых.
Scala

¹ Если, например, *a* ссудил *b* 1 000 руб. ассигнациями тогда, когда серебряный рубль стоил 2 руб. ассигнациями, и если *b* отдает сии 1000 руб. ассигнациями тогда, когда 1 руб. серебром стоит четыре ассигнациями, то очевидно, что *a* отдал займы 500 руб. серебром, а получил назад только 250 руб. серебром. Если бы было определено содержание, о котором говорится, то *b* заплатил бы *a* 2000 руб. ассигнациями, т. е. 500 серебром, ибо во время займа занятые им 1 000 руб. ассигнациями стоили 500 руб. ; таким образом, *b* не имел бы незаслуженной прибыли, *a* не имел бы незаслуженного убытка. При упадке бумажных денег только сии последние переменяются в ценности своей; серебряные и золотые деньги остаются в своей действительной ценности, которую имели и прежде. Упадок ценности ассигнаций не может возвысить

Вступление чистых денег в обращение по уничтожению бумажных денег

По уничтожении бумажных денег чистые вступают в обращение. Сие вступление чистых денег делается несколько медленнее в тех государствах, кои небогаты собственными произведениями, где промышленность состоит более в переработке чужестранных, нежели в продаже своих грубых произведений, или в коих заграничная торговля состоит более в перевозной торговле. Напротив того, в тех государствах, кои богаты собственными своими произведениями, кои продают оные иностранным государствам, бумажные деньги скорее заменяются чистыми.

Заключение

Важные действия имело изобретение бумажных денег, изобретение простое, введенное для облегчения торговли и само собою следовавшее из порядка вещей. В руках человеческих все может быть употреблено во зло. Неисчислимы бедствия сопровождавшие распространение и усовершенствование сего изобретения: миллионы людей были погружаемы в нищету падением кредита бумажных денег; происходившее оттого уничтожение взаимной доверенности граждан сильно потрясло общество в его основании; хищения, самоубийства¹, буйство

ценности звонкой монеты, хотя и нельзя отрицать, что упадок бумажных денег выводит иногда цены товаров из той соразмерности, которая должна существовать и действительно существует между ценами на серебро и на ассигнации и определяется отношением количества последних к количеству первых.

При сильном упадке бумажных денег в Австрии правительство сделало постановление, чтобы долги по обязательствам между частными людьми уплачивались по тому курсу, какой бумажные деньги имели при заключении или составлении обязательства; вместе с сим правительство означило постепенный упадок курса ассигнаций.

Французские короли, переменяя ценность монет, препятствовали иногда подданным употреблять сии незаконные действия в свою пользу в отношении к их частным обязанностям. Само правительство всегда пользовалось сими переменами монеты, но обязывало иногда подданных платить и получать в таких случаях старою монетою или новою по сравнительному курсу с прежнею.

¹ Когда в 1770 году известный французский генерал-контролер аббат Террей остановил уплату по ассигнациям, то вдруг случилось множество самоубийств. В 1771 году считали 2350 объявленных банкротов и 200 самоубийств. В течение одного января месяца 1772 года вновь случилось уже 12 самоубийств.

пороков и, наконец, ниспровержение престолов частью от того происходили. Следствия ужасные! Но весьма несправедливо принимать в рассуждение одни только пагубные, не обращая внимания и на благодетельные, чудесные действия бумажных денег...

Франция во время революции много потерпела от своих бумажных денег, но чем вела она войну в продолжение нескольких лет? Чем содержала она бесчисленные полки, защищавшие отечество и делавшие завоевания? Большое участие имели в сем бумажные деньги; следственно, они способствовали к последовавшему возвышению сего государства.

Если мы взглянем на Северную Америку, другое много пострадавшее от бумажных денег государство, то увидим, что во время упадка ассигнаций американцы дрались за свободу и делали великие пожертвования в пользу нового отечества – рождающейся республики. Свобода была для них дороже кредита.

Новейший пример чудес, производимых бумажными деньгами, видел свет отчасти в последнюю войну австрийцев против Франции, но в особенности во время войны 1809 года. Тогда Австрия выставила в поле 400 000 воинов, и сие по большей части посредством бумажных денег. Австрия весьма много пострадала от упадка ассигнаций; но сие происходит в особенности оттого, что предпринятая тогда война имела успех несчастный¹.

Сие показывает сильные действия бумажных денег, но не извиняет правительств, которые употребляют во зло доверенность подданных.

¹ Когда войска Филиппа II осаждали Лейден для покорения оного вновь испанскому игу, то правление сего города, не имея денег, выдало в обращение ассигнации с надписью на оных: *за свободу*. По прекращении войны ассигнации были выкуплены чистыми деньгами. После компании 1812 года можно было бы в России выпустить в обращение на несколько миллионов новых бумажных денег, определив оные единственно для вспоможения наиболее потерпевшим от войны губерниям. Учреждение сих новых бумажных денег могло бы быть сделано таким образом, чтобы они не повредили кредиту существующих ассигнаций, но принесли бы великую пользу разоренным губерниям, следственно, всему государству и самому правительству.

В нынешнем состоянии Европы все правительства должны устремить свое внимание на поддержание и сохранение кредита государственного. Действия кредита еще чудеснее, но не ведут народ к разорению; напротив того, сохраняют и утверждают собственность граждан. – Век бумажных денег прошел для теории, и прошел безвозвратно. Век кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием политического законодательства, в особенности с усовершенствованием системы представительства народного. Да благословит небо благие подвиги мудрых правительств и преданных отечеству граждан!

Печатается по:

Тургенев Н.И. Опыт теории налогов.
Третье издание. – М.: Государственно-
экономическое издательство, 1937.

КОММЕНТАРИИ

Сочинение Н.И.Тургенева «Опыт теории налогов», изданное в 1818 году и переизданное в 1819 году, является одной из самых значительных отечественных работ в области теории финансов

С. 122.

* *Физиократы* (physiocrates) – французская школа экономистов второй половины XVIII века, основанная около 1750 года Франсуа Кенэ (Quesnay, 1694–1774) и получившая название «физиократия» (physiocratie, т. е. господство природы), данное ей первым издателем сочинений Ф.Кенэ Дюпон де Немуром ввиду того, что единственным самостоятельным фактором производства эта школа считала почву, природу.

Полагая, что прибавочная стоимость создается только в земледелии, единственной ее формой физиократы признавали земельную ренту. Излишек произведенных потребительских стоимостей физиократы называли «чистым продуктом».

В практических выводах физиократы добивались осуществления экономической политики, направленной главным образом на развитие крупного земледелия. Для привлечения капиталов в земледелие они требовали введения свободы торговли, ничем не ограниченной свободы конкуренций, гарантии частной собственности, замены всех видов прямого и косвенного обложения населения налогами единым налогом, взимаемым с «чистого продукта», достающегося землевладельцам. Более поздние последователи физиократов (например, американский экономист Генри Джордж) предлагали заменить все налоги единым налогом с ценности земли. В России его идеи поддержал Л.Н.Толстой.

Физиократы были сторонниками «естественного порядка» (ordre naturel) в экономической жизни общества – идеи, родственной понятию естественного права. Они первыми стали считать, что в экономической жизни общества господствует известный естественный порядок и что наука может и должна его открыть и сформулировать. Вопрос стоял, по их мнению, в том, чтобы узнать, какие законы управляют явлениями экономической жизни – и этого будет вполне достаточно для создания полной теории производства и распределения богатств.

В России «чистых» представителей физиократической теории не было. Идеи физиократов распространялись в России при помощи французской просветительской литературы, но не имели сколько-нибудь заметного влияния.

С.131.

* *Бентам* (Bentham) *Иеремия* (1748–1832) – английский социолог, философ и юрист, родоначальник одного из направлений в английской философии – утилитаризма. В 1776 году опубликовал (анонимно) свою первую работу – «Отрывок об управлении» («Fragment on government»). Свои воззрения на вопросы нравственности и законодательства Бентам впервые изложил в сочинении «Introduction to the principles of morals and legislation» (Введение в основу нравственности и законодательства), которое было бы напечатано в 1780 году, но явные недостатки, указанные друзьями и признанные самим автором, побудили Бентама приостановить выход в свет этого трактата. Он появился только в 1789 году в обработке Дюмона под заглавием: «Principes de législation». И.Бентам писал сочинения по вопросам уголовного права, законодательного процесса, судебной реформы.

С. 132.

* *Неккер* (Necker) *Жак* (1732–1804) – французский государственный деятель, родился в Женеве, отец его был профессором права. В 1776 году он был назначен директором финансов. До поступления на государственную службу имел собственную банковскую контору. Неккер фактически руководил министерством финансов. Пользуясь неограниченным доверием в биржевом мире, Неккер умел добывать деньги на сравнительно выгодных условиях и за 5 лет своего управления сделал новых долгов на 500 млн ливров. Осознав, что без коренных преобразований государство ждет неминуемое банкротство, он решился на смелый шаг и в 1781 году опубликовал бюджет, при этом раскрыв для общественности безграничную расточительность двора как главную причину дефицитов. В мае 1781 года ушел в отставку. В 1788 году вновь получил пост управляющего финансами. 11 июля 1789 года Неккер получил отставку с приказанием покинуть Париж. Последние годы своей жизни провел в Швейцарии.

С. 133.

* *Меркантилизм* (фр. mercantilisme от итал. mercante – торговец, купец) – целая система экономической политики, господствовавшей в Европе до второй половины XVIII века. В период раннего меркантилизма (последняя треть XV – середина XVI века) господствовала теория денежного баланса, обосновывавшая политику, направленную на увеличение денежного богатства чисто законодательным путем. В целях удержания денег в стране запрещался их вывоз за границу, все вырученные суммы от продажи иностранцы были обязаны тратить на покупку местных изделий.

Для позднего меркантилизма (вторая половина XVI века – и расцвет XVII века) характерна система активного торгового баланса, который должен был обеспечиваться через вывоз готовых отечественных изделий, а также при помощи посреднической торговли. Вывоз денег за границу разрешался. При этом выдвигался принцип: покупать дешевле в одной стране и продавать дороже в другой.

Политика меркантилизма в целях увеличения производства товаров для экспорта предполагала поощрение развития промышленности, активного протекционизма, поддержку экспансии торгового капитала (в частности, поощрение создания монопольных торговых компаний), развитие мореплавания и флота, захват колоний, резкое повышение налогового обложения для финансирования всех этих мероприятий.

С развитием капитализма основные направления политики меркантилизма перестали соответствовать новым экономическим условиям. На смену меркантилизму пришла политическая экономия, теоретически обосновывающая свободу хозяйственной деятельности.

С. 134.

* *Мирабо* (Mirabeau) *Виктор Рикетти* (1715–1789) – маркиз, физиократ. Служил в армии; уйдя в отставку, написал свое первое сочинение «Testament politique» (1747). В 1750 году Мирабо издал «L'utilité des Etats provinciaux», в 1756 году – «Ami des hommes ou traité de la population», труд, проникнутый идеями физиократов, но написанный автором еще до знакомства с Кенэ, восторженным почитателем которого он стал впоследствии. В 1760 году Мирабо опубликовал «Théorie de l'Impôt», где резко выступил против откупщиков (fermiers généraux). Кроме названных работ, Мирабо опубликовал множество научных статей в духе учения физиократов.

С. 161.

* *Сэй, Сэй* (Say) *Жан Батист* (1767–1832) – французский экономист, сторонник свободной торговли и невмешательства государства в экономическую жизнь. Профессор политической экономии (с 1819 года). Главное произведение – «Катехизис политической экономии, или Краткое учение о составлении, распределении и потреблении богатств в обществе». СПб., 1833 (перевод).

С. 164.

* *Аннуитет* (аннуитет – annuity) – так обычно называли сумму, вносимую ежегодно по предварительному условию для погашения долга или процентов. Аннуитет противопоставлялся постоянной и пожизненной ренте как рента срочная, а именно под аннуитетом понимали определенный взнос на определенное количество лет, который

совокупно с процентами заключал в себе и часть капитала, так, чтобы к концу назначенного срока погашен был весь долг. Такой способ применялся и к государственным займам, преимущественно в Англии, где заключенные на 49 (краткосрочные аннуитеты) или на 99 лет (долгосрочные аннуитеты) займы погашались таким же образом.

С. 170.

* Затрагивая налоги Северной Америки, автор ссылается на одну из работ Вениамина Франклина.

Франклин Бенджамин (Benjamin Franklin) (1706–1790) – американский политический деятель, ученый. В 1727 году основал в Филадельфии собственную типографию, в 1743 году – научное философское общество, председателем которого оставался до конца своей жизни. В 1757–1761 и 1766–1775 годах представлял северо-американские колонии в Лондоне по вопросам финансового управления. После начала войны за независимость в Северной Америке вернулся на родину.

В основе политических воззрений Франклина лежит концепция естественных и неотъемлемых прав человека, к которым он относил жизнь, свободу, собственность. В области политэкономии Франклин выступил против доминировавшей меркантилистской теории, отстаивал экономические воззрения физиократов.

С. 172.

* В данной части главы III автор высказывается о нежелательности взимания налогов с дохода от заработной платы. Более справедливым ему представляется переложить налоговое бремя на потребителя.

С. 186.

* *Форбоне, Форбонне* (de Forbonnais) *Francis-Véron Duverger* (1722–1800) – французский финансист. Наиболее известными трудами его являются «*Considérations sur les finances de l'Espagne*» (1753) и работа, на которую ссылается Н.И.Тургенев, «*Recherches et considérations sur les finances de la France depuis 1595 jusqu'en 1721*» (1758). Форбоне был хорошо знаком с финансовым положением Франции, неоднократно предлагал меры к его улучшению. В 1790 году принял участие в денежной реформе.

С. 210.

* *Система откупов* (откупная система) имела широкое распространение в средневековой Европе (Франции, Италии, Испании, Голландии и др. государствах). Она была известна еще в античном мире (Греции, Риме). В Древней Руси получила незначительное развитие. Откупная система распространялась в основном на косвенные налоги: таможенный, соляной, винный. Откупщиками являлись обычно крупные торговцы. Поскольку откупа требовали больших денежных средств,

откупщики иногда объединялись в компании. Для сбора налогов и доходов создавался специальный аппарат. Различались два вида откупов: генеральный и специальный.

В России развитие откупной системы относится к XVI–XVII вв. Наибольшее распространение имели таможенные и особенно винные откупа. В середине XIX века доходы откупщиков составляли свыше 200 млн руб. в год. В 1863 года винные откупа заменили акцизами.

С. 237.

* *Гиббон Эдуард* (1737–1794) – английский историк, автор «History of the decline [в книге Н.И.Тургенева вместо слова «decline» стоит слово «increase» – третье издание, 1937] and fall of the Roman empire».

С. 247.

* Анализ взглядов Н.И.Тургенева на бумажные деньги и денежное обращение содержится во многих публикациях, появившихся после выхода в свет «Опыта теории налогов». См., например: *Демидов Н.И.* Указ. соч.; *Тарасов Е.И.* Декабрист Николай Иванович Тургенев в Александровскую эпоху. Очерк истории либерального движения в России. Самара. 1923; *Тарасова В.М.* О ранней работе Н.И.Тургенева «Рассуждение о банках и бумажных деньгах» // Ученые записки (Марийский пед. Ин-т). Т.10, 1956. С. 56–82); *Евсеев М.П.* Н.И.Тургенев о денежном обращении и кредите // Труды Томского ун-та. Т. 136, 1957. С. 63–74.

С. 258.

* Отмечая, что «многие однако же утверждают, что посредством беспрепятственного умножения бумажных денег можно наконец выгнать все чистые деньги из государства», автор называет имя Бюша, который также учился в Геттингенском университете. Н.И.Тургенев, видимо, был хорошо знаком с его работами.

Бюш (Büsch) *Joahann Georg* (1728–1800) – немецкий финансист. В 1766 году основал в Гамбурге коммерческую академию. Из многочисленных сочинений Бюша (преимущественно по коммерческим наукам) наиболее известны: «Abhandlungen von dem wahren Grunde des Wechselrechts» (Гамбург, 1770); «Encyclopädie der historischen, philosophischen und mathematischen Wissenschaften» (Гамбург, 1795, в 2 т.); «Das Völkerrecht» (Гамбург, 1801) и др.

С. 262.

* Их еще называли территориальными мандатами (mandats territoriaux). Курс мандатов, выпущенных на 2 400 млн ливров, объявленный принудительным, стал очень быстро падать, и в 1797 году мандаты принимались в правительственных кассах по курсу 1:4000 их

номинальной стоимости, что привело к их изъятию из обращения. Ассигнации (ассигнанты – фр. assignats), заменившие мандаты, находились в обращении семь лет.

М. Ф. ОРЛОВ

**О ГОСУДАРСТВЕННОМ
КРЕДИТЕ**

Сочинение, писанное в начале 1832 года

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ОРЛОВ

Михаил Федорович Орлов был всесторонне образованным и высокоодаренным человеком. Он сделал головокружительную карьеру, в 26 лет став генерал-майором. По поручению императора Александра I Орлов принимал капитуляцию Парижа, когда ему было всего двадцать четыре года¹.

Современникам М.Ф. Орлов запомнился как блестящий офицер, тонкий ценитель литературы, публицист, общественный деятель, писатель. Его перу принадлежат работы по истории России и теории финансов. Нынешнему поколению он больше известен как герой Отечественной войны 1812 года и декабрист.

Друзьями М.Ф. Орлова были П.Я. Чаадаев, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов, А.И. Герцен.

М.Ф. Орлов родился 25 марта 1788 года в Москве. Отец его – Федор Григорьевич (1741–1796) – был четвертым из пятерых братьев Орловых, которых события 1762 года, приведшие к воцарению Екатерины II, выдвинули на авансцену политической жизни. Отец Орлова не сделал такой блестящей карьеры, как прославленные братья Григорий и Алексей, но он получил графский титул и доступ к высшим государственным должностям. Михаил Федорович был внебрачным сыном графа Орлова, и только после его смерти (1796) указом от 27 апреля 1796 года Екатерина

¹ При составлении биографической справки использовались преимущественно следующие работы: *Довнар-Запольский М.В.* Мемуары декабристов (записки, письма, показания, проекты конституций, извлеченные из следственного дела, с вводной статьей). Вып. 1. Киев, 1906; *Он же.* Идеалы декабристов. М., 1907; Тайное общество декабристов. Исторический очерк, М., 1906; *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; *Гершензон М.О.* История молодой России. М., Пг., 1923; *Базанов В.Г.* Декабристы в Кишиневе (М.Ф. Орлов и В.Ф. Раевский). Кишинев, 1951; Декабристы. Сб. статей. М., 1951; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. Т. I–II. М., 1955; *Она же.* Декабристы. М., 1975; *Орлов М.Ф.* Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963; *Павлова Л.Я.* Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964; *Иовва И.Ф.* Декабристы в Молдавии. Кишинев, 1975.

II признала за его детьми (их было семь) дворянские права и позволила им принять фамилию и герб Орловых. М.Ф. Орлов получил в наследство имение Милятино Масальского уезда Калужской губернии.

С 1796 года Михаил Орлов воспитывался в Петербурге в пансионе французского эмигранта аббата Николая. По воспоминаниям однокашника и товарища М.Ф. Орлова, С.Г. Волконского, он был одним из самых способных учеников, тяготел к знаниям, к чтению книг, отличался любознательностью¹.

По окончании пансиона (1801) он был определен юнкером в Коллегию иностранных дел, «в службу вступил эстандарт-юнкером в л.-гв. Кавалергардский п. – 15.7.1805»².

Именно в этот период начинает складываться мировоззрение М. Орлова. Он рано вступает в самостоятельную жизнь, полную бурных событий, связанных с оживлением общественно-политической мысли после смерти Павла I³.

Попав на службу в Кавалергардский полк, М.Ф. Орлов оказался в среде, в которой тогда царил всеобщее воодушевление и о которой один из современников писал: «Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идем прямо в Париж»⁴. Не только юнкера мечтали померяться силой с французами, но именно они жаждали этого с особым нетерпением.

Мечта М.Ф. Орлова вскоре сбылась. Он вместе со своим полком отправляется в заграничный поход, участвует в Аустерлицком сражении и за проявленную храбрость по возвращении домой производится в корнеты (1807), а позже (27 апреля 1808 года) – в поручики. В 1807 году М.Ф. Орлов в составе Кавалергардского полка выступил во второй боевой поход в Пруссию, где участвовал в сражении при Фридланде⁵.

Победа неприятельских войск при Аустерлице и Фридланде тяжело воспринималась в обществе, а офицерская молодежь считала это личным поражением. Видимо, эти события сыграли определенную роль в становлении М.Ф. Орлова как общественного деятеля, патриота, жаждавшего отомстить Франции за военные неудачи. Вскоре ему представилась такая возможность. В начале 1812 года никто уже не сомневался в надвигаю-

¹ Волконский С.Г. Записки. СПб., 1901.

² Декабристы и лица, привлеченные к следствию по делу о тайных обществах // Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 135.

³ Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964. С. 7.

⁴ Жиркевич И.С. Записки // Русская старина. 1874. № 2. С. 218. Цит. по: Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 8.

⁵ Декабристы. Биографический справочник. С. 135; Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 9.

щейся войне между Францией и Россией. М. Орлов оказался в гуще событий, будучи участником и Отечественной войны, и заграничных походов 1813–1814 годов. Еще в 1810 году он стал адъютантом князя П.М. Волконского, а в апреле 1812 года, сопровождая своего генерала в составе царской свиты, прибыл в г. Вильно, где, как пишет Л.Я. Павлова, стал очевидцем и участником многих важнейших исторических событий. В самом начале войны М.Ф. Орлов побывал с делегацией у Наполеона, беседовал с его адъютантом Жирарденом, встречался с маршалом Бертье. Одновременно он выполнял ряд поручений разведывательного характера¹, за что был пожалован во флигель-адъютанты².

М.Ф. Орлов участвовал в обороне Смоленска, новым главнокомандующим русской армией М.И. Кутузовым был назначен начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорохова, принимал самое активное участие в Бородинском сражении и, по словам очевидцев, проявил чудеса храбрости и бесстрашия³. Он также отличился в операции по взятию г. Вереи, за что был пожалован «в 16-й день ноября 1812 года кавалером ордена святого Георгия четвертого класса»⁴. После сражения под Березиной Кутузов отправил М.Ф. Орлова к императору с докладом, и он был принят Александром I сразу по прибытии в Петербург⁵.

Незаурядные военные и дипломатические способности М.Ф. Орлова проявились и во время заграничных походов русской армии. Он принимал участие в сражении при Мерзебурге, в битве под Лейпцигом, командовал партизанским отрядом, был в свите российского императора. Им был написан текст акта о капитуляции Парижа, врученный маршалу Мармону и подписанный обеими сторонами⁶. За боевые заслуги М.Ф. Орлов был награжден орденом Анны второй степени, прусским правительством – орденом «Большого Орла 2-ой степени». 25 марта 1813 года он получил звание полковника, а 4 апреля 1814 года был произведен в генерал-майоры⁷. Таковы вкратце вехи славного боевого пути русского офицера М.Ф. Орлова. После окончания заграничных походов он выполнял дипломатическое поручение Александра I по урегулированию конфликта между Норвегией и Швецией.

¹ Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 13.

² Тартаковский А.Г. Бюллетень М.Ф. Орлова о поездке во французскую армию во время войны 1812 г. Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 416–438.

³ Муравьев Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 10. С. 259.

⁴ Кутузов М.И. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 344.

⁵ Там же. С. 416.

⁶ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 24–25.

Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 16–20.

В советской исторической литературе развитие революционной¹ идеологии декабристов рассматривалось как находившееся под непосредственным влиянием передовой русской общественно-политической мысли второй половины XVIII и начала XIX века. Считалось, что большую роль в формировании взглядов декабристов сыграли освободительные идеи великих русских просветителей того времени – Н.И. Новикова и А.И. Радищева. Иногда незаслуженно умалялась роль Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии 1813–1814 годов в формировании передовых взглядов будущих декабристов. В действительности пребывание за границей позволило русским офицерам увидеть воочию конституционное развитие европейских государств, свободное общество, высокую культуру и уровень жизни, а также познакомиться с принципами демократии. Возвращались на Родину они с мыслями о необходимости поисков путей преобразования России. Причину отсталости своей страны видели в крепостном праве и самодержавии. Через годы поисков они пришли к необходимости свержения существующего строя и назвали себя детьми 1812 года.

Прибыв из-за границы, Орлов сразу же приступает к активной служебной деятельности. Он становится флигель-адъютантом царя и одним из его любимцев, а «с 3 июня 1820 года назначен командовать 16-й пехотной дивизией, пройдя предварительно через должность начальника штаба 4-го пехотного корпуса»². Но после войны Орлов был уже совсем другим человеком. В 1814 году он начинает активную общественную деятельность и практически до 1817 года работает над созданием тайного общества «Орден Русских Рыцарей». В помощь себе он привлекает близкого друга М.А. Дмитриева-Мамонова. Организованное ими общество имело конспиративно-заговорщический характер и делилось на две части – «Внутренний» Орден и «Внешний» Орден. Все вступающие в общество должны были беспрекословно подчиняться его руководителям³. В этот же период своей жизни Орлов увлекается масонством. Н.И. Тургенев, бывший в курсе его планов, писал, что он стремился к восстановлению масонства, придавая ему политическую окраску⁴.

Отношение к общественной деятельности М.Ф. Орлова в столичной среде было неоднозначным. Люди старшего поколения называли его общественной деятельностью «ветреностью» и «легкомыслием», потому

¹ На наш взгляд, правильнее было бы говорить об их радикально-реформистских взглядах, т.к. большинство будущих декабристов стояли скорее на умеренных позициях, чем на революционных.

² Довнар-Запольский М.В. Мемуары... С. 15.

³ Павлова Л.Я. Указ. соч., С. 26–33.

⁴ Довнар-Запольский М.В. Тайное общество декабристов. Исторический очерк М., 1906. С. 2–3 (далее Довнар-Запольский М.В. Тайное общество ...).

что он «язычок проклятый не может удержать»¹. С пониманием отнеслись к деятельности Орлова Н. Тургенев и князь Волконский². М. В. Довнар-Запольский писал, что «Орлов, человек умеренный и осторожный»³.

Оказавшись во Франции (1815) в должности начальника штаба 7-го оккупационного полка, М. Ф. Орлов «не переставал размышлять над планами тайного общества»⁴. В 1816 году он возвращается в Москву, а в конце января 1817 года едет в Петербург, где весной того же года вступает в литературное общество «Арзамас», возникшее еще в 1815 году. Члены этого общества проповедовали идею торжества новой литературы над засильем старой, реакционной⁵.

Участие М. Ф. Орлова в «Арзамасе» ознаменовалось его кипучей деятельностью. Он обращается к арзамасцам с предложением определить цель общества, готовит несколько выступлений, его речи производят огромное впечатление на слушателей⁶.

В сентябре 1817 года М. Ф. Орлов приезжает в Киев, где становится душой либеральной части общества⁷. Среди исследователей декабристского движения в России нет единства во взглядах по вопросу об участии и активной деятельности Орлова в «Союзе Благоденствия» (1818–1821), однако неоспоримый факт, что киевский и кишиневский периоды его общественной жизни в основном и были связаны с этим обществом. Так, М. В. Довнар-Запольский отмечал, что деятельность Орлова в «Союзе» нельзя признавать интенсивной⁸, что Орлов «имел слабое отношение к Союзу Благоденствия»⁹. П. Е. Щеголев, напротив, относил Орлова к ревностным членам общества¹⁰. Подробно об участии Орлова в «Союзе» рассказывает на страницах своей книги Л. Я. Павлова, которая предполагает, что он мог вступить в «Союз Благоденствия» в августе–сентябре 1818 года, находясь в отпуске в Москве. Принял его в тайную организацию А. Муравьев. После возвращения в Киев Орлов скорее всего организовал там местное отделение общества, поскольку под его руководством «в его доме реально действовала ячейка «Союза Благоденствия»¹¹.

¹ Довнар-Запольский М. В. Мемуары ... С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. М., 1907. С. 212.

⁴ Павлова Л. Я. Указ. соч. С. 37.

⁵ Там же. С. 36–49.

⁶ Там же. Указ соч. С. 49–56.

⁷ Довнар-Запольский М. В. Мемуары ... С. 17.

⁸ Там же.

⁹ Довнар-Запольский М. В. Идеалы декабристов. С. 212.

¹⁰ Щеголев П. Е. Декабристы. М., Л., 1926. С. 72.

¹¹ Павлова Л. Я. Указ. соч. С. 58.

Наиболее ярким событием в скучной, по признанию самого Орлова, жизни в Киеве стала его поездка в Петербург на совещание «Союза Благоденствия». На нем Пестель сделал доклад, в котором доказывал преимущество республиканской формы правления перед конституционно-монархической. В ходе следующего совещания обсуждался вопрос о насильственном свержении монархии и царубийстве как необходимых мерах для установления республики¹.

Летом 1820 года Орлов получает место командира 16-й пехотной дивизии в Молдавии и уезжает в Кишинев². В это время там уже существовала группа членов «Союза Благоденствия», возглавлявшаяся полковником А.Г. Непениным³. М.Ф. Орлов как член коренной управы в соответствии с уставом «Союза Благоденствия» берется за создание местной управы общества⁴.

В Кишиневе М.Ф. Орлов ведет активную общественную и служебную деятельность. В своей дивизии он решает навсегда покончить с рукоприкладством и грубым отношением офицеров к рядовым. В первом же приказе всю вину за частые побеги солдат за кордон он возлагает на офицеров. Он обещает строго наказывать офицеров, вплоть до предания суду, за избияния солдат. Всю свою энергию Орлов тратит на нравственное воспитание своих подчиненных, на реформирование вверенной ему дивизии. Видимо, его не покидала мечта о реформе всей русской армии, которая изнывала от аракчеевщины⁵.

Завсегдаем дома Орлова в Кишиневе становится А.С. Пушкин, приехавший туда 21 сентября 1820 года. В круг его друзей входили В.Ф. Раевский, И.П. Липранди, К.А. Охотников, П.С. Пущин⁶. Все свободное время они проводили в спорах и размышлениях о будущем своей Родины. Путь к республиканской России им виделся тернистым, но их непосредственное участие – делом благородным.

Жизнь М.Ф. Орлова оказалась особенно насыщенной и богатой событиями в период с 1820 года по 18 апреля 1823 года, до его отстранения от командования дивизией. Он продолжает поддерживать через Раевского связь Кишиневской управы с Тульчинской, возглавляемой Пестелем, мечтает о революции в России, с энтузиазмом приветствует революционные события в Испании, Неаполе, Португалии. С присущей ему энергией оказывает содействие грекам в подготовке восстания против Ос-

¹ Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 67.

² Иовва И.Ф. Декабристы в Молдавии. С. 67–68.

³ Базанов В.Г. Декабристы в Кишиневе; Иовва И.Ф. Указ. соч.

⁴ Иовва И.Ф. Указ. соч. С. 68, 71.

⁵ Приказы и инструкции по 16-й Пехотной дивизии // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 68–77.

⁶ Иовва И.Ф. Указ. соч. С. 75–79; Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 73–77.

манской Турции, с организатором которого, Александром Ипсиланти, был дружен.

Однако главным вопросом для М.Ф. Орлова остается организация военного переворота. Он был убежден, что солдаты всех четырех полков дивизии поддержат его и потому был настроен решительно. В июне 1820 года в письме А.Н. Раевскому он напишет: «...16 тысяч под ружьем (...). С этим можно пошутить»¹.

Политические идеи Орлова не совпадали с взглядами других членов «Союза Благоденствия», а само общество переживало тяжелый кризис. Именно в связи с этим появляется необходимость разработки новой программы, изменения тактики и критерия отбора членов, выработки общего плана открытого выступления². После восстания Семеновского полка открытая деятельность членов «Союза Благоденствия» становилась очень опасной, т.к. о существовании тайных организаций стало известно правительству, следившему за их деятельностью.

Кишиневскую управу на съезде «Союза Благоденствия», который состоялся в начале января 1812 года в Москве, представлял М.Ф. Орлов. По словам И.Д. Якушкина, Орлов на съезде предлагал самые крайние меры. Его товарищи по «Союзу» объясняли это тем, что «Орлов, собиравшийся тогда жениться на дочери Раевского – Екатерине Николаевне, ставил Обществу условия, на которые оно согласиться не могло, и тем открывал себе возможность выхода из Общества»³. М.В. Довнар-Запольский опровергает это предположение, отмечая, что Орлов был человеком «практических действий и вполне вероятно, что он серьезно предлагал те меры, о которых сообщает Якушкин»⁴.

Л.Я. Павлова считает, что Орлов показал себя на съезде решительным, искренним и никоим образом не собиравшимся выходить из общества в случае, если бы его члены поддержали план быстрых действий⁵. Однако этого не случилось. Умеренные члены «Союза» решили «провести фиктивную ликвидацию общества» и под видом его самороспуска отсеять ненадежных членов, «организовать новое тайное общество»⁶. В итоге «Союз Благоденствия» был ликвидирован, о чем официально объявил Н.Тургенев («как ... президент»)⁷, и образовано другое общество с новой программой и уставом.

¹ Боровой С.Я. М.Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 295.

² См.: Нечкина М.В. Декабристы; Павлова Л.Я. Указ. соч.; Иовва И.Ф. Указ. соч.

³ Довнар-Запольский М.В. Мемуары ... С. 18.

⁴ Там же.

⁵ Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 86.

⁶ Нечкина М.В. Декабристы. С. 54.

⁷ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М., 1951. С. 45.

М. Орлов не признал ликвидации «Союза» и продолжал готовить мероприятия, нацеленные на установление республиканского правления путем осуществления военного переворота¹. В своих мемуарах он весьма нелицезно отзывается о работе московского съезда и деятельности общества. В частности, он писал: «Общество сие было самое слабое и ничего предпринять не могло. Члены оно, рассеянные по всей империи, без связи, без способов сношения, без положительной цели, собираясь изредка, чтобы обменять пару свободных слов, не имея другого действия, кроме распространения своего числа членов; но и тут, не находя людей, их понимающих, после трехлетнего труда едва могли дойти до 70 или 80 человек, из коих более половины носили только одно имя члена². Я же в сем Обществе был не более 5-ти месяцев, и выход сей был довольно счастливым, ибо за оным последовало разрушение общества»³.

К сожалению, в Записке М.Ф. Орлова нет сведений о его активной общественной деятельности после возвращения из Москвы.

После съезда Орлов возвращается в Кишинев, в феврале 1821 года едет в Киев и делает предложение Е.Н. Раевской, а с началом греческого восстания в Дунайских княжествах возвращается в Кишинев.

Видимо, греческие события вновь убеждают М.Ф. Орлова в необходимости и правильности принимаемых им мер по подготовке военного переворота. Этому не могла помешать и его свадьба с Е.Н. Раевской, состоявшаяся 15 мая 1821 года. Сначала все было прекрасно. «В Кишиневе молодые зажили на широкую ногу, заняв два смежных дома и держа свой стол открытым для всей военной молодежи»⁴. Тем временем над М.Ф. Орловым начали сгущаться тучи, высшему командованию стали поступать многочисленные жалобы, самой серьезной из которых является донос Грибовского «о тайном обществе, отправленный им Александру I»⁵.

Военное начальство учреждает в 16-й дивизии тайную полицию. Недовольство вызывает организация службы в вверенной Орлову дивизи-

¹ Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 87.

² С.Я. Боровой и М.И. Гиллельсон полагают, что Орлов явно преуменьшает количественный состав «Союза Благоденствия». При невозможности точного установления общего количества членов тайного общества авторы, ссылаясь на свидетельства Н.И. Тургенева, М.К. Грибовского, И.Д. Якушкина, называют не менее 200 человек. См.: Примечания к «Показаниям генерал-майора Орлова 1-го» // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 330.

³ Записка о тайном обществе генерал-майора М.Ф. Орлова. Ч. I // Довнар-Запольский М.В. Мемуары... С. 7.

⁴ Гершензон М.О. Указ. соч. С. 33.

⁵ См.: Базанов В.Г. Указ. соч. С. 19–51.

зии. Вследствие этого главнокомандующий 2-й армией П.Х. Витгенштейн в июле 1821 года осуществил осмотр 16-й дивизии¹.

Между тем М.Ф. Орлов, по-видимому, продолжал руководить Кишиневской управой (1821–1822) и после ликвидации «Союза Благоденствия»². Основным направлением ее деятельности считается агитация среди военных.

К этому же времени относится и создание генералом П.С. Пушиным, с согласия Орлова, кишиневской масонской ложи «Овидий», в которую вступили также Раевский и Пушкин. Александр I узнает о существовании тайной организации и масонской ложи в Кишиневе. Последовал его немедленный приказ о закрытии ложи. Видимо, император ждал новых доносов о тайной организации, чтобы одним махом уничтожить ее и наказать ее членов. Весь 1821 год Орлов и его друзья по обществу продолжали подготовку 16-й дивизии к вооруженному выступлению. В начале 1822 года Орлов отправляется в отпуск в Киев, а командир корпуса, генерал-адъютант Сабанеев, принимает серьезные меры по раскрытию тайной организации и причин «бунта» в Камчатском полку³, по сути лично приступив к следствию. Он вызывает на допрос Раевского, а в одном из своих писем обвиняет А.С. Пушкина в тесных связях с будущими кишиневскими декабристами. Со временем Сабанееву удается собрать много фактов, уличающих в неблагонадежности служащих 16-й дивизии и ее командира. Первый этап расследования Сабанеева заканчивается рапортом от 3 февраля 1822 года на имя П.Д. Киселева⁴ «О причинах, ослабивших дисциплину и возродивших якобы совершенное уничтожение власти всех частных начальников», а также донесением на имя П.Х. Витгенштейна, на основании которых было начато предварительное следствие над майором Раевским. 6 февраля у него был произведен обыск и в тот же день он был арестован в Кишиневе. Орлов в это время находился в Киеве и там узнал о происходивших событиях. Осознав всю их серьезность, он отправляется в Тульчин, в Главную квартиру армии. Здесь он получает официальное сообщение об аресте Раевского. Наверняка Орлов понимал, что после ареста Раевского вплотную займутся им. Он возвращается в Киев, продумывает план защиты а затем едет к главнокомандующему П.Х. Витгенштейну в Тульчин. Цель его визита – отстоять свои преобразовательные действия в вверенной ему дивизии.

¹ Иовва И.Ф. Указ. соч. С. 142–153.

² Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 88.

³ Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 96–102; Декабристы. Биографический справочник. С. 135–137, 295–296.

⁴ П.Д. Киселев – начальник штаба 2-ой армии.

Через некоторое время Сабанеев открыто обвиняет Орлова в попустительстве нижним чинам, однако ему не удается обличить его в антиправительственных замыслах. В итоге все обвинения против Орлова были сведены к его недостаточному рвению в служебной деятельности. Теперь многое зависело от показаний Раевского, которого подбивали к признаниям о деятельности последнего в тайной организации, а взамен обещали свободу и прощение. Раевский повел себя достойно и не выдал друга.

Вскоре М.Ф. Орлов был отстранен от командования дивизией (18 апреля 1823 года), что в первую очередь было связано с изменением отношения к нему со стороны Александра I. Хотя Сабанееву не удалось доказать причастность Орлова к тайной организации и следствие было прекращено, подозрения остались. Так печально завершилась военная карьера блестящего русского офицера М.Ф. Орлова. В 1823–1825 годах Орлов проводит время в постоянных разъездах, посещает имение тестя в Киеве, бывает в Крыму, Одессе, в своем калужском имении Милятино, в Москве. При этом активно занимается историей, литературой, политэкономией. Продолжает встречаться с друзьями, с будущими декабристами, его по-прежнему волнует судьба России, ее народа¹.

Во время восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади Орлов находился в Москве. По-видимому, его «хотели привлечь для руководства войсками уже после того, как самодержавие будет свергнуто»². Как видно из «Записок» М.Ф. Орлова и исследований ряда историков, такое решение было принято без его ведома. Орлова хотели поставить перед фактом, о чем свидетельствует и письмо, направленное адресату накануне выступления. Послание начиналось словами: когда «вы получите письмо, все будет решено». «Из сего, – вспоминает Орлов, – я заключаю, что уже 12 числа они были готовы к действию и более извещали о том, что предпринимают, чем просили содействия»³.

О подавлении восстания Михаил Федорович Орлов узнал на обеде у своей сестры, графини Н.А. Орловой⁴. Как вспоминает он сам, данное известие подтвердилось приездом генерал-адъютанта Комаровского. Предполагая, что его могут арестовать, Орлов уничтожает многие свои

¹ См. подробнее об этом периоде жизни и деятельности М.Ф. Орлова в кн.: Довнар-Запольский М.В. Тайное общество... ; Щеголев П.Е. Декабристы. М., Л., 1926; Базанов В.Г. Указ соч.; Восстание декабристов. Документы. Т. XI. М., 1954; Очерки из истории движения декабристов. М., 1954; Павлова Л.Я. Указ. соч.; Иовва И.Ф. Указ. соч.; Нечкина М.В. Декабристы.

² Павлова. Л.Я. Указ. соч. С. 114.

³ Записки о тайном обществе генерал-майора М.Ф. Орлова. С. 16.

⁴ Графиня Нина Александровна Орлова-Чесменская, двоюродная сестра М.Ф. Орлова, у которой он проживал, будучи в Москве.

бумаги, сказав своим близким: «Вы увидите, что тут замешаны кто-нибудь из моих старых знакомых, и я от сего пострадаю»¹. Он не ошибся. В конце декабря М.Ф. Орлов был арестован в Москве и препровожден в Петербург. Здесь состоялась его встреча с Николаем I, вернее первый допрос.

«Позвав Орлова в свой кабинет, Николай сказал ему:

– В этот момент с тобой говорит не император, но Николай Павлович.

Они уселись.

– Ты любил моего покойного брата; ты знаешь, что он тебя любил также; ты ему обещал оставить это сообщество. Что же ты сделал? Вот письмо, которое ты писал после своего обещания. Что ты можешь ответить? Честный человек сдерживает свое слово, и т.д. Говори, что можешь сказать!

Орлов не дал никакого ответа, несмотря на дружественные увещания императора, который, наконец, поднялся и сказал ему:

– Теперь император приказывает тебе: иди прочь!

При этом государь показал Орлову дверь. Сконфуженный Орлов хотел что-то пробормотать, но император, показывая дверь, сказал ему:

– Император не повторяет; теперь ты станешь отвечать в крепости на вопросы комиссии»².

Император пытался узнать от Орлова новые подробности об арестованных заговорщиках, но, ничего не добившись, приказал доставить арестованного в Петропавловскую крепость. За него заступает брат, Алексей Орлов, который был очень близок к Николаю I. В день восстания он командовал конной гвардией и участвовал в его подавлении. Именно благодаря заступничеству Алексея, Михаил Орлов будет освобожден из крепости 17 июня 1826 года. До этого дня судьба арестованного находилась в руках Николая I и Следственного комитета, представившего в мае 1826 года заключение о степени виновности Орлова.

Сразу после освобождения М.Ф. Орлова отправили в Москву, а затем в имение Милятино с инструкцией и приказом калужскому генерал-губернатору осуществлять постоянный секретный надзор. Живя в деревне, он старается быть в курсе общественной жизни, ведет переписку с друзьями.

Через несколько лет М.Ф. Орлов просит разрешения поселиться в Полтаве и 29 октября 1829 года с семьей переезжает туда. В этом городе Орлов прожил до лета 1830 года. Вскоре Алексею Орлову удается выхлопотать у Николая I разрешение на переезд брата в Москву. В начале мая 1831 года М.Ф. Орлов получает письмо от Бенкендорфа с сообщением,

¹ Записки о тайном обществе генерал-майора М.Ф. Орлова. С. 16.

² Цит. по кн.: Гершензон М.О. Указ. соч. С. 57–58.

что ему разрешено проживание в Москве. По переезде и до 1834 года Орлов жил на Дмитровке, в доме Шубиной (М. Дмитровка, 12), а затем переехал на Садовую, в дом Цициановых (Садовая-Кудринская, 13). М.Ф. Орлов жил скромно, но от светской жизни не отказывался. Посещал собрания, театры. У него в гостях бывали граф В.А. Бобринский, Я.Н. Свербеев, П.Я. Чаадаев, В.П. Зубков, граф Мусин-Пушкин, А.И. Герцен, А.С. Пушкин. Более всего он был дружен с Чаадаевым¹.

А.И. Герцен посвятил М.Ф. Орлову в «Былом и думах» несколько страниц и дал следующую характеристику его положения в Москве: «Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стучался он в решетку, нигде не было ему ни простора, ни дела, а жажда деятельности его снесала ... Лев был осужден празднично бродить между Арбатом и Басманной, не смея даже давать воли своему языку»². Несмотря на это, он по-прежнему много работает, пишет научные труды. Надзор с него не был снят, и зимой 1811 года на просьбу посетить Петербург он получает отказ.

Умер М.Ф. Орлов 19 марта 1842 года и похоронен на Новодевичьем кладбище.

О работе М.Ф. Орлова «О государственном кредите»

Из научного наследия М.Ф. Орлова следует выделить работы, посвященные финансовым вопросам, которые стали интересовать его после Отечественной войны 1812 года.

В одном из писем Д.П. Бутурлину, написанному 20 декабря 1820 года, М.Ф. Орлов замечает: «... мы не можем сделать шагу, чтоб наши денежные средства не пришли в изнеможение ... насильственное собрание податей питает также и увеличивает непримиримую ненависть»³. Вплотную кредитно-финансовыми проблемами он начал заниматься после своей отставки. Косвенным подтверждением этого служат слова самого Орлова: приехав «в Москву около сентября, я вел жизнь уединенную и занимался сочинением, которое намерен был представить правительству»⁴.

Исследование, посвященное вопросам государственного кредита и кредитно-финансовым проблемам России, было закончено М.Ф. Орловым в 1832 году⁵. За содействием в издании книги Орлов обращается к

¹ Чулков Н. Указ. соч. С. 317–318.

² Герцен А.И. Полное собрание сочинений и писем / Под ред. М.К. Лемке. Т. XII. С. 198, 199. Цит. по: Чулков Н. М. Указ. соч. С. 318.

³ Декабристы и их время. Т. 1. С. 203.

⁴ Записки о тайном обществе генерал-майора М.Ф. Орлова. С. 14.

⁵ Павлова Л.Я. Указ. соч. С. 128.

своему другу П.А. Вяземскому, который советует ему опубликовать только первую часть труда – «О государственном кредите», но не может своими силами решить вопрос об издании рукописи.

М.Ф. Орлов вынужден обращаться к высокопоставленным чиновникам – министру юстиции Д.В. Дашкову, шефу жандармов и начальнику III отделения А.Х. Бенкендорфу, министру народного просвещения и президенту Академии наук С.С. Уварову. Последний ставит в известность Николая I, который приказывает послать рукопись на экспертизу в Академию наук. Рецензент Шторх раскритиковал работу, но М.Ф. Орлов решил продолжить борьбу за ее издание¹. Вновь неоценимую помощь ему оказал брат Алексей. В декабре 1832 года М. Ф. Орлов получает разрешение на издание книги после предварительной цензуры. Цензор заметил, что в работе рассматриваются не только финансовые, но и политические вопросы. Мытарства продолжались. Рукопись была направлена С.С. Уварову, затем, по его распоряжению – члену Главного цензурного управления барону Ф.И. Брунову. Было принято решение, что работу можно будет издать только после изъятия из рукописи текста, касающегося социально-политических проблем. Цензор счел вызывающими идеи о связи государственного кредита с общественным прогрессом и состоянием политических свобод, о политическом и социологическом значении учения о государственном кредите, об отрицательном влиянии налогов². Автор оказался в безвыходной ситуации и вынужден был согласиться. Книга была опубликована анонимно осенью 1833 года, а на ее титульном листе значилось: «Сочинение, писанное в начале 1832 года».

Книга «О государственном кредите» – самое крупное произведение М.Ф. Орлова и по сути первая работа в мире по теории государственного кредита. Без цензурных купюр книга была издана в Лейпциге в 1840 году под заглавием «О государственном кредите. Сочинение русского государственного деятеля»³.

Книга М.Ф. Орлова «О государственном кредите» вышла в свет в период финансовой реформы в России, осуществлявшейся Е.Ф. Канкринным. Сущность этой реформы сводилась к попытке восстановления металлического денежного обращения путем девальвации. Она была при-

¹ См. Павлова Л.Я.. Указ. соч. С. 127–128.

² Новые материалы о книге декабриста М.Ф. Орлова «О государственном кредите». Приложение. Зап. отд. рукописей Российской Государственной б-ки, вып. 17. М., 1955. С. 222–223.

³ Ueber den Staatskredit. Von einem russischen Staatsmanne. Leipzig, 1840. Впервые полный текст напечатан в кн.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. С. 98–216.

нята доброжелательно как отвечающая потребностям казны, нуждам развивавшейся промышленности и торговли¹.

В отличие от министра финансов Е.Ф. Канкрин М.Ф. Орлов видел возможность коренных преобразований только в совокупности политических, социально-экономических и финансовых преобразований. Он придавал большое значение развитию банковского дела.

После издания книги М.Ф. Орлов с нетерпением ожидал общественного мнения, о чем писал в письме Н.Н. Раевскому (младшему): «Вызвал ли он (труд) некоторую сенсацию в обществе? Похвалы, которые я получаю, ни в коей мере меня не удовлетворяют. Они почти все относятся к первым страницам моей работы, доказывая мне, что немногие дочитали до конца. Я хотел бы знать правду, как бы сурова она ни была»². К сожалению, книга не вызвала широкого интереса общественности. Автор был задет и очень расстроен.

Одним из первых получил в подарок от автора книгу с рукописными вставками А.С. Пушкин. Известно, что, читая ее, поэт сделал несколько критических замечаний на полях, однако публично он никак не откликнулся³.

Другой известный современник М.Ф. Орлова, Н.А. Бестужев, прочитав его книгу, оценил ее очень резко, заметив, что «долг составляет все благополучие народов и индивидуумов»⁴.

Первая и единственная при жизни М.Ф. Орлова анонимная критическая публикация на его книгу появилась в самом распространенном тогда русском журнале «Библиотека для чтения». Она оказалась по сути легкомысленной, критика – поверхностной, тон – снисходительно-поучительным. Правда, завершая заметку, ее автор писал, что книга достойна «всего внимания публики ... в особенности может просветить многих за счет финансового положения Англии ...»⁵.

Работа осталась незамеченной и среди русских ученых. Только в 1841 году И. Горлов в своей книге, посвященной теории финансов, отнес сочинение Орлова к значительным работам в области государственного кредита и впервые назвал имя автора анонимно вышедшей книги⁶.

¹ Рожков Н.А. Финансовая реформа Канкрин // История России в XIX веке. СПб., 1907. Т. 1. Ч. 1. С. 231–235.

² Письмо М.Ф. Орлова Н.Н. Раевскому (сыну) от 22 января 1934 г. // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 254.

³ Критические заметки А.С. Пушкина о книге Орлова подробно рассмотрены С.Я. Боровым в статье: «Об экономических воззрениях Пушкина в начале 1830-х гг.» // Пушкин и его время. Вып. 1. Л., 1962. С. 246–264.

⁴ Бестужев Н.А. Статьи и письма. М., 1933. С. 258.

⁵ Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. «Литературная летопись». С. 47–51.

⁶ Горлов И. Теория финансов. Казань, 1841.

Во второй половине XIX и в начале XX века специалисты в области финансового права в исследованиях, посвященных госкредиту, не упоминают книгу М.Ф. Орлова¹. Так, А.А. Исаев² ссылается только на работу немецкого автора Дитцеля, вышедшую намного позже сочинения М.Ф. Орлова. По-видимому, они были незнакомы с книгой последнего или же считали ее недостаточно серьезной.

К работе М.Ф. Орлова через сто с лишним лет после ее издания обратились советские ученые. Интерес экономистов, финансистов, историков к этой книге был вызван возрождением в СССР государственного кредита, а также связан с продолжавшимися исследованиями о деятельности декабристов и их роли в общественной жизни России.

Профессор М. Боголепов в статье «Первая русская книга о государственном кредите»³ рассматривает основные положения работы Орлова с позиции учения К. Маркса по данному вопросу, подробно изложенных им в двадцать четвертой главе первого тома «Капитала».

Как считает профессор М. Боголепов, ко времени написания «Капитала» в библиотеках были две книги, особенно ярко выразившие апологетическую точку зрения на государственный кредит – сочинения М. Орлова и К. Дитцеля. Все авторы, писавшие о работе Орлова, обращают внимание на Дитцеля, книга которого «Система государственных займов, рассматриваемая в связи с народным хозяйством» была написана, по мнению М. Боголепова, под несомненным влиянием исследования российского автора. По его утверждению, это можно заметить при чтении обеих книг, о чем писал и знаток литературы о государственном кредите Георг Шану. Перевод работы Орлова на немецкий язык оказал существенное влияние на развитие немецкой экономической мысли. И напрасно немецкая литература впоследствии уверяла, что книга Дитцеля «сделала эпоху» в развитии учения о государственном кредите. Эта «эпоха», по мнению М. Боголепова, была сделана гораздо ранее, а именно с выходом в свет книги М.Ф. Орлова. Многие доводы Орлова М. Боголепов находит интересными и требующими более детального изучения, указывает и на недостатки: в частности, на непонимание связи кредита с социальной структурой общества. М. Боголепов пишет также, что книга Орлова не только стояла на уровне тогдашней европейской науки, но повела за собой европейскую научную мысль и послужила

¹ См., например: *Алексеев М.М.* Государственный кредит ... Харьков, 1872; *Ходский Л.В.* Поземельный кредит в России и отношение его к крестьянскому землевладению. М., 1882; *Озеров И.Х.* Государственный кредит. Конспект лекций по финансовому праву. М., 1901; *Он же.* Основы финансовой науки. Вып. 1–2. Учение об обыкновенных доходах. М., 1911.

² *Исаев А.А.* Государственный кредит. Ярославль, 1886.

³ Советские финансы. 1945. № 5. С. 35–39.

основой «современной доктрины» государственного кредита, дожившей до наших дней. В то же время он замечает, что от экзальтации книги Орлова и его подражателя Дитцеля осталось, конечно, не так много, но суть теории государственного кредита в буржуазной ее трактовке сохранилась неприкосновенной.

В советской научной литературе исследование М.Ф. Орлова справедливо характеризовалось как выдающееся произведение русской общественно-политической и экономической мысли. Его актуальность С.Я. Боровой¹, например, рассматривает в тесной связи со сложившейся социально-политической ситуацией в начале XIX века в России. А это и полное расстройство денежного обращения, и резкое падение курса бумажных ассигнаций, и рост бюджетного дефицита, и увеличение внешнего государственного долга. Естественно, что пристальное общественное внимание было обращено на финансово-экономические вопросы, среди которых значительное место занимали вопросы кредита – государственного и частного. Однако во взглядах С.Я. Борового иногда доминирует идеологизированный подход, впрочем, характерный для большинства советских исследователей. В частности, он определяет книгу Орлова как яркую апологию кредита, автора называет последовательным апологетом кредита, отмечая все же, «что эта апология кредита имела в условиях России того времени объективно прогрессивное значение»².

Подвергая беспощадной критике министра финансов Е.Ф. Канкрин как «антипатриота», С.Я. Боровой противопоставляет ему М.Ф. Орлова, занимавшего прямо противоположную позицию и видевшего в кредите чудесную панацею, способную разрешить самостоятельно основные задачи народнохозяйственного развития. Основным недостатком М.Ф. Орлова, как полагает С.Я. Боровой, стало непонимание того, что кредит при всей его важности не может стать ведущим фактором экономического развития.

Ф. Морозов, автор другой научной статьи³, посвященной анализу книги М.Ф. Орлова, также рассматривает работу с марксистских позиций. Он считает, что к теории М.Ф. Орлова вполне применимо положение Маркса о том, что «государственный кредит становится символом веры капитала». Как пишет Ф. Морозов, Орлов обстоятельно и всесторонне обосновал эти положения и изложил их в виде определенной доктрины. К заслугам исследователя он относит и решение всех основных

¹ Боровой С.Я. Декабрист М.Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите» // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. № 1 (1951). С. 46–60.

² Там же. С. 53.

³ Морозов Ф. О книге декабриста М.Ф. Орлова «О государственном кредите» (Письмо в редакцию) // Вопросы экономики. 1954. № 10. С. 122–127.

спорных вопросов того времени в области государственного кредита, причисляя к ним ряд ключевых положений его теории. Их Ф. Морозов сформулировал в другой своей работе как принципы кредита, установленные Орловым: 1) государственные бюджетные расходы должны быть разделены на обыкновенные и чрезвычайные; 2) первые должны оплачиваться налогами, вторые – займами, проценты по займам тоже должны оплачиваться налогами и для каждого долга нужно предназначить определенный налог; 3) займы должны быть свободными, а иностранные капиталы в России должны привлекаться наравне с отечественными; 4) все государственные долги должны быть безвозвратными, по долгам следует оплачивать только вечные проценты; 5) для поддержания курса займов следует учредить кассу погашения, которая должна покупать и продавать займы и таким образом регулировать проценты по займам. При соблюдении этих правил государственный долг может, по мнению Орлова, возрасти почти безгранично. Как отмечает Ф. Морозов, эти правила Орлов считал основой новой системы государственного кредита.

Авторы многотомной «Истории русской экономической мысли» пытаются выяснить сильные и слабые стороны книги М.Ф. Орлова, который предлагал перейти от увеличения податей (налогов) к развитию государственного кредита¹. Понятно, что проект Орлова не мог обойтись без налогов (они нужны были хотя бы для оплаты процентов по займам). М.Ф. Орлов считал возможным добиться умеренных налогов путем экономного расходования государственных средств. По мнению исследователей, М.Ф. Орлов полагал, что уплата только процентов по займам и установление системы безвозвратности самого займа позволит уменьшить размеры налогов. Умеренность налогов он считал первым условием хорошей финансовой системы и правильной налоговой политики.

Почти все исследователи отмечают, что, по цензурным соображениям, М.Ф. Орлов не подвергал открытой критике налоговую политику царского правительства и чрезмерно высокие налоги в России того времени, а делал это намеками. Они обращают внимание на рекомендации Орлова широко использовать государственный кредит, сочетая его с умеренной системой налогов.

В «Истории русской экономической мысли» можно прочесть о том, что М.Ф. Орлов решительно возражал против накопления запасных капиталов в мирное время для целей войны, считал эти меры обрекающими капиталы на бездействие, препятствием на пути развития предприимчивости и причиной роста налогов.

¹ История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. 1800–1861 гг. / Под ред. чл.-корр. АН СССР А.И. Пашкова. М., 1958. С. 198–199.

Другим спорным вопросом, по мнению исследователей, был вопрос о погашении государственных долгов. В практике того времени было обычным явлением погашение долгов, если финансовая политика и состояние экономики не приводили к государственному банкротству. Однако М.Ф. Орлов считал пользование государственными займами без погашения суммы долгов первым важнейшим правилом государственного кредита.

Формулируя принцип безвозвратности капитальной суммы долга, М.Ф. Орлов по существу обобщил опыт новейшего времени и правильно понял тенденцию развития государственного кредита. Он не соглашался с господствовавшей тогда концепцией, приверженцы которой исходили из необходимости полного погашения государственного долга, и полагал, что такая практика соответствовала лишь начальной ступени развития государственного кредита. В его концепции консолидация долгов и учреждение кассы погашения неотделимы друг от друга.

С развитием системы государственного кредита М.Ф. Орлов связывал наличие обширной сети банков, кредитной системы, присущей развитому капитализму.

С.Я. Боровой, ссылаясь на А. Дурьяна¹, пишет, что известна еще одна работа М.Ф. Орлова по финансовому вопросу: неопубликованная записка «О курсовых явлениях на российских рынках», связанная с обсуждавшимися в то время планами упорядочения бумажно-денежного обращения. Записка, по их мнению, была подготовлена в 1839 году, т.е. непосредственно перед тем, как была проведена денежная реформа Канкринна, и в ней определялись причины образования лажа на серебро².

Основные теоретические позиции М.Ф. Орлова по государственному кредиту наложили определенный отпечаток на всю последующую литературу по этой проблеме. Авторы последующих работ о государственном кредите соглашались с Орловым или спорили с ним, но все без исключения признавали его основоположником учения о государственном кредите.

¹ Дурьян А. О некоторых особенностях бумажно-денежного обращения в России накануне реформы 1839–1843 гг. // Уч. зап. Ростовского Н/Д финансово-экономического ин-та. Т. 1. 1941. С. 168.

² Боровой С.Я. М.Ф. Орлов и его литературное наследие // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 308.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь новейших народов не представляется наблюдателю с той величественною простотою, которая отличает рассказы древних историков. Успехи просвещения насильственно ввели в нынешние политические общества огромное количество новых учреждений, из коих каждое есть последствие новой необходимости. Быстрое обозрение нравов, острый очерк действующих лиц, красноречивое изложение происшествий не достаточны нынче для историка. Ему прежде всего принадлежит труд критический и, следственно, сложный. Ему должно глубже вникнуть в начала, чтобы объяснить последствия, обнять теории быта народного во всей их обширности и во всем их различии, системы правления во всех их подробностях, оценить существование политических обществ, так сказать, метафизическое, составленное из могущества не самобытного, но проистекающего от союзов, из богатства не вещественного, но искусственного, основанного на отвлеченных правилах государственного кредита. Кредит в особенности есть главная черта, определяющая разительное различие между нынешними и древними обществами. Коль скоро история касается до финансов, то все мысли современны, все принадлежит той эпохе, в которой мы сами живем. Явление государственного кредита в политическом мире потрясло все прежние понятия о преспеянии¹ народов и основало новые начала, бросив на рынки европейские несметные богатства, далеко превышающие и баснословные сокровища древних царей, и произведения неистощимых рудников Америки.

Все писатели единогласно провозглашают важность государственного кредита в политическом быту народов; но, однако же, мы не нашли ни одного сочинения, дающего полного и удовлетворительного понятия о сем предмете. По крайней мере все сочинения ех professo², которые имели мы в руках, не заключают в себе, по мнению нашему, тех условий, кои нужны для распространения здравых понятий о кредите; и мы принуждены были искать оснований науки не только в трудах авторов, ста-

¹ В книге не воспроизводятся примечания, помещенные за текстом предыдущего издания, т.к. они не отвечают задаче настоящего издания. — Т.М.

² знатоков (лат.). — Ред.

равшихся собрать их в нечто целое и однообразное, но предпочтительно в разбросанных речах и мнениях государственных людей, говоривших о кредите мимоходом и занимавшихся более применением, чем исследованием его правил.

Но и тут сколько разных суждений, сколько ложных понятий о кредите и о его действиях! Не входя в подробное исчисление заблуждений авторов и самих государственных людей по сему предмету, возьмем в Англии рассуждения «Эдинбургского обозрения»*, во Франции – речи почти всех членов оппозиции и даже некоторых других ораторов. Везде мы находим или пристрастное, или превратное понятие о кредите, и, что больше всего должно удивлять наблюдателя, часто в одной и той же речи, в одном и том же сочинении все мысли, касающиеся собственно до управления финансами, здравы, точны, исполнены отчетливости и высоких видов, а мысли о кредите или ложны, или недостаточны. Что сие доказывает, ежели не то, что правила кредитной науки не имеют еще твердого рационального основания, что всякий кабинетный мыслитель, всякий государственный человек, увлеченный обстоятельствами, блуждающим общемыслием или собственными своими предрассудками, видит кредит не в целостности его сущности, но в отдельных частях и выводит из оных теорию местную, а не общую, согласную с выгодами временными, а не с вечными определениями рассудка и истины?

Пораженные сею зыбкостью правил кредитных в том виде, в котором они теперь везде приняты, мы старались вникнуть более в самую сущность кредита и извлечь его настоящие начала не из вымышленных соображений, но из самого естества вещей; мы рассматривали кредит менее как науку, нежели как факт, подверженный философскому исследованию; мы хотели приложить к изучению кредита ту самую методу, которая со времен славного Бакона** употреблена была для определения правил и законов всех положительных наук. Сей образ изысканий дал нам несколько выводов, совершенно отличных от прежде принятых оснований, и мы не без опасения решаемся подвергнуть мысли наши строгому и беспристрастному суждению публики. Сии мысли суть следующие:

1. Все писатели полагали, что государственный кредит имеет одно и то же происхождение, как и кредит частный. Они основывали и частный, и государственный кредит на доверенности. Мы доказываем, что отсуждение долгов*** (consolidation de la dette) произошло от несостоятельности правительства, а несостоятельность никогда и ни в каком случае породить доверенности не может.

2. Обязательства правительств были всегда, по мнению писателей, одного достоинства с заемными письмами частных людей. Мы доказываем, что бумаги срочные не имеют никакого тождества с бумагами бессрочными. Скорее можно сравнить выпуск государственных обяза-

тельств с торговыми оборотами, с покупкою и продажею изменяющихся ценностей, словом сказать, с спекуляциею, чем с спокойным помещением капиталов по известным ростам.

3. Из сих двух соображений мы вывели, во-первых, изъяснение странного обстоятельства, по которому неоплатимый долг имеет и должен иметь в глазах капиталистов преимущество над частными векселями, предполагающими всегда возвращение капитала; и во-вторых, необходимость для правительств занимать не иначе как на условия безвозвратного капитала, ибо с сим только условием они могут владеть огромными капиталами за умеренные проценты.

4. Никто до сих пор не упоминал о естественном достоинстве обязательств государственных. Все публицисты согласны были, что сие достоинство зависит от общего положения дел, от системы правительства, от успехов его соображений. Мы первые стараемся доказать, что сии обязательства по естеству своему клонятся к падению и, следственно, требуют искусственных средств для их поддержания.

5. Писатели вообще налагают проклятие на биржевую игру и видят в ней одно только пагубное и безнравственное развитие алчности к стяжанию богатств. Мы осмелились утверждать, что биржевая игра есть необходимость, против которой не должно вооружаться; что она есть источник всех движений капиталов и жизнь кредитных оборотов.

6. Публичные фонды разделяются на постоянную и переходную часть оных (*partie fixe et partie flottante de la rente*). Писатели уважают одну первую и стараются доказать, что сия только постоянная часть фондов полезна для государства. Как же они не видят, что, напротив того, переходная часть гораздо важнее, во-первых, потому, что по курсу оной определяется достоинство всей массы государственного долга; во-вторых, потому, что без нее никакие выкупы совершены быть не могут и долг делается вечным во всей строгости сего слова?

7. Из естественной склонности обязательств к падению, из нового определения биржевой игры, из важности переходной части фондов мы выводим достоинство самой кассы погашения. Другие прежде нас говорили о полезности сего учреждения. Мы доказываем необходимость оною; мы утверждаем, что без кассы погашения никакой отверженный долг существовать не может. В нашей системе отверждение долга и учреждение кассы погашения нераздельны.

8. Представляя кассу погашения в виде биржевого спекулятора, играющего постоянно на возвышение (*à la hausse*), мы хотели определить настоящее назначение сего учреждения. Доказывая, что усилия сего игрока рано или поздно должны восторжествовать над усилиями всех частных спекуляторов, мы достаточно показываем всю политическую важность кассы погашения. Из сего сравнения между кассой погашения и биржевыми игроками выводится последствие весьма замечательное. При

первом взгляде каждый может видеть, с какой осторожностью должно приступать к уничтожению или к продаже билетов кассы погашения, ибо и то, и другое, а особенно продажа переменяет совершенно действие погашения и из игрока на возвышение образует игрока на упадок (*à la baisse*).

9. Возвратное действие усиленного погашения, употребление разницы в пользу уменьшения податей, наконец, касса погашения, представленная в виде огромного народного сокровища, суть мысли, принадлежащие не нам, но публицистам и государственным людям Англии. Здесь наш труд состоял в том, чтоб объяснить сии предложения, скрытые самими их сочинителями под некоторою туманною таинственностью, и чтоб довести последствия нашей теории до самых возможных границ ее действий. Впрочем, мы не без внутреннего удовольствия нашли, что сии последствия отнюдь не противоречат принятым нами основаниям.

10. Почти все писатели полагают, что кредит есть достояние исключительно одних только конституционных правлений. Но государственные люди в монархических правлениях доказали опытом противное. Здесь мы предпочли факты положительные всем отвлеченностям теории и убедились, что кредит доступен также и самодержавию, покровительствующему просвещению и образованию богатств.

11. Мы просим также обратить внимание на различие, поставленное нами между случайным и обдуманым преспеянием, на четыре вывода европейского просвещения нынешних времен, на взаимность, существующую между образованием богатств и распространением просвещения. Мы, конечно, едва только коснулись предмета огромного, требующего пространного развития; но мы смеем надеяться, что в сем кратком объеме заключаются все главные черты полной и стройной системы.

12. Наконец, мы предаем разбору и суждению людей, более нас опытных и просвещенных, окончательный наш вывод, представляющий *кредит как единственное средство, могущее закрыть навсегда ужасную эпоху политических переворотов и начать счастливую эру постепенных гражданских преобразований*. Как ни важно сие предложение само по себе, мы не могли входить в подробные доказательства ононого, ибо они увлекли бы нас в рассуждения, совсем разнородные с целью сего сочинения. Мы не могли также опереться на историю, ибо никакой народ не имел еще случая применить сие начало к своей политической системе. Вопрос – *может ли преобразование хозяйственное опередить преобразование внутреннее* – остается до некоторой степени вопросом, и мы охотно сознаемся, что благоденствие народов содержится в нем *non factu sed potentia*¹. Не менее того мы не можем не желать, чтобы благонамеренные правительства убедились полезностью нашего предложения, ибо мы глу-

¹ не в действительности, а как возможность (лат.). – *Ред.*

боко уверены, что практическое развитие сей мысли во всех ее последствиях при нынешнем состоянии политических обществ может иметь благодетельное влияние на участь всего рода человеческого.

Желая обратить предпочтительно внимание общества на чистое и ясное изложение кредитной системы, мы не без намерения исключили из нашего плана многие предметы, входящие обыкновенно в состав сочинений о кредите, как-то: разбор пожизненных, лотерейных и других займов и даже мысли, касающиеся до временного требовательного долга (*dette flottante*) и пр. Все сии подробности объяснены весьма удовлетворительно в тысяче разных сочинений, более или менее искусно писанных. Они составляют, так сказать, мелкую монету науки (*la petite monnaie de la science*), по выражению одного публициста. Впрочем, многие из сих самых предметов, пропущенные в теоретической главе, помещены в истории финансов Франции и Англии, которая служит практическим пояснением и необходимым дополнением всей нашей системы.

I ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА¹

Кредит вообще есть способ удобнейшего обмена ценностей

Кредит* вообще есть не что иное, как изобретенный способ для удобнейшего обмена ценностей. Тот, кто первый успел посредством договора приобрести какой-либо предмет, отсрочивая плату на самое короткое время, сделался без всякого намерения истинным изобретателем кредита. В сем общем и первоначальном его смысле, вероятно, кредит был современником первого торгового оборота, и следы его скрываются в глубочайшей древности. Но сии слабые начала не требуют пространного разбора. В наши времена, когда ускоренный ход просвещения придал столько многосложности всем частям образованных обществ, кредит не есть то, чем он был при первом опыте гражданского устройства и торговых сношений. Ныне круг действия его так обширен и влияние его на все части благосостояния народов так велико, что полное понятие о нем составляет одну из отвлеченнейших отраслей наших познаний и государственных наук.

Он разделяется на кредит частный и кредит государственный

Кредит разделяется на кредит частный и кредит публичный, или государственный. Сие разделение весьма важно, ибо, кроме имени и цели, кредит частный имеет мало подобия с кредитом государственным.

Кредит частный основан на доверенности

Кредит частный есть доверенность, существующая между займодавцем и заемщиком, из коих последний по общему вольному согласию обоих приобретает право за условленную плату и на известное время употреблять имущество или капиталы первого для собственных своих видов.

¹ Для объяснения сущности государственного кредита мы предпочли систематическому выводу начал некоторое сцепление мыслей, рождающихся постепенно одна от другой. Таким образом изложение правил теряет несколько со стороны точности и порядка; но зато истины политической экономии получают более самостоятельности и жизнь, им собственно принадлежащую. Они представляются читателям в виде последствий, непременно происходящих от положительных и доказанных начал. — Прим. Орлова.

Сия доверенность или, лучше сказать, степень сей доверенности зависит от разных обстоятельств, из которых главные суть: 1) законы государственные, более или менее охраняющие собственность. Там, где права заимодавца поддержаны твердыми законами, займы совершаются легче и с меньшими убытками; 2) мнение заимодавца на счет займателя или уверение, что займатель *может и хочет* возвратить занимаемый капитал; ибо желание без возможности или возможность без желания недостаточны для возбуждения доверенности; 3) предполагаемое употребление капитала. Ежели заимодавец знает, что капитал будет употреблен на полезное предприятие, должствующее богато вознаградить труды займателя, то он более надеется на возвращение своего достояния, и тем самым условия делаются снисходительнее и доверенность усиливается.

Степень сей доверенности зависит 1) от достоинства законов, 2) от средств и свойств займателя, 3) от предполагаемого употребления капитала

Из сего видно, что в частном кредите при совершении условий господствующая мысль есть возвращение капитала (как бы, впрочем, сие возвращение ни было определено – посредством ли полного единовременного платежа или частями чрез усиленные проценты), мысль, без подразумевания коей никакое условие сего рода между частными людьми состояться не может, ибо в противном случае заем обратился бы в дар, то есть в такое употребление капитала, которое до кредита отнюдь не касается.

В условиях, заключаемых между частными людьми, господствующая мысль есть возвращение капитала

Важность частного кредита в государственном смысле состоит в том, что он распространением своим поощряет народную промышленность, делая все неупотребленные капиталы доступными для людей предприимчивых, честных и благоразумных.

Сии простые понятия о частном кредите с усовершенствованием политических обществ и с распространением торговли во все края вселенной не изменились в своих основаниях, но получили некоторую сложность изобретением векселей, открытых счетов, вкладных обязательств, заемных, взносных и оборотных банков. Все сии изобретения пустили в общее обращение множество разнородных бумаг, заменяющих в торговле звонкую монету. Но все частные торговые обязательства имеют одно и то же торговое достоинство, без коего ни которое из них нигде принято не будет, а именно: необходимость быть уплаченным или при самой явке, или по крайней мере в означенный, весьма короткий срок, что

Все тонкости и подробности, введенные в употребление частного кредита, не изменили основного его начала

еще более доказывает, что весь частный кредит основан на уверенности в скором и полном возвращении капитала.

Государственный кредит основан на других началах. Здесь чистая доверенность не может иметь никакого влияния на условия займов

При первом взгляде кажется, что правительство, приступающее к займу, должно пользоваться тою же и еще большею доверенностью, нежели каковою пользуется каждый частный заниматель; но подробное исследование сего вопроса дает совсем противное решение. Припомнив вышеизложенные обстоятельства, основывающие и утверждающие доверенность в частном кредите, мы находим:

И в самом деле: 1. Законы теряют всю свою силу, когда несостоятельный плательщик есть само правительство

1. Законы, сколь бы они ни были строги против безответных частных занимателей, теряют всю свою силу в отношении к правительству; и тогда как вексель частного человека в руках заимодавца есть истинный залог на его имущество и даже на его свободу, обязательство несостоятельного правительства есть не что иное, как простой клочок бумаги.

2. История полна примеров не только вынужденных, но далее и добровольных банкротств правительств

2. Мнение заимодавца, уже потрясенное сим недостатком законного удовлетворения, еще более делается недоверчивым, когда оно обратится к истории. Тут открывается обширное поле опасностей и сомнений. Заимодавец почти на каждой странице находит несоблюденные выгоды и нарушенные права своих предшественников; и сюда принадлежат не только явные и истинные банкротства, кои некогда почти периодически бесчестили некоторые государства, но также все перемены в ценности монет, понижение и падение курса ассигнаций, род несостоятельности, испытанный самыми благонамереннейшими правительствами, имеющими искреннее желание, но находящимися в невозможности исполнить свои обязанности.

3. Употребление капиталов, занимаемых правительством, почти всегда на безвозвратный расход

3. Наконец, употребление капиталов, занимаемых правительством, также неодобрительно для заимодавца. Известно, что сии займы редко делаются для какого-либо предприятия, вознаграждающего издержки: они обыкновенно назначены или для войны, или для бесприбыточной постройки, или для удовлетворения пышности и великолепия таким образом, что заемный капитал при самом заключении условия всегда уже определен на безвозвратный расход. Следственно, все три обстоятельства, кои в частных займах столь сильно подкрепляют доверенность, в займах государственных суть не только не-

достаточны, но и вредны для правительства. Ежели же к сему прибавим огромность капиталов, занимаемых обыкновенно правительствами, в сравнении с умеренностью ссуд, требуемых частными людьми, необходимость для столь обширных оборотов составлять общества и посвящать себя многотрудному и сложному управлению делами и, наконец, зависимость, в которую себя поставляет заимодавец от превратности счастья, от неудачи политических соображений, от перемены министерства – словом, от разных обстоятельств, кои никакая человеческая мудрость совершенно предугадать не может, то легко уверимся, что в займах государственных побудительная причина не есть доверенность и господствующая мысль не есть возвращение капитала. Посему мы вправе заключить, что государственный кредит основан на началах, совершенно отличных от тех, кои служат основанием кредиту частному.

Постараемся исследовать сии начала. Государственный кредит в том виде, в котором он ныне известен образованному свету, не обязан существованием своим глубокомысленному соображению какого-либо изобретателя, постигшего вдруг все его правила и последствия и представившего его удивленному свету в полном зрелом совершенстве. Как многие другие изобретения, особливо практические, он родился от необходимости и случая, подвержен был ошибкам и неудачам и не прежде достиг до того состояния, в коем теперь мы его видим, как после многих опытов и усилий. Система публичного кредита – система сложная, касающаяся до важнейших вопросов управления и до всех отраслей народного благосостояния. Чтобы изложить ее в должном порядке и полной ясности, мы коснемся некоторых предметов, без определения коих нельзя получить о ней точного понятия.

Рассмотрим сперва, как образуются и откуда происходят государственные капиталы. От двух источников, кои суть налоги и займы.

Всякий налог есть пожертвование собственности, принесенное гражданином для пользы и безопасности всего общества; сим пожертвованием он теряет часть своего имущества, но приобретает уверенность в бесприкосновенном обладании остального. Налоги более или менее истощают капиталы, им подверженные, и тем са-

4. Наконец, капиталы, занимаемые правительствами, кроме огромности своей и неудобства расчетов, подвержены еще всему непостоянству счастья и предначертаний политики

Следственно, должно искать основания государственного кредита не в доверенности, а в каком-либо другом начале

Государственный кредит не есть систематическое изобретение людей. Он – факт, подлежащий исследованию историка

Государственные капиталы происходят от двух источников: от налогов и займов

Свойство налога есть насилье

мым препятствуют полному развитию народного богатства. Сверх того, определение и соби́рание оных слишком часто исполнены недоумений и злоупотреблений. Сам по себе налог слеп; он падает без разбора на все достояния, исторгает часто последнюю опору у земледелия, останавливает последний оборот торговли и не щадит даже последней надежды бедности. Он не рассматривает, полезно ли или вредно перемещение капиталов, нередко заставляет правительство прибегать к понудительным мерам и склоняет подданных к ропоту и неповиновению.

*Свойство займа
есть свобода*

Заем, напротив того, не влечет за собой никоторого из сих пагубных последствий. Он заключается по договору и тем самым более утверждает, чем нарушает священное право собственности. Неся на себе отпечаток добровольного условия, он соблюдает взаимные выгоды заимодавца и займателя. Он не лишает земледелия и торговли тех сумм, которые полезно в оных образуются, не расстраивает никаких соображений, не похищает у одного последнего его достояния и пользуется только избыточными и праздными капиталами, не имеющими лучшего употребления.

Из сего должно заключить, что свойство налога есть насилие, а свойство займа – свобода.

Но налог есть неизбежное последствие существовавшая обществ

Но без налогов правительство не имело бы ни способа, ни обязанности охранять политическое существование своих подданных. «Умирать и платить налоги, – сказал Франклин, – есть дело общее и неизбежное». Налоги необходимы в первобытном состоянии обществ, когда кредитные обороты еще малоизвестны; они не менее нужны и тогда, когда заемная государственная система находится в полном развитии, ибо без них нельзя ни предупредить, ни обеспечить никакого займа. Вся наука финансов состоит в том, чтоб оба сии средства – т.е. налоги и кредит – поставить в совершенное равновесие таким образом, чтоб налоги не вредили кредиту, а кредит облегчал налоги.

Он необходим также и для заемной системы

Главные усилия правительства должны быть устремлены к тому, чтоб налоги не вредили кредиту, а кредит облегчал налоги

Для достижения сей двоякой цели первое условие есть умеренность в налогах. Налоги могут тогда только назваться умеренными, когда общество, платящее оные, приобретает более через водворение спокойствия и безопасности, чем оно теряет от своего пожертвования. Итак, все, что принадлежит к благосостоянию общества в обыкновенном быту народов, как-то: содержание доста-

точной армии на мирном положении, устройство судопроизводства и благочиния, поощрение просвещения и промышленности, благотельные заведения всякого рода, сохранение здоровья общественного, вообще все нужды государственные, ежегодно возобновляющиеся и по коим расходы остаются в отечестве, суть предметы издержек, подлежащие одним налогам. И в самом деле, как вообразить существование и процветание общества, которое не может уделить умеренной части от избытков своих, дабы оградить внутреннюю безопасность и оплатить обыкновенные свои потребности? Таковое общество клонилось бы непременно к падению, и сие падение сделалось бы неминуемым при первой опасности, при малейшей превратности счастья. Следственно, одно из первых условий существования людей в обществе есть то, чтоб обыкновенные расходы были удовлетворены умеренными налогами.

Итак, первое условие хорошей системы налогов есть умеренность оных. Назначение их есть удовлетворение обыкновенных нужд правительства

Но времена обыкновенных расходов, времена спокойствия, мира надолго ли бывают уделом рода человеческого? Народы по самому естеству своей независимости живут между собою в враждебном праве сильного. Вооруженное состояние есть для них правило общее, а мир – одно только редкое и кратковременное исключение. Везде в истории мы видим, как происки и замыслы политики, порывы честолюбия и превратности счастья потрясают существование обществ в самых его глубоких основаниях. Государство, вступившее в тесные сношения с другими государствами, при самых миролюбивых намерениях, при счастливейших обстоятельствах не может ручаться, что долго сохранит свое спокойствие. Не нам, современникам Наполеона, нужно пространно доказывать сию истину; честь, слава, свобода, независимость основаны на могуществе и политике; но беззащитному нет безопасности и слабому нет союзников. Сия внешняя жизнь, столь отличная от внутренней жизни народов, подверженная влиянию разрушительных причин, не подлежащих часто ни воле, ни расчетам нашим, требует от правительств новых усилий и от подданных новых жертвований. Здесь верх мудрости будет состоять в том, чтобы усилия были как можно огромны и решительны, а жертвования – как можно менее обременительны для народа.

Но, кроме обыкновенных расходов, правительства часто подвержены чрезвычайным издержкам

Для удовлетворения сих чрезвычайных нужд правительства могут или собирать сокровища, или усилить налоги, или прибегнуть к займам

Сокровища приобретаются или насильем, или бережливостью

Первый способ – насилье – ненавистен и опасен

Второй способ – бережливость – останавливает развитие народных богатств

Оба они недостаточны и слабы

Решение сей противоположной задачи принадлежит государственному кредиту, и ему одному.

Правительства в чрезвычайных и непредвидимых обстоятельствах для удовлетворения необходимых своих расходов имеют три средства, кои суть: сокровища, новые налоги и займы. Рассмотрим внутреннее достоинство и силу всех сих средств особенно.

Сокровища приобретаются или насильем, или строго бережливостию. Первый способ приобретать был некогда в большом употреблении, да и в наши времена, к стыду просвещения, он не совсем еще оставлен. Он был источником обогащения правительств в средних веках, изгнал некогда евреев из большей части Европы и ограбил их достояние, истребил огнем и мечом туземный род американцев и присудил Монтезуму к жестокой пытке, был поводом долгих и кровопролитных войн и разорил вместе побежденных и победителей. Во Франции он подвел под гильотину более жертв, чем сам фанатизм свободы, и кровью начертал ужасные законы о продаже имуществ церкви и эмигрантов. Вообще сей способ принадлежит временам варварства, или похищения короны, или переворотов. Ныне он предан ненависти и проклятию народов. Второй способ – приобретать сокровища посредством строгой бережливости – не заключает в себе ничего противного совести и добродетели; желательно бы, чтоб он был столь же удовлетворителен в своих последствиях, сколь он невинен в своих началах. Собирать сокровища в наше время есть для правительства не что иное, как бесполезное и часто гибельное предубеждение. Или налоги умеренны, и тогда сбереженные суммы будут весьма маловажны; или налоги обременительны, и тогда лучшая экономия есть облегчение налогов. С другой стороны, все золото, которым правительство обогащает свою сохранную казну, похищено из общего оборота и погребено до случая без действия и без пользы; и чем успешнее будет в сем смысле ход правительства, тем более народ будет страдать от сих успехов. Странное и удивительное средство приготавливаться к чрезвычайным обстоятельствам систематическим изнурением всех сил общественных! По крайней мере, ежели б сокровища были во время нужды достаточным источником сил и сопротивления! Но и сия надежда обманчива. Огромность наших ополчений и упорная продолжительность наших

войн требуют не однократного вспомоществования, но пособий, ежеминутно обновляющихся и возрастающих с опасностями. Сокровище, как бы оно велико ни было, по самой ограниченности своей не имеет сих свойств. Англия кредитом своим пять раз вооружила Европу против Франции; а сокровища, собранные Фридрихом II в Берлине и Наполеоном в Тюлерийском дворце, не могли спасти ни Пруссию от Базельского мира, вынужденного не силой оружия, но истощением казны, ниже Францию от покорения после сокрушения сил ее в походе на Москву¹.

Прибавим еще к сему, что излишняя бережливость легко может перейти в пагубную страсть к обогащению, в страсть, которая препятствует развитию предприимчивости и уничтожает стойкость в союзах политических, которая склоняет правительства к скупости в награждениях, к алчности в определении и взимании налогов и внушает предосудительное небрежение ко всем предприятиям, касающимся до общественной пользы, но требующим больших издержек.

Новые или усиленные налоги суть средство, кото-

Новые или усиленные налоги суть не что иное, как приобретение сокровищ внезапным и часто насильственным образом; следовательно, они разделяют все неудобства сокровищ

¹ Известно, что Фридрих II посвятил последние двадцать лет своей жизни на собрание огромного сокровища, и успех его был столь велик, что сии накопленные богатства составляли, в общем мнении, немалую часть могущества Пруссии и собственной его славы. Однако же война 1792 года поглотила в одну осень все сие сокровища, а прусская армия не дошла еще до роковых полей Вальми, как истощение казны было ощутительно во всех частях правления. В 1811 году Тюлерийские погреба были также наполнены сокровищами; а после двух несчастных кампаний 1812 и 1813 годов все сие богатство, плод пятнадцатилетних трудов и шестидесяти побед, исчезло, как дым, и Наполеон оставил Франции 759 000 000 требовательного долга. — *Прим. Орлова.*

вой подати был почитаем везде за полезного сына отечества и почти за великого человека. От крещения до погребения, от десятины со всех произведений, то есть десятого процента с доходов, до отобрания самых капиталов чрез насильственные займы, от всех способов пропитания до всех предметов одежды и помещения – все подвержено было взысканию налога. Здесь земледелец платит за право припречь лишнюю лошадь к своему плугу; там умирающий видит пред собою комиссара, еще живо описывающего его имение. В иных местах правительства переступали за черту нравственности откупными газардных игр и лотереями, в других личными повинностями дошли до границ жестокости. Везде почти система налогов доведена до возможных пределов, и люди не прежде отказались от сих пагубных изобретений, как тогда только, когда увидели из опыта, что всякий новый налог приносил менее пользы, чем наносил ущерб в доходах, получаемых с какого-либо старого налога. Но сии налоги, изнуряющие силы народные, могут ли быть для правительства достаточным средством в чрезвычайных обстоятельствах? Конечно, нет. С какой бы точки зрения мы ни смотрели на новые налоги, должно сознаться, что взимание оных есть не что иное, как приобретение сокровищ внезапным и часто насильственным образом; и ежели сокровища, заблаговременно приготовленные умеренностью, тщанием, бережливостью, не могут, как мы видели, сего исполнить, то можно ли ожидать успеха от новых налогов, как бы они ни были искусно придуманы и разложены? Сокровища по крайней мере имеют то достоинство, что они сохраняют в целости средство налогов на время опасности. Но новые налоги, разделяя все неудобства и недостатки сокровищ, имеют еще пред сими то гибельное преимущество, что нарушают единодушие между правительством и народом именно тогда, когда сие единодушие бывает часто единственным средством к спасению¹.

Сверх того, налоги нарушают единодушие между правительством и народом тогда, когда сие единодушие бывает часто единственным средством к спасению

¹ В сем деле доказательства исторические говорят громче всех теорических рассуждений. При Людовике XIV доходы Франции едва ли простирались до 75 000 000 фр., а одна война за испанское наследство стоила 2 577 873 863 фр. При Людовике XV, по исчислению Ганиля, откупщики и заимодавцы получили чистого барыша 1 182 582 617 фр. Каковы же должны были быть суммы, издержанные правительством? В том же самом

Итак, в нынешнем положении больших европейских государств огромные расходы, вынужденные чрезвычайными обстоятельствами, не могут быть удовлетворены ни сокровищами, ни усиленными налогами. Налоги имеют свое назначение: они определены для обыкновенных издержек. Сокровищ собирать не должно; а единственное настоящее и неистощимое сокровище мудрых правителей есть система займов, основанная на правилах государственного кредита. Все вышесказанное ясно доказывает, что кредит в самом высоком его смысле есть одна из главнейших потребностей нашего времени.

Остается одна система займов, которая может быть полезно употребляема в чрезвычайных обстоятельствах

царствовании налоги были доведены от 75 000 до 375 000 000 фр., и сии усиленные в пять раз подати так были малозначащи в сравнении с чрезвычайными расходами, что сбор большей части всех налогов был на десять лет вперед предоставлен займодавцам. При Людовике XVI американская война стоила 1 576 000 000. Конвент и Директория издержали в течение семи лет не только все суммы, происшедшие от ограбления эмигрантов, духовенства, Голландии, Италии и самой Франции, но еще выпустили ассигнаций на ужасную сумму 48 000 000 000 фр. Наконец, при Людовике XVIII Франция, платившая уже 900 000 000 фр. податей, принуждена была еще уплатить союзникам в течение трех лет 1 300 000 000 фр., приняла на себя 600 000 000 запоздалого долга и определила целый 1 000 000 000 фр. на вознаграждение эмигрантов. Ежели перейдем к английской истории, то числа не менее убедительны. Война испанского наследства стоила Англии 88 307 907, а долг государственный не превышал еще тогда 52 145 361 ф. ст. В 1763 году, после Семилетней войны, сей долг возрос до 139 501 602 ф. ст. В течение 28 лет при объявлении независимости Северной Америки сей самый долг доходил до 268 100 379 ф. ст. С 1793 года до 1800-го английское правительство заняло для войны еще 225 605 872 ф. ст.; и, наконец, в 1815 году, при окончательном замиреннии в Париже, государственный долг в Англии, то есть число, изображающее заемные капиталы, приобретенные правительством для поддержания разных войн с 1715 по 1815 год, простиралось до 961 000 000 ф. ст., или 23 064 000 000 руб.; а ежели отделить последнюю эпоху сих войн с 1793 года и исключить кратковременный Амьенский мир, то найдем, что в течение 20 лет, кроме податей обыкновенных, усиленных, старых и вновь введенных, Англия издерживала на военные расходы ежегодно около 900 000 000 руб. Осмеливаемся спросить, какие сокровища и какие налоги могут представить возможность подобных выводов, и сии неоспоримые числа не суть <ли> лучшие доказательства слабости сих средств и могущества кредита? – *Прим. Орлова.*

В прежние времена все займы правительств были основаны на началах частного кредита, то есть с предположением возвращения капитала

Сие ложное основание влекло за собою неминуемое банкротство

Остановимся здесь и рассмотрим странное происхождение, непременные правила и удивительное могущество государственного кредита.

Государственный кредит родился от несостоятельности правительств. В прежние времена все займы государственные заключались на правилах частного кредита, то есть с условием о возвращении капитала. Премии, тонтинны*, лотереи, пожизненные уплаты – все сии изобретения нимало не переменили настоящего существа заключенных займов. Иногда условия были совершаемы с меньшею невыгодою для правительств; большая же часть договоров была решительно в пользу одних заимодавцев. Сии последние пользовались всяким благоприятным для них случаем, и, чем труднее были обстоятельства для правительств, тем более ростовщики возвышали свои требования. С своей стороны, некоторые правительства достигли до такой степени разврата, что у них банкротство почиталось лучшим финансовым оборотом. Впрочем, алчность заимодавцев, позорная безнравственность правительств были непременными последствиями дурной системы займов. Во всех оборотах, во всех сделках государственный долг оставался всегда требовательным, ибо всегда возвращение капитала было первым и неизбежным условием всякого займа. При наступлении рокового платежного срока какое средство оставалось правительствам? Налоги? Но мы видели их бессилие для приобретения одних капиталов; как предполагать, чтоб они уплатили и капитал, и проценты? Экономия? Но события не повинуются нашим соображениям, и часто время отдыха не дает. Новые займы? Но ежели они заключались на тех же правилах, то подвергали тем же последствиям. – Что ж делать и к чему прибегнуть? Ответ нелегок. С необходимостью бороться невозможно. Займы с возвращением капитала влекут за собою неминуемое банкротство. Что бы правительство ни предпринимало, какие бы финансовые хитрости ни употребляло, рано или поздно оно подвергнется несостоятельности и, чем далее будет отклонять объявление оной, тем более собирает вокруг себя опасностей и бедствий. Главное дело не в том, чтоб отклонить на время сие объявление; оно неизбежно, как определение судьбы; но в том, чтоб успеть из несчастья извлечь пользу, из бедности – богатство, из несостоятельности – государственный кредит.

Ежели несостоятельность будет полная, совершенная, лишаящая заимодавцев и капиталов, и процентов, удел народа будет бесчестье, и кредит его надолго потеряян. Но ежели, остановясь на крае бездны, правительство устрасится гибельных последствий полной несостоятельности, ежели оно, объявляя о невозможности возвратить капиталы, призовет к себе на помощь самих своих заимодавцев и, собрав последние свои силы, чрез вольное и непринужденное условие успеет заменить свои требовательные векселя обязательствами на уплату вечных процентов, в то же самое мгновение вся опасность, все бедствия исчезают, и на место ужасного банкротства водворяется государственный кредит. Так, первое и главнейшее правило государственного кредита есть заключение займов без возвращения капитала с платежом вечных и непрерывных процентов. Сие-то самое обращение срочных долгов в долг бессрочный называется *отвердить* государственный долг, а вся масса новых обязательств правительства известна под именем *публичных фондов*, или непрерывных процентов.

От угрожающего банкротства родилась система государственного кредита

Неуплатимость займов, или отвержение долга, есть главное правило государственного кредита

Когда заимодавцы, видев невозможность возвращения своих капиталов, решились променять оные на вечные проценты, то первое их старание, конечно, приложено было к тому, чтоб по крайней мере обеспечить навсегда получение сего дохода и таким образом сравнять до некоторой степени новые обязательства с достоинством недвижимого имущества. Усилия их для достижения сей цели согласны совершенно с выгодами самих правительств. И в самом деле, правительства, избавившись от последствий банкротства и получив, так сказать, новую жизнь чрез отвержение требовательного своего долга, должны были предвидеть, что они отвратили только опасности прошедшие, но не освободились от будущих затруднений и что возрождающиеся нужды непременно заставят их прибегнуть к новым займам. В сем положении необходимость кредита и надежда занимать большие суммы без возвращения капитала дали им почувствовать, сколь важна для них всевозможная точность в уплате процентов. Итак, заимодавец и заниматель, одушевленные одним чувством и одними выгодами, приступили к достижению одной и той же цели; и первым последствием отвержения государственного долга было единодушное старание обеспечить уплату процентов.

Отвержение долга исполнилось с общего согласия и к общей выгоде заимодавца и занимателя

Первое последствие отвержения было обеспечение уплаты процентов

Но самое сие обеспечение недостаточно для полного развития государственного кредита

Отверждение требовательного долга было бы еще слабым преимуществом для правительства, ежели б не найдено было средство распространить действие кредита и на будущие времена. Капиталист, согласившийся поневоле получать вечные проценты, сим одним условием не может быть приохочен к новым подобным пожертвованиям. По справедливости он находится в том же положении, как и заимодавец частного человека, взявший под залог имение и принужденный за неплатеж занятой суммы вступить сам во владение. Тут он также получает вечные доходы с своего капитала; но надобно еще знать: расположен ли он был променять свою наличность на приобретенную недвижимость? Не нашел ли бы он лучшего средства употребить данные взаем суммы? Не имел ли он в виду каких-либо выгоднейших оборотов? Все сии обстоятельства действуют на расположение людей, владеющих денежным торгом, и могут поколебать в них охоту променивать капиталы на вечные проценты. В сем положении вещей произойдет одно из двух: или выгоды, предлагаемые от правительства при новых займах, будут слишком малы, и тогда никто не поддастся на его вызов; или сии выгоды будут весьма велики, и тогда должно ожидать двух бедственных последствий: 1) правительство обременится сверх сил своих уплатою тяжких процентов и 2) капиталы, кои оживляли все отрасли народной промышленности, не находя в сем помещении тех выгод, коими правительство старается их склонить к своему предложению при заключении новых займов, перейдут от благодетельного употребления в бесприбыльный оборот, то есть или кредита совсем не будет, или система кредита будет нехороша. Следственно, самая верная и точная уплата вечных процентов недостаточна еще для учреждения хорошей системы государственного кредита.

Для развития кредита необходимо дать векселям правительства такую силу, чтоб они могли отвечать в некоторых отношениях за наличные деньги

Сие может исполниться временем, разными постановлениями, из коих важнейшее есть касса погашения

Что ж нужно еще для достижения желаемой цели? Надобно, чтоб обязательства правительства при отвержении старого долга и заключении новых займов были не мертвыми изображениями утраченного капитала, но истинным и живым заменением оного во всех больших оборотах торговых и финансовых, то есть чтоб векселя* правительства не только приносили условленные проценты, но чтобы они отвечали в некоторых отношениях за настоящие деньги. Сие не может исполниться иначе, как посредством времени, искусственного приноравли-

ния векселей государственных к новому их употреблению и особливому постановлению, известного под именем кассы погашения.

Под словом время я разумею здесь опыт и привычку народа к действию государственного кредита. Нельзя требовать, чтоб все те, кои призваны к употреблению векселей вместо денег, понимали отвлеченности кредита; следственно, нельзя и надеяться, чтоб новая система кредита была всеми принята с жадностью при самом ее появлении. Достаточно только, чтоб влияние оной малопомалу распространялось, а сие распространение неминуемо, ибо оно происходит от сущности предмета.

И в самом деле, положим, что по старой привычке, по закоснелому предубеждению к так называемым положительным расчетам, общество предпочитает наличный капитал кредитному. Не менее того вечные проценты имеют свою какую-либо цену, и сия цена, как все ценности на свете, будет стремиться к достижению настоящего своего достоинства. Обладатели векселей государственных будут стараться употреблять их или при покупке недвижимости, или при уплате долгов, вообще при всех расчетах с частными людьми, а особливо с правительством. С другой стороны, самые враги кредита могут сделаться владельцами кредитных денег по наследству, по приданому, по уплате долга – словом, по таким обстоятельствам, которые насильственно победят их предубеждение. Все сии обстоятельства должны непременно определить курс государственных обязательств. Сверх того, люди, занимающиеся денежным торгом и пускающие свои капиталы в торговый оборот, то есть спекуляторы, скоро увидят, что им выгоднее ожидать удобного случая, имея в распоряжении своем сумму, приносящую проценты, чем мертвое сокровище. Под влиянием сей уверенности они будут скупать и приобретать государственные векселя, и коль скоро сие действие обнаружится, то ценность бумаг возвысится и обращение их делается общим. – Все сии обстоятельства показывают, что рано или поздно векселя государственные должны непременно и по существу самой вещи взойти в общее обращение.

Сия цель тем скорее будет достигнута, чем более правительство приложит старания для уничтожения всех препятствий введением вспомогательных средств. Между сими последними главнейшие суть следующие: 1) векселя

Время и опыт дадут векселям правительства способ к свободному обращению и определят неминуемо их ценность и достоинство

Действие времени можно ускорить особенными постановлениями

должны быть так соображены, чтоб они могли переходить из рук в руки по одному словесному договору, без надписи, а особливо без всякого судопроизводства; 2) для лучшего и удобнейшего соображения продавцов и покупателей векселей должны быть устроены особые помещения, называемые биржами, где торг обязательств мог бы производиться в известное время и на известных правилах; 3) для присмотра за сим торгом и отвращением обманов нужен особенный класс, не чиновников, а присяжных и ответственных людей, класс, известный под именем нотариев*, маклеров** и курсовых агентов***, коих занятия должны быть без жалованья, но прибыльные от числа самих оборотов и отдаваться не иначе как с представлением достаточного залога; 4) отнюдь не налагать никакой подати на торг векселями, дабы в сем смысле он имел явное преимущество над всеми другими торговыми оборотами, и сию выгоду распространить на перевод сумм из города в город посредством почтовой пересылки; 5) расчет процентам делать не только за год или за полгода, но за каждый месяц, за каждый день, и для сего определить несколько платежных сроков, в кои уплата процентов производилась бы в открытом заседании, дабы все те, кои покупают государственные векселя, знали, что капиталы их не остаются ни одного дня без приращения; и, наконец, 6) учреждение кассы погашения – мера столь важная сама по себе и по своим последствиям, что требует особенного и подробного изложения.

Касса погашения по важности своего действия требует особенного исследования

Курс векселей государственных подвержен возвышению и падению, как все прочие ценности

От непостоянства курса рождается биржевая игра

Положим, что правительство посредством вышесказанных мер получило способность занимать большие капиталы без возвращения оных и что векселя его изобилуют на бирже и в торговых оборотах; от сего не следует еще, что сии векселя ходят наравне с наличными деньгами. Как все другие предметы продажи, их ценность определяется не только внутренним или условным их достоинством, но также и количеством оных в продаже, то есть: чем более будет продажных векселей на бирже, тем дешевле за них будут давать, и наоборот. А так как сии торги производятся ежедневно, то и курс векселей будет ежедневный. От сего непостоянства вексельного государственного курса рождается так называемая биржевая игра, которая есть не что иное, как расчет спекуляторов в покупке или продаже обязательств правительства. Сия игра весьма важна сама по себе, ибо ника-

кое другое соображение при счастье или несчастье не может дать подобных выводов. Заимодавец, употребляющий свои деньги вернейшим образом, может в несколько лет удвоить свои капиталы, но биржевой игрок, получая со своих ежедневно дробный процент, может в то же время их удесятерить, и сие обогащение тем более будет вероподобно, чем более курс государственных обязательств будет низок и шаток. Посему-то все покупатели государственных векселей будут стараться сколь возможно понизить цену сих обязательств, а все продавцы – искать средства продавать их выгоднее; но в числе сих последних будут люди, имеющие крайнюю нужду продавать, тогда как в числе первых ни один покупатель до крайности приведен быть не может. Следственно, покупатели будут непременно иметь верх на бирже, и векселя государственные по естеству своему должны клониться к упадку.

Биржевая игра по существу своему влечет за собой падение государственных векселей

Однако же не все обладатели государственных векселей решатся на биржевую игру, ибо сия игра столь же опасна, сколь она приманчива. – Успех и неудача зависят часто не только от соображений, решительности и твердости игрока, но также от множества непредвиденных обстоятельств. Курс векселей не всегда во власти капиталистов; и для спекуляторов дело состоит не в одной простой покупке на упадок, но также и в продаже при возвышении. Капиталист, употребивший свои деньги на государственные векселя, переходит сам в число продавцов и подвергается всем неудобствам продажи; и ежели многие любимцы фортуны умели сею опасною игрою составить себе огромное состояние, не менее несчастных, кои чрез нее дошли до нищеты. Итак, неудивительно, что находятся благоразумные люди, которые предпочитают верный и постоянный доход с своих векселей беспрепятственной продаже и покупке оных.

Биржевая игра столь же опасна, сколь она привлекательна, почему не все обладатели государственных векселей ею занимаются

От сего разделения государственных кредиторов на два класса сами векселя разделяются на два разряда. Первый, остающийся почти без перемены в руках владельцев, редко подвергается биржевой игре и называется постоянною частью фондов. Другой, напротив того, ежедневно покупается и продается и часто в один и тот же день с прибылью или убылью переходит через руки нескольких владельцев. Сей разряд называется переходной частью фондов. Само собою разумеется, что одна

Заимодавцы правительства разделили своим на два класса, на биржевых игроков и на простых владельцев векселей (renties), определяют также два разряда фондов

Постоянная часть фондов не имеет никакого влияния на курс, который зависит от переходной части оных (parties fixes et flottantes de la rente)

Всякий новый заем прибавляет переходную часть фондов и тем самым понижает курс

Сие понижение может произойти не только от заключенного займа, но даже от одного объявления, от самого подозрения о новом займе

Итак, в системе отверженных долгов векселя правительства стремятся к падению тем более, чем более долг увеличивается, и употребление кредита делается опасным. Сей опасности должно противопоставить кассу погашения

сия последняя часть определяет курс всего государственного долга, и, следственно, полагая, что вся сумма обязательств остается одинаковою, чем более умножается переходная часть фондов, тем более приносится на биржу государственных обязательств и тем более можно предвидеть упадок оных. Из сего ясно, что всякий новый заем, прибавляя переходную часть фондов, должен необходимо действовать на понижение курса всей массы государственных векселей.

Но сего еще не довольно. Посмотрим, как заключаются новые займы. Коль скоро политические обстоятельства дают причину предвидеть, что правительство принуждено будет прибегнуть к новому займу, то все люди, намеревающиеся взять участие в сем обороте, заблаговременно начинают принимать свои меры. Те, кои располагают капиталами, перестают покупать государственные обязательства, надеясь, что скоро представится им случай выгоднейшего помещения своих денег; те же, кои уже владеют частью обязательств правительства, стараются их скорее сбыть, дабы можно было им также явиться на новые торги. Отсюда происходит двоякая причина к упадку государственных векселей: первая оттого, что мало оных покупается; вторая оттого, что много их продается. Итак, всякий новый заем, не только при объявлении оного, но по одному вероятно и по одной возможности, должен непременно понижать курс и достоинство государственных бумаг.

Из всего сего мы вправе заключить, что по естеству своему государственные векселя должны непременно клониться к упадку без всякой другой причины, как чрез одно только употребление кредита. Сия неприятная истина должна была сильно поразить тех, коим поручено управление народами. Располагая огромными способами кредита, они не могли без опасения приметить, что сии способы день ото дня делаются слабее и что всякий новый заем возвратным своим действием потрясает все здание государственного долга в самых его основаниях. С другой стороны, не менее ужасало их постепенное прибавление сего долга, ибо сей долг, будучи по естеству своему вечным и возрастая не иначе как посредством платежа вечных же процентов, угрожал народам в продолжение времени неминуемым банкротством. В сем положении дела, соображая необходимость займов с не-

переменным падением курса векселей и возрастающим цифром долга, правительства искали средства оградить себя от предвидимых пагубных последствий и после долгих и часто вредных опытов, коих изложение было бы здесь излишним, нашли один верный и самостоятельный способ: в учреждении кассы погашения.

В мнении изобретателей, касса погашения должна была в известное время погасить весь государственный долг. Для достижения сей цели предположено было устроить особенную комиссию, обязанную выкупать векселя по существующему курсу. Сия комиссия получает особенное учреждение и поставляется в независимость от всех посторонних влияний таким образом, что неприкосновенное существование и вольное действие оной почитаются коренными законами правительства. Часть государственных доходов определяется для составления капитала кассы, и сей доход поступает в вечное и неотъемлемое достояние погашения с тем, чтоб капитал и проценты употребляемы были не на что другое, как на покупку государственных векселей, кои в свою очередь, принося условленные росты, могли бы также обращены быть на подобное употребление.

В сем коротком изложении заключается вся первоначальная мысль учреждения кассы погашения. Франклин в своем завещании и доктор Прейс в своих предложениях руководствуются одним и тем же правилом. Все искусство погашения основано на простом арифметическом расчете и на усиленном действии процентов. В сем смысле можно утвердительно сказать, что малейшая капля погашения должна рано или поздно проточить огромную скалу государственного долга.

Итак, посредством кассы погашения отверженный безуплатный долг государственный обращается в долг выкупной. Сие преобразование есть первое последствие нового учреждения. Но как должны производиться выкупы государственных векселей? Сей вопрос разрешен был более опытом, чем теориею. Сначала действие погашения было неправильно. Выкупы векселей происходили или ежегодно, или в несколько довольно отдаленных сроков и большими суммами. Но вскоре заметили, что сии выкупы одним разом и на большие суммы производили сильные потрясения в частных имуществвах; что при приближении срока цена государственных векселей

Касса погашения учреждена была в предположении совершенного погашения государственного долга

Действие кассы погашения разогнано на свойстве усиленных процентов

Через погашение отверженный долг обращается в долг выкупной

возрастала и обращение оных останавливалось, а после выкупа определенной части остальные векселя подвергались новому упадку и суммы, выпущенные кассою погашения, оставались часто без употребления. Сие насильственное возвышение курса и необходимый упадок оно-го вообще наносили кредиту на место помощи большой вред; но, к счастью, врачебный способ был близок от самой болезни. Комиссии было предписано разделить получаемые ею капиталы таким образом, чтоб она могла ежедневно и на равную сумму покупать государственные векселя, а дабы остальные ее капиталы не оставались без приращения, приказано было пускать их в банковое обращение.

Выкуп векселей правительства должен производиться ежедневно равными частями и по известным правилам

Таким образом все неудобства были отстранены, и ищущие сбыта государственных обязательств получили уверение, что они ежедневно найдут на бирже случай на известную сумму и непременно продать свои векселя. Сие распоряжение уничтожило до некоторой степени влияние капиталистов на курс, и нуждающиеся продавцы были несколько освобождены от ига покупателей. Из сего следует: 1) что касса погашения действует на курс государственных кредитных бумаг точно так, как капиталист, играющий всегда на повышение, и 2) что, покупая ежедневно публичные фонды и не продавая их никогда, погашение стремится к умножению постоянных фондов и к уменьшению переходной части оных, чем оно действительно предупреждает упадок векселей и поддерживает все соображения государственного кредита.

Ежедневный выкуп векселей уничтожает до некоторой степени самовластие капиталистов на бирже

Погашение действует, как капиталист, играющий всегда на возвышение. Оно увеличивает постоянную часть фондов

В сей борьбе между частными капиталами, стремящимися почти всегда к понижению бумаг государственных, и между кассою погашения победа должна остаться на стороне сей последней. И в самом деле, все частные капиталы, какого бы рода они ни были, более или менее клонятся к раздроблению; они имеют разные средства употребления и подвержены разным опасностям и неудачам; но капитал кассы погашения не должен иметь никакой другой цели, кроме покупки государственных векселей. Векселя, поступая в распоряжение погашения, не истребляются, но приносят проценты для новой покупки, и сие усиленное действие сперва неприметным, а потом быстрым своим ходом возвышает наконец кассу погашения на степень первого покупателя во всем государстве, коего силы и богатство, увеличиваясь ежеднев-

Продолжительное его действие должно непременно победить все усилия капиталистов, играющих на падение

но, должны со временем уничтожить соперничество всех частных биржевых игроков. Следственно, касса погашения не есть только капиталист, играющий на повышение, но еще богатейший из всех капиталистов и биржевых спекуляторов¹.

Действие кассы погашения, столь благодетельное в отношении к старому отверженному государственному долгу, не менее удачно может примениться и к новым займам. Но для сего нужны особенные распоряжения. Всякий новый заем, заключенный на правилах государственного кредита, влечет за собою две необходимости: 1) определение ежегодного дохода для уплаты вечных, непрерывных процентов и 2) выпуск новых обязательств правительства на сумму, соразмерную с количеством займа. По всему тому, что выше изложено о достоинстве государственных обязательств, мы удостоверились, что сии векселя без принятия особенных мер для поддержания их курса клонятся к упадку, и сей упадок тем более будет неминуем и стремителен, чем значительнее занимаемый капитал. Следственно, все неудобства и опасности старого отверженного долга, лишенного достаточного погашения, возрождаются при каждом новом займе. Для отвращения оных система погашения представляет самое простое и удобное средство. При нынешнем понятии о государственном кредите всякий новый заем не заключается иначе, как с принятием мер для поддержания курса новых обязательств. Сии меры со-

Влияние кассы погашения на новые займы не менее благодетельно. Для достижения желаемой цели достаточно одного процента со всего капитала, чтоб дать всякому новому займу достояние старого отверженного долга

¹ Все сии соображения были оправданы успехом везде, где они были приведены в исполнение. Во Франции касса погашения получила постоянное и систематическое образование только в 1817 году, и капитал оной составил из 40 000 000 фр., определенных единовременно. Он ежегодно усиливался 16 000 000, происходящими от почтовых сборов, и 6 000 000, отделяемыми из государственной казны. В 1821 году погашение приобрело уж с лишком 70 000 000 дохода, и французские 5%, кои продавались сперва за 54 фр., возвысились до 108 и 110 капитала. В Англии славный Питт, собрав в одну массу четыре суммы, отделенные на погашение лордом Стангопом, и присоединив к ним некоторые малозначащие экономии правительства и пожизненные уплаты, уничтожающиеся смертностью, дал кассе погашения столь сильное направление, что в 1825 году она имела 7 500 000 ф. ст. ежегодного дохода, то есть выкупила около пятой части всего английского долга. Здесь опыт совершенно согласен с теориею. – Прим. Орлова.

стоят в том, чтоб всякий заем имел свое собственное погашение. Для сего правительство обязано не только обеспечить беспрепятственную уплату вечных процентов посредством налога или экономии, но уделить еще некоторую сумму для кассы погашения, дабы сия сумма, обращаясь на известных правилах и пользуясь равною неприкосновенностью с другими капиталами погашения, была залогом усиленного выкупа новых обязательств. Основываясь на математических расчетах, нашли, что при назначении 5 процентов один процент со всего капитала достаточен для успешного действия кассы погашения без излишнего обременения казны или народа. Сие распоряжение, изобретенное славным Питтом, довело систему кредита до возможного совершенства, представляя всем займам заранее все выгоды и преимущества отверженного государственного долга.

Сии простые основания государственного кредита требуют некоего развития

Таковы суть простые основания государственного кредита. Они заключаются в нескольких неперменных правилах, а именно: 1) употреблять умеренные налоги не иначе как на обыкновенные издержки; 2) удовлетворять чрезвычайные нужды посредством займов; 3) совершать займы с уплатою вечных процентов без возвращения капитала; 4) стараться давать векселям правительства вольное и удобное обращение и, наконец, 5) учредить кассу погашения с достаточным капиталом для уплаты процентов, для постепенного выкупа части векселей и поддержания курса всей массы государственных обязательств. Но изложение сих простых начал недостаточно для совершенного познания всей системы. Нам должно вникнуть подробнее во внутренний смысл сего важного предмета, ибо тогда только можем оценить в полной мере достоинство и могущество государственного кредита.

Уплатный и выкупный долги весьма различны между собою

В частном кредите долг уплачивается, в государственном кредите долг выкупается. Какая разница между уплатным и выкупным долгом? Весьма важная. В уплатном долге каждый срок уплаты капитала влечет за собою сильное волнение. Или сия уплата действительно исполняется, и тогда огромные капиталы, вторгаясь в обращение, переменяют внезапно ценность всех вещей и дают насильственное направление всем торговым оборотам, что никогда не может случиться без опасного воздейст-

Уплатный долг наводит рынки огромными капиталами, не имеющими никакого определенного употребления

вия; или сия уплата не совершается, и тогда все обороты промышленности останавливаются, и все ужасы несостоятельности мгновенно потрясают общество. В выкупном долге, напротив того, суммы, употребляемые на выкуп, переходят в руки людей, кои наперед знают, как оные употребить; сии суммы не наводняют внезапно все общественные рынки, но поступают в обращение постепенно, ежедневно, дробными частями и разделяются непринужденно на столько капиталов, сколько их требуют земледелие, промышленность и торговля. Уплата капитала в срок слепа, как налог, и часто падает на того заимодавца, который не желает и не ищет оной. Выкуп, напротив того, разборчив, как заем, выменивает только те векселя, которые сами ищут капиталов. Из сего следует, что уплата может исполниться, не возвышая курса кредитных бумаг, ибо часто не касается нуждающихся заимодавцев; но выкуп, напротив того, всегда поддерживает курс, ибо он предупреждает предложения продавцов.

Выкупной долг, напротив того, пускает в обращение только те капиталы, коих употребление заранее известно

Из всего следует, что уплата долга остается без действия на курс государственных обязательств, и выкуп всегда поддерживает кредит правления

Система государственного кредита влечет за собою необходимость порядка во всех частях финансового управления. Когда все надежды правительства во времена опасности зависят от заемных капиталов, когда способность занимать основана на обязанности платить непрерывные проценты, когда самая малейшая несостоятельность в уплате сих процентов может потрясти все здание кредита, уничтожить все средства преспеяния народного и поколебать все могущество целого государства, то устройство финансов делается первым предметом всех усилий и всей попечительности правления. Финансы соединены с кредитом самыми узкими связями. Вечные, непрерывные проценты требуют определения и неприкосновенности некоторой части государственных доходов. Получение сих доходов не может быть верным иначе, как посредством хорошо обдуманного налога. Всякий налог более или менее зависит от всей системы налогов, а сия последняя – от богатства народа, от успехов промышленности, от благосостояния всего общест-

Система отверженных долгов ведет к устройству финансов вообще. Сие устройство зависит не от необходимости для правительства быть точным в уплате непрерывных процентов

ва. Таким образом, от необходимости займов и обязанности платить вечные проценты рождаются отчетливость в средствах, умеренность в требованиях, правота в сношениях и порядок во всех частях финансового управления. Не входя в дальнейшие исследования сего предмета, можно утвердительно сказать, что ежели хорошая система налогов есть первое основание кредита, то употребление кредита есть побудительная причина к устройству системы налогов.

Государственный кредит есть огромное, неистощимое сокровище, не остающееся без пользы в погребях правительства, а составляющее богатство народное и всегда стремящееся к приращению

Государственный кредит не может ни под каким видом истощить средств народных. В самом деле, суммы, занимаемые правительством, не остаются в бездействии. Они разными путями переходят опять и очень скоро в руки народа таким образом, что правительство служит только посредником денежного оборота между теми, кои поверяют ему свои капиталы, и теми, кои за сии самые капиталы продают свои услуги. Из сего следует, что занимаемые суммы всегда остаются в обращении или выходят из оного только на короткое время и что источник займов никогда иссохнуть не может. Государственный кредит есть в полном смысле неистощимое сокровище, всегда готовое для всех чрезвычайных издержек, с тою, однако же, разницею, что сие сокровище на место бесприбыльного накопления в погребях правительства всегда остается в руках народа и беспрестанно умножается, удовлетворяя попеременно необходимые нужды государственных посредством займов и переходя опять через государственные издержки к полезному удовлетворению требований искусственности, земледелия и торговли¹.

¹ Многие писатели и даже некоторые государственные люди различают долг внутренний от долга внешнего, полагая, что первый может быть столь же полезным, сколь второй вреден и опасен. Они основываются на следующих причинах: 1) расчет заимодавцев всегда бывает таков, что проценты более выберут денег, чем капиталы внесут оных. Отсюда убыль и истощение средств народных. – Это несправедливо. Капитал порождает проценты сам собою; следственно, те деньги, кои уплатою процентов переходят в руки иностранного заимодавца, суть не что иное, как избыточное произведение его собственного достоинства. Не земля ваша, а капитал, положенный им в землю, приносит ему доход; 2) занимать на вечные проценты у иностранцев есть обременять отечество вечною данью. – Несправедливо

Но кредит не только не уменьшает, но еще увеличивает денежные капиталы. Сие умножение капиталов происходит от выпускаемых государственных, заменяющих до некоторой степени во всех больших оборотах звонкую монету. Ежели капиталы заемные издержаны правительством в чужих краях, то они только заменены векселями во внутреннем обращении; но ежели сии суммы, так как это почти всегда случается, издержаны в самом государстве, то масса денежного народного капитала действительно увеличена на все количество выпущенных облигаций. При умножении капиталов все займы делаются удобнее и проценты клонятся к понижению; следственно, и само правительство, находя средство занимать с меньшими издержками и с меньшим трудом, действительно обогащается употреблением кредита. От сего мы и видим, что везде, где правила кредита укоренены,

Государственный кредит умножает капиталы в обращении и, следственно, образует богатство народное

во, во-первых, потому, что вечных процентов нет, ибо касса погашения рано или поздно должна выкупить большую часть займа; во-вторых, потому, что капитал, внесенный иностранцем, поставляет его в большую зависимость от займателя, чем заниматель в зависимости у него; 3) правительство тогда только может назваться сильным, когда народ, ему подвластный, богат и счастлив, а в сем последнем предположении нет нужды занимать у иностранцев, когда капиталы изобилуют в отечестве. – Справедливо, но не совсем. Могут быть обстоятельства, в коих заем капиталов при самом избытке оных невозможен, а именно: ежели сии капиталы находят внутреннее употребление, доставляющее более выгод, чем предложения правительства. В таком случае заем у иностранцев есть не только не вредный, но даже весьма полезный оборот. Впрочем, весь сей вопрос заключает, кажется, в себе мало важности. Или долг государственный подвержен падению, или курс его выгоден. В первом случае, какой бы он ни был, внутренний или внешний, опасность всё одна. Во втором случае, ежели курс фондов выгоден, то, конечно, часть иностранного долга перейдет в руки туземных капиталистов, а часть внутреннего – во владение иностранцев, из чего следует, что должно пешичь не столько о том, в чьих руках находятся обязательства правительства, но более, чтоб сии обязательства имели полное свое достоинство. Внешний и внутренний долги влекут за собою те же последствия, ибо и тот, и другой равно всякий день подвержены биржевой игре и всем случайностям неудачи или счастья. По мнению нашему, в нынешнем положении просвещенных европейских народов всякий государственный долг должен образовывать, так сказать, общую европейскую кредитивную монету. – Прим. Орлова.

нились, возвышение доходов государственных и свободнейшее взимание оных, развитие торговли и промышленности, преспеяние народное и могущество правительства возрастают почти наравне с долгом государственным, ибо при точном соблюдении правил сей долг не есть бремя, но богатство и для народа, и для правительства.

Государственный кредит дает правительству средство располагать огромнейшими капиталами, принуждая общество к самым умеренным пожертвованиям

Сие замечание весьма важно, ибо оно показывает, что государственный кредит заключает в себе некоторую жизненную силу, собственно ему принадлежащую и развивающуюся от одного своего употребления. Войдем подробнее в исследование сего предмета. Положим, что чрезвычайные обстоятельства поставляют какое-нибудь правительство в необходимость издерживать ежегодно лишние 100 000 000 руб. в течение пяти лет. В сем предположении употребление системы налогов лишает обращение 500 000 000 руб.; кредит, напротив того, ежели займы заключены будут по шести процентов, из коих один назначен для погашения, распоряжая тем же огромным капиталом, выбирает из обращения в течение пяти лет не более 90 000 000 руб., то есть менее, нежели налог в первый год своего определения. Правда, остается уплата непрерывных процентов, но сколько причин соединяются, чтобы облегчить сию тягость? 1) По принятому окладу один процент погашает весь долг в течение 36 лет; 2) непрерывные проценты уплачиваются из 400 000 000 руб., которые остаются в обращении; 3) лишать народ разом больших капиталов – значит умертвить всю промышленность, а взимать налоги процентные, соразмерные с капиталами, служит часто к поощрению деятельности; 4) возрастающая цена всех произведений может легко вознаградить убыток, происходящий от легкого налога, так что обязанность уплачивать 6 000 000 за проценты первого займа будет по истечении пяти лет почти нечувствительной для народа; 5) наконец, займы не всегда платятся налогами; одна бережливость в управлении государственными доходами часто достаточна, чтоб удовлетворить требование заимодавцев без определения новой подати, тогда как в системе налогов капитал необходимо должен быть похищен из рук народа. Оценив достоинство всех сих причин, нетрудно согласиться, что государственный кредит разрешает удовлетворительно затруднительнейшую из всех экономиче-

ских задач, а именно: он дает действительно правительству средство располагать огромнейшими капиталами, принуждая общество к самым умеренным пожертвованиям.

Сие самое рассуждение ведет нас к другому, не менее важному заключению. Капитальный цифр государственного отверженного долга сам по себе есть отвлеченное количество, необходимое для расчетов, но не заключающее в себе никакой существенной силы. Но цифр уплачиваемого непрерывного процента есть положительное число, долженствующее обратить на себя все внимание государственных людей, потому что на сем цифре основываются обязанности правительства, соответствующий оным налог и самое действие кассы погашения. И в самом деле, при первом взгляде кажется, что в отношении старого отверженного долга 200 000 000 капитала, платящие по 3%, совершенно равны 100 000 000, платящим 6%, ибо один и тот же налог достаточен для удовлетворения заимодавцев; но для употребления кредита в будущности разница весьма велика, ибо правительство, получающее двойной капитал за одинаковые проценты, вдвое богаче правительства, получающего за те же проценты половинную только сумму. Вот почему все усилия государственных людей должны стремиться к понижению цифра процентов, хотя бы с сим понижением сопряжено было повышение капитального цифра¹.

В системе государственного кредита капитальный цифр не заслуживает никакого внимания; все же старания правительства должны быть обращены на понижение цифра процентного

¹ Самый разительный пример в доказательство сей истины мы выбираем из английской истории. В 1716 году государственный долг Англии заключался в тесных пределах 52 145 361, за кои платилось процентов 3 351 357 ф. ст., то есть около 6,5%. В 1763 году отверженный долг увеличился почти в три раза и простирался до 139 501 602, но непрерывные проценты старанием правительства были убавлены до 3,5%, и народ платил не более 4 681 146 ф. ст. Итак, Англия пожертвованием 1 329 789 ежегодной подати приобрела 87 356 241 ф. ст., посредством коих она привела к окончанию три войны, утвердила попеременно падающие троны Марии Терезии и Фридрика II, основала свое владычество в Индии, завоевала Канаду и заняла место первой морской державы в свете. Таковы суть последствия хорошо обдуманной системы финансов и постоянного стремления к понижению процентного цифра. – Прим. Орлова.

Государственный кредит имеет, однако же, свои границы. Злоупотребление кредита оканчивается, когда уплата процентов делается невозможной или обременительной для народа

До сих пор мы представляли кредит в виде некоторой неограниченной силы, коей развитие не знает ни меры, ни преград. Пора сказать, что так, как все соображения человеческие, система кредита имеет свои пределы, и сии пределы означены точно и резко. Долг государственный должен быть соразмерен с силами государства, и при одной только сей соразмерности он может быть для народа источником могущества и богатства; но ежели от легкости займов родятся роскошь и беспечие, ежели расточительность возьмет место бережливости, ежели в мирное время и на обыкновенные расходы будут издерживать средства, предназначенные для одних чрезвычайных случаев, то скоро участь кредитной системы будет подобна участи системы налогов, с тою разницей, что злоупотребление в налогах можно поправить употреблением кредита, злоупотребление кредита ничем исправить не может. Сие несчастье постигает народ тогда, когда уплата процентов государственного долга делается обременительною и невозможною, и сими самым определяются естественные границы государственного кредита.

Касса погашения, учрежденная для совершенного уничтожения государственного отсроченного долга, не в состоянии исполнить предназначения ее изобретателей, но, не менее того, польза, ею приносимая, несомненна

Что касается до кассы погашения, то сие учреждение, невзирая на все свои выгоды, имело и имеет еще много противников. Изобретатели погашения, увлеченные пристрастием к своему открытию, представили его как некое общецелительное средство против всех припадков государственной расточительности; и так как их выводы основаны были на чистых математических выкладках, то все те, кои не знают различия между простыми отвлеченными расчетами и политической прикладной арифметикою, приняли за неоспоримую истину, что касса погашения должна непременно погасить государственный долг. Время, однако же, не доказало справедливости их мечтания. Касса погашения при всей своей деятельности нигде не погасила еще государственного долга, и всякий раз, что правительства хотели приступить к погашению, они находили или препятствия, или способ выгоднейшего употребления капиталов. От сего противники системы погашения начали торжествовать, называя ее пустым вымыслом, фантазмагорию, средством, изобретенным единственно для того, чтоб ослепить народ и скрыть пред ним ошибки и гибельную роскошь правительства. И те и другие равно несправедливы. Точно,

касса погашения не в состоянии при нынешнем положении политических сношений погасить долга государственного; точно, она не достигает цели своего названия и своего первоначального учреждения; но тем не менее того благое влияние кассы погашения огромно; деятельность ее выкупов способствует неограниченно благосостоянию народов, и предмет, вполне ею выполняемый, не только не уступает важностью своею самому погашению долга, но превышает его и положительностью и полезностью своих последствий.

Само собою разумеется, что сила кассы погашения зависит, во-первых, от оклада процентов и, во-вторых, от существующего курса государственных обязательств. С одной стороны, чем выше оклад процентов, тем более касса имеет доходов и, следовательно, способов для выкупа. С другой – чем ниже курс обязательств, тем дешевле они приобретаются кассою, тем в большем количестве они поступают в ее владение. Итак, частные выгоды кассы погашения совершенно противны выгодам государства, которого кредит тогда только процветает, когда займы его совершаются без лишних пожертвований и обязательства его пользуются общим доверием. Но сия противоположность не только не служит ко вреду кассы погашения, но доказывает, какое удивительное согласие существует между системою погашения и системою кредита. И в самом деле, чем тверже основан государственный кредит, чем выгоднее заключаются займы, чем слабее оклад процентов, чем возвышеннее курс народных обязательств, тем скромнее действие погашения; но коль скоро сей курс начинает понижаться, коль скоро займы заключаются с убытком, действие погашения приобретает новые силы и стремится к восстановлению равновесия, подавая кредиту не слепую и грубую помощь, но согласуясь всегда с настоящими его нуждами и соразмеряя подкрепление со всеми изменениями и переворотами курса, так что погашение делается необходимым и неразрывным дополнением самого кредита.

Сия тесная связь между кредитом и погашением перемещает весь вопрос об уничтожении долга государственного. Касса погашения, возвышая курс обязательств, действует непосредственно против своих собственных выгод. Когда она довела сей курс до именовательной своей ценности, так что за 100 руб. вексельных будут

Касса погашения действует согласно со всеми изменениями курса государственных обязательств. При благоприятных обстоятельствах действие сие укрепляется. При упадке курса, напротив того, сила погашения увеличивается

Касса погашения не может и не должна совершить вполне выкуп государственного долга

платить 100 руб. наличности, то она очевидно исполнила все, что должна была исполнить. Продолжая далее свое действие, она может возвысить сию ценность векселей сверх их именовательного достоинства; но тогда всякий выкуп есть не что иное, как ложный расчет и вредное употребление капиталов погашения. Сего недовольно: не только расчет будет ложен, но и самое действие кассы погашения будет слабее и продолжительнее. Положим, что 100 руб. вексельного капитала будут продаваться за 200 руб. монетою. Не ясно ли, что таковое повышение государственных обязательств отвечает совершенно уменьшению наполовину капиталов погашения? Не ясно ли, что при уменьшении наполовину капиталов кассы погашения сия последняя будет действовать вдвое медленнее и слабее; так что тот же долг, который мог бы погаситься в 30 лет, требует уже 60-летнего времени для своего уничтожения? Но где искать в истории 60 лет непрерывного мира и спокойствия, 60 лет неизменяемой мудрости в управлении, 60 лет умеренности и постоянно счастливых обстоятельств? Таковое утопическое предположение было бы несогласно с опытом всех времен и показанием всех событий. Погашение, требующее столь долгой отсрочки, исполниться не может, ибо прежде, нежели протечет половина необходимого времени для освобождения народа от долга, внезапные обстоятельства принудят сей народ к новым жертвованиям и к новым займам, отсрочивая погашение до будущих времен, которые принесут с собой те же препятствия и ту же невозможность. Итак, невзирая на всю точность математических расчетов, в нынешнем положении политических сношений касса погашения не может погасить государственного долга, потому что по мере погашения старых долгов новые рождаются от необходимости употребления кредита.

Настоящее назначение кассы погашения есть 1) подержание кредита, 2) уменьшение процентного цифра, 3) облегчение налогов. Сии два последние предложения требуют пояснения

Правда, увеличив капиталы погашения, можно сократить время выкупа. Но где полезность сего соображения? Сие умножение не требует ли новых жертвований от народа? И для чего? Для того, чтоб погасить долг государственный, который, будучи заключен в границах умеренности, есть не бремя, а богатство? Для того, чтоб насильственно выбрать из обращения вексельные капиталы, которые все имели свое полезное употребление? Для того, чтоб частные капиталы, находившие выгодное

помещение в государственных фондах, лежали без роста или перешли в чужие края и тем разрушили на будущие времена все пособия и средства? Нет; уничтожение государственного долга посредством погашения может быть предметом размышлений для людей, занимающихся отвлеченностями политической экономии; но те, которые, упражняясь в государственных делах, привыкли подчинять все расчеты теоретические существенным пользам народа, будут уметь лучше оценить настоящее достоинство кассы погашения. В их мыслях, она предназначена не для того, чтоб умертвить кредит, но для поддержания и отверждения оно, что нами довольно ясно было уже доказано, и, сверх того, для понижения процентного цифра и для облегчения налогов, что нам остается доказать.

Понижение процентов есть оборот, весьма выгодный для общества. Когда усиленным действием погашения курс государственных обязательств сравняется и даже начинает превышать именовательную ценность оных, то сие явление есть очевидное доказательство, что оклад процентов вообще понизился и что новый заем может совершиться с меньшими для казны убытками. Правительство не должно упускать сего благоприятного случая для облегчения народа и поддержания собственного своего кредита. Положим, что долг простирается до 100 000 000, занятых в трудные времена по 7%. Народ для уплаты процентов и для погашения должен вносить 8 000 000 ежегодно. Но ежели правительство может занять по 4% и обнаружит, что оно намерено сполна заплатить свой прежний долг, то налоги, необходимые на уплату процентов и на погашение, не будут превышать 5 000 000; следственно, одним сим оборотом правительство может снять 3 000 000 ежегодных податей, и столь значительное облегчение немало будет полезно всем отраслям промышленности. Сей оборот не соединен обыкновенно ни с какими затруднениями. Во всех местах, где правительства были в состоянии предложить уплату старого долга посредством нового выгоднейшего займа, нигде заимодавцы не допускали до совершения сего займа и не требовали уплаты, а сами соглашались на понижение процента и сохраняли свои прежние обязательства. Таким образом, первым истоком для преизобилующих сил кассы погашения определяется понижение процентов – оборот, равно полезный для народа, для прави-

Понижение процентов совершается уплатою прежнего долга новым займом

*Касса погашения
возвратным своим
действием дает
правительству чрез
так называемую
разницу погашения
средство убавлять
налоги и время об-
думывать сие убав-
ление*

тельства и для самих заимодавцев, ибо все, что поддерживает кредит, выгодно кредиторам.

Но сие употребление избытков кассы погашения имеет также свои границы. Когда проценты доведены до 3, то есть до той степени, ниже которой и трудно вообразить займы капиталов, когда новые сии 3% постоянным выкупом доходят до равенства с именовательною своею ценностью, то снова рождается избыток в капиталах погашения, и снова надобно искать сему избытку полезнейшего употребления. При первом взгляде казалось бы, что справедливость требует уничтожения тех самых налогов, которые были учреждены для уплаты вечных процентов. Но в государственных делах сама справедливость иногда подчинена пользе народной. Всякий налог порождает некоторый круг деятельности и делается средоточием разных частных расчетов и предприятий, искусственных и торговых. Уничтожить налог, возымевший все свое действие на промышленность, может быть не только средством малооблегчительным, но часто разорительным для народа. От сего принято правилом не уничтожать налогов, введенных уже в употребление, иначе, как с величайшею осмотрительностью, и в сем уничтожении руководствоваться избранием не тех подачей, которые следовало бы снять по одному слепому соотношению времени и давности, но тех, кои истинно обременительны для народа. На сем рассуждении основано второе, и важнейшее, употребление избытков кассы погашения. Коль скоро проценты всего государственного долга доведены до возможного понижения, то правительство может определить, какой капитал нужен погашению для поддержания курса своих обязательств. Ежели, по определению сего капитала, касса погашения владеет еще значительными доходами, то сии избыточные доходы, называющиеся разницею погашения, поступают на облегчение налогов. В сем положении кредита касса погашения действует не только на возвышение курса, но непосредственно на все первые источники богатства и преспеяния народного, возвращая постепенно обществу те суммы, коими оно некогда жертвовало для утверждения своей славы, силы и независимости¹.

¹ Все, что нами изложено, подтверждается событиями и примерами. Истории Англии, Франции, Голландии и Соединенных Американских Штатов могут попеременно служить доказа-

Излагая систему государственного кредита, мы старались всеми силами отстранить вопросы, касающиеся не столько до кредита, сколько до политики внешней и внутренней. По нашему мнению, сии вопросы более затмевают, чем поясняют настоящее понятие о кредите. Но противники кредита не преминут употребить в свою пользу сие воздержание. Они давно уже называют кредит детищем переворотов и присоединяют его к числу тех мыслей, на которые без разбора стараются наложить печать проклятия и отвержения. Мы полагаем, напротив того, что сие мнение о кредите совершенно ошибочно, что он не только не потрясает общественного порядка, но утверждает все государственные постановления и служит залогом как внешней безопасности, так и внутреннего спокойствия. Оттого, что кредит утвердился в Голландии, Англии и Франции после ужаснейших переворотов, не следует еще, что он без переворотов существовать не может. Оттого, что он был изобретен там, где вольность прений дает более игры воображению и более смелости слову, не следует еще, что после его изобретения другие правительства не могли воспользоваться

Государственный кредит не есть детище переворотов, но, напротив того, он друг мира и спокойствия

тельством всех наших рассуждений. Показав, как кредит посредством займов ограждает внешнюю безопасность и развивает внутреннее благосостояние народов, нам следовало также показать, как чрез разницу погашения заемные капиталы могут возвратиться к своему источнику и облегчить систему налогов. До сих пор опыт всех времен согласен с нашею теориею, и Англия, которая с 1815 по 1824 год потребила разницу своего погашения на уничтожение около 100 000 000 руб. ежегодных податей, доказала всему свету, что и сие возвратное действие кредита не есть одна только умозрительная догадка. Но мы не смеем утверждать с некоторыми государственными людьми, что касса погашения есть огромное народное сокровище, готовое средство для оживления всех патриотических усилий в опасностях отечества. Сколь сия мысль ни утешительна, сколь она ни кажется естественной, сколь она ни согласна вообще с тем высоким мнением, которое мы имеем о государственном кредите вообще и о кассе погашения, мы не хотим, однако, утверждать того, что не доказано на самом деле, и выдавать за неоспоримую истину такое предположение, которое нигде и никогда еще испытано не было. Время и опыт нам докажут, могут ли когда-нибудь капиталы кассы погашения быть употреблены без потрясения самого кредита как огромное сокровище на место новых займов? До сих пор сей важный вопрос остается еще нерешенным. – *Прим. Орлова.*

вполне его благодетельными последствиями. Мы охотно признаем, что некоторая степень вольности дает кредитным постановлениям много постоянства и твердости; но мы уверены также, что самодержавие, соединенное с просвещением, не есть препятствие для учреждения сих постановлений, и сия истина так неоспорима, что часто в истории мы видим, как народы, пользующиеся всеми законными вольностями, страдают и погибают от расточения своих богатств и как самодержавные правительства приобретают доверие, честь и славу постоянным соблюдением кредитных правил. Друг мира и рассудка, кредит равно ненавидит необузданность своеволия и капризы тиранов, равно исчезает пред бессмысленным законом вольных римлян о разделении полей и пред ужасным обычаем, уничтожающим право наследства в деспотической Турецкой империи. Везде, где собственность ограждена законами, где порождаются богатства и находят неприкосновенность и покров, везде кредит может основаться и процветать в соразмерности с самыми сими богатствами. Что Бентам сказал о законах вообще, может быть удачно применено к постановлениям кредита. Правила его, как хорошие уложения, не зависят непосредственно от образа правления и могут с некоторыми изменениями приняты быть всеми народами, под каким бы правительством они ни существовали, с тем только условием, чтоб сие правительство умело оценить всю важность народного просвещения и чтоб оно уверено было, что сие просвещение отнюдь не вредит его собственным выгодам, могуществу и славе.

Преспеяние народа может быть случайным или обдуманым

Все народы, известные в истории, имели свою отличительную эпоху преспеяния. Сие преспеяние было иногда плодом мудрых соображений правительства; чаще оно было только последствием счастливых обстоятельств. Отсюда проистекает необходимость различать в истории случайное преспеяние народов от преспеяния обдуманного.

Случайное преспеяние есть последствие счастливых обстоятельств, независимых от наших соображений

Преспеяние случайное происходит от стечения непредвидимых обстоятельств, часто маловажных при первом взгляде и всегда независимых от нашей воли и наших соображений. Действие его иногда столь сильно, что оно торжествует над всеми преградами, положенными или предрассудками самого народа, или невежеством правителей. Так, появление великого мужа, что есть не

что иное, как счастливый случай, обязанность принять отчаянные меры для сохранения независимости и самого существования, что есть истинное несчастье, вступление в теснейшие сношения с народом более просвещенным, открытие неизвестной земли заблудившимся кораблем, деятельность торговая, вдруг возбужденная требованиями и воздействием чужестранцев, наконец, открытие, часто самое пустое, по мнению современников, например, соление сельдей в Голландии, – все может сделаться для народа началом случайного преспеяния. Такие причины могут долго скрываться от всех взоров и не менее того действовать на успехи общего просвещения и благосостояния. Но когда действие оных начнет обнаруживаться на всей массе народа, то вдруг какая-то необычайная сила проникает общество, дает ему новую жизнь. К чему бы ни обратилась сия рождающаяся деятельность, к предприятиям ли воинским или к мирным занятиям торговли, искусств и наук, всегда и почти без усилий успех следует за нею, и часто все пути богатства, славы и могущества вместе открываются пред юным народом. Счастливая эпоха, в которой все перемены легки, все улучшения возможны!

К несчастью народов и правительств, время успехов и славы редко бывает временем предусмотрительности и мудрости. Чем менее мы приготовлены к счастью, тем менее умеем пользоваться им без злоупотребления. Сии блестящие эпохи заключают обыкновенно в себе зародыш будущих злополучий, когда по быстрому ходу случайного преспеяния частные неудачи исправляются почти сами собой, ошибки правителей остаются ненаказанными и влекут за собою новые ошибки. Таким образом, подати, легко взимаемые, налагаются без разбора и без меры. Займы заключаются без соображения и без системы. Все расчеты внутренней и внешней политики подчинены внушениям честолюбивых страстей. Надобно утвердиться на той степени, на которую счастье возвысило; надобно, чтобы величие народа отражалось в великолепии наружности; надобно сохранить влияние над другими державами и поддержать свое достоинство. Под сими и подобными им предложениями предприятие следует за предприятием, расход за расходом, пожертвование за пожертвованием, и до тех пор, пока счастливые обстоятельства довольно сильны, чтоб бороться с увлечениями

Время случайного преспеяния есть время ошибок и заблуждений

Случайное преспеяние не может быть постоянным, ибо оно основано на причинах переходящих

расточительности и ошибками политики, успех также следует за успехом и ложный блеск переходящей славы ослепляет и народ, и правителей.

Но наконец приходит время, где счастье отводит свою могущую руку, и тогда является нам новое зрелище. После долгих злоупотреблений источники богатства обедняли и иссохли. Всеобщее негодование заняло место всеобщего упоения. Всякий новый налог приносит убыток в прежних податях. Народ платит дурно; скоро он совсем платить не будет: усилия истощили силу. Напрасно правительство будет прибегать к односторонним мерам и принудительным средствам. И те, и другие бессильны против изнеможения общества; они должны сокрушиться пред ропотом или нищетою подданных. По мере как счастливые обстоятельства отклоняются, здание народного величия, на них одних основанное, со всех сторон угрожает падением, и старая система правления, без соображения, без предусмотрительности, становится жертвою своего собственного беспечия. Следуя обыкновенному влечению событий, несчастье постигает народ, лишенный всякой защиты и которому не остается другой участи, как погибнуть смертию древних народов или впасть в политическое ничтожество, как Испания, или возродиться в ужасах судорожного переворота, наподобие Англии и Франции. Такова участь случайного преспеяния всегда и везде, где одно только счастье призывает народы к исторической известности¹.

¹ Весьма ошибаются те, кои думают, что случайное преспеяние может продолжительностью своею заменить недостаток правил и обдуманной системы правления. Откройте историю, и самое простое сравнение эпох и чисел выведет вас из заблуждения. Вы ужаснетесь, когда увидите, что сии блестящие времена жизни целых народов едва равняются жизни одного поколения. Слава персов начинается и кончается Киром. Преспеяние Афин простирается от Саламина до Эгос-Потамос, Спарты – от Фермопил до Левктры. Жизнь Эпаминонда и Пелопида составляет весь златой век Фивов. Блистательная эпоха Македонии продолжается только от Херонейского сражения до пожара Персеполиса. Царствования Селевка в Сирии, трех Птолемеев в Египте, Мифридата в Понте заключают в себе каждое едва полвека благоденствия. Ежели истории Карфагена и особливо Древнего Рима кажутся изменениями сего общего правила, то сие зависело для первого от обладания всеобщего торговлею, а для второго – от сильных учреждений, им управлявших, и той же торговли, похищенной у его соперницы, то есть от обстоятельств, кои по существу своему

Но преспеяние, обдуманное и основанное на соображениях, имеет другой ход и другие последствия. Единственное и неперемненное условие сего преспеяния есть просвещение. В сем одном слове, принятом в самом обширном его значении, заключается вся разность между двумя преспеяниями и, следственно, вся судьба правительств и народов.

Обдуманное преспеяние основано на просвещении

принадлежат более к обдуманному преспеянию, чем к случайному. Переходя к средним векам, мы погружаемся в хаос событий, коими вполне управляет слепой случай и где шаткость последствий отвечает совершенно непостоянству начал. В сем длинном историческом периоде одно только существование Венеции и духовное владычество Рима достойны примечания; но Венеция, в строгом смысле слова, наследовала торговлю Карфагена, а духовный Рим основал свое величие на глубокой своей политике и на закоснелых предрассудках народов. Преспеяние сих двух государств должно было продлиться до тех пор, пока Венеция не нашла соперников на торжищах вселенной и пока постепенное просвещение не разогнало в Европе тьму невежества. Что же касается до турков, то их история составляет истинное исключение. Их успехи принадлежат, без всякого сомнения, к преспеянию случайному, и не менее того они были весьма продолжительны. Но счастье сделало для них более, нежели для какого-либо другого народа. Трон Оттоманов в течение 250 лет украшен был 13 султанами, из коих каждый может быть признан за великого человека; и однако же до какого варварства, до какого унижения они достигли в наши времена? Впрочем, сей пример, единственный в истории, доказывает, что, ежели счастье иногда отступает от обыкновенного своего хода и дает некоторое постоянство случайному преспеянию, самые богатые его дары недостаточны, чтоб воздвигнуть на твердом основании благоденствие народов. В новые времена разительнейший из всех примеров находится в истории Испании. Случай подарил Испании целую полвселенную в то самое время, когда она уже владела третью частию просвещенной Европы, когда армия ее была первою в мире, когда флоты ее господствовали на всех морях, когда торговля ее обнимала весь известный свет, когда литература ее и язык были всеобщим языком и всеобщею литературою. Какое собрание благоприятных обстоятельств! Однако же блистательная эпоха испанской истории непродолжительна. Она начинается победою при Павии и кончается сражением при Санта-Кентине, заключая в себе не более 32 лет. После Вестфальского мира участь всей Европы переменается. Здесь случайность начинает уступать действию соображений, и определение начал требует долгих изысканий и строгой критики. В следующей части мы постараемся подробным разбором финансов Франции и Англии доказать, что и теперь одни и те же причины влекут за собою одинаковые последствия. — Прим. Орлова.

Просвещение древних народов было неполное и одностороннее

Истинное просвещение принадлежит новейшим временам. Древние народы, до какой бы степени образованности они ни доходили, не могут назваться просвещенными. Их образованность была, так сказать, односторонняя и всегда ограниченная какими-либо предрассудками, тогда как отличительная черта нашего просвещения есть беспредельное усовершенствование рода человеческого. В древности просвещение зависело единственно от законов, а сочинение законов препоручалось почти всегда одному человеку. Всякий городок имел своего мудреца, который выдавал умствования свои за непреложные истины, сочинял уложения для своего отечества и часто силою принуждал своих сограждан повиноваться его законодательным вымыслам. Все они хотели с одного раза, так сказать, бросить в форму и вылить из меди целый народ со всеми его судьбами, не обращая внимания ни на течение времени, ни на изменение обстоятельств и мыслей; они входили в дела семейственные, наместо того чтоб заниматься политическими учреждениями; отнимали у религии ее право исправлять пороки вместо того, чтоб преследовать одни только преступления, кои суть порок в действии; смешивали всегда человека в одиночестве с человеком в обществе и требовали от сограждан своих столь совершенной нравственности и столь высокой добродетели, что с сими качествами люди не имели бы никакой нужды в законах, ни в уложениях, ни в умствованиях своих законодателей. Все сии мнимые мудрецы искали для своего отечества славы и силы ложными дорогами, слепо отвергали вернейшие средства к достижению оных. Красноречие, искусства, а всего более богатство были попеременно предметом их гонений, и беспрестанные утопические бредни или бесконечные жалобы на разврат нравов и на успехи роскоши заменяли у них недостаток соображений и познаний государственных. Что же из сего вышло? Народы, воспитанные в ненависти к всем источникам истинного преспеяния, заключенные в тесных физических и умственных границах волею своих законодателей, гнушающиеся и торговлею, и искусствами, приговоренные систематически к вечной бедности, переходили из уз варварства в пелены полупросвещения и не могли ни пользоваться счастьем, с ко-

ни не умели управляться, ни бороться с несчастьем, против которого они были слишком слабы¹.

Нынешнее просвещение, коего начало скрывается, может быть, в самом начале христианства, сделалось явственным и, так сказать, ощутительным для всех со времен Вестфальского мира. Кто его изобрел? Никто. Кто споспешествовал водворению оногo в Европе? Все великие люди древних и новых времен, все великие истины, до сих пор постигнутые умом человеческим. Основанное на правилах, испытанных всеми народами и всеми веками, новое просвещение быстро распространяется чрез книгопечатание, изучение иностранных языков и еже-

Нынешнее просвещение имеет в виду усовершенствование всего рода человеческого. Оно стремится к умножению общего довольства посредством быстрого обмена мыслей и произведений между народами

¹ Просвещение в древности было уделом греков и римлян. О Египте мы слишком мало знаем. О других древних народах нечего и говорить. История Греции подтверждает все, нами сказанное; история Рима есть исключение. Мы привыкли с младенчества почитать имена Солона и Ликурга. Но можно ли по справедливости приписывать могущество и славу, приобретаемые богатствами и торговлею, соображениям тех самых, кои употребили все свои усилия, чтоб уронить торговлю и истребить богатства? Тот, кто желает узнать истинные причины кратковременного величия Афин и Спарты, не должен их искать ни в тяжелой железной монете, ни в славной черной похлебке, ни в бестолковом законе острацизма, но в других обстоятельствах, кои принадлежат столько же к разряду преступлений, как к числу случайностей. И вправду: преспеяние Афин основано не на чем другом, как на преступном управлении и насильственном похищении сокровищ Делосского храма. Спарта не могла бы вооружить флота Лизандра, ежели бы не испросила денежного пособия у персов, – пособия, постыдного для потомков Леонида. Филипп обязан всем своим могуществом разорению Дельфийского казнохранилища, богатствами коего он успел подкупить правителей разных греческих народов. Вот истинные причины величия Афин, Спарты и Македонии. Сии причины суть неоспоримые события, и самое естество их доказывает, что они не могли быть продолжительными. Сколько простой, но здравый смысл римлян был выше всех умствований греческих! В их истории нет законодателя, вооруженного предвзвешанностью и односторонними соображениями; участь народа не связана с участью самопроизвольных учреждений. Но зато у них уложение сильное, гибкое, изменяющееся со всеми обстоятельствами и подвигающееся к совершенству по мере развития сил народных. Законы, нравы, богатства, оружия чужестранные – римляне принимают все, что им полезно, и даже богам завоеванных народов дают в своих храмах право гражданства. Рим должен был столько же положительною своего политического просвещения, сколь силою оружия сделаться непременно повелителем всего известного света. – *Прим. Орлова.*

дневное сообщение всех людей между собою. Пред ним все предрассудки исчезают один за другим; все науки, все искусства процветают или стремятся к процветанию; всякое новое открытие делается всеобщим достоянием рода человеческого; всякая новая истина проникает до глубины нашего политического быта, входит в наши обычаи и нравы и составляет после некоторого времени особенный род нравственной необходимости. На попрание словесности, наук, художеств и торговли является дух сообщничества, соединяющий усилия частные в силу общую. Здесь союзные капиталы роют под Темзою подземное сообщение или разрабатывают мексиканские рудники, или основывают кредит правительств посреди ужаснейших несчастий, как во Франции. Там в виде страховых обществ борются с громом и градом, сохраняют богатства народные на суше от пожаров, на море от бурь и непогод. Везде наместо того, чтоб воздвигать стену разделения между людьми, новое просвещение стремится непрерывно к умножению массы общего довольства посредством быстрого обмена всех мыслей и всех произведений, взаимного воздействия народов и беспрепятственного развития их естественных способов, или богатства, и их умственных сил, или образования. История просвещения европейских народов различна для каждого из них; политические отношения, закостенелость народных предрассудков, мудрость или беспечие правителей, благоприятность случая или непредвидимые несчастия – все сии разные обстоятельства имели, конечно, разное влияние на общий ход событий во всякой местности; но окончательные выводы должны быть везде одинаковы, и ежели некоторые из сих народов в сравнении с прочими стоят на высшей степени образованности, все другие, следуя по одной и той же стезе, должны рано или поздно достигнуть одной и той же цели. Сии окончательные выводы, коими разрешается вся задача нового просвещения, в главных их отделениях суть следующие:

Вся задача нового просвещения разрешается четырьмя окончательными выводами

1) Преобразование умственное, или переход от фанатизма к терпимости (Révolution intellectuelle)

Первый вывод. Преобразование умственное, или переход народов от фанатизма и суеверия к терпимости. Сие определение касается столько же до религии, сколько и до всех философических изысканий. В религии терпимость нужна, дабы никогда и в никаком случае не угнетать в человеке расположения к благочестию. В философических изысканиях она необходима для постижения

истины. Без терпимости ни совесть, ни рассудок, ни чувства, ни мысли не могут иметь полного развития. В религии, как в науках и философии, признак варварства есть односторонний взгляд на предметы и пристрастие, происходящее от невежества, а признак просвещения есть полный объем предмета, подробный разбор оного и убеждение, основанное на совершенном понятии. Итак, борьба убеждения с пристрастием, терпимости с фанатизмом есть то же, что борьба просвещения с варварством. Терпимость в сем общем и важном смысле есть независимость совести и возмужалость рассудка.

Второй вывод. Преобразование политическое внешнее, или переход народов от честолюбивых замыслов к мирной оседлости, от состояния наступательного одиночества к системе оборонительных союзов. Равновесие политическое делает для целых народов то, что хорошие законы делают для частных людей. Оно соединяет их в общество и во всех их взаимных сношениях стремится силу заменить справедливостью. Здесь основание общего права и начало постоянных отечеств, сих необходимых центров человеческой деятельности. Изобретение политического равновесия ведет народы к спокойствию и миру – чрез вооруженное соперничество, к богатству и образованию – чрез дружественное соревнование; а противуположная ему мысль беспредельных завоеваний и всеобщей монархии со всею ее блестящею славою, со всеми ее упоительными торжествами есть не что иное, как остаток варварства и обращение к оному.

Третий вывод. Преобразование политическое внутреннее, или переход народов от недостаточных учреждений к усовершенствованному порядку. Сюда принадлежат два рода истин, первые, как-то: сила кротости, вера в науки, развитие промышленности и торговли, необходимость личной свободы, стремление к гражданскому равенству, одинаковое для всех покровительство законов, независимость судопроизводства, неприкосновенность собственности в линии прямого и косвенного наследства, постепенное уничтожение монополий и привилегий не только для частных людей, но и для целых провинций, польза народного воспитания, распространенного от самых высших до самых последних сословий, – все сии истины приняты почти совершенно всеми образованными и благонамеренными правительствами.

2) Преобразование дипломатическое, или переход от наступательного одиночества к оборонительным союзам (Révolution diplomatique)

3) Преобразование внутреннее, или переход от недостаточных учреждений к усовершенствованному порядку (Révolution organique)

Второй ряд истин, состоящий из так называемых либеральных мыслей, включает в себя начала, более подлежащие сомнению и возражениям, и хотя просвещение, кажется, и сии вопросы решает в пользу свободы, принятие оных требует большой осмотрительности, ибо по естеству своему они постигают общества во всех их составных частях, уложения во всех их подробностях, людей вообще во всех их личных и политических выгодах.

4) Преобразование хозяйственное, или переход от усиленных податей к системе государственного кредита (Révolution financière)

Последние два вывода непосредственно касаются до предмета сего сочинения

Четвертый вывод. Наконец, преобразование хозяйственное, или переход от простой системы усиленных податей к системе умеренных налогов и займов на правах государственного кредита. К сему выводу принадлежат все мысли, пространно объясненные нами в начале сего сочинения, и все истины государственного кредита вообще.

Таковы суть признаки, последствия и окончательные выводы нового европейского просвещения. Из всего вышесказанного мы можем заключить, что случайное преспеяние, зависящее от одного счастья, с ним и исчезает, а преспеяние обдуманное, основанное на положительных правилах, должно быть непоколебимо, как сама истина. Все искусство правителей состоит в том, чтобы уметь воспользоваться случайным преспеянием для водворения преспеяния обдуманного.

Первые два вывода мало касаются до нашего предмета. Преобразование терпимости ежедневно распространяется во всей вселенной, а преобразование внешней политики давно уже совершилось, и все европейские народы подчинены без изъятия закону равновесия. Но два последние вывода, то есть преобразование внутренней политики и преобразование хозяйственное, тесно соединены с общею целию сего сочинения и со всеми событиями современной истории. В сих двух отношениях они равно требуют тщательного и основательного разбора.

Просвещение и образование богатств соединены между собой столь сильными узлами, что одно без другого существовать не может

Человек имеет два рода нужд: первые – естественные, вторые – искусственные. Нужды естественные принадлежат наравне диким и просвещенным народам. Нужды искусственные суть принадлежность человека образованного. Вообще можно определительно сказать, что чем более народ имеет искусственных нужд, тем более он близок к просвещению. Первые удовлетворяются трудами. Вторые – трудами и богатством. Из сего следует, что

просвещение, распространяя круг наших желаний и нашей деятельности, поощряет образование общего богатства, а образование богатств, умножая число людей просвещенных, дает самому просвещению новые силы к его собственному распространению. Сии два начала суть как душа и тело общего преспеяния, и союз их столь тесен, что всякий ущерб в богатстве неминуемо останавливает ход просвещения, а всякое препятствие просвещению влечет за собою ущерб в обогащении народном. Покровительствуя земледелию, промышленности, торговле и ограждая собственность граждан, правительства действительно водворяют просвещение, а умножая учебные способы, воздвигая университеты, академии и школы, покровительствуя наукам и художествам, они истинно обогащают своих подданных. Взаимная зависимость сих двух начал так полна, что косвенные последствия совершенно равны прямому действию.

Однако же из сих двух начал одно, то есть образование народных богатств, необходимо нужно для правительств, ибо собственное их могущество непосредственно зависит от оногo. Другое начало, напротив того, или просвещение в полном своем развитии, касается, как мы видели, до таких вопросов, которые, возбуждая все страсти человеческие, могут потрясти до основания весь общественный порядок, и, следственно, правительства должны часто чувствовать желание и нужду обуздывать его действия для утверждения собственной своей безопасности. От сей необходимости богатств и от опасности просвещения положение правительств делается весьма затруднительным. И в самом деле, к какому соображению прибегнуть, чтоб согласить основную противоположность сих двух начал? Одной рукой останавливать просвещение, а другой поощрять обогащение народа есть пред рассудком мысль без смысла, пред опытом – предприятие без возможного успеха, ибо просвещение, стесненное как начало, является как последствие образования богатств и тем самым делает тщетными все преграды, все усилия правительств. Стараться угнетать вместе и просвещение, и богатство народа более согласно с грубым определением рассудка; но какое правительство в нынешнем образованном веке решится на столь пагубное действие, которое во всей силе слова можно назвать политическим самоубийством? Наконец, покровительст-

Однако же из сих двух начал образование богатств необходимо, а быстрое развитие просвещения может сделаться опасным для правительств

От сей противоположности правительства приходят в затруднительное положение

воватъ безусловно развитио просвещенiя и богатства есть не что иное, как ускорять время всех государственнхъ преобразованiй и, можетъ быть, ввергаться добровольно во все бедствiя политическхъ переворотовъ. Со всехъ сторонъ или бессмыслица, или совершенный упадокъ, или угрожающая опасность.

Но правительства как источник порядка и просвещения как источник преспеянiя не могутъ быть между собою враждебными началами

Но неужели сие странное заключенiе есть общiй законъ природы, неминуемое послѣдствiе соединенiя людей въ политическiе общества? Неужели все правительство искони приговорены судьбою останавливать просвещенiе своихъ подданныхъ или подвергать опасности свое существованiе? Конечно, нѣтъ. Сей законъ природы, сей приговоръ судьбы касаются однихъ только правительствъ слабыхъ и нуждающихся, которые равно бы погибли отъ всякой другой причины; сильные же, напротивъ того, и мудрые правительства разрешаютъ сию трудную задачу въ пользу самого просвещенiя, счастья народнаго и своего собственнаго могущества. Существованiе правительства столь же нужно для преспеянiя народнаго, какъ и просвещенiе. Между сими двумя общественными необходимостями не можетъ и не должно быть никакихъ враждебныхъ отношенiй. Благонамеренное правительство никогда не восстанетъ противъ просвещенiя, которое изливаетъ на родъ человеческiй такъ много благодеянiй. Истинное просвещенiе никогда не вооружится противъ благонамереннаго правительства, котораго значенiе въ мирѣ есть порядокъ и устройство. Безъ просвещенiя никакое правительство процветать не будетъ. Безъ правительства просвещенiе существовать не можетъ. Правда, преждевременное просвещенiе вопреки всемъ защитникамъ свободомыслия можетъ сделаться опаснымъ. Правда, просвещенiе есть огромная и всеобщая сила, противъ коей никакие частныя усилiя бороться не могутъ. Но зачемъ бороться съ началомъ, коего торжество несомненно? Зачемъ искать вне просвещенiя укротительныхъ меръ, когда просвещенiе можетъ само себя умерять и обуздывать? Наместо того, чтобъ поставлять образованiю своихъ подданныхъ бесполезныя преграды, правительство должно съ высоты собственнаго своего просвещенiя наблюдать за просвещенiемъ своего народа, стараться овладеть его действiемъ, направлять его стремленiе и, облакаясь въ формы свободомыслия, идти впереди своего века. Настоящiй государственный вопросъ состоитъ не въ томъ, чтобъ определить, до

какой степени просвещение может быть допущено и какими способами можно удержать дальнейшее распространение оно, но в том, чтоб при полном развитии просвещения найти средство отклонить все его опасности и воспользоваться всеми его дарами. – Ответ незатруднителен. Он согласен с опытом и удовлетворителен для рассудка.

Ежели стремление к преобразованию внутреннему предупреждает введение преобразования хозяйственного или смешивается с оным, ужасные несчастья угрожают правительствам и народам. Ежели же, напротив того, внутреннее преобразование начинает распространяться тогда только, когда хозяйственное преобразование вполне исполнено, вся опасность исчезает, и порядок, постепенность и спокойствие сопутствуют всем новым учреждениям и всем успехам просвещения и свободы.

Решение сей задачи зависит от времени. Ежели преобразование внутреннее предупреждает или смешивается с преобразованием хозяйственным, должно ожидать ужасных потрясений. Ежели же преобразование хозяйственное предупредило преобразование внутреннее, то самый быстрый ход просвещения не заключает в себе никакой опасности

Так, употребление государственного кредита есть вернейший способ для обуздания духа политических переворотов. Народ, совершивший вполне преобразование хозяйственное, не может страшиться преобразования внутреннего. Все, что для правительства слабого и нуждающегося затруднительно и опасно, для правительства сильного и богатого легко и надежно. С одной стороны, все причины неудовольствия и ропота пресечены. Умеренность налогов, обилие капиталов, поощрения, оказанные промышленности и торговле, покровительство и помощь, данные наукам и художествам, и всегдашняя готовность защищать права и честь народа против обид надменности и замыслов честолюбия – все сии последствия государственного богатства и введения кредита разливают везде довольство и удовлетворяют не только необходимым нуждам общества, но и самой гордости народной. С другой стороны, приобретенная возможность достойно оплачивать службу и щедро награждать заслуги, предпринимать большие работы, постройки и заведения и, следственно, употреблять с пользою праздные руки народа, отменять или облегчать безнравственные и тяжелые подати, распространять воспитание народное и, что всего более, облагородить судопроизводство привлекает все сердца подданных к благодетельному правительству. Пред сими очевидными успехами общественно-го порядка, пред столь ясными доказательствами нежного и отеческого попечения какой дерзновенный голос

осмелится отозваться упреками и обвинениями и не будет ли он мгновенно заглушен всеобщими восклицаниями любви и благодарности народных? Прибавим к сему, что правительство введением государственного кредита само себя принуждает к умеренности и осторожности; так как всякий заем совершается посредством вольного договора, правительство старается более и более ограждать собственность частных людей, в коей содержится вся тайна его богатства и могущества, а частные люди всеми силами поддерживают правительство, располагаящее их капиталами. От сего обоюдного благорасположения все отношения подданных к власти и власти к подданным получают некоторую взаимность, новую степень кротости и свободы. Народ, довольный своим жребием, не столь быстро стремится к переменам и преобразованиям. Правительство, не подстрекаемое нетерпением народа, имеет более времени обдумывать предлагаемые изменения и, испытавши в хозяйственном преобразовании все выгоды вольного сообщения с своими подданными, сохраняет менее предубеждений против свободы и примиряется с просвещением. В таковых обстоятельствах усовершенствование общественного порядка поспешно подвигается вперед не в виде губительного переворота, возбуждающего все страсти и низвергающего все учреждения, но как полная и стройная система, обдуманная мудрым правительством и принимаемая с признательностью зрелым просвещением народа. Все писатели единогласно утверждают, что большие политические перевороты начинаются расстройством финансов. К сей несомненной истине мы осмелимся прибавить, что устройство финансов и, следовательно, благоразумное введение государственного кредита есть настоящий способ закрыть навсегда эпоху политических переворотов и заменить ее эпоху полезных преобразований.

Следственно, один государственный кредит в силах закрыть навсегда эпоху судорожных политических переворотов и заменить ее эпоху полезных преобразований

Теперь мы обратимся к подробному обозрению финансов Франции и Англии. История оных обильна важными событиями и сильными уроками. Мы надеемся, что показание опыта согласно будет во всех отношениях с изложенными нами правилами.

II ФРАНЦИЯ

Пример отрицательный

Эпоха, избранная нами для сравнительного очерка государственного кредита в Англии и во Франции, начинается Вестфальским миром и оканчивается вскоре после всеобщего замирения заключением Парижского трактата в 1815 году. Сии полтора столетия суть, конечно, блистательнейшая эпоха новой истории. Вестфальский мир отделяет нынешнюю Европу от Европы средних веков, времена варварства и безначалия от времен просвещения и быстрого усовершенствования общественного порядка. Парижский мир и последствия его представляют нам зрелище полного развития просвещения и тем самым открывают для народов и правительств новый период величия и славы, спокойствия и счастья¹.

Прежде Вестфальского мира Европа представляла зрелище, более похожее на политический хаос, чем на стройное общество

¹ Мы почли за нужное при самом начале сей второй главы упомянуть однажды навсегда, что все числа и факты, здесь нами приведенные, почерпнуты из сочинений Шторха, Сея, Ганиля, Монверана, Приса, Мальтуса, Рикардо, Канарда, Брессона, Торнтонна, Мирабо, Шапталя, Карла Дюпена, Неккера и других известных писателей, из разных периодических сочинений, как-то: из ведомостей и журналов, из Британской и всеобщей библиотеки, из всеобщего бюллетеня Ферюсака, из обозрения Британского, Эдинбургского и трехмесячного («Revue Britannique», «Edinburgh Review», «Quarterly Review»), из официальных сочинений, выдаваемых ежегодно английским правительством пред каждым заседанием парламента, под заглавием «О состоянии Англии» и из многих других документов, как-то: из статистических наблюдений и речей представителей народных. Строгое соображение всех сих источников дает нам уверенность, что мы соблюли, сколько возможно, точность чисел и представили события в настоящем их виде; но, ежели б и допустили несколько ошибок, сии ошибки не могут иметь никакого влияния на достоинство общих заключений и выводов. Некоторые числа не соответствуют некоторым из чисел вышесказанных сочинений. Это произошло оттого, что там, где мы

Царствование Людовика XIV было для Франции эпохой случайного преспеяния

До времен Людовика XIV Англия и Франция имели почти равный вес в политической системе Европы. Около середины царствования сего государя превосходство Франции над ее соперницею во всех отношениях было замечательно. Но она недолго пользовалась сим преимуществом. Между тем как слабый Карл II, едва воссевший на престол своих предков после ужасного переворота, поработал свою робкую политику видам версальского кабинета и продавал за скудные денежные пособия честь и выгоды своего народа, высокомерный Людовик, прельщенный всеми родами славы и величия, предавался без меры и преград порывам честолюбия и гордым мечтам, сопровождающим почти всегда времени случайного преспеяния. Ослепленные великолепием событий, блеском оружия, успехами наук и художеств, развитием торговли и промышленности, современники Людовика назвали его Великим и приписали исключительно его гению все, что счастье сделало для Франции в конце 17 века. Но беспристрастная история не увлекается восторгами современников. Потомство, строгим разбором воздавая кесарю, что подобает кесареви, возвращает и случаю, что ему одному принадлежит. Достоин примечания, что почти все великие люди, коих слава отразилась в общей славе Людовика XIV, были уже известны или при его малолетстве, или даже прежде вступления его на престол, а собственные его выборы не показывают не только гениального объема людей и обстоятельств, но и самой обыкновенной проницательности¹. Впрочем, он был трудолюбив, любил порядок, умел обуздывать стра-

Качества сего государя были именно те, кои более других склоняют нас употреблять во зло дары счастья

находили разность в документах и не имели никакого способа поверить, мы брали средние числа. — Прим. Орлова.

¹ Декарт и Маршал Гебриан принадлежат царствованию Людовика XIII; Тюррен, Конде и Вобан, Корнель, Паскаль и Мольер были уже славны во время правления вдовствующей королевы Анны Австрийской. Кольберт был воспитан и образован Мазарином. Фенелон, Арнольд и Расин потеряли милости Людовика XIV и были или им гонимы, или оставлены в опале; Виляр, который потом спас Францию, был долго ему ненавистен. Выборы же его по части военной суть: Вилеруа, Марсан и Тальяр; по части управления: Лувуа, Шамильяр и Демаре; по литературе: Шапелен и Кино. Кроме Лувуа, который, впрочем, сделал много зла, и Тальяра, который, будучи уже в плену, оказал большие дипломатические способности, все прочие были люди весьма обыкновенные. — Прим. Орлова.

сти народные и строптивость парламентов, был величав и царь от головы до ног, оказал в несчастьи и в глубокой старости похвальную твердость, сделал несколько учреждений, кои до сих пор могут служить примером по части гражданского устройства, имел высокое понятие о достоинстве помазанника божия и гордо верил, что в чрезвычайных обстоятельствах венценосец не имеет нужды в советах и получает внушения свои свыше. Отличительная черта его характера была полная и совершенная самонадеянность, качество, часто обращающееся в порок, но которое никогда не доходит до высокой степени без обширного ума и сознания собственных своих сил. Но, ежели от сего изображения короля мы обратимся к системе его управления, а особенно управления финансами, мы невольно удивимся небрежности, безнравственности и самоправию оной. Доходы правительства в долгое сие царствование были весьма переменчивы. При начале они простирались не более как до 84 222 096 фр., а расходы – до 112 459 361 фр., что давало недочету, или дефициту, 28 237 265 фр. Кольберт успел довести доходы до 96 138 885 фр. и убавить расходы до 101 000 000 фр.; таким образом, недочету было только 4 861 115 фр. После смерти Кольберта доходы понизились до 75 000 000, а расходы возросли до 219 028 740 фр., что определяет ужасный ежегодный недочет, простирающийся до 144 028 740 фр. Для определения сих выводов мы разделили все царствование Людовика на три эпохи и взяли средние числа каждой. Сии эпохи суть: управление Мазарина*, Кольберта** и самого Людовика. Последнее управление есть худшее из всех не только по несоразмерному недочету, но также и по средствам, употребленным для добывания доходов. Тогда введены были по большей части все налоги, которые в разных видах истощили богатство и силу Франции, насильственные займы, или средство выжимать откупщиков¹, продажа дворянства и чинов, нарочно для продажи выдуманных², самоправное

Людовик XIV был расточителен по свойству и несведущ в управлении финансами

¹ Faire rendre gorge aux fermiers. Выражение того времени, которое не может быть переведено на наш язык без чувства отращения. – Прим. Орлова.

² Полный каталог сего продажного разночинства составляет длинный ряд самых забавных и часто гнусных названий. Он находится в разных сочинениях и останется навсегда постыдным памятником того времени. – Прим. Орлова.

Во все продолжение его царствования одно только учреждение Кольбертова банка заслуживает одобрение; но существование сего банка было кратко-временно

уничтожение прежних векселей правительства, уплата их по цене приобретения, уменьшение достоинства монет и вообще меры, противные и совести, и нравственности, и здравому рассудку¹. Во все царствование Людовика одно только финансовое заведение согласно до некоторой степени с правилами государственного кредита, а именно банк, учрежденный Кольбертом в 1662 году. Сей банк в короткое время своего существования доставил правительству 385 738 493 фр. и вскоре после смерти Кольберта был уничтожен невежеством и алчностью царедворцев. Но сей единственный и слабый опыт кредитных учреждений мог ли противустоять разорительной расточительности сего монарха? Казна его, как ненасытная бочка Данаид, поглотила все труды Кольберта, все усилия и пожертвования предприимчивого народа, все сокровища и доходы Голландии, кои после, при лучшем управлении, поколебали его собственный трон, и со всем тем осталась пустой. Войны его стоили более 4 000 000 000 фр. одними только чрезвычайными сделками, займами и сборами, не считая обыкновенных податей государственных. При смерти его долг простирался до 3 110 994 000 фр., из коего 710 994 000 требовательного капитала, а

¹ Чтобы дать некоторое понятие о способах, употребленных тогда французским правительством для поддержания финансов, мы приведем здесь несколько примеров, достойных замечания. Под управлением маршала Ля Мельере (la Meilleraie) откупщики были обложены огромным налогом, а ассигновки, данные им и другим займодавцам, уничтожены, отчего все они принуждены были объявить себя несостоятельными. «Сия мера, – говорит без всякой околичности указ королевский, – благонадежна и полезна, ибо она касается до людей низкого происхождения и слишком богатых». Маршал Данжо, один из самых подобострастных приверженцев Людовика, записывая ежедневные происшествия дворцовые, упоминает: «Нынче король приказал продать тяжбу казны с некоторыми частными людьми, и сею продажею казна приобрела до 400 000 фр.». Подобные известия с разными изменениями повторяются несколько раз в его журнале. Наконец, сам Кольберт издал закон столь безрассудный, что подобного ему нигде и в никакое время найти невозможно. Сей закон приговаривал к площадной смерти всех тех, кои осмелятся когда-либо давать денег займы правительству. На другой день он сам трактовал о новом займе. Однако ж закон не был отменен и существовал до 1789 года, в котором был уничтожен. – *Прим. Орлова*

2 400 000 000 – рассроченного и платящего 86 009 310 фр. одних процентов, то есть более, чем все государственные доходы; а средств к уплате очистилось от сличения доходов с расходами только 9 016 314 фр. Что ж осталось от всех его честолюбивых замыслов, от успехов, побед, пожертвований и усилий Франции? Дым славы сомнительной, огромные версальские постройки и неминуемое банкротство. История Людовика XIV содержит в себе высокий урок для тех, кои умеют читать историю. Никогда случай не открывал никакому народу более путей к преспеянию, как Франции в конце 17 столетия. Но никогда не было монарха более способного, чем Людовик, употребить во зло все дары счастья. Сама слава его была для потомства причиною величайших бедствий, ибо наследники его престола сделались также наследниками его системы управления. Он царствовал и разорял Францию 71 год, а 75 лет после его смерти разразилась гроза французского переворота, и трон Бурбонов пал пред дефицитом, не превышающим осьмой части недочета, оставленного Людовиком.

Людовик XIV оставил по смерти своей в наследство Франции неминуемое банкротство

Итак, когда за малолетством Людовика XV принц Орлеанский принял бразды правления, банкротство правительства было почти неизбежно. Долго приписывали сию несостоятельность известному Лау. Но сей упрек несправедлив. Банкротство регентства есть творение Людовика XIV. Лау предложил свои услуги принцу Орлеанскому в то время, когда финансы Франции были в самом отчаянном положении. Вся его система состояла в следующем. Он учредил частный банк в 6 000 000 фр. именительного капитала; но как при начале банковые обязательства, или, как их называли, государственные билеты (billets d'Etat), теряли 30%, настоящий капитал состоял из 1 500 000 фр. наличности и 1 800 000 банковыми билетами. Сие слабое начало имело самое полезнейшее влияние на торговые обороты. Вскоре потом частный банк Лау получил привилегию западной торговли и издал 200 000 акций по 500 фр. каждая с предложением продавать их на государственные векселя; правительство обязалось с своей стороны платить банку по 4% вечных процентов. Сии западные акции вскоре возвысились в цене, и большое количество векселей государственных, происходящих от прежнего запоздалого долга, получили выгодное употребление. Сие помещение части долга не

Герцог Орлеанский принимает бразды правления

Регентство противопоставило несостоятельности правительства систему известного Лау

Первая мера Лау была учреждение оборотного банка

Действие банка соединено было с учреждением Западной компании. Здесь начало заблуждений и, следовательно, бедствий

Вскоре потом частный банк Лау преобразовал в королевский банк. Здесь начало преступных обольщений и гибельных обманов

Акции Индийской компании доходят до неимоверной цены

Они стремятся к падению и теряют всю доверенность в народе

могло совершиться без полезного воздействия на остальную часть государственных обязательств. Кредит правительства поддержался, и векселя его получили некоторую ценность. До сих пор полный успех увенчал все соображения Лау. Но нетерпеливое правительство захотело ускорить полное освобождение свое от неотступных займодавцев. Оно решилось преобразовать частный банк Лау в королевский банк; западная компания осталась, однако же, независимую и получила еще новую привилегию торговли с Африкою и Восточную Индию, отчего и была названа Индийскою компаниею. Тогда начались огромные обороты для уплаты государственного долга. Акции компании дошли числом до 624 000, а ценность их возвысилась от 500 и 550 до 5000–10 000 и даже 20 000 фр. Сие возвышение было последствием самого гнусного обмана, посредством которого правительство успело уверить народ, что оно открыло в Луизиане большие золотые руды, и с самого первого года обещало на каждую акцию по 200 фр. чистого барыша, или дивиденда. В то же время банковых билетов изготовлено было на 2 696 400 000 фр. Акции достались в руки правительства покупкою за банковые билеты, а сии последние отданы займам ему же за 48 000 000 фр. непрерывного дохода. Посредством всех сих оборотов Лау успел пустить в обращение банковых билетов на сумму 2 400 000 000 фр. Тайное намерение правительства было выкупить банковые билеты посредством акций, но когда оно приступило к сему выкупу, то нашло большие затруднения. Наместо того, чтоб покупать акции, владельцы банковых билетов требовали уплаты оных и, не получая сей уплаты, меняли на товары, на частные векселя, теряя на них от половины до двух третей капитала. Вотще правительство, возведя Лау в достоинство генерал-контролера, старалось остановить сие стремление народа к сбыту билетов посредством принудительных мер. Все было бесполезно, и сам Лау тайным бегством едва мог спастись от ярости народа¹. Таким образом рушилась славная система Лау, сис-

¹ Система Лау дала повод к бесчисленным сочинениям, открывающим совершенное незнание французов того времени по вопросам, касающимся до государственного кредита, и невероятную безнравственность правительства. Прилежное чтение всех сих сочинений оставляет, однако же, в уме некоторое уважение

тема дерзкая, но искусная, которая одна могла спасти правительство от неминуемого банкротства, ежели б не была искажена неопытностью, нетерпением и бессовестностью. Главная ошибка Лау состояла в том, что он соединил банковые с торговыми оборотами, полагая, что выгоды сих последних могут послужить к погашению государственного долга, – ошибка, конечно, важная, но извинительная для того времени. Упадок банка сделал необходимой общую ликвидацию, в течение которой правительство Франции имело новый случай показать всю свою безнравственность. В продолжение сей ликвидации 511 900 человек, по большей части все отцы семейств, подверглись розыскам и потеряли большую часть своего достояния. Окончательный вывод оной определил весь государственный долг капиталом до 1 700 733 000 фр., а процентами – до 65 000 000, из коих около 8 000 000 пожизненных. «Несостоятельность государства, – говорит Канард, – есть политическая бессмыслица. Все бы равно сказать, что долг слишком велик, чтоб государство могло его уплатить; надобно, чтоб он заплачен был несколькими частными людьми». Сия бессмыслица, однако же, была исполнена на самом деле. Несколько граждан понесли все бремя расточительности Людовика XIV и ветренности принца Орлеанского, а правительство избавилось от своего требовательного долга. Не менее того разрушение системы Лау сделало Франции чрезмерный вред, ибо оно обесславало на долгое время употребление кредита и откинуло за пятьдесят лет назад усовершенствование ее финансов.

Во все время царствования Людовика XV правительство переходило от ошибки к частому банкротству, от банкротства к новым ошибкам. Изредка приметны, однако же, некоторые порывы к улучшению, коими обя-

При ликвидации системы Лау французское правительство обнаруживает всю свою безнравственность

Не менее того система Лау успела обратити весь требовательный долг Людовика XIV в долг отвержденный

Правление Людовика XV следует тем же заблуждениям и посямляет себя еще большею безнравственностью

к гению Лау, но вместе с сим и глубокое презрение к его бесчестности и правилам управления. Впрочем, никто не выразил лучше самого принца-регента сего последнего чувства. Когда строгий Трюден, глава парижского купечества, отказался тайно выпустить в обращение билеты, определенные на сожжение, он внезапно был отставлен. Пришедши к принцу Орлеанскому, Трюден просил объявить ему, за что он получил отставку. «Чего вы от меня требуете? – сказал принц. – Вы отставлены потому, что вы слишком честны для нас». – *Прим. Орлова.*

*Контролер Силюет
есть феномен того
времени. Он управ-
лял финансами
только восемь ме-
сяцев и получил от-
ставку*

*Аббат Тере с нагло-
стью обращает не-
состоятельность
правительства в
систему*

*Таковые правила
должны были непре-
менно уничтожить
всякую доверен-
ность, и прави-
тельство, лишенное
средства занимать,
прибегло к усилению
налогов, кои упяте-
рились в течение
царствования Лю-
довика XV*

зана была, вероятно, Франция сочинениям Тюрго* и секты экономистов вообще. Между прочим, можно поставить в число сих похвальных опытов кассу уплат (caisse de remboursement), учрежденную под управлением г-на Машо, и большую часть соображений контролера Силюета. Сей последний старался согласить парламент на определение особенного налога для уплаты государственного долга. Он предугадывал пользу кассы погашения, но все его усилия были тщетны против закоснелых предрассудков двора, присутственных мест и всего общества. Силюета обвиняли в том, что он лучше знал финансы Англии, чем финансы Франции, как будто бы познание подробностей было важнее, чем полный объем настоящих правил и начал. Он управлял финансами только восемь месяцев и боролся напрасно с расточительностью наложниц королевских и царедворцев. В течение царствования Людовика XV главные средства к уплате всех недочетов были частые банкротства, которые сделались обычаем и почти правилом государственным. По крайней мере аббат Тере торжественно утверждал, что всякое правительство должно непременно один раз в столетие объявить себя несостоятельным и что оно всегда вправе уничтожать долг, коего проценты были уплачиваемы несколько лет исправно. Сия бесстыдная система, объявленная министром финансов Людовика XV, дает меру нравственности и рассудительности тогдашнего правления. Впрочем, невзирая на частые банкротства, правительство находило всегда возможность занимать у тех же самых откупщиков, коих оно потом старалось обирать, потому что при каждом новом займе они вознаграждали прежние свои убытки. Таким образом, частыми несостоятельными своими правительство разоряло не тех людей, против которых сие губительное средство было направлено, но тех из своих подданных, коих имущество более или менее было в зависимости от откупщиков. Другое постоянное злоупотребление состояло в безразмерном умножении налогов. От 75 000 000 фр. сии налоги дошли до 375 000 000, так что в течение сорока лет подати почти упятерились. Сия склонность правительства умножать подати есть одно из самых вредных последствий пренебрежения кредитной системы, ибо за-ем часто удивляет, а налог всегда раздражает народ. Со всем тем правительство все было бедно посреди самой

нелепой роскоши. Когда в течение семилетней войны англичане сделали высадку на северные берега Франции, казна государственная столь была истощена, что король из собственной своей шкатулки дал 2000 луидоров для первых приготовлений к защите. Многие налоги, и в числе оных подать на ввоз товаров в Париж, были проданы на пятнадцать лет вперед, а капитал оных издержан. При смерти Людовика XV правительство платило ежегодных процентов 190 000 000 фр., а государственные издержки доходили до 210 000 000, всего 400 000 000 фр., из коих, вычитая доходы, состоящие из 375 000 000, оставалось ежегодного недочету 25 000 000 фр.

Он оставил после смерти своей довольно значительный недочет

В сем положении Людовик XVI застал финансы Франции при вступлении своем на престол. Воцарение юного монарха, исполненного добродетели и самых благородных намерений, возбудило во всей Франции радость и надежду. Тюрго, назначенный генерал-контролером, был человек строгой нравственности и обширного ума¹. Первые его действия были: уничтожение личной повинности (*corvée*) и разрешение вольного торга хлебными припасами. Некоторый порядок водворился в управлении государственными доходами, и все, что зависело от честности и благонамеренности министра, было исполнено. К несчастью, правила Тюрго были основаны на исключительных теориях секты экономистов. Увлеченный пристрастием своим к сей ложной системе, он хотел насильно преклонить к оной и людей, кои не понимал, и обстоятельства, кои вскоре оказались сильнее его. Он управлял финансами невступно два года и сделал мало пользы своему отечеству. Вскоре после него был призван славный Неккер, и выбор сей получил всеобщее одобрение.

Восшествие Людовика XVI на престол было для Франции временем упования на надежду

Экономист Тюрго принес мало пользы Франции

¹ Людовик XVI говорил часто: «Тюрго и я, одни мы в целой Франции истинно любим народ». Сии трогательные слова, произнесенные несчастным монархом, согласны с суждением славного Мальзерб, товарища Тюрго в управлении. «Тюрго и я, – говорил он, – мы были люди честные, очень ученые, страстные к добродетели. Кто бы мог осудить выбор таковых министров? Однако же, зная людей из одних только книг, не имея точного понятия и опытности в делах государственных, мы дурно управляли... и мы также, против воли нашей, способствовали ужасному перевороту!» – *Прим. Орлова.*

Должно различать в министре финансов две способности, совершенно различные. Первая относится к хозяйственному управлению и требует точности, другая — к употреблению кредита и требует изобретательности и постоянной системы

По хозяйственному управлению Неккер оказал великие услуги

Управление финансами большого государства разделяется на две весьма отличные отрасли: первая из оных, соответствующая обыкновенному быту народов, касается до определения или уничтожения налогов, до сбора податей, до соблюдения выгод правительства без отягчения подданных, до введения экономии во всех частях государственных заведений, до точности счетов и вообще до употребления уже существующих средств; другая относится к удовлетворению чрезвычайных государственных нужд и заключает в себе познание и употребление кредита. Управление сими двумя различными отраслями требует совсем различных качеств, и нередко видимы, что люди, исполненные, впрочем, ума, положительных сведений, ловкости, твердости и деятельности, не заключают еще в себе условий, нужных для совершенного объема всех разнородных предметов, входящих в состав занятий министра финансов. История Неккера и вскоре потом история самого Наполеона послужат нам доказательством сей истины.

Беспристрастное потомство различит в лице Неккера двух людей: отличного правителя финансов и слабого министра финансов. Как правитель финансов Франции Неккер оказал великие услуги. В течение четырех лет он успел привести в порядок государственные доходы, ввести строгую отчетливость во всех департаментах своего министерства, уменьшить обычную расточительность двора, привести в большую соразмерность необъятные выгоды государственных откупщиков, уничтожить множество мест и чинов не только бесполезных, но достойных посмеяния и презрения¹, определить постоянные правила на поголовную подать, основать на лучших правилах косвенные сборы, учредить провинциальные собрания для разложения прямых налогов, истребить остатки феодального рабства, улучшить состояние тюрем и госпиталей и приготовить разные другие полезные преобразования. Все сие было исполнено в короткое время вопреки усилиям тысячи противников, пользовавшихся доверием правительства и извлекавших из злоупотреб-

¹ О сих-то самых разночинцах один царедворец сказал Людовику XVI: «Всякий раз, когда в<ашему> в<еличеству> угодно изобрести новое продажное место, по особенному благословению божию родится дурак, готовый оное купить». — *Прим. Орлова.*

лений огромные личные выгоды, не оставляя в нужде ни одной отрасли государственных потребностей, вооружая огромные флоты и поддерживая морскую и сухопутную войну в Индии и в Америке, уплачивая часть требуемого долга и не налагая на народ ни одной новой подати. Успех чрезвычайный и достойный удивления, тем более что посреди всех сих затруднений, препятствий, нововведений в первый раз государственный недоход был пополнен и сумма доходов превысила 40 миллионами огромную сумму расходов!

Вот в чем состоят заслуги и слава Неккера. Но если мы обратимся от перечня временных его успехов к изысканию употребленных средств, мы должны будем невольно перейти от удивления к строгому осуждению. И в самом деле, Неккер для достижения своей цели употребил кредит; но все доказывает, что он не постиг истинных его правил. Из 530 000 000, занятых им в течение четырех лет, 300 000 000 приобретены займами, основанными или на лотереях, или на пожизненных доходах, 97 000 000 собраны посредством провинциальных штатов, совершавших свои займы на 16 лет с уплатой капитала, 40 000 000 происходят от государственных доходов, вперед заложенных, а остальные от ссудов города Парижа, ордена Святого духа или от временного пособия, оказанного правительству содержателями податных сборов и откупов. Нет ни одного франка, занятого на правилах кредита. Нет ни одного займа, обеспеченного погашением. Нет ни одного правила, постоянного и верного. Напрасно приверженцы Неккера возражают, что правила государственного кредита не были еще известны, что общемыслие и привычки народные противились введению отверженного долга, что займы лотерейные менее обременяют будущий жребий народов, чем займы вечные. Все сии возражения несправедливы. Во-первых, министру Франции непростительно не знать того, что известно уже было в целой Англии, где государственный кредит был в полном развитии. Во-вторых, Паншод (Panchoud) предлагал ему ввести во Франции систему погашения еще прежде, нежели она была предложена в Англии, а Неккер отверг его предложение. В-третьих, привычки народа и общемыслие не противились вечным займам, и сему служат доказательством займы, совершенные в то же время городом Парижем на условии бес-

Неккер не постиг истинных правил государственного кредита

прерывных процентов. В-четвертых, тогда, как и ныне, известно было, что вечные займы по 5% с 1% погашения уплачиваются в 36 лет, а пожизненные доходы по 11%, размещенные на несколько годов, прекращаются чрез 47 лет и 8 месяцев. Итак, мы вправе заключить, что славный Неккер, оказавший во внутреннем управлении государственными доходами так много заслуг, не постиг самых начальных правил кредита, и при выходе его из министерства почти все экономические средства были истощены, а требовательный долг увеличился. Сим самым Неккер, утвердив временно настоящее состояние Франции, подверг ее будущность неминуемой опасности¹. Защитники Неккера поставляют на вид, что он для Франции истощил свой собственный кредит. Это справедливо, но это самое его и обвиняет. Министр, правящий достоянием 24 000 000 людей и не находящий к спасению народа другого средства, как пожертвование своей ответственности, может похвастаться великодушным человеком, но останется всегда на счету дурных министров. Франция от него требовала не личных жертв, но хорошей кредитной системы.

Калон испортил все, что сделал Неккер, и не исправил ни одной из его ошибок

После Неккера управление финансами досталось Калону. Он обратился к кредиту не столько потому, что постиг выгоды оного, но единственно чтобы открыть новые пути, не исследованные его предместниками. Он учредил нечто похожее на кассу погашения; но расточительность его была так велика, что под его правлением в четыре мирных года Франция издержала 1 052 000 000 фр., то есть столько же, сколько Неккер употребил для

¹ Для людей, обнявших систему государственного кредита, кажется весьма странно, что министр, оказавший, впрочем, так много сведений и проницательности в разных частях управления, не понял или не хотел понять кредита; но сие мнимое противуречие оказывается во многих других частях человеческих познаний. Сколько мы видим полководцев, отличных и заслугами, и твердостью, и сведениями по всем дробным частям военного искусства, которые не понимают самых простых правил стратегии? Причину сего должно искать в особенном свойстве ума человеческого, который часто так устроен от природы, что люди, способные обнять все подробности предмета, превзойти все мелочные затруднения, исследовать все частные обстоятельства, не могут постигнуть трансцендентальной простоты стратегических или кредитных правил. — Прим. Орлова.

поддержания и окончания славной Американской войны.

Наследник его, Бриенн, уничтожил кассу погашения, взялся снова за пожизненные займы, учредил новые налоги и в 1788 году представил отчет, который привел в отчаяние и двор, и всю Францию. Близорукая политика сего министра превзошла все меры явной неспособности. Недочет сего 1788 года доходил до 160 737 492 фр., а средств уже не оставалось никаких. «В августе 1788 года, – говорит Ганиль, – правительство отказалось уплачивать должникам определенные учеты. Сей отказ лишил его всякого кредита и всякой надежды на пособие. Правда, что едва ли оставалось тогда какое-либо неистощенное средство. Займы посредством казначейства, духовенства, провинциальных штатов, военных орденов, городов, откупщиков, банкиров, нотариусов были невозможны. Частный кредит правителей государственных имуществ, генеральных сборщиков податей, откупщиков, казначеев и кассиров пал вместе с кредитом правительства. Все министерства имели запоздалые долги. Все доходы государства были вперед заложены, а вырученные суммы издержаны. Все надежды были истощены; все средства пожраны, и неминуемое банкротство рассеяло везде страх и уныние». Несостоятельность не была тогда уже для правительства простым и покойным средством к платежу своих долгов. При Людовике XV банкротство касалось одних только откупщиков, которые привыкли или разорять правительство, или от него быть разоренными. Но в 1788 году государственные векселя разошлись по всей Франции. Значительная часть оных была в руках людей, посвятивших себя на промышленность и обширную торговлю. Несостоятельность правительства могла тогда увлечь за собой несостоятельность всего среднего состояния, упадок всех мануфактур, остановку во всех работах, голод и нищету для всех промышленников. Впрочем, сам Людовик XVI был слишком добродетелен, чтоб прибегнуть к столь гибельному средству. Обратив все надежды на содействие своего народа, он решился собрать и собрал генеральные штаты. Наконец мы достигли до изъяснения правил, объясненных нами в предыдущей главе. Правительство, не умевшее совершить финансового своего преобразования, сзывает представителей народа, уже готового к внутреннему преобра-

*Неспособность
Бриенна превышает
всякое ожидание*

*Правительство
прибегло к созванию
генеральных шта-
тов*

зованию. Все ужасы французского переворота заключены в сем кратком определении.

Положение Франции в 1789 году может выразиться следующими словами: правительство от беспечия своего и слабости впало во всеобщее презрение. Дворянство, продолжавшее называть себя единственною подпорою престола, было в самом деле первым его врагом. Утопая в роскоши и безнравственности, оно посредством незаслуженных пенсий и подарков грабило казну и истощало все жизненные силы государства. Духовенство, подверженное ежедневным нападениям почти всех искусных писателей того времени, алчно стяжало и скупое берегло богатства как единственное средство для удержания своих привилегий. Среднее состояние, владеющее без соперничества науками, искусственностью и всею торговлею, обогащалось, просвещалось и начинало вместе доверять своим силам и чувствовать первые порывы честолюбия. Парламенты, принужденные свидетели всех злоупотреблений правительства, почитали за долг противиться всем нововведениям, отвергать в особенности всякий новый налог и вести со всеми министрами, каковы бы они ни были, непримиримую войну. Народ вообще стонал в угнетении и тайно кипел ненавистью к виновникам своего угнетения, не имея никакого законного средства не только дабы улучшить свою судьбу, но даже чтоб выразить свое несчастье. Вся Франция была наполнена людьми более или менее просвещенными, чувствующими превосходство своих положительных познаний над блестящей ветреностью дворянского сословия, людьми, которым все пути к возвышению были прекращены. Приглашенные к новой деятельности, они вдруг почувствовали всю важность своего назначения, все выгоды своего положения, все достоинство их будущности. Между тем как правительство, стараясь единственно об удовлетворении нужд своих, ежедневно возрастающих, ставит цифры и униженно просит пособия, члены генеральных штатов изыскивают начала и гордо требуют прав. Преобразование финансов, первая причина их собрания, сделалось внезапно последним предметом их занятий. Никто из них не знает и не хочет знать подробностей государственных нужд и точности отчетов. Все их определения по части финансов показывают или беспечность, или неведение. Они стремятся к другой цели, к преобразованию внут-

ренному. Всякое исключительное право, всякое злоупотребление оглашаются в свою очередь и предаются строгому суждению. Страсти возжигаются; слово гремит; Франция рукоплещет; депутаты провинций преобразуются в представителей народа и генеральные штаты – в народное собрание. Так совершилась участь Франции, участь, тем более достойная сожаления, что сама по себе она не была неизбежна. Сколько бедствий, сколько ужасов были бы отвращены от Франции и от Европы, ежели б государственный кредит был заранее известен и оценен правительством? Он один мог погасить недочет, предупредить созвание генеральных штатов или усмирить умы и укротить страсти в народном собрании.

К несчастью, ни правительство, ни члены народного собрания не имели точного понятия о кредите. Когда после многих постановлений, соответствующих совершенному перевороту во всех частях правления, внимание представителей обратилось наконец к финансам, все принятые меры были или вредны, или ошибочны. Недочет в 160 000 000 фр., обнаруженный Бриенном, убавлен был очищением счетов до 118 000 000 фр., но в то же почти время чрезвычайные нужды государства были оценены в 170 000 000, по донесению представителя Монтескию от 15 марта 1789 года. Чтоб пополнить сей огромный недостаток, народное собрание не нашло другого средства, как описать или заказать (confisquer) достояние духовенства и часть имуществ королевских. Сия мера, столь противная рассудку и справедливости, была согласна с господствующими страстями в собрании. Вскоре потом предложено было учреждение ассигнаций, коим заказанные имения служили залогом, и составление особенного комитета финансов из членов собрания, чем самым управление всеми государственными доходами перешло в полную зависимость сих членов. Ассигнации сделались в скором времени единственным предметом финансовых оборотов для законодательного собрания и для народного конвента. Сей образ кредитных постановлений всегда опасен, ибо он склоняет к злоупотреблению; но при общем волнении умов, при разлитии страстей, при переменчивости правителей, при недостатке познаний и самого времени опасность сия делается почти неизбежною. Оценение заказанных имений никогда не превышало 3 309 269 000 фр., а число ассиг-

Франция приступает к преобразованию финансов совершенно вопреки настоящим правилам кредита

Первый способ состоит в заказе имений (confiscation)

Второй – в учреждении ассигнаций

Сей опасный образ кредитных постановлений доведен был до неимоверного злоупотребления

наций, сперва ограниченное 2 000 000 000, вскоре возросло до 6 000 000 000, а потом увеличилось до *неимоверной* суммы 48 000 000 000 фр. Во время владычества конвента, столь справедливо названного временем ужаса, ассигнации потеряли почти всю свою ценность. За чашку кофе платили тысячефранковым билетом; пара сапог стоила 30 000 фр.; а правительство дошло до такой степени нищеты, что ежедневные его издержки не иначе оплачивались, как свежими ассигнациями, сохраняющими еще всю влажность тиснения. Сие неслыханное положение целого народа побудило правительство изыскивать все средства для отстранения неминуемой гибели; но изобретенные средства были еще пагубнее отвращаемого бедствия. Такса всех ценностей Франции (*la loi du maximum*), поддержанная всей строгостью зверского правления, перенесла разорение от капиталистов, уже разоренных, в города и даже в села, где сохранились еще остатки промышленности и земледелия. Хлебопашцы и фабриканты под опасением смертной казни обязаны были отдавать последние плоды своих трудов за пустой клочок бумаги, не имеющий почти никакого достоинства. Директория, наследовав от конвента верховную власть, приступила к решительной мере несостоятельности, но, чтоб скрыть оную перед народом, она прибегла к средству насильственного займа в 600 000 000 звонкой монеты. Распоряжая сею суммою, она успела выкупить большую часть выпущенных ассигнаций, платя по одному франку монетой за 100 фр. ассигнациями. Сей финансовый оборот, ежели можно назвать оборотом наглое насилие и явное банкротство, уменьшил число ассигнаций до 10 000 000 000. Но и сия сумма превышала еще нужды народа. Под видом новых обязательств (*mandats*) правительство подвергло Францию новому банкротству, коим все обладатели ассигнаций потеряли 30 капиталов за один. Разница между ассигнациями и новыми обязательствами была следующая: на ассигнации можно было покупать так называемые народные имения только с публичного торга; но как ценность ассигнаций чрезмерно упала и еще стремилась к падению, то торги никогда не заключались, ибо курс ежедневно изменялся. Новым обязательствам, напротив того, предоставлено было право покупать сии имения на подписку по определенной цене. На сии-то облигации, каких сделано было на

Такса ценностей (loi du maximum) увеличивает еще бедствия народа

Директория обращается к насильственным займам и к явной несостоятельности

Учреждение новых обязательств под именем mandats есть не что иное, как новое банкротство

2 400 000 000 фр., обменены были все старые ассигнации. Сии новые государственные бумаги в день выпуска их стоили не более 36 за 100. Но народ вообще рад был сей перемене, и все народные имения были разобраны подписками еще прежде полного выпущения облигаций. Те из них, кои остались в обращении, потеряли всякую доверенность, продавались публично по 5 фр. монетою за сто и упали ценой до 1 фр. с половиною. Сей бесценности директория противопоставила новое насильство. Приказано было покупателям народных имений вносить три четверти покупной суммы облигациями и одну четверть звонкою монетою. Но сей закон не был исполнен и нашел самое сильное сопротивление в народе. Тогда правительство решилось еще на банкротство. Оно известно под названием двухтретьей несостоятельности и есть последний оборот сего рода, коим обесчестилось французское правительство. Здесь начало отвержденной трети (le tiers consolidé) и обращение к настоящему основанию государственного кредита.

Новые обязательства служат к обмену ассигнаций и к продаже заказанных имений

Но и сия мера не вполне была удовлетворительна. Правительство прибегло еще раз к объявлению несостоятельности. Здесь начало отвержденной трети

Однако же злоупотребления были столь велики и столь продолжительны, что не только в управлении не было порядка, но не существовало даже, так сказать, и предания о порядке и лучшем устройстве. По части финансов в особенности не знали, как налагается подать и как совершаются сборы налогов. Долг государственный был отвержден, но правила отверженного долга не были никому известны. Со всех сторон, во всех сборах денежных оказывались недочеты, и запоздалые доходы наполняли огромными статьями обманчивый бюджет. Правительство было богато цифрами и бедно наличностью до такой степени, что в десятом месяце 1798 года половина определенных доходов не была еще собрана. И могло ли быть иначе, когда внутренние обороты были так маловажны, что косвенные налоги составляли только третью часть прямых, когда для собрания сих последних после трехлетнего управления директория не имела еще списка всех граждан, обложенных оными? Решительно можно сказать, что, ежели конвент, по выражению одного из собственных его членов, чеканил монету на гильотине, директория взимала вернейшую часть своих штыковых доходов силою оружия с завоеванных земель. Во все течение французской революции, от народного собрания до возвышения первого консула, все фи-

Беспорядки так усилились, что в народе исчезли самые предания о лучшем устройстве

нансовые обороты представляют длинный ряд обманов, ошибок и злодейств. Похищать попеременно имущества духовенства и собственность эмигрантов, уделы королевской фамилии и наследие подозреваемых граждан, вести за границей кровопролитную войну, чтоб собирать обильные дани с соседственных народов, водворять внутри ужас и убийство, чтоб разорять трепещущих и грабить убиенных, – вот источники тогдашних доходов. Наводнять государство ассигнациями, платить долги ежегодными банкротствами, доставить деньги насильственными займами – вот кредитная система революции. Чему же удивляться, когда мы видим, что все правительства Франции – и конституционный король, который не был достаточнее короля самодержавного, и конвент с грудой ассигнаций и массою заказанных имений, и директория со своими облигациями и сокровищами Голландии и Италии – падали и исчезали друг за другом? Все они таили в себе одну и ту же причину гибели: недостаток в кредите, происходящий от совершенного незнания кредитных правил. Пример разителен, ибо тогда, при лучшем управлении финансами Франции, открывалось обширное поприще славы, величия и могущества. И в самом деле, чего недоставало Франции? Успехи обдуманные, плоды мудрости и соображений; успехи внезапные, дар счастья и случайности; красноречие в народных думах; великие полководцы пред храбрыми войсками; изобретательность в искусствах; гений в науках; глубокомыслие в законоведении; ловкость в политических сношениях; приверженцы, пламенные и преданные; враги, робкие и утомленные; все постановления, погнетающие развитие общественных сил, уничтоженные; целый народ, кипящий к новым учреждениям любовью и даже пристрастием, – словом сказать, Франция имела все, что обыкновенно почитается нужным, чтоб упрочить порядок и власть посреди внутреннего преобразования. Недоставало кредита, и от сего недостатка все усилия, все труды человек оставались тщетными. Беспорядок финансовый увлек за собой всеобщий беспорядок, и Франция обречена была судьбою на новые перевороты, на новые испытания.

Бонапарт

Когда Бонапарт принял бразды правления, состояние финансов было следующее. Директория оставила ему 598 260 972 фр. невзысканными податями, недоплатой за

купленные народные имена и другими запоздалыми доходами; но беспорядок был доведен до такой степени, что все сии законные претензии правительства считались вообще пустыми цифрами. Государственный долг после всех банкротств состоял только из 63 000 000 непрерывных процентов, соответствующих 1 260 000 000 капиталом. Но и сие легкое бремя было слишком тяжело для директории, ибо французские фонды отверженной трети продавались с потерей 90 фр. на 100. Вся наличность, находящаяся в казначействе, не превышала 179 000 фр., и сия слабая сумма была занята накануне таким образом, что новое правительство едва нашло возможность разослать курьеров для извещения армий и департаментов о перевороте 18 Брюмера. Счетные дела находились в такой запутанности, что министр финансов объявил невозможность составить бюджет на 1800 год и отложил оный до 1801 года. Войска были без платы; государственные чиновники от самой высшей до низшей степени 10 месяцев не получали своего жалованья; множество ассигновок правительства оставались без всякого действия и продавались за ничто на публичных рынках. Дороги были запущены, каналы разорены, подвозы почти невозможны. Промышленность и торговля остановились почти совершенно. В сем ужасном положении Франции нужен был человек, сильный умом, деятельностью и счастьем; она нашла его в Бонапарте.

Положение Франции было ужасно

При самом начале своего правления Бонапарт обратил особое внимание на финансы. На место насильственного займа, предписанного директорией, он учредил новый временный налог на все имущества, движимые и недвижимые, и позволил вносить отчасти звонкою монетою, отчасти государственными бумагами и ассигновками. Сие последнее распоряжение дало некоторую ценность французским фондам, которые с того самого времени начали постепенно возвышаться. Уступка некоторых солевых, части лесов и имуществ казенных по той же самой системе довершила восстановление доверенности народа к состоятельности правительства. Вскоре потом воспоследовала большая перемена в системе налогов. Продажа народных имений раздробила на мелкие части огромные владения, дурно управляемые, и дала право собственности множеству небольших помещиков, готовых употребить все их способы на улучшение своих

Бонапарт учреждает новый временный налог, продает несколько солевых и казенных лесов и получает уплату государственными бумагами

Он упрочивает состояние покупки-продажу народных имений и убавляет налог на недвижимость

Он собирает запоздалые подати

Он учреждает банк

Он водворяет мир и спокойствие

Он вводит строгую исполнительность в дела финансовые

Разделяет дела на министерство финансов и министерство государственной казны

Сам присутствует при распределении издержек

участков посредством земледелия, промышленности и торговли. Со свойственною ему прозорливостию Бонапарт понял, что спокойное владение сими имениями и лучшее обрабатывание сих земель суть настоящие источники богатства и возрождения Франции; он твердо удержал святость всех заключенных торгов, убавил налог на недвижимость и заменил оный налогом на соль. Между тем он деятельно занимался устройством других частей. Прежде истечения первого года его правления каждый департамент имел своего финансового чиновника с помощниками, обязанного строгою ответственностью и облеченного в обширную власть. Все запоздалые доходы, недоступные слабости директории, начали постепенно собираться, и по истечении некоторого времени из 500 000 000 осталось едва 48 000 000 фр. недоплаченных податей. Торговля, в свою очередь, не осталась без покровительства, и учреждение французского банка на правах банка коммерческого дало новую жизнь всем торговым оборотам. Все сии первые меры, принятые Бонапартом, поддержаны были успехами оружия, примирением Вандеи и, наконец, заключением общего Амьенского трактата.

Но ежели что-нибудь в действиях Бонапарта заслуживает удивления потомства – это строгая отчетливость и быстрая исполнительность, введенные им в управление финансами. Одно из первых его действий было разделение всех государственных денежных дел на две части: первая, касающаяся до распределения налогов и собирания оных, осталась в ведомстве министра финансов. Другая, касающаяся до употребления собранных сумм, перешла к министру государственной казны. Оба они обязаны были при истечении каждого месяца в положенный день подавать самому Наполеону в полном собрании министров краткие отчеты, в коих показано было все движение дел и капиталов, все доходы, все издержки и все недоимки. Рассмотрев основательно все части сего краткого месячного отчета, он вступал лично в переговоры со своими министрами и каждому определял месячный его бюджет согласно с потребностями управления и со средствами казны. Таким образом, порядок свыше сошел во все части финансового управления. Чиновники сего министерства, подверженные личному надзору человека, умеющего и награждать, и наказывать,

исполняя должность свою почти в глазах своего государя, следующего за всеми их действиями, поддерживаемые его могущественным покровительством, пользующиеся выгодным жалованьем и подстрекаемые хорошо обдуманною системою премий, дошли до такой исправности, что часто вносили вперед по третям из собственных своих капиталов всю сумму предполагаемых сборов и соединяли таким образом все выгоды прежних откупов с выгодами казенного присмотра и управления. Впрочем, и собственные попечения Наполеона были неусыпны. Он делал, так сказать, смотры цифрам с тою же подробностью, с которою осматривал свои войска¹. Устройство армии и финансов было главной целью всей его заботливости, и он так глубоко чувствовал, что вся власть, вся его будущность зависят от сих двух предметов, что в мире или на войне, в палатке или во дворце своем, всегда бюджет финансов лежал у него на столе подле рапортов о состоянии войк. Он был по обеим сим частям не только правитель, но и законодатель. Всем известно, что при составлении гражданского уложения все, что в сем кодексе касается до сбора денег и людей, до ополчения и налогов, было почти вполне им одним сочинено. Сии упорные труды великого человека не могли остаться без вознаграждения, и уже в начале 1803 года Наполеон был так доволен отчетом, представленным ему от министра финансов, что он приказал Талейрану взять 40 списков с одного и тайным образом отправить их в Англию. Впоследствии порядок утвердился, сборы увеличились и доходы государственные дошли бездоимочно до 900 000 000. В начале 1812 года дела Франции вообще были так устроены, что все счета за 1811 год были очищены, все суммы на издержки, обыкновенные и чрезвычайные, были ассигнованы, все прежние требовательные долги уплачены, кроме 30 000 000 фр., из коих 20 000 000 были уже рассмотрены и определены к уплате; а в погреб-

Учреждает премии для скорейшего взноса налогов

Он по части финансов и армии был не только правитель, но и законодатель

В 1803 году состояние Франции начало очевидно поправляться

Впоследствии система налогов и сокровищ доведена была Наполеоном до возможного совершенства

¹ Однажды, рассматривая месячные отчеты, он усомнился в двух миллионах. Ошибка отыскана в счетах какого-то поставщика, и два миллиона немедленно были внесены. В другой раз он нашел в счетах Парижского гарнизона 60 000 фр., употребленные на продовольствие какой-то команды, никогда не бывавшей в Париже. И тут он был прав. Поверка доказала, что помянутая команда никогда не входила в состав Парижского гарнизона, и деньги были возвращены. — Прим. Орлова.

бах Тюлерийского дворца хранилось золотом и серебром до 300 000 000 наличности. Следственно, можно утвердительно сказать, что при Наполеоне система налогов и система государственных сокровищ доведены были до возможного совершенства¹.

Наполеон не хотел или не умел оценить достоинство кредитной системы

Но тут Бонапарт теряет свое превосходство. Изготовивши все для удобного введения кредита во Франции, он остановился и к самой кредитной системе не хотел или не умел приступить. Странно видеть в истории, как обширный, глубокий ум Наполеона мало походит сам на себя, коль скоро дело касается до кредита. Он не только не хочет употреблять средства займов, но систематически оным противится и питает ко всем соображениям кредитным, ко всем людям, занимающимся оными, как будто личную ненависть. Секретарь его Бурьен удален отчасти потому, что обращал свои капиталы в публичных фондах. Уврар* им два раза был разорен. «Человек, – сказал он, – располагающий 30 000 000, опасен для правительства. Никто из подданных моих не должен иметь более 3 000 000 фр. вольного капитала». Он так твердо был уверен, что употребление кредита ведет государство к неминуемой гибели, что при всяком новом займе, заключаемом в Англии, чувствовал внутреннее удовольствие, хотя знал, что заемные капиталы будут непременно употреблены против видов и намерений его политики. Министр его финансов² в отчете своем за 1804

¹ Наполеон умел не только собрать без отягощения народа огромные налоги, не только сберегать сокровища для чрезвычайных обстоятельств, но также и обращать с пользою собранные суммы в общую массу народных богатств. В течение своего царствования он издержал: на мосты 30 000 000, на каналы 50 000 000, на осушение болот 14 000 000, на дороги 277 000 000, на устройство и безопасность портов 100 000 000 фр.; украшения Парижа превзошли 100 000 000, Лувр и Версаль – 90 000 000; бриллиантов куплено на 60 000 000. Все эти последние издержки сделаны на экономии его собственных доходов. Шельда и Антверпен стоили 40 000 000, а вся Бельгия, сверх того, еще 22 000 000; Александрийская крепость – 26 000 000, Симплон и Генуэзская дорога – 30 000 000, Майнц, Мец, Франкфурт и Везель – более 25 000 000 и пр., и пр. Чудные цифры, заставляющие невольно удивляться почти необъятному превосходству сего великого гения! – *Прим. Орлова.*

² Годин, впоследствии герцог Гаэтский, пользовавшийся полной доверенностью Наполеона, так же, как и он сам, был по

год говорит: «Время военное требует еще больших средств, и ваше величество решились их найти в лучшей системе налогов, отвергая навсегда в государственных издержках неверное и разорительное средство займов. Мнение ваше нам всем известно. Вы справедливо полагаете, что кредитная система, столь удобная для расточительности, неоплатимыми долгами пожирает все надежды будущих времен, приготовляет расстройство финансов и тем самым ведет к разорению государства. Может быть, мы не весьма отдалены от эпохи, предназначенной судьбою, чтоб сделаться для всех европейских держав великим и поучительным примером». Таковы были правила Наполеона по сему важному предмету; ибо все знают, что министры его, особливо в обнародываемых актах, подвергались его личной цензуре, мыслили его понятиями и говорили его языком. Впрочем, сии правила видны не только в словах, но и в самих действиях его. В 1806 году он устроил кассу погашения; сия касса была не что иное, как новый департамент казначейства. Она выпустила билетов на 60 000 000 по разным процентам; но на-

Он торжественно объявляет себя врагом кредита

Устроенная им касса носила на себе одно только имя погашения

части налогов превосходный министр, а по части кредита разделял все его предрассудки. Он вступил в свое звание в 1800 году и оставил оное в 1814-м. Он был один из всех министров Наполеона, который остался на своем месте во все время его царствования. В 1816 году, будучи приглашен в тайный совет для изыскания средств к поправлению финансов Франции, он подал проект, основанный на насильственном займе, и тем самым показал и недоверчивость свою к кредиту, и незнание самых первоначальных оного правил. Впрочем, Наполеон создал во Франции целую школу противников кредита. Между прочими барон Фен (le Baron Fain), писатель остроумный во многих отношениях, говорит в одном из своих сочинений (manuscrit de 1813): «Ежели нужды правительства увеличатся, нет необходимости прибегать к кредиту, к новым налогам, к разорительному средству займов. Государственная казна очищена от всякого мытарства денежных торговцев. Достаточно прибавить тариф и пр., и пр.» Вот какое понятие окружавшие Наполеона имели о сем важном предмете. По их мнению, прибавить тариф – это не новый налог; употреблять кредит – значит разорять государство; заемный оборот есть не что иное, как денежное мытарство. Здесь видно вполне воспитание и влияние Наполеона на всех его сподвижников. Слово мытарство (triptage) лучше всякого рассуждения показывает, с какой точки зрения он и все его последователи смотрели на кредит. – Прим. Орлова.

*Ни в счастье, ни в
несчастье он никог-
да не прибегал к
кредиту*

*Предубеждение На-
полеона против кре-
дита спасло Европу
от порабощения*

*Наполеон заменяет
систему кредита
контрибуциями в
военное время и воз-
награждениями за
издержки при за-
ключении мира*

место того, чтоб учредить постепенный выкуп оных, Наполеон назначил сроки платежа и приписал к ней некоторую часть государственных имуществ, долженствующих поступить в продажу. Впоследствии он часто занимал сии билеты погашения, но всегда на короткое и определенное время. В 1813 году ему нужно было сверх обыкновенных доходов собрать 300 000 000 фр.; он велел продать общественные городские земли, наложил новые подати, умножил старые, но о кредите и мысли не имел. Наконец, в 1814 году, когда неприятель был в недрах Франции, когда по распущению законодательной думы он решился без ее содействия составить новый бюджет, — и тут нет ни малейшего следа кредитной системы во всех его соображениях. Употребляя последние свои сокровища на защиту своей столицы, он не прибегнул к займам и даже отвергнул некоторые предложения усердных капиталистов и граждан. Таковое упорство ясно доказывает, что он решительно разделял все народные предрассудки против государственных займов, и здесь видна десница провидения, которое, давши ему совершенно превратное понятие о кредите, хотело, конечно, сим самым положить предел его честолюбию и бедствиям Европы; ибо, ежели б инстинкт собственных его выгод в сем случае ему не изменил, ежели б гений его умел оценить силу кредита, ежели б его могущественная рука могла завладеть сим ужасным рычагом, вероятно, все гигантские его предприятия были бы увенчаны успехом и все покорились бы его власти. Может быть, народы европейские обязаны нынешнею своею независимостью отчасти предубеждениям Наполеона против истин государственного кредита.

Но как же Наполеон, коего царствование все составлено было из чрезвычайных обстоятельств, умел так долго управлять, сражаться, торжествовать без кредита, и сие не доказывает ли до некоторой степени, что займы могут быть заменены налогами и сокровищами? Нимало. Напротив того, пример Наполеона более еще утверждает основательность изложенных нами правил. Искусная система налогов в руках его дала все, что дать могла. Она служила ему для первоначального устройства его огромной армии и для поддержания оной; но после все ущербы заменялись данями побежденных. Сии дани, получаемые или в виде контрибуции в военное время, или

под именем вознаграждения за издержки при заключении мира, составляли сокровища, ежедневно возрождающиеся и питающие войну самую войною. Некоторые писатели считают, что он таким образом обогатил Францию 2 000 000 000 фр. В продолжение чудесных его успехов все войны были ведены быстро и кончались обыкновенно совершенным истреблением армий неприятельских. Он полагал справедливо, что земля, которая могла содержать побежденное войско, может также содержать равное число победителей. С начала почти непрерывных войн империи более 250 000 французов питались, одевались и получали жалованье и помещение на счет занятых земель. Казна обогатилась сверх того 400 000 000 фр. наличности, а военное министерство за отсутствием половины армии не издерживало половины ассигнованных для него сумм, так что после Прусской кампании и Тильзитского мира Бонапарт возвратился в Париж, имея в казначействе своем доходы целого года вперед и огромные сокровища в погребах Тюлерийского дворца. Но сего ему было еще не довольно. Он выучил своих союзников извлекать всевозможные выгоды из налогов, и та же самая система оплатила ему вспомогательные войска. Вот средства, употребленные Наполеоном для замены кредитной системы; но чтоб вывести из сего пример против необходимости займов и общее поучительное правило для всех народов, надобно сперва доказать, что всякий честолюбец может быть Наполеоном, что счастье неизменно, что все сражения должны непременно кончиться победою, все войны завоеванием, все предприятия быстрым и совершенным истреблением неприятельских сил. Самая история Наполеона есть живое возражение против таковых утверждений. Все держалось таким образом до тех пор, пока обстоятельства благоприятствовали Франции. Но когда с развитием огромных видов ее политики препятствия умножились и скрытые причины случайного преспеяния стали ослабевать, когда надобно было сражаться не только с вызванными ею врагами, но и счастием, тогда недостатки ее финансовой системы скоро обнаружились. Уже в 1809 году после первых неудач в Испании прилежный наблюдатель может заметить первые последствия усиленных налогов в глухом ропоте союзников и самого народа. Тогда уже начали сетовать на ненасытное честолюбие

Он призывает своих союзников к употреблению тех же средств

Сия система требует скорых, полных и совершенных успехов

При первой неудаче слабость оной должна обнаружиться

Бедствия совершенно разрушают здание величия, основанного на столь зыбких началах

Падение Наполеона служит доказательством изложенных нами прав

Наполеона, на несоблюдение денежных договоров. Вскоре потом открылась война 1812 года, и хотя при начале сей роковой эпохи финансы его, по обнародованным отчетам, были еще в блестящем состоянии, но следы расстройств открываются постепенно в преждевременном заборе податей, в затруднениях и остановке министерских ликвидаций, в своевольном уничтожении некоторых долгов правительства, в частых банкротствах откупщиков и сборщиков налогов. В Испании армия остается без платы, без содержания. В Германии и Польше французские войска не защищают, а грабят сии государства. Пруссия жалуется, что Наполеон не платит, по условию, 84 000 000, им должных за продовольствие войск. Союзники вообще с негодованием истощают последние свои средства, не вознаграждаются за их пожертвования и начинают помышлять о перемене политики. Не прошло шести месяцев, и блестящее состояние финансов Наполеоновых исчезло, как дым. После истребления его армии министры признают, что огромный 900 000 000 бюджет недостаточен, хотя 550 000 000 назначены единственно для войны. Наполеон налагает новые подати: на прямые подати 30%, на соль вдвое, на другие предметы 10%. Он отдает половину своих Тюлерийских сокровищ и продает на 300 000 000 городских земель. Всеми сими жертвованиями он успевает в четыре месяца выставить в поле новую армию, но едва она явилась на театр войны, как мы видим, что снова ключи Тюлерийских погребов отправлены в Париж для употребления остальной половины государственных сокровищ. «Это была, – говорит Фен, – после храбрости войск лучшая наша надежда». Он мог бы прибавить: «и последнее наше средство». В самом деле, армия, разбитая под Лейпцигом, не была уже заменена. Наполеон собрал все гарнизоны крепостей и оставил их почти без защиты; он вызвал все войска из Испании, сосредоточил все способы свои в действующей армии, сразился с 60 000 человек против бесчисленных неприятелей и должен был погибнуть. К 1 апреля 1814 года все сокровища его были расточены, и требовательный долг, сделанный посредством переборов (anticipations), доходил до 759 000 000 фр.

Прежние правительства Франции пали оттого, что не умели владеть ни системою налогов, ни кредитом. Во время империи налоги были доведены до совершенства,

но кредит был отвержен. Что ж случилось? Наполеон, невзирая на его гений, на его счастье, на возрастающее преспеяние своего народа, на налоги, удвоенные против налогов директории, на богатство завоеванных Голландии и Италии, ограбленной Пруссии, обложенной данью Австрии, истребил в 14 лет все способы своего отечества и остался без защиты против первых ударов судьбы.

После первого восстановления Бурбонов министр финансов, барон Луи, предпринял введение кредита для уплаты требовательного долга, оставленного сверженным правительством. Он нашел много затруднений. С самого начала предположено было выпустить новых облигаций с непрерывными пятью процентами на 300 000 000 фр. Но едва первые явились на общественном рынке, как фонды начали упадать столь стремительно, что министр принужден был для удержания их ценности усилить выкупы. Из 300 000 000 всего выпущено было на 36 000 000, из коих 22 000 000 были выкуплены. Появление Наполеона в пределах Франции положило конец сему финансовому обороту.

В течение стодневногo своего владычества Бонапарт не изменил прежней своей системы. Все надежды его обратились к налогам; однако же вынужденный обстоятельствами, он решился также и на заем. Г-н Уврар ссудил его 50 000 000 фр. за 5 000 000 непрерывных доходов, ибо тогда фонды теряли 47 на 100. Наполеон против всех правил на удовлетворение г-на Уврара взял сии доходы из капитала кассы погашения и сею последнею своею ошибкою доказал, что действительно он не понимал ни системы кредита вообще, ниже важного определения кассы погашения в сей системе.

При втором восстановлении Бурбонов финансы Франции были в ужасном положении. Палата депутатов 1815 года, которую сначала сам король назвал *находкою* (la chambre introuvable), а после принужден был распустить, восстала против всех рассудительных распоряжений министерства. Господствующая страсть большей половины ее членов была полное и чистое обращение к образу правления 1788 года со всеми его гражданскими, политическими и финансовыми заблуждениями. С такими представителями народа никакое благоразумное предложение не могло иметь успеха. Напрасно граф Корветто, министр финансов, соображая доходы с рас-

Употребление кредита при первом восстановлении Бурбонов превано прежде полного развития системы

В течение стодневногo своего правления Наполеон против всех правил употребляет билеты кассы погашения на чрезвычайные издержки

При втором восстановлении Бурбонов система кредита искажена совершенно. Господствующая партия слагает с правительства обязанность исполнять по заключенным им условиям

ходами, указывал на обязанность платить долги и на святость заключенных условий. «Положение наше трудно, – говорил он, – но, ежели б оно было еще обременительнее, и тогда было бы великодушно, нравственно, достойно короля и Франции провозглашение посреди развалин отечества ненарушимости данных обетов». Сии благородные слова не нашли отголоска в сердцах представителей. Докладчик палаты, г-н Корбиер, предлагая уничтожение прежде принятых мер для уплаты требовательного долга, поддерживает свое мнение следующим образом. «Неужели, – говорит он, – закон, определяющий образ уплаты прежних долгов, составляет документ в пользу государственного заимодавца? Мы сего никак принять не можем... Все, что уплачено по сему закону, конечно, невозвратно; но то, что еще предлежит к уплате, может быть остановлено, и законодатель никогда не лишается права изменить по своей воле образ уплаты». Другой член высказывает мысль свою еще яснее. «Не в первый раз, – говорит он, – представители народа уничтожили обещания королевские, исторгнутые необходимостью». Читая сии слова, мы не знаем, чему должно более удивляться, или бессовестности г-на Бональда, славящегося своей приверженностью к вере и престолу, или непостижимой недалёковидности сего государственного человека. С подобными правилами должно было отказаться от кредита. Это из всех соображений самое безнравственное! Это несостоятельность, обращенная в систему с высоты народной кафедры; ибо какой закон может почитаться ненарушимым, ежели закон, предложенный правительством и принятый представителями народа для уплаты государственным заимодавцам, ежегодно будет изменяться без согласия сих последних? Впрочем, действия палаты депутатов были оценены по их достоинству в палате пэров. «Есть истины, – говорит граф Гарнье, – которые столь ясны для всех, столь естественно согласны с первоначальными правилами нравственности и справедливости, что самая их очевидность не допускает никакого доказательства. И в самом деле, как и чем доказывать, что мы должны не нарушать святости договоров, держать данное слово, исполнять то, что обещали, сохранять заключенные условия?» Не менее того правила палаты депутатов восторжествовали, и заимодавцы правительства лишены были своих залогов и части своих

доходов. К счастью Франции, сие торжество не долго продолжалось. Людвиг XVIII, принужденный избирать между кредитом и палатою депутатов, распустил сию последнюю, и после сего распушения все силы правительства и министерства устремились к одной цели – к восстановлению финансов Франции чрез водворение кредита. Сие важное событие совершилось, наконец, следующим образом.

Вследствие таких предприятий против собственности заимодавцев кредит Франции гибнет

В 1816 году главою министерства был герцог Ришелье. Он не имел тех качеств, кои обыкновенно ослепляют людей, ни пылкого воображения, ни увлекательного красноречия, ни блестящего ума. Чистый рассудок, постоянство, заменяющее твердость, совесть, честь и трудолюбие составляли его гений. Политикою его была правда, целью – польза, главным средством – свободные и откровенные совещания со всеми отличными людьми, к какой бы партии они ни принадлежали. Приступая к преобразованию финансовой системы, он окружил себя всеми предосторожностями, хотел узнать все мнения народа и все оттенки общемыслия, созвал чрезвычайную комиссию¹, которой препоручено было приготовить материалы для бюджета 1817 года и представить средства, финансовые и кредитные, для водворения порядка в государственных доходах и обеспечения казначейств. Сия комиссия, и в особенности член оной, Лаффит*, исполнили наложенную на них обязанность с неожиданным успехом. Герцог Ришелье, созвавший оную, и Лаффит, коего смелое и решительное мнение восторжествовало и в комиссии, и в министерстве, и в палатах против всех предубеждений, истинно могут назваться спасителями своего отечества.

Герцог Ришелье с прямотою ищет средств к спасению Франции

Герцог Ришелье и господин Лаффит могут назваться спасителями отечества

И в самом деле, Франция находилась в ужасном положении. Правительство Людовика XVIII имело малое

Положение Франции в 1816 году в десять раз затруднительнее, чем при начале революции

¹ Сия комиссия составлена была из следующих лиц: президент – герцог Левис; члены: герцог Гаэтский, маркиз Гарнье, Яков Лаффит, Дювержье де Горан, барон Порталь, Терно старший, Морган дю Белау, Оливье. Секретарем комиссии назначен был Бертин де Во. – Прим. Орлова.

число приверженцев и было ненавистно большей части его подданных. Все узы любви и повиновения были разорваны. Народ платил с негодованием и трудом установленные подати; всякий новый налог угрожал опасностью и всеобщим возмущением. Кредит казался истощенным, и действия последнего представительного заседания должны были потрясти самые остатки оного. Притом еще Европа вооруженною рукою занимала восточные департаменты Франции, требовала с угрозами содержания ее войска и уплаты сильной контрибуции как возмездия за военные издержки. Цифрами положение выражается следующим образом:

Недочету на 1817 год	314 000 000
Запоздалого долга	400 000 000
Нового неотверженного долга	100 000 000
Чрезвычайных издержек на	{
1818	261 000 000
1819	253 000 000
1820	254 000 000
Итого	1 582 000 000

Кроме постоянных издержек правительства, которые едва пополнялись уже существующими налогами, и кроме частных претензий некоторых государств, которые возрастали почти до 300 000 000 фр., таким образом, что в 1816 году финансовое положение Франции было в три раза хуже, чем в 1814-м, и в десять раз затруднительнее, чем в 1789-м, при начале революции. Состояние почти отчаянное, из которого Франция вышла, однако же, не нарушая ни одного из своих договоров, не прибегая ни к каким насильственным мерам, без всякого вреда для общего благоденствия, с честью, славою и с новыми надеждами на непрерывное преспеяние государства. Все сие исполнилось употреблением чистого кредита.

В учрежденной комиссии три голоса обратили на себя особенное внимание, а именно: герцога Гаэтского, маркиза Гарнье и г-на Лаффита.

Предполагая разные перемены в системе налогов, из которых однако же ясно выводилось увеличение податей, герцог Гаэтский сознавался, что одно средство налогов не могло удовлетворить нуждам правительства, и советовал прибегнуть к займу. Заем, им предлагаемый, отчасти был свободный, отчасти принужденный. Все граждане, обложенные прямыми налогами, должны были

Франция находит в трудах комиссии средство к спасению

Герцог Гаэтский предлагает заем принудительный, кассу погашения временную, проценты высокие. Его план отвержен

вносить почти двойные подати помесечно, в 12 сроков, и взимание сего займа должно было производиться на основании мер, принятых для взыскания прямых налогов. Сей заем приносил 5 процентов. Кроме сего, принимались также вольные взносы, кои приносили вкладчикам по 6, 7 и 8 процентов, судя по важности вносимого капитала. К сему займу приурочена была и система погашения, по которой каждые пять лет выкупалось и уничтожалось известное число государственных обязательств. Сочинитель плана предполагал еще отвержение займов в 1821 году по курсу 80 за 100 капитала, стараясь доказать, что сей курс представляет настоящую ценность обязательств неуплатного долга. Из всего вышесказанного следует, что герцог Гаэтский против всех правил кредита предлагал заем *принудительный*, кассу погашения *временную*, проценты *высокие*, отвержение долга с такими предположениями, которые ясно показывают, что он не доверяет кредиту и даже не понимает причин, по коим ценность государственных бумаг понижается или повышается. Проект был рассмотрен и отвержен.

Маркиз Гарнье, рассматривая систему налогов, находил, что доходы правительства превышают расходы <на> 100 000 000 фр., что в четыре года даст 400 000 000. Он предлагал продать часть казенных лесов на 100 000 000 и сделать еще заем на 600 000 000 фр. Сими 1 100 000 000 он надеялся оплатить все чрезвычайные нужды государства, вывести казну из затруднения и Францию из опасности. Заем, им предлагаемый, по собственному его сознанию, принадлежал к разряду займов принудительных. Он хотел, чтоб всякий владелец имения был *обязан* внести сумму, равняющуюся трем с половиною капиталам платимых им прямых налогов, оставляя в распоряжении каждого свободу уплатить свою часть или наличными деньгами, или заемным письмом на два года, или обязаться письменно вносить ежегодно по 6 процентов с определенного участка. По сему плану вносчики наличностью получали от казны 6 процентов, заемные письма поступали в вольную продажу и после приносили тот же процент, а обязательства на уплату процентов делались новым родом публичных фондов. Долг должен был оплатиться в течение 10 лет без содействия погашения одною только усиленною бережливостию. Сей проект был также отвержен, ибо комиссия

План маркиза Гарнье основан на огромной подати, скрытой под изысканностью средств и замысловатостью изложения

Проект Лаффита основан на чистых правилах государственного кредита, на признании и обеспечении запоздалого долга, на вольном займе, на устройении кассы погашения

Он поддерживает свое мнение с красноречием, с полным познанием предмета, с твердостью и успехом

вскоре усмотрела, что требовать насильно деньги или заемные письма равно противно правилам кредита и что сей план не что иное, как огромная подать, скрытая под изысканностью средств и замысловатостью изложения.

Проект Лаффита, как все мысли истинно гениальные, отличается от всех прочих проектов своею простотою. Он состоит из правил верных и общих, из исчислений подробных и точных, из выводов важных и неожиданных, обратившихся впоследствии в настоящие пророчества. Прежде всего он старается утвердить начала, на коих основано его предложение. Сии начала суть не что иное, как начало самого кредита. Переходя потом к могуществу сего средства, он спрашивает, каким образом Франция затрудняется собранием такой суммы, которая в несколько дней пополнена бы была в Англии? Ответ легок. Франция никогда не пеклась о успокоении своих заимодавцев и еще в 1815 году нарушила свои обещания по запоздалому долгу. Англия, напротив того, всегда берегла права своих кредиторов и дорожила своим кредитом. Отсюда он извлекает необходимость прежде всякого предложения о новом займе удовлетворить законные требования заимодавцев по запоздалому долгу, отдав им и обещанные залоги, и назначенные проценты. «Исполните, – говорит Лаффит, – ваши обязанности, ибо они святы и ненарушимы. Оставьте мелкие расчеты временных выгод и осуните ваше будущее величие на правоте и справедливости. Покоритесь самовластию срочных уплат; я ручаюсь вам за успех и честью моею, и имением; я первый участвую во всех мерах, мной предлагаемых, и не поставлю других пределов сему участию, как те только, кои будут предписаны мне от самого правительства». Весь план Лаффита заключался в трех предложениях: 1) обеспечение заимодавцев прежнего запоздалого долга; 2) открытие нового займа на свободных правилах государственного кредита и 3) учреждение кассы погашения с усиленным капиталом, соответствующим не только увеличению долга, но также и недоверчивости капиталистов. Он поддержал мнение свое с таким искусством и в комиссии, и в палате депутатов, что рассеял наконец все недоумения, уничтожил все возражения, убедил всех своих противников и основал навсегда во Франции государственный кредит, принудив общемыслие понять его правила и ис-

пытать его действия¹. Ришелье и Лаффит водворением кредита воскресили, так сказать, свое отечество и успокоили его успешнее, чем союзная армия, коей пребывание во Франции послужило единственно к большому затруднению финансов, и сие предложение так справедливо, что немедленно после введения кредита сия армия была распущена. Сам Людовик XVIII тогда только утвердился на престоле, когда проект Лаффита, принятый в обеих палатах, обратился в государственный закон.

Итак, 1817 год ознаменован был принятием в первый раз со времени существования Франции чистых начал государственного кредита. Полный оборот финансовый, по предложению Лаффита, продолжался шесть лет, от 1817 до 1823 года, на который срок Франция освободилась от всего своего требовательного долга и записала все свои займы в большую книгу отверженного долга, который возвысился на 1823 год до 4 013 334 720 фр.²

1817 год ознаменован во Франции принятием системы кредита в первый раз во всей чистоте ее начал

¹ Некто из противников Лаффита возражал ему, что, разделяя заем на несколько частей и лет, он ставит правительство в затруднительное положение. «Чем более долг увеличивается, — говорит он, — тем займы делаются затруднительнее. Правительство, принужденное занимать в 1817 году, теряя 47 на 100, в 1818 году понесет еще сильнейший ущерб; так что в 1820 году фонды его, вероятно, не будут иметь никакой ценности». Ответ Лаффита превосходен. Он доказывает, что частое употребление кредита не только не роняет достоинства фондов, но должно еще оное возвысить; что ежели первый заем будет сделан с соблюдением всех правил и предосторожностей, то при открытии второго капиталы явятся с излишеством и фонды непременно поднимутся. Он так тверд в своих началах, и обстоятельства так ясно и живо представляются его воображению, что все его слова кажутся исполнены духом пророчества, все его гипотезы совершились на самом деле и каждый расчет обратился в событие. Вот ход займов в течение нескольких лет.

В 1817 г.	} I заем	18 600 000	бесперывного дохода по 55 за 100 фр.
	} II »	9 000 000	» » 64 » » »
В 1818 г.	} III »	14 600 000	» » 66 » 50 »
	} IV »	17 800 000	» » 67 » » »
В 1821 г.	} V »	12 512 220	» » 85 » 55 »
В 1823 г.	} VI »	23 114 516	» » 89 » 65 »

Вскоре потом ценность фондов перешла за именовательное достоинство оных и доходила до 115 фр. за 100 капитала. — *Прим. Орлова.*

² Вот приближенный расчет сего отверженного долга.

Старого долга 65 000 000 доходы равняются..... 1 300 000 000
Запоздалого, обращенного в бесперывные доходы 400 000 000

Устроение кассы погашения соответствует вполне ее назначению

Для сего значительного долга должно было усилить кассу погашения. Законом 25 марта 1817 года налоги на гербовую бумагу, на записи частных сделок, на государственные имущества, сборы почт и лотереи до 40 000 000 ежегодного дохода определены для составления постоянного дохода погашения. Министру финансов предоставлено сделать договор с французским банком для обеспечения своевременного вноса сих сумм. Отчеты погашения отделены от общего бюджета и должны представляться особенно на поверку палатам. Все государственные леса, с некоторым только исключением, служат залогом погашения и делаются его собственностью; но продажа оных не может производиться иначе, как посредством закона, определяющего достоинство и количество лесного участка, назначаемого в продажу. Сей участок, определенный на 1818 год, состоит из 150 000 гектаров, и выручка сумм составляет часть капитала кассы. Касса погашения должна действовать усиленными процентами, назначая ежедневно известную сумму на выкуп государственных обязательств.

Франция понимает все главные правила государственного кредита

Все сии частные меры поддержаны были еще некоторыми общими правилами, из коих главные суть: 1) издержки государственные разделены на расходы обыкновенные и чрезвычайные; 2) налоги удовлетворяют первые, а займы пополняют вторые; 3) займы должны быть свободны; принужденные займы навсегда воспрещаются; 4) все займы отвержены; 5) погашение отделено от казначейства и надзор за действием оногo поручен выборным членам палат; 6) иностранные капиталы принимаются без различия с туземными. Сие последнее распоряжение сделало из Парижа один из важнейших европейских денежных рынков. Оно принято вопреки усилий мелкого патриотизма некоторых людей, не понимающих важности вольного перелива капиталов и денежного равновесия.

По требованию некоторых государств за прежние заборы или переборы французских войск	320 080 000
Временно собранных сумм с департаментов при втором восстании Бурбонов	100 000 000
<u>По новым займам</u>	<u>1 892 534 720</u>
Итого	4 012 614 720

Прим. Орлова

Такое финансовое состояние существовало во Франции до министерства Вилеля, который, бывши некогда самым пылким противником кредита, сделался потом одним из приверженцев оного. В сем государственном человеке должно различать президента совета министров, коего действия были часто предосудительны, от министра финансов, коего искусство несомненно для беспристрастных людей. Касса погашения выкупила до 77 000 000 непрерывного дохода. Фонды публичные продавались по 115 фр. за 100 капитала, так что правительство принуждено было остановить действие погашения или предложить уменьшение процентов. Сие последнее средство было предпочтено. К несчастью, оно не было исполнено согласно с правилами. Наместо того, чтоб сделать новый заем по 3% и вырученными суммами уплатить старые долги по 5%, министерство хотело просто переменить свои обязательства и тем самым дало сей справедливой мере вид несправедливости и принуждения. Впрочем, кредит уже так усилился, что ни ошибка сия, ни 400 000 000, издержанных противозаконно для войны в Испании, ни 1 000 000 000 с лишком, опрометчиво определенный для возмездия эмигрантов, — ничто не могло его поколебать. Можно утвердительно сказать, что система кредита ныне глубоко укоренилась во Франции и что финансовое преобразование сего государства вполне совершилось. Главные начала признаны, оценены, испытаны народом и правительством. Остается развить все последствия оных, и тогда откроется перед Франциею обширное поприще успехов и преспеяния, к которым предназначена она от природы, давшей ей все выгоды климата, положения, физических и нравственных сил.

Во время министерства Вилеля кредит Франции процветает

Проценты понижаются, но понижение оных сделано без предусмотрительности и без искусства

Правила кредита, вероятно, навсегда утверждаются во Франции

Но сия цель не так легко достигается. Многие предрассудки господствуют во Франции и, вероятно, долго господствовать будут. Между прочими можно указать на существующие еще и теперь предубеждения против кредитной системы, невзирая на все услуги, ею оказанные; на пристрастие к раздроблению недвижимых наследств, с коим никакое образование богатств и вольных капиталов согласоваться не может; и, наконец, на некоторое

стремление к республиканскому правлению, для которого, кажется, Франция не создана. Подробное исследование финансовой истории в Англии покажет нам яснее, что еще остается совершить Франции, чтоб достигнуть высшей степени счастья, величия, богатства, могущества и славы.

III АНГЛИЯ

Пример положительный

Обратимся к Англии и рассмотрим финансовую ее историю с тех же самых времен, с которых мы начали обозрение финансов французских, то есть около половины 17-го столетия.

История финансов Англии прежде Вестфальского мира ничем не отличается от событий в других государствах

При Карле I, во время управления долгого парламента и Кромвеля, история английских финансов представляет нам длинный ряд ложных или притеснительных мер, налогов, силой исторженных у законодательной власти, грабительств, приведенных в систематический порядок и исполняемых своевольною рукою солдат, конфискации доходов, принадлежащих роялистам, и чрезвычайных податей, налагаемых исключительно на одних католиков. Все, что по сей части управления происходило тогда в Англии, было так сходно с тем, что делалось во Франции и в других землях, что нет надобности более распространяться об этом предмете¹. Первые

¹ Надобно, однако же, объяснять, что сии упреки касаются более до общего хода финансовых дел, чем до личной честности английских королей. Достойно примечания, что верность и стойкость в уплате долгов были всегда отличительною чертою сих владельцев. «Генрих III, – говорит Ганиль, – первый оставил после себя значительный долг. Сын его, Эдуард I, уплатил оный и в свою очередь оставил долг, который уплачен был Эдуардом II. Эдуард III объявил парламенту, что, ежели народ не уплатит его долгов, он уедет в Брюссель, где останется залогом у своих заимодавцев. Запутанное дело Генриха VI было причиною переворота, лишившего его престола. Генрих VII много занимал, но всегда уплачивал; он говаривал часто, что лучше поспешить займом, чем опоздать уплатою. Генрих VIII оказался два раза несостоятельным с согласия парламента, но зато царствование его считается временем гибели и позора. Парламент уплатил новым налогом долги Эдуарда VI. Елисавета оставила 400 000 ф. ст. долга и 350 000 наличности. Иаков I все уплатил, а его долг был уплачен Карлом I. Наконец, при возвращении Стюартов парламент назначил особые суммы

опыты лучшего финансового устройства показываются только со времени восстановления Карла II. После жес-токого переворота, поколебавшего все основания граж-данского быта в государстве, Англия долговременной борьбою и ужасными несчастьями не приобрела почти ничего, кроме беспрекословного утверждения права соб-ственности и некоторого уважения к мнениям и суждени-ям граждан, соединенных общим духом народным. Но это было очень важно, ибо на сих двух обстоятельствах государственный кредит основался как бы сам собою.

*Первые улучшения в финансах начина-ются с восстано-влением Стюартов
Разделение расхо-дов на постоянные и чрезвычайные*

Едва Карл II вступил на престол, как явилось пер-вое, весьма важное финансовое начало – разделение го-сударственных доходов на постоянные и чрезвычайные издержки. Скоро потом приступлено было к преобразо-ванию билетов казначейства. Новое устройство оных ввело законную очередь уплаты по порядку займов и тем самым отклонило всякое пристрастие. Это второе фи-нансовое начало, принятое правительством, имело по-лезнейшие последствия. Коль скоро закон был обнро-дован, банкиры начали ссужать займы на билеты ка-значейства по умеренным процентам на короткие сроки. От сих часто возобновляемых и всегда уплачиваемых займов родилась некоторая взаимность между капитали-

Очередная уплата билетов казначей-ства

для уплаты долгов революции». Из всего сего можно заклю-чить: 1) что, как частные лица, почти все короли Англии исполняли свято свои денежные обязанности; 2) что все сии зай-мы совершились как займы срочные, то есть с условием уплаты капитала, чем самым и доказывается, что тогда о государст-венном кредите и помышления не было; 3) что, не постигая средств и не понимая важности государственного кредита, сии владельцы основывали всю свою финансовую систему на од-них только налогах и прибегали часто к притеснительным и ненавистным мерам. Для них займы были дело частное, а нало-ги – дело государственное и общее. Они были исправные пла-тельщики и остались честны пред лицом своих заимодавцев, но были также ненасытные собиратели податей и часто доводили народ до отчаяния. В сем обстоятельстве должно искать при-чины английского переворота, который совершился без всяко-го явного недочета, без всякой несостоятельности правительст-ва. Противуположность странная между французскою и ан-глийскою революциями, но ведущая к одному заключению! Там, во Франции, переворот произошел от дурной системы кредита; здесь, в Англии, – от совершенного недостатка в кре-дитной системе. – Прим. Орлова.

стами и правительством, которое приобрело возможность при самом выпуске своих билетов употреблять свои доходы и оценивать будущие взносы налогов до 2% на процент разницы. Третий финансовый оборот еще более достоин внимания. Парламент назначил особенную сумму для уплаты долгов, сделанных во время междуцарствия, и обратил требовательный долг казначейства в долг отверженный. Сей опыт тем замечателен, что он был первый в своем роде; но хотя впоследствии он оказался и полезным для государства, начав эпоху новой кредитной системы, надобно сознаться, что частные меры, принятые для отвержения долга, были весьма притеснительны и обратили на себя всеобщее негодование. Не менее того в 1672 году требовательный долг казначейства был превращен в отверженный по 6% вечных процентов, коих уплата продолжалась непрерывно до кончины Карла II. Конечно, царствование сего короля не есть одно из блестящих царствований английской истории, но оно довольно важно по части управления финансов, которое приняло тогда многие начала, истинно полезные, и, невзирая на личную склонность Карла к расточительности, посеяло в Англии, по настоянию парламента, семена бережливости, благоустройства, порядка и, что еще важнее, государственного кредита.

Назначение особенной суммы для уплаты долгов междуцарствия

Обращение требовательного долга в долг отверженный

При вступлении на престол Иакова II одно из первых его действий было прекращение уплаты вечных процентов. Все заимодавцы правительства подали прошения в судебные места и положили начало сей великой тяжбы, которая кончилась изгнанием Стюартов. Достоинно замечания, что перемена династии совершилась без всяких судорожных явлений и почти без пролития крови, потому что, согласно с правилами, нами показанными, преобразование внутреннее сделалось необходимым тогда, когда преобразование хозяйственное находилось в полном и успешном развитии.

Финансовые ошибки Иакова II

В царствование Вильгельма III правило разделения государственных издержек на обыкновенные, пополняемые также обыкновенными налогами, и чрезвычайные, оплачиваемые займами, было приведено в действие. Первые займы, однако же, показывают недостаток зрелости в кредитных оборотах. Теория вечных непрерывных процентов, примененная к прежним долгам, не была принята для новых займов. Все они заключены были на

При Вильгельме III принятые правила получили строгое исполнение, но займы заключались не согласно с системою кредита. Мысли и понятия не созрели еще в народе

Вильгельм определяет систему займов для чрезвычайных издержек. Он хочет образовать капиталы и понизить проценты

ложных соображениях, с срочными взносами, с представлением залогов, с распределением уплаты в 96 лет по 7% (annuités de 96 ans), с пожизненными доходами по 14% на одну, по 12% на две и по 10% на три головы. Не смотря на сии огромные проценты, выгоды государственные были соблюдены тем, что, по принятому правилу, изобретательный ум министров принужден был трудиться не над выдумкой новых податей, но над формой займов. Налоги же оставались прежние или прибавлялись почти нечувствительно, а неизменчивость налогов так важна, что многие государственные люди не без причины предпочитают постоянство в системе податей лучшему устройству оных¹. Приняв за правило употребление кредита на пополнение чрезвычайных издержек, Вильгельм III обратил свое внимание на понижение процентов. Для сего нужно было образовать капиталы и одушевить торговлю. И то, и другое исполнено учреждением Ост-Индской компании и Английского банка по образцу таковых же заведений, давно учрежденных в

¹ Всякий налог вводится по каким-либо соображениям, но редко опыт оказывается согласным с сими соображениями. Иногда правительство налагает подать на производителя, а в самом деле она платится потребителями, отчего против всех предложений прямой налог превращается в косвенный. В другой раз правительство возвышает косвенную подать, как например, во Франции по случаю ввоза вин в города, и тем самым приводит в расстройство земледелие, которое желало поддержать. Всегда почти воздействие совершенно противно действию, и беспристрастный наблюдатель должен сознаться, что никто не может решительно утвердить при учреждении новой подати, на кого именно она падет. Но по истечении некоторого времени действие налога делается очевидным. Подать, давно учрежденная, исполнила полное свое кругообращение, произвела все зло, которое могла произвести, разорила всех людей, коих должна была разорить, изменила все ценности и привела их опять в равновесие, вошла в общий обычай и потеряла все свои зловредные качества. Таковая подать, испытанная временем, не должна быть переменена, разве только в таком случае, когда она точно оказалась или вредною, как например, личная повинность, или безнравственною, как подать, собираемая с лотерей или с игроцких домов. Во всяком другом отношении старый налог всегда лучше нового потому только, что он стар, а тот нов. Сия истина, плод долговременного опыта, недавно принята только в Европе, а Англия более ста лет неотступно руководствуется сим правилом. – Прим. Орлова.

Голландии, где король имел случай узнать все подробно-сти внутреннего их управления и оценить выгоды, ими приносимые государству. Ост-Индская компания дала внешней торговле новую жизнь. Английский банк имел то же влияние на внутренние обороты; и оба сии учреждения были первым опытом в обширном виде духа сотоварищества, который впоследствии был источником всей славы и всего мужества Англии¹. При скромных своих началах они учреждены были преимущественно для пользы правительства. Привилегия была им продана за новый, по тогдашнему времени весьма выгодный заем, по 8%. Акционеры, действуя соединенными капиталами и принадлежащие по большей части к числу людей, имеющих голос и вес в государственных делах, не утрашили войти с правительством в сношения, коих частные люди нередко избегали. Располагая огромными средствами, они предпочли дробному употреблению сумм помещения оных большими частями за уменьшенные росты, тем более что прибыли товарищества и обладание векселями правительства вознаграждали их с избытком за умеренность процентов. Заем совершен был

Учреждает Ост-Индскую компанию и Английский банк и тем достигает своей цели

¹ Изобилие денег вообще и изобилие капиталов суть два обстоятельства, совершенно различные. Ежели капиталы раздроблены и дух сотоварищества не существует, то сии раздробленные суммы нимало не способствуют к совершению займов. Один отличный военный писатель справедливо говорит, что не присутствующие, но действующие войска выигрывают сражения (*ce ne sont pas les masses présentes, mais les masses agissantes qui gagnent les batailles*). Сия истина применяется также и к кредитным правилам. И тут можно утвердительно сказать, что государственный кредит пользуется не рассеянными деньгами, но сосредоточенными капиталами. Сии последние одни только доступны для займов правительства. Они одни представляют в кредите то, что военный писатель называет действующими массами. Здесь мы должны заметить, что, говоря о банке и об Ост-Индской компании, мы отнюдь не имеем намерения превозносить монополии учетов и торговли, представленной им в Англии. Напротив того, мы весьма согласны с теми, кои полагают, что всякая монополия вредна для развития богатств. Но мы смотрим на сии учреждения как на средства, употребляемые для водворения государственного кредита, а в сем смысле они способствовали к достижению сей цели и тем самым с избытком заплатили Англии за данную им привилегию. Сие еще более объяснится, когда мы приступим к подробному изложению Английского банка и его преимуществ. – *Прим. Орлова.*

Ежесрочное возобновление банковского долга породило в народе мысль о непрерывных процентах и, следовательно, об отвержении новозаключенных займов

на определенный срок привилегии, но в самом деле сей срочный долг сделался долгом отверженным, ибо привилегия время от времени была возобновляема, и долг не только не уплачивался, но еще постепенно возрастал. Существование сего долга, никогда не уплачиваемого и всегда отсрочиваемого, в глазах целой Англии, с общего согласия и к взаимной пользе заимодавцев и займателя, есть обстоятельство, весьма важное в истории английских финансов. Оно приготовило умы народа к мысли о возможности заключать денежные договоры на новых, прежде сего не известных условиях. Мало-помалу мысль сия начала распространяться и наконец столь сильно укоренилась, что в конце царствования Вильгельма III теория бессрочных займов и непрерывных процентов была предметом соображений всех капиталистов и мало находила противников в обществе. Англия тогда созрела для принятия всех правил публичного кредита, кои вскоре потом и начали постепенно развиваться. Вильгельм оставил после себя 14 949 926 ф.ст. государственного долга¹.

Королева Анна следует системе Вильгельма до 1710 года

При вступлении королевы Анны на великобританский престол министры ее следовали в управлении финансами направлению, данному Вильгельмом. Европа была тогда во всем пылу упорной войны за наследство Испании. В сих чрезвычайных обстоятельствах займы были единственным средством для поддержания усилий Англии, и сии займы все совершались по-прежнему на сроки с уплатою капитала и процентов; но в 1710 году вся система вдруг переменялась, и финансы Англии сделали огромный шаг к совершенству. Сие исполнилось посредством нового общества, устроивавшегося тогда в Англии. Несколько кредиторов правительства, имеющих в руках довольно значительное количество государственных срочных обязательств, соединились в компанию

В 1710 году учреждение Южной компании дает случай сделать в первый раз отверженный заем

¹ Всем известно, что наследница его, королева Анна, вопреки открытому направлению своей политики, сохраняла в тайне сердца своего привязанность к изгнанным Стюартам и не любила памяти Вильгельма. Она приказала строго рассмотреть и поверить счета прежнего правления, и парламент в заседании 1702 года нашел в оных ошибку, не превышающую четверти пенса. Сия ошибка поправлена была торжественно, особенным законом. Какая почесть, отданная правителю и его правлению! – *Прим. Орлова.*

и предложили министерству отверждение сего долга по 6% за право торговли на юге. Предложение их было принято. Южная компания составила, а 9 870 325 ф.ст., составлявшие срочный долг правительства, были переименованы в отверженный долг с уплатою 592 219 ф.ст. ежегодных вечных процентов. Сей финансовый оборот сделался предметом жарких прений и в обществе, и в обеих палатах парламента. Правительство, отверждая долг Южной компании, имело, по договору, право дать 8 процентов за каждые 100 полных ф.ст., или 6 процентов за 133 ф.ст.; ибо тогда бумаги государственные теряли около 40 на 100 капиталу. Оно решилось на последнее, и сие решение оказалось вскоре совершенно согласным с настоящими правилами кредита. Не менее того противники министерства сильно восстали против меры, истощая для защиты своего мнения все возможные возражения. После продолжительной борьбы правительство наконец восторжествовало, и тогда же парламент и все просвещенные люди в Англии решительно согласились, что в системе отверженных долгов должно всегда предпочитать увеличение капитала с уменьшением процентов всякому понижению капитального цифра с возвышением процентного. Итак, сия финансовая отвлеченность, которая только в 1825 году начала занимать умы во Франции и теперь еще имеет там и во всей Европе мало защитников, была раскрыта, обсуждена и принята в Англии за несколько лет до заключения Утрехтского трактата. Все преимущество сего последнего государства, вся тайна его величия, силы и богатства состоит в том, что оно опередило все народы на поприще государственного хозяйства и целым столетием прежде других европейских держав пользовалось монополиею устройства и здравых мыслей в управлении финансовыми и кредитными силами. «Народы, – говорит Ганиль, – ищите ключа вашего преспеяния и могущества в истории ваших финансов!»

Другие события сего царствования не менее примечательны. Вслед за договором с Южною компаниею при возобновлении своих привилегий банк и Ост-Индская компания дали заимообразно правительству без процентов первый 400 000, а вторая 3 200 000 ф.ст. Сей беспроцентный заем отвечает совершенно понижению процентов на весь капитал долга. Война за испанское наследство, которая имела для Англии столь великие последствия

При заключении сего займа особенное внимание правительства обратилось на понижение процентного цифра, невзирая на возвышение цифра капитального

Прения в обеих палатах по сему предмету доказывают, что Англия опередила всю Европу целым столетием на поприще государственного хозяйства. Здесь источник ее преспеяния

Оборот с Южною компаниею принуждает банк и Ост-Индскую компанию понизить еще проценты

Война за наследство Испании введена была с примерною бережливостью

и основала все ее могущество, ознаменовала также бережливость правительства. Она стоила Англии не более 2 060 617 ф.ст. ежегодных процентов, тогда как усилия Франции обошлись этой последней не менее 2 577 873 863 фр. требовательного долга. При смерти королевы Анны весь долг Англии состоял из 52 145 361 капиталом, а процентами из 3 351 357 ф.ст. Почти весь долг сей был уже отвержен.

Сравнение между Францией и Англией обращается, без сомнения, в пользу последней из сих двух держав

Дошедши до сего периода, мы заметим, что при смерти королевы Анны, которая случилась незадолго перед смертью Людовика XIV, финансовое состояние Англии отделяется уже резко чертою от положения Франции. Здесь мы видим пышного короля, окруженного толпою умов всякого рода, отличных министров и славных полководцев, увлекающего Францию к ужасной пропасти по дороге, усеянной цветами утонченного, но ложного просвещения, украшенной роскошными памятниками гордости и честолюбия. Там, в Англии, находим народ, менее способный предаваться прельстительным обольщениям бесплодной славы; народ, вникающий глубоко в самую сущность своей жизненности, повинующийся не столько порывам страстей своих, чем дознанным и постоянным выгодам; народ, полагающий силу не в наружном блеске, но в развитии богатств, а богатства – в устройстве финансов. Во Франции правительство занимает обеими руками, без всякого разбора, и притом грабит своих заимодавцев, презренных и презрительных, лишенных всякой защиты закона, всякого политического веса. В Англии, напротив того, правительство призывает к себе на помощь граждан именитых, почтенных и свободных, входит с ними в сношение, излагает свои нужды, основанные на общих выгодах государства, рассуждает с ними и, наконец, соображает средства к уплате по силе заключенных договоров. От необходимости заключать займы рождается наука уплачивать долги. От стойкости в условиях происходит готовность заимодавцев, легкость займов и понижение процентов. Сие различие в системе должно было непременно произвести разность в жребии сих двух держав, и беспристрастный историк сих времен, сравнивая великолепные торжества Версальского двора и громкую надменность французской политики среди самых несчастий войны и пред неминуемым банкротством с умеренностью Англии при устройстве ее финансов

Наука владеть кредитом родилась от необходимости заключать займы

и победах Марльборука, ясно предвидит, что Франция гордо и быстро неслась к погибели, а Англия скромно, но верно подвигалась к прочному величию и к постоянной славе.

Начало царствования Георга I примечательно первыми мерами, принятыми для воздействия против государственного долга. Роберт Вальполь* предложил парламенту употребление излишка доходов на уплату срочных займов. Конечно, между сим простым предложением и учреждением кассы погашения расстояние велико; конечно, сия мера, еще мало обработанная, была сначала и дурно понимаема, и слабо исполняема; конечно, суммы, определенные на уплату долгов, были часто отвращаемы от их назначения; но не менее того мысль о воздействии против накопления государственного долга была торжественно принята, и эта мысль получила вскоре полезное развитие. Другое предприятие правительства заслуживает также полное одобрение. Министерство, удостоверившись, что частные проценты в торговых оборотах не превышают 5%, открыло и пополнило на сих условиях новый заем, который употреблен был на уплату всего требовательного долга. Сей оборот признан впоследствии примерным и основал новое практическое кредитное правило, которое с тех пор принято было всеми последующими министерствами. Сие правило есть следующее: «Невыгодный государственный заем не может быть иначе уплачен, как посредством нового, выгоднейшего займа». Сколь при первом взгляде сие правило ни кажется простым, однако же должно сознаться, что, кроме Англии, никто еще в Европе до наших времен не приводил его в действие. Впрочем, существующее уже устройство в финансах весьма много способствовало к успешному окончанию сего дела. Банк и Ост-Индская компания сами собою предложили понижение процентов. Все капиталисты понимали уже так твердо теорию кредита и чувствовали так глубоко выгоду владеть векселями правительства, заменяющими во всех отношениях их наличность и, сверх того, приносящими им достаточные росты, что банк взялся уплатить сполна всем заимодавцам, кои не соглашались на понижение процентов. Сие новое предложение породило соревнование во всех других компаниях, и в то же самое время, когда во Франции акции Лау и банковые билеты не имели почти никакой

При Георге I Вальполь делает первый опыт погашения

Англия для уплаты прежнего своего обременительного долга заключает новый заем на выгоднейших условиях. Оборот сей признан примерным в своем роде

Он совершился к общей выгоде правительства и капиталистов, и всего народа

*Падение акций
Южной компании
дает правительст-
ву новый случай до-
казать свое благо-
разумие*

*Взяв на себя почти
все убыли и убытки,
правительство рас-
кладывает оные на
всю массу народа*

*Учреждение четы-
рех фондов лорда
Стангопа развива-
ет мысль Вальполя
о погашении*

ценности, в Англии Южная компания за новые преимущества в торговле обязывалась через 7 лет понизить свои процентные доходы от 6 до 4%. Сей последний оборот продолжался 10 лет, до 1727 года, в котором последняя часть пожизненных доходов была или уплачена, или обращена в 4-процентный доход. Однако же сие исполнилось не без потрясений. Англичане пристрастились к акциям Южной компании почти с таким же бешенством, как французы к билетам Лау. Но развязка была совсем другая. Правительство почувствовало, что в общей беде оно должно большую часть убытков взять на себя. Оно много потерпело, но вскоре потом понижение процентов вознаградило его за добровольное и мудрое его пожертвование. Нельзя не остановиться еще раз на сем различии между казенною, или фиссковою, системою Франции и вольною, или кредитною, принятою в Англии. Сия последняя, едва еще введенная, принесла уже свой драгоценный плод. Она приучила правительство дорожить достоянием граждан и видеть в нем свое огромное, неисчерпаемое, беспрестанно увеличивающееся сокровище, между тем как во Франции министерство едва умело прикрывать свои ошибки и оплачивать безрассудные издержки преступными банкротствами¹.

Царствование Георга I, столь обильное мудрыми распоряжениями по части финансов, замечательно еще учреждением погашения. Первая мысль, как мы выше видели, неотъемлемо принадлежит Роберту Вальполю, но развитие оной и приведение в некоторый порядок есть дело лорда Стангопа. Сей последний разделил долг на четыре разряда и назначил для постепенной уплаты

¹ По исчислению Монверана, падение Лау обогатило казну и уничтожило 38 000 000 фр. ежегодных процентов; а падение акций Южной компании увеличило долг Англии до 5 000 000 ф. ст. При первом взгляде выгода в пользу Франции кажется несомненною. Но последствия показали, чей расчет был вернее, того ли правительства, которое искало одного временного облегчения и, подобно варварам, рубило дерево для овладения плодами оною, или того, которое предпочло всем мелким соображениям и видам сохранение своего кредита? Впрочем, здесь рассудок совершенно согласен с мерами, принятыми в Англии. Что значит для правительства взять на себя в общем бедствии убыли и убытки? Не что иное, как разложить оные на всю массу народа. — *Прим. Орлова.*

оного особенные суммы, которые известны были с тех пор под именем четырех фондов Стангопа и состояли из прибылей уменьшенных ростов, из перевеса доходов над расходами и из разных других источников. Суммы сии по недостатку положительных познаний о системе погашения, которого и имя тогда еще не было известно, долго оставались без употребления или были отвращаемы от их назначения; но не менее того они оказали в разных случаях услуги и существовали до 1786 года, в которое время славный Питт* соединил их в одну массу, привел в порядок, увеличил и дал новой кассе погашения действие постоянное, однообразное, верное и правильное.

В начале царствования Георга II капитал погашения доходил уже до 11 374 942 ф. ст., то есть составлял более пятой части всего государственного долга. Воздействие сего сильного капитала на все финансовые обороты сделалось заметным при заключении первых займов необыкновенным понижением процентов. В 1739 году заем совершился по 3%. Затруднения внешней торговли и опасность, коей подвержены были тогда капиталы, употребляемые на море, покрытом французскими и испанскими корсарами, имели некоторое влияние на понижение процентов. Сие насильственное скопление капиталов не может само по себе считаться выгодой для государства; но правительство успело воспользоваться сим случаем и обратить в пользу общественную то, что грозило опасностью народу. Парламент принял закон, по которому все проценты государственного долга понижены были на 3,5 до 1757 года, а с того времени должны были считаться по 3%. Банк и касса погашения, первый по своему согласию, вторая по распоряжению правительства, получили повеление уплачивать сполна всем должникам, не соглашавшимся на понижение ростов. Сия уплата не просгерлась выше 3 290 041 ф.ст. 16 шиллингов 1 пенса. Правительство почло тогда за нужное различить начало и определить достоинство государственных долгов. Оно объявило с согласия парламента, что уменьшение процентов дошло до последней степени возможного понижения, и сие объявление послужило также к поддержанию кредита. С тех пор кажется, что в Англии 3% приняты вообще за последнюю степень, или за *minimum*, ростов. Сие мнение перешло там почти в государственное кредитное правило. Долг разделен был на

Погашение Стангопа приносит свои плоды в начале царствования Георга II

Проценты всего английского долга понижаются до 3,5 и 3%

Объявление уплаты противящимся займам не причиняет никакого затруднения

*Правительство определяет последнюю степень, или *minimum*, понижения процентов*

Долг Англии разделен на три части: на трехпроцентный простой, отверженный и уменьшенный

Курс для сих частей долга неодинаков, и правительство находит выгоду в сохранении сего неравенства

Действие погашения не было еще совершенно хорошо определено, и система выкупа была ошибочная

Но сие не мешало водворению всех других правил государственного кредита

три главные разряда: на трехпроцентный простой (3% simples), на трехпроцентный отверженный (3% consolidés), на трехпроцентный уменьшенный (3% réduits). Первый разряд составил из обязательств правительства банку, Южной и Ост-Индской компаниям; второй – из долгов, заключенных первоначально по 3% с другими займодавцами; а третий – из тех сумм, кои отвержены были понижению ростов вышесказанным актом парламента. Сей последний долг, который приносил до 1757 года лишней полупроцент, получил на рынке перевес против прочих долгов и пользуется еще поныне некоторой, хотя весьма мало важной, премией без всякой удовлетворительной на то причины. Впрочем, правительство, кажется, находит некоторую удобность в сем различном достоинстве долгов при заключении новых займов и тщательно оную сохраняет. Но сие обстоятельство касается более до местных соображений, чем до основных и общих правил государственного кредита.

Однако же не все финансовые обороты сего царствования достойны одобрения. Займы в виде лотерей и другие соображения, коих запутанность составляла все мнимое достоинство, препятствовали полному развитию кредита и останавливали действие погашения. Сие последнее еще не было тогда совершенно устроено и часто повиновалось побуждениям личных выгод. Парламенту препоручено было определить качество и количество долга, назначенного к выкупу. Сие определение делалось втайне; но тайна сия редко сохранялась. Члены парламента и даже министры участвовали сами в кредитных делах или имели друзей и родных, участвовавших в оных. Всякий старался обратить действие погашения на те самые обязательства, которыми он обладал, ибо каждый был уверен, что сие действие погашения возвысит их достоинство. С другой стороны, определение количественной суммы выкупа оставляло часто погашение без употребления, ибо после быстрого, но кратковременного действия назначенные капиталы истощались, а курс обязательств государственных оставался без поддержания. Таким образом, погашение было мало полезно для государства, и сей недостаток в частных мерах управления оным существовал до министерства известного Питта. Не менее того теория государственного кредита постепенно возрастала и укоренялась во всех умах не только

посредством печатных сочинений о сем важном предмете, коих вышло более 700 в продолжение нескольких лет, но также и чрез свободные прения в парламенте, в коих участвовали все государственные люди и все глубокие умы Англии; таким образом, что, невзирая на ошибки правительства, на слабое образование и слабейшее еще действие погашения, наука о кредите и с ней вместе многие истины общественного хозяйства созрели постепенно и вносились одна после другой в гражданские постановления Англии. Три большие компании: банк, Южная и Ост-Индская – всеми силами своими поддерживали сие движение умов, ибо все они, по счастливому стечению обстоятельств, были как будто посредниками между обществом и правительством, завися от сего последнего своими отданными капиталами и не менее того действуя на него влиянием своим на ход денежных дел и кредитом в новых займах. Кроме сего, два особенные обстоятельства весьма способствовали к утверждению конечного преобразования финансов: во-первых, неудача претендента, твердость и народственность кредитных постановлений посреди его успехов, за коими вскоре последовало решительное уничтожение остатков Стюартовых приверженцев; во-вторых, счастливая Семилетняя война, в продолжение которой Англия показала в первый раз ту политическую самостоятельность, которую сохранила она потом во всех других европейских континентальных войнах. Итак, в течение царствования Георга II все условия для введения государственного кредита были исполнены, теория оного была обработана, внутреннее спокойствие упрочено и преспеяние народное в полном развитии.

*К совершенному
принятию оных
способствовали, во-
первых, содействие
трех торговых
компаний*

*Во-вторых, твер-
дость кредитных
постановлений во
время успехов пре-
тендента*

*В-третьих, успехи
Семилетней войны*

Семилетняя война кончилась при Георге III. Она стоила дорого, но Англия получила огромное возмездие за свои пожертвования. Величие сей державы, основанное Утрехтским трактатом, утвердилось миром, заключенным в Фонтенебло. Сравнивая сии две эпохи, разделенные между собою одною только половиною столетия, мы невольно удивляемся краткости времени, употребленного на достижение столь великого могущества. Сия почти непостижимая задача решается, однако же, самыми простыми цифрами. При королеве Анне государственный долг состоял из 52 145 361 ф. ст. капиталом и платил 3 351 357 ф. ст. процентами. В 1763 году долг

Искусное употребление кредита возводит Англию в 48 лет до высокой степени славы, могущества и величия

простирался до 139 501 602 ф. ст., а платил процентами только 4 681 146 ф. ст., следовательно, долг капиталом увеличился втрое, а проценты прибавились одной только третью. Между тем сколько подвигов совершенных? Сколько областей завоеванных? Сколько колоний основанных? Сколько славы, сколько влияния приобретенных? Какое необъятное развитие внешнего и внутреннего богатства, всех сил торговых и военных на твердой земле, а особенно на море? И все сие исполнено не более как в 48 лет! И все сие стоило Англии только 1 329 789 ф.ст. прибавления к ежегодным ее издержкам! Которая из держав европейских может стать наравне с Англиею и предложить удивлению потомства подобный вывод из своих бюджетов? Вот что такое кредит. Для Англии нет предприятия невозможного; нет успеха сомнительного; нет потери безвозвратной; нет войны разорительной; нет вынужденного мира. Царствование Георга III еще более ознакомит нас с чудесами государственного кредита в двояком отношении: простоты принятых правил, кои тогда получили почти всевозможное совершенство, и огромности цели, к коей устремится Англия. Но прежде изложения успехов Англии на сем новом поприще хронологический порядок требует, чтоб мы показали, как сия держава временно отклонилась от путей кредитных и как она строго за то была наказана. Несчастья, вскоре следовавшие за сим отступлением от настоящих правил кредита, послужат новым доказательством предлагаемых нами истин и покажут правительствам, что для кредита, как для всех существенных народных потребностей, нужно не только, чтоб начала его были введены и приняты, но чтоб они были всегда и строго соблюдаемы.

Правительство при всей своей осторожности делает важные ошибки, из коих главная состоит в неосмотрительном возвышении налогов

Без всякого сомнения, эпоха, нами описанная, от 1714 до 1762 года, была для Англии временем случайного и отчасти обдуманного преспеяния. До заключения мира самые благоприятные обстоятельства, поддержанные хорошими учреждениями и рассудительным употреблением кредита, вознесли Англию до высокой степени могущества и славы. Но сие совершилось не без напряжения народных сил, не без смешения с мудрыми распоряжениями грубых ошибок со стороны правительства. Между сими последними можно заметить совокупное употребление тяжелых налогов с системою займов. До тех пор пока война, предав все моря владычеству Анг-

лии, поддерживала ее усилия огромною торговлею, состояние народа было сносно, и подати уплачивались без ропоту и без недоимок. Но когда заключенный мир открыл всем народам свободный путь по океану, когда Франция, Испания и другие народы стали состязаться с Англиею на всемирных рынках, все неизбежные последствия обременительных налогов внезапно сказались. К несчастью, ропот и негодование общества обратились не на настоящую причину бедствия, но на единственное средство, могущее исцелить страдания Англии. Народное обвинение пало на кредит. Общественное мнение вооружилось против огромности отверженного, безуплатного долга и под влиянием нескольких писателей потрясло доверие к системе займов. В течение двух лет несостоятельность Англии была предсказана 23 раза в неосновательных, но красноречивых сочинениях. Перемена сделалась вскоре ощутительная не только в народе, но в самом правительстве. Сие последнее отказалось от займов, начало обрабатывать преимущественно систему налогов и даже осмелилось занести неосторожную руку на капиталы погашения. Глубокое мирное состояние продолжалось 18 лет, и в течение сего времени, которое достаточно было для выкупа большей части государственного долга, ежели б суммы погашения не были отстранены от их назначения, сей долг остался почти в том же положении, в котором он был при окончании Семилетней войны. Кроме сего, министерство, полагая на систему налогов все свои надежды и не смея обременять Англию новыми податями, обратило на колонии свою пагубную деятельность. Отсюда обложение Америки, начатое с такою неосторожностью, поддержанное с таким упрямством, наказанное общим возмущением и доведшее Англию до края погибели. Сие возмущение принудило правительство к тому, чего оно столь долго избегало. Начались новые займы, но займы не отверженные, соединенные с лотереями, разделенные на долгие пожизненные доходы, уничтожающиеся в 1808 и 1860 годах. Сии меры имели и должны были иметь вредные последствия. В 1781 году проценты уже возросли до 5,5 и до 6 на сто. Неудачи военных действий, безуспешность усилий усугубили еще ропот народа и возвысили цену денег. Правительство заняло более 100 миллионов ф.ст., из кои оно получило едва только 75 000 000. Новые 5%, вы-

Сии ошибки суть главные причины затруднительного положения Англии при заключении мира

Ропот народа падает не на налоги, но на кредит

Правительство перемениет свою финансовую систему

Оно усиливает налоги на колонии, и Америка возмущается

Оно прибегает к займам, но заключает их против всех правил кредита

Оно доводит Англию до края погибели

пущенные по 117 и по 111%, проданы были по 85 капиталистам, а в подрядах были взяты только за 70 ф. ст. Таково было управление средствами кредита в Англии во все почти продолжение войны о независимости Америки, до тех пор пока молодой Питт на 23-м году своей жизни принял бразды правления. Тогда слава Англии была помрачена, влияние ее на Европу уничтожено, постыдный мир был неизбежен, целое почти полушарие потеряно, кредит убит, долг удвоен без пользы. При очищении счетов 1786 года государственный долг доходил до 268 100 379 и платил процентами 9 512 232 ф. ст.

Новое министерство под начальством Питта обращается к кредитной системе и в 10 лет поправляет состояние Англии

Но каждое событие в английской истории как бы нарочно служит доказательством нашей системы. Весь свет знал несчастное положение Англии; весь свет верил скорому ее падению, и многие державы готовились овладеть ее наследством и владычеством морей. Никто не подозревал в 1783 году, при заключении мира с Америкой, что еще в 1781 году она опять обратилась к истинным правилам кредита. И в самом деле, кто бы мог тогда подумать, что сия изнуренная усилиями Англия, не могшая покорить десятую часть возмущенных своих колоний, согбенная под бременем неуплатимого долга, явится чрез 10 лет на театре политики более, чем когда-либо, могучая, сильная, богатая, деятельная и достигнет до высочайшей степени славы и преспеяния, невзирая на все усилия, на все счастье, на весь гений Наполеона, играя, так сказать, и ненавистью опаснейшего врага, и внутренними своими беспокойствами, и ужасами истребительной двадцатилетней войны.

Сия эпоха, от 1783 до 1793 года, славна в истории Англии. Здесь мы не будем следовать хронологическому порядку, показывая шаг за шагом отдельные факты, представляющие постепенные успехи науки; но мы постараемся соединить в нечто целое всю систему государственного кредита, как ее обнял, обработал и утвердил молодой Питт, признанный отныне главою английской политики.

Питт поддерживает мореплавание, торговлю и промышленность

Мы не намерены распространяться о мерах, принятых Питтом для поддержания торговли, промышленности и земледелия. Мореплавание и торговля нашли свои выгоды в учреждении портофранков и транзита, сей дань, наложенной на произведения целого света, в присуждении вывозных премий (les primes d'exportation) и в за-

ключении торговых трактатов. Признание независимости Северной Америки весьма послужило к возбуждению промышленности. По мере как сей новый народ трудами своими извлекал несметные богатства из недр плодородных своих полей, он более и более нуждался в произведениях английских фабрик. Вскоре свободные сношения между двумя враждебными племенами обратились в самую выгодную торговлю, и Англия взамен утраченной бедной колонии приобрела богатого потребителя своих изделий. Таким образом самые бедствия несчастной войны обратились в пользу и сделались источником нового преспеяния. Другое внутреннее зло, укоренившееся в Англии, налог для бедных (la taxe des pauvres), получило также новое направление. Не имея способов приступить к уничтожению оного, Питт решился извлечь из него по крайней мере временную выгоду. По новым его распоряжениям сей закон обратился в премию для промышленности, сбавил плату наемных работников, дал способ Англии предлагать на всех рынках изящные свои произведения за умеренную цену и, улучшив состояние самих фабричных, возвысил их также на степень потребителей¹.

Независимость Америки делается для Англии новым источником преспеяния

Налог для бедных обращен в премию для промышленности

¹ Нам известно, как сильно ныне восстают в Англии и везде в Европе против сего закона о бедных, которому мы приписываем здесь столь выгодные последствия. Все или почти все, что в сем случае было сказано Мальтусом, Дюшателем и другими отличными писателями, совершенно справедливо. Закон сей решительно вреден и теперь еще более, нежели когда-либо. Но из сего еще не следует, что он не мог сперва иметь никакого полезного влияния на богатство Англии. Не Питт его выдумал, и не он его предложил парламенту. Закон сей существовал еще во время Елисаветы. Он долго почитался не только не вредным, но даже одним из самых мудрых постановлений сей королевы. Общее мнение тогда только переменилось на счет его, когда бедствие сделалось очевидным непомерным распространением нищеты и тунеядства. Питт же предупредил суждение потомства. Все его усилия клонились единственно к тому, чтоб из зла извлечь добро и ободрение, данное праздности, обратить в ободрение промышленности и торговле. Чтоб судить о действиях правительства в Англии, должно прежде всего вспомнить, что, как бы оно там сильно ни было, оно всегда подчинено общему смыслу и действует в глазах целого народа, имеющего господствующие свои страсти и предрассудки. – *Прим. Орлова.*

Земледелие усовершенствуется введением севооборота и системы больших мыз

Поземельный доход в 8 лет увеличивается значительно

Налоги уменьшаются

По части финансов Питт соединяет тесными узами банк с правительством и преобразовывает кассу погашения

Питт превращает оборотный Английский банк в орудие государственное

В свою очередь земледелие сделалось предметом особенного ободрения. Приглашенные правительством ученые агрономы развили теорию севооборотов и всего домашнего хозяйства; богатые помещики, удостоверившись в истине новых теорий, занялись приведением их в исполнение и не пощадили своих капиталов. Тогда земледелие обновилось и родилась система больших мыз (*le système des grandes fermes*), которая так много способствовала к выгоднейшему возделыванию полей и улучшению скотоводства. Все сии причины и многие другие, коих исчисление было бы здесь неуместно, успели скоро изгладить все следы долгой и несчастной войны, и влияние их на богатство народное было столь быстро, что общий поземельный доход, который, по исчислению Сенклера (*St. Clair*), не простирался в 1783 году выше 72 000 000 ф. ст., дошел в 1791 году до 78 182 600, по самым умеренным расчетам, и, следовательно, прибавился 6 182 600 ф. ст. В то же самое время налоги, которые в 1783 году приносили 20 000 000, убавлены были в 1791-м до 16 500 000, что еще обогатило народ 3 500 000 ф. ст. Итак, сравнивая подати и средства Англии при конце Американской войны с средствами и податями при начале Французской, мы находим, что в 1783 году подати были к доходам как 27:100, а в 1791-м – как 21:100. Таковы были законодательные и хозяйственные соображения, от коих Питт ожидал, и вправе был ожидать, возрождения сил и богатства изнуренного своего отечества. Обращаясь к мерам собственно финансовым, он паче всего старался возобновить прежние тесные связи между правительством и займодавцами таким образом, чтоб кредит государства на будущее время не зависел уже от степени дарований министров, но чтоб он основан был на ясной, полной и для всех открытой системе. Для достижения сей цели он употребил два способа, из коих каждый есть образцовый в своем роде. Он соединил почти неразрывными узами банк со всеми оборотами казначейства и дал кассе погашения твердые начала, обширное действие и независимую жизнь.

Английский банк, учрежденный в 1694 году на известных правах оборотных банков, долго существовал в сем виде, оказывая при случае важные услуги правительству, но мало отходя от своего обыкновенного действия, заключающегося в учете векселей, в принятии сохранных

сумм и в оборотах своих капиталов. Мало-помалу круг его деятельности распространился, и он сделался ныне, во всей силе слова, орудием государственным, заменяющим для правительства место всеобщего банкира. Важнейшая привилегия банка, коею он пользуется со времени его учреждения, дана ему законом, по которому воспрещается частным людям всякое сотоварищество по банкирским делам свыше шести акционеров¹. Эта совер-

¹ Сия привилегия существует только в Англии, но не имеет никакой силы в Шотландии и других странах, подвластных Великобритании, где право учреждать банки совершенно неограниченно. Некоторые писатели, и надобно сознаться, что их мнение весьма правдоподобно, приписывают сей монополии многие бедственные последствия. Сравнивая состояние земледелия в Англии и Шотландии, они доказывают, что все преимущество шотландского домостроительства основано единственно на великом числе частных банков, существующих беспрепятственно в том краю и рассеянных по всей обширности Шотландии. «Там, – говорят они, – как и в Англии, все помещики, фабриканты и мызники имеют обычай отдавать свои доходы банкирам на сохранение и пользуются открытым кредитом в ближайшем заведении сего рода. Банкиры за сохранение не берут никакого возмездия! Но находят свои выгоды в употреблении сих капиталов по их собственным оборотам. От сего происходит: 1) что все капиталы, сколько их ни есть, обращаются в ростах, и, следственно, общее богатство умножается; 2) банки знают очень верно состояние каждого помещика, фабриканта или мызника и имеют средство следовать за успехами их промышленности и за точностью их соображения; 3) каждый из сих последних, пользующийся некоторою доверенностию, может найти в знакомом банке все капиталы, кои ему нужны для его предприятий. В Англии же, напротив того, привилегия главного банка уничтожает размножение частных банкирских домов; все предприятия затрудняются необходимостью иметь дело с учреждением, занятым обширными оборотами, управляемым не местными познаниями и соображениями, но общею непреклонною системою, от которой оно без опасности отступить не может. В Англии невозможность составить банк посредством небольших акций делает, что многие капиталисты обращают свое богатство в чужеземных предприятиях. Здесь надобно искать причину вывоза денег из Англии и поглощения великобританского богатства в займах австрийских, неаполитанских, французских, колумбийских, греческих и прочих, в сомнительном разрабатывании мексиканских рудников и других предприятий, не менее опасных». Кажется, что сии возражения ежедневно приобретают в Англии все более и более при-

шенная монополия, которая вносилась посюда в хартию банка при каждом срочном возобновлении его прав. Она была первым источником его огромных оборотов и заслужила почти всеобщее порицание в сии последние времена. Но ежели сия выгода, ему предоставленная, вредна развитию богатства при нынешнем просвещенном состоянии общества, зато как много услуг банк оказал Англии со времени своего учреждения и каким орудием народного преспеяния он сделался в руках Питта после его преобразования? Чтоб оценить всю важность банка, достаточно одного беглого взгляда на обширный круг его занятий и обязанностей.

Он дает ему участие в управлении финансами

1. Чрез его содействие совершаются все займы государственные, отчего переговоры делаются с откровенностью, условия заключаются без недоверчивости и без затруднений, а банк остается посредником между правительством и заимодавцами. Сие последнее обстоятельство весьма замечательно, ибо акционеры банка, кои суть и богатейшие капиталисты Англии, почти всегда имеют с правительством собственно им принадлежащие денежные дела и невозможно, чтоб участие, принимаемое ими как акционерами в правлении банка, не имело полезного влияния на их действия в качестве частных заимодавцев. Таким образом, всякий заем представляет что-то похожее на дружелюбный разговор и на семейное распоря-

верженцев и что наступающее время возобновления привилегий банка дает правительству случай улучшить сию часть хозяйственных его учреждений. Что же касается до того, что оно не будет в состоянии уплатить своего долга банку, сие опасение напрасно. Вольные капиталы в Англии столь велики, что при первом оглашении намерения правительства многочисленные компании для составления банков по акциям соединятся и вступят с ним в переговоры об уплате его долга, что самое принудит главный банк оставить за собой принадлежащие ему государственные обязательства. Истинное затруднение будет состоять в следующем вопросе: захочет ли банк продолжать свои услуги правительству и брать на учет билеты казначейства или нет? В последнем предположении сии билеты могут потерять большую часть своего достоинства. Но, по всем вероятностям, сие дело кончится, как все важные дела обыкновенно кончаются в Англии, то есть свободным рассуждением, осторожными взаимными уступками и решением на новое положение для банка, более согласное с настоящим духом времени и требованиями общества. – *Прим. Орлова.*

жение. 2. Банк сам кредитор правительства и находит свои собственные выгоды в поддержании государственных обязательств. От сего рождается для них обоим взаимная необходимость сохранять между собою согласие, ибо кредит правительства столько же почти зависит от банка, сколько существование сего последнего – от покровительства правительства. 3. Банк принимает на учет билеты казначейства и выменивает их на свои собственные билеты. Чрез сие правительство избегает затруднения подвергать свои временные обязательства биржевым оборотам, и ценность билетов казначейства определяется уже не случайным излишеством или недостатком наличных денег в обращении, но посредством предварительных сношений и свободного согласия между лицами, привыкшими с давнего времени иметь дело между собою и основывающими свои расчеты на длинном ряду ежегодных примеров и древних обычаев. Ежели б банк захотел когда-либо отказаться от учетов, что бы из сего произошло? Все государственные обязательства упали бы вместе с билетами казначейства, а с ними и ценность всех капиталов банка, отданных в заем правительству. 4. Банк по мере нужд выдает правительству пособие под залог налогов на недвижимое имение и на пивоварение (*drêche*). Здесь банк получает право надзора за взиманием сих налогов и тем самым делается как будто членом самого правления. 5. Банк открывает свои книги и предлагает свой кредит разным частям правительства. Здесь основание контроля над сими частями и начало полезной осмотрительности в издержках. 6. Он управляет лотереею. 7. Он присутственное место и в сем качестве надсматривает за поддельщиками своих билетов и предаёт их законному взысканию. 8. Он получает и уплачивает большую часть пожизненных доходов и пенсий. Вообразите себе, какую доверенность заимодавцы должны иметь к обязательствам правительства, когда уплата следуемых им сумм лежит на ответственности Английского банка, столь известного своим богатством, столь богато-го своим огромным кредитом?

Сие счастливое сплетение разных преимуществ и обязанностей, сия взаимная зависимость министерства и банка, имеющих между собою столь тесные сношения, но управляемых совсем различными постановлениями, сие государственное казначейство, ежедневно дышащее кре-

Банк соединен с правительством самыми тесными узами

Посредством сего соединения несостоятельность Англии делается почти невозможною

Сия невозможность доказывается a posteriori событиями, случившимися в наших глазах

Прежде Питта правительство не умело владеть кассою погашения

дитом банка, сей банк, вступивший в состав правления, но, однако же, управляемый обществом частных и независимых людей, и, сверх всего, парламент, имеющий беспрестанное и беспредельное право поверять дела банка и тем самым все распоряжения министерства, надзирающий именем народа за общественным богатством, олицетворенным, так сказать, в казначействе и в банке, – все сие, приготовленное временем, было обдуманно, обображениями Питта, который силою своего гения из сложности средств, видов, образов и действий вывел единство цели и дал Английскому банку то значение, которое он надолго сохранит во внутренней политике Великобритании. Теперь несостоятельность Англии или банка есть само по себе событие почти невозможное. Банк не может обанкротиться иначе, как тогда только, когда правительство и все богатые капиталисты Англии придут в разорение; а правительство не лишится своего кредита до тех пор, пока банк будет состоятельным. Сие удивительное соображение, сплавившее, так сказать, все частные выгоды в одну массу выгоды общественной, дает всем частям правления столь неизъяснимую силу действия, что мы сами, в наше время, были свидетелями самых невероятных событий. Мы видели в последних годах прошедшего столетия, как банк мог отказаться от уплаты своих билетов, не уничтожив доверенности; как парламент осмелился вполне утвердить сей отказ, не опасаясь последствий сего утверждения, и как вся Англия, столь опытная, столь щекотливая насчет кредита, приняла сии необыкновенные меры с лишком на 15 лет без ропота, без страха, без потрясения народного преспеяния. Во всех других странах банки подлежат арифметическому расчету и некоторому отношению выпущенных билетов к сохраняющейся наличности; но в Англии банк пустил свои корни в самые недра народного существования; он сделался предметом всех взоров, оплотом всех торговых оборотов, орудием государственным и почти главою кредита.

Обратимся к другому средству, употребленному Питтом для достижения своей цели, – к устройству кассы погашения. Роберт Вальполь и после лорд Стангоп, как мы видели выше, первые провозгласили необходимость воздействия на долги государственные. Но их мысли ка-

сались одной только стороны обширного вопроса о погашении и не имели дальновидности и общности. Учреждение четырех фондов Стангопа имело слабое и неопределенное действие и не заключало в себе никакой жизни, никакой будущности. Это так справедливо, что когда около половины 18 столетия правительство вознамерилось приступить к новым займам, оно без дальних соображений обратило действие погашения к сим последним и оставило прежние долги без поддержания. При таком ложном понятии о погашении учреждение сие оставалось в некотором небрежении и не приносило никакой пользы правительству и народу. Положение вредное не столько еще своим бездействием, сколько тем, что обманывало всех поверхностных наблюдателей и не допускало извлечь из кассы погашения всех выгод, всей силы, в ней заключающихся. Это была открытая, известная, но не обработанная и праздная руда.

В 1783 году доктор Прейс (le docteur Price), обративший особенное свое внимание на действие усиленных ростов, представил Питту три проекта для уплаты государственного долга¹. Из сих трех проектов Питт составил один, который был предложен парламенту и в 1786 году утвержден законом. Огромность государственного долга при окончании Американской войны была тогда главным предметом соображений и опасений всех людей, занимающихся внутреннею политикою. Сам Питт посвящал ему свои глубочайшие размышления. Он скоро усмотрел разницу, существующую между уплатным и выкупным долгом, между совершенною невозможностью

Первая мысль систематического устройства погашения принадлежит доктору Прейсу

¹ Кроме сих проектов доктор Прейс издал много сочинений о том же предмете. Все сии сочинения основаны на действии усиленных процентов. Они отличаются вместе строгими арифметическими доказательствами и как будто какою-то недоверчивостью автора к своим собственным выкладкам. Между средствами убеждения, им с избытком употребленными, Прейс рассчитывает, что английский су (около 10 копеек), помещенный в займах по 5% и действующий усиленными процентами от Рождества Христова до 1772 года, представил бы золотом сумму, превышающую кубическое содержание 150 миллионов шаров земных. Читатели, конечно, заключат вместе с нами, что сочинение, содержащее в себе такие странные изыскания, могло иметь некоторое достоинство кабинетное, но должно было подвергнуться переделке другого ума, чтоб приобрести достоинство государственное. – Прим. Орлова.

Питт извлек из сей основной мысли положительные последствия и образцовал, так сказать, теорию погашения

для правительства возратить заимодавцам их капиталы и соразмерную легкостью уплачивать процентные суммы. Он увидел, что никакие финансовые вымыслы не могут уничтожить пагубных следствий уплатного долга, что лучшая система малых ежегодных взносов (*longues annuités*) должна непременно уступить системе погашения, действующей вернее и быстрее всех прочих; что заимодавцы, имеющие в своем владении прочные обязательства правительства, в самом деле не лишаются своих капиталов и могут снова их употреблять на все требования земледелия, промышленности и торговли; что правительство, занимая одной рукой большие суммы и отдавая их другою в обращение посредством подрядов, вооружений и предприятий всякого рода, действительно почти удваивает на рынках все народные капиталы и, следственно, более поощряет своими займами, чем останавливает развитие народного богатства, и, наконец, что в системе отверженных долгов капитальный цифр долга, как бы он велик ни был, есть не что иное, как пугалище для умов слабых, а цифр процентный один заслуживает внимания твердого министра, ибо один он уплачивается посредством налогов и, следственно, тяготит общественное богатство. Утвердившись в сих истинах, Питт обратил все свои виды, все свои труды на совершенное обеспечение уплаты процентов всех долгов Англии, не только настоящих, но и будущих, и на сем главном соображении основал всю систему своего министерства. Так действует гений. Для него одна счастливая мысль порождает целый ряд блестящих изобретений и открывает обширное поприще полезных подвигов.

Питт обращает часть доходов погашения на облегчение налогов

Питт соединил четыре фонда Стангопа в одну кассу погашения. Доходы сих фондов состояли тогда из 3 000 000 ф. ст. Жертвуя тайными своими мыслями предубеждениям общества, он прежде всего назначил большую часть сих доходов на обеспечение издержек королевских, или так называемого гражданского листа (*liste civile*). Сим самым он приобрел доверенность и одобрение всех людей, предпочитающих бережливость самым высоким финансовым соображениям. Число сих слепых обожателей экономии всегда велико, но оно возрастает неопределенно во времена бедствий и несчастий. После сего назначения оставалось еще для кассы погашения 919 291 ф.ст. ежегодного дохода, который разными сред-

Он притисывает к погашению новые доходы и дает капиталам сим постоянное направление

ствами доведен был до 1 000 000 и был определен законом единственно на воздействие против государственного долга. К сему постоянному доходу, долженствующему действовать усиленными ростами, Питт прибавил еще уничтожающиеся годовые уплаты и разницу при всяком понижении процентов всех долгов Англии. Сие последнее распоряжение продолжалось до 1802 года. Закон определил постепенное приращение капитала погашения до 4 000 000 ф. ст.; но при достижении сего числа действие усиленных процентов останавливалось и выкупаемые части долга должны были быть уничтожаемы. На место старинного определения долгов к выкупу посредством тайного совещания в парламенте суммы погашения разделены были на равные части, от 180 до 186, по числу биржевых дней в году, и каждый день одна часть сих сумм выкупала соразмерную часть государственного долга, а между тем другие части обращались в банке, которому препоручена была выдача всех сумм, следуемых по срокам кассе погашения¹. Сим самым все недостатки прежнего образа действия были отстранены, капиталы погашения не оставались праздными и продавцы государственных обязательств освобождены были от притеснения покупателей. Вскоре потом Питт, чуждый всех мелких расчетов и своих личных выгод, отделил совершенно кассу погашения от зависимости казначейства и дал ей особое правление, составленное из оратора, или президента, нижней палаты, из канцлера казначейства, из начальника контроля (*acomptant général ou maître des rôles*), из главноуправляющего и из вице-управляющего Английским банком, таким образом, что министерство

Возрастание доходов погашения определяется суммою 4 000 000 ф. ст.

Питт учреждает ежедневные частные выкупы погашения

Он дает кассе погашения независимое существование

¹ Кроме сего, Питт предложил парламенту перенесение всех расходов по долгу государственному из чрезвычайного бюджета в бюджет обыкновенных издержек и назначение для каждого долга особенного налога, до которого правительство не имело уже никакого права касаться, что и названо было отказными налогами (*délégation de l'impôt*). Впрочем, сие постановление не есть изобретение Питта, и оно давно известно было в Англии. Таким образом, налог на винокурение и на пивоварение со времен Вильгельма III, уплатив несколько долгов, помещен был лордом Стангопом в его четыре фонда и наконец перешел в состав доходов кассы погашения. Питт дал только сей системе более законности, чем самым ее утвердил и улучшил. — *Прим. Орлова.*

Он учреждает погашение для каждого нового займа и тем самым доводит систему погашения до совершенства

имело там только двух постоянных, а общество трех переменных представителей. В 1792 году он прибавил еще 200 000 ф. ст. дохода кассе и наконец довел систему до совершенства, издав закон, по которому при заключении каждого нового займа новый доход – 1 процент – должен непременно причитаться к доходам погашения. Сие учреждение, столь полное во всех своих частях, столь новое в своих соображениях, столь выгодное и для кредита правительства, и для спокойствия частных заимодавцев, заключающее в себе не только возвратное попечение о старом долге, но также предусмотрительность на счет будущих нужд правления, возбудило торжественную признательность всего народа, и все партии соединились в одно чувство благодарности и удивления. Здесь должно искать основания огромной славы Питта и доверенности Англии к сему великому министру, который с тех пор до последнего времени своей жизни располагал почти самопроизвольно всеми частными и общественными капиталами Великобритании.

Система управления финансами, принятая Питтом, заключает в себе все начала государственного кредита

Не входя в подробности управления Питта финансами вообще, мы постараемся в нескольких словах изобразить всю его систему так, как она представляется рассудку при чтении его речей в парламенте и при соображении его действий в истории. Сии начала тем более занимательны, что они заключают в себе все основания кредита: *издержки правительства должны быть разделены на издержки обыкновенные и чрезвычайные. Первые оплачиваются налогами, вторые кредитом. Проценты заемных сумм пополняются также налогами. Для каждого долга должно отделить налог, который и получает имя отказного. Все долги государственные должны быть отвержденные. Отверждение долгов должно быть произведено по самым низким процентам. Понижение процентов есть следствие хорошего управления в спокойном времени; но в трудных обстоятельствах оно приобретается не иначе как посредством премии и возвышения капитального цифра. Всякий отверженный долг должен иметь соответствующую ему кассу погашения. Погашение дает нуждающимся заимодавцам ежедневное средство продавать свои обязательства и тем самым их обеспечивает. С хорошо устроенною кассою погашения государственный долг может возрастать почти неопределенно, и огромность его тогда только выходит из границ, когда уплата про-*

центров делается обременительною для народа. Вот система Питта; мы увидим впоследствии, что он хотел потом усилить ее военными налогами; но сие отступление от начертанного им плана, вынужденное до некоторой степени обстоятельствами и ропотом оппозиции, была выдумка бедственная и не принесла Англии ожидаемых выгод. Посмотрим теперь систему Питта в действии и во всех ее последствиях как на внешнюю, так и на внутреннюю политику Англии. При первом взгляде сие действие, сии последствия огромностью своей удивляют воображение и кажутся почти невероятными, но величие Англии престаёт быть непостижимым чудом для того, кто умел вникнуть в историю ее финансов¹.

¹ Может быть, читателям не покажется излишним, ежели мы здесь опишем вкратце, как заключаются займы в Англии. Мы видели, что еще в 1781 году Англия обратилась к отверженным займам. С тех пор все займы заключались на тех же началах. Проценты изменялись по обстоятельствам, но система оставалась неизменною. Единственное улучшение, введенное впоследствии Питтом, состояло в производстве торгов на понижение цен, то есть присуждение займа тому, кто после объявления правительства сделает большую уступку. И сия уступка касалась не до самого займа, но до пожизненных доходов, предлагаемых министром в виде премии. Тогда же ввелся другой обычай, состоящий в заключении займов по всем разнородным обязательствам, существующим в Англии, таким образом, что предложение министерства разделяло капиталы на разные части и давало за иные 3%, а за другие 4% и так далее. Сие распоряжение имело в виду: 1) приглашение к торгам всех капиталистов, часто предпочитавших один разряд фондов другому, и тем самым поощрение соревнования; 2) удобность передачи обязательств из рук в руки не только по целому займу, но и по частям оного. Это называется продажа скрипа (от слова scrip, уменьшенное souscription); уступка же целого участка называется продавать опниум; 3) уверение, что действие погашения будет распространяться на все части долга государственного и что поддержание всех отделений оного равно драгоценно для правительства. Вот несколько примеров о совершении займов в Англии. Они все имеют одно и то же основание. —

Прим. Орлова.

[Далее Орлов приводит в качестве примера таблицу, в которой показано, по какому курсу размещались английские займы. Мы не сочли целесообразным перепечатывать эту громоздкую таблицу, ничего не дающую для понимания экономических воззрений Орлова. — Ред.]

Все улучшения, введенные Питтом в управление финансами Англии, были военные приготовления

Питт стяжал для своего отечества владычество морей

При начале революции один человек во Франции следовал за политикой Англии и подозревал неприязненные ее виды, невзирая на дружелюбные уверения и на смиренные сношения Сент-Жемского кабинета. Сей человек был Мирабо. Он называл Питта министром приуготовлений (le ministre des préparatifs). И в самом деле, Питт готовился к долгой борьбе. В течение десятилетнего своего министерства он исполнил желание одного знаменитого полководца, который для войны не требовал ничего другого, кроме денег, денег и денег. Питт восстановил кредит. Он не скрывал себе все опасности и затруднения его намерений. Он старался огромностью своих усилий возвыситься до огромности своей цели. Ежели союзные державы одержат поверхность в ужасной борьбе, Франция, по его плану, надолго исключалась из числа соперниц Англии. Ежели же, напротив, успех должен увенчать оружие Франции, он хотел, чтоб по крайней мере торжество ее не распространилось далее твердой земли. Во всяком случае он стяжал для Англии владычество морей. Время ему благоприятствовало. Все европейские державы истощали на суше свои силы и богатства; одна Англия покрывала море своими кораблями. Никакое пожертвование не могло остановить Питта для достижения его предначертаний, для достижения сего превосходства на море, которое и сделалось наконец неотъемлемым достоянием Англии. Следуя шаг за шагом за постепенным развитием займов государственных, нельзя не удивляться необъятному количеству богатства, которым располагало министерство посредством кредита для поддержания своих ополчений¹.

¹ Вот итог займов Англии в течение семи лет, по исчислению Ганиля. К сему расчету должно еще прибавить часть доходов, поступивших на расход войны.

Года	Полученные капиталы	Именованные долги	Долги пожизненные	Погашения	Проценты	Ежегодные платежи
1793	4 500 000	6 250 000	62 791	62 500	189 682	252 812
1794	12 907 452	15 706 525	»	166 445	514 085	773 324
1795	19 499 647	25 609 897	85 500	268 983	873 703	1 227 415
1796	29 726 727	40 707 899	79 082	434 421	1 346 866	1 850 373
1797	45 527 399	70 012 668	43 989	886 045	3 167 284	4 097 318
1798	17 000 000	34 000 000	41 791	182 280	1 038 769	1 259 840
1799	15 500 000	33 318 803	26 000	155 000	510 000	691 000
7 лет	144 661 525	225 605 872	339 143	2 225 624	7 638 379	10 152 082

Вскоре потом Испания заключила тесный союз с Францией, и непоколебимый Питт объявил войну Испании. В сем обстоятельстве он видел, так сказать, один только удобный случай для уничтожения соединенных флотов сих двух держав. Уверенный в могуществе своего отечества, он с равным бесстрашием получил известие о заключении северного неутралитета. Едва сей новый союз был объявлен, как эскадры Англии с быстротою попутных ветров явились вооруженными на водах Балтийских. Амиенский мир был для Англии одним только перемирием. Она, по выражению нашего поэта, с беспечно-стью силы взялась снова за оружие без союзников и вопреки славе и могуществу Наполеона. Когда начала раздора, неповиновения и бунта показались в экипажах ее флотов, она удвоила жалованье матросов и прервала мятеж. Когда огромная армия угрожала вторжением на ее берега, она вооружила весь свой народ и издержала на сей предмет несчетные суммы. Когда надобно было искать союзников в Европе, она наводнила ее своими вспомогательными капиталами. В течение сей 20-летней войны кредит Англии, устроив ее морские силы, возвысив до 400 000 число ее сухопутных войск, завоевав все колонии Франции и Голландии и часть колоний испанских, содержал на военной ноге до 1 000 000 чужестранных солдат и оплачивал усилия пяти европейских союзов. И при всем том кредит был так мало истощен, что один из великобританских министров, сир Генри Петти (после маркиз Ландовн), предложил в парламенте новый план, по которому, полагая чрезвычайные военные издержки в 38 000 000 ф. ст., Англия могла продолжать войну еще 20 лет сряду. Проект был принят и вероподобие оного доказано, но после оставлен потому только, что он мог лишить палату права давать ежегодно свое согласие на взимание налогов. Какому могуществу принадлежат подобные усилия? И не точно ли Англия нашла в кредите тот рычаг, коим Архимед хотел поколебать вселенную?

Таковы были для Англии последствия кредита в внешней ее политике. Действия его на внутреннее пре-

Хотя сия таблица во многих частях неудовлетворительна и мало представляет точности в расчетах, не менее того она нам показалась довольно характеристическою, чтоб предложить ее любопытству читателей. — Прим. Орлова.

Питт, вооруженный кредитом, непоколебим в своих планах и неустраним в опасностях

Англия кредитом своим потушает внутренние раздоры, вооружает все свое народонаселение и оплачивает пять европейских союзов

Англия находит в кредите средство вести войну с Францией 20 лет сряду

Кредит имел равное влияние на внутреннее благосостояние Англии, и по мере возрастания долга действие погашения увеличивалось

спеяние не менее замечательны. Посреди переменных событий военных, то счастливых, то неуспешных, народонаселение удвоивалось, земледелие усовершенствовалось, торговля быстро распространялась; промышленность с помощью машин производила во сто раз более, чем в прежние времена; со всех сторон копались каналы, прокладывались чугунные дороги; единство империи утверждалось присоединением ирландского парламента к английскому; капиталы были так изобильны, что дольствовались ссудами не только Англию, но и Австрию; дух сотоварищества, распространяя круг своего действия, от займов государственных обратился к пособиям частной промышленности и поддерживал огромнейшие предприятия; словом сказать, внутреннее преспеяние было в полном развитии, невзирая ни на упорную войну, ни на огромность долга, ни даже на увеличение налогов. Все сии последствия должны быть приписаны единственно системе Питта, принятой неотступно почти всеми последовавшими министерствами. При заключении мира в Париже в 1815 году долг Англии превосходил всю сумму, добытую из американских рудников со времени их открытия, то есть все капиталы наличные, сколько их ни есть в целом свете, употреблены были по очереди на удовлетворение нужд и образование богатств Англии. И сей долг при всей своей огромности не был обременителен, ибо с ним вместе возрастало погашение, которое в то же самое время выкупило уже почти четвертую часть оною. Сравнительный баланс государственных кредитных постановлений в течение сего периода, заключающего в себе около 22 лет, был следующий:

В 1815 году долг Англии утвердился

В 1793 году долг простирался до 269 019 175 ф. ст.; в 1815 году он возрос до 961 000 000.

Проценты на долг уятерились

В 1793 году проценты состояли по всему долгу из 9 476 417 ф. ст.; а в 1815 году они возвысились до 48 352 557 ф. ст.

Зато касса погашения выкупила третью часть всего долга

В 1793 году касса погашения выкупила 78 376 459 ф.ст.; а в 1815 году выкупы ее доходили до 300 000 000 ф.ст., то есть до числа, превышающего весь прежний долг Великобритании.

Усиленное употребление кредита оправдывается необходимостью защищать независимость народа

Не должно, однако же, ожидать, что столь усиленное употребление кредитных сил не влекло за собою никаких вредных следствий и могло быть приведено в действие без ошибок и без опасности. Кредит, как все другие

постановления, имеет свои границы, и министерство английское, расточая силы и богатства народа, подвергалось строгому суждению своих противников. Оно искало извинения и убежища в законности сего расточения, в необходимости вести войну, от коей зависели честь, слава, будущность отечества и, может быть, самое его существование. В сем смысле оно оправдалось в глазах всех беспристрастных людей; но все ли финансовые меры правительства в сем долгом периоде времени не заслуживают никакого порицания? И сам Питт всегда ли казался твердым в исполнении предначертанных им планов? Нет; при всем его гении, он несколько раз сам уступал своей системе, и твердость его колебалась перед возрастающим цифром именованного долга. Сие явствует из придуманного им средства военных податей, коими он хотел обуздать излишнее употребление кредита. Это была важная ошибка, которая впоследствии, при заключении мира, была для Англии источником многих бедствий, опаснейших самой войны. Военные подати, по приближенному вычислению, приносили правительству около 20 000 000 ф. ст. ежегодно, что делает в течение 20 лет 400 000 000 капитала, да процентами столько же, всего около 800 000 000 ф. ст. Все сии суммы похищены у промышленности и у торговли. Ежели б на место похищения посредством налогов они были собраны кредитом, ежегодные расходы за каждые 20 000 000 не превышали бы 1 200 000 ф. ст., считая здесь проценты по 5% и погашение по 1% всего капитала. Но погашение при заключении мира выкупило бы уже около половины сего долга, а образование богатств в Англии не потерпело бы никакого ущерба. «Налоги военные, – говорят противники кредита, – суть бремя временное, а отверженный долг – бремя вечное». Неправда; война кончилась уже с лишком 15 лет, а военные подати еще ежегодно вносятся в бюджет Англии.

Когда торжество пятого европейского союза над Наполеоном сделалось несомненным, английское правительство обратило все свое внимание на следствия всеобщего мира и на выгоднейшие условия одного для Англии. Соображения министерства особенно основались на новом начале, недавно открытом одним из известнейших политических писателей нашего времени. Мальтус доказывал, что по неизбежному закону природы народонасе-

Питт не всегда похож на самого себя. Несколько раз огромность капитального цифра колебала его твердость

Он старался заменить до некоторой степени употребление кредита военными податями. Это была важная ошибка

Английское правительство предвидит опасности мира и ищет средств отвратить гибельное последствие усиленных чрез меру налогов

Оно основывает свои планы на правилах, изложенных Мальтусом

ление и пропитание возрастают несогласно, что первое исполняется по прогрессии геометрической, а последнее едва ли может достигнуть простого прибавления арифметического. Из сего следовало, что при некоторых обстоятельствах, почитаемых обыкновенно благоприятными, должно непременно родиться неравенство между средствами пропитания и количеством народонаселения, что сие неравенство тем скорее окажется, чем более мы будем пещись о народонаселении, и, следственно, что все законы, поощряющие оное, суть законы не только бесполезные, но вредные. Он изыскивал все обстоятельства, рассматривал судьбу человека в диком состоянии и в просвещенном обществе и нашел, что везде, где люди не поставляли преград народонаселению, природа сама брала на себя обязанность сравнивать его с средствами пропитания и уравнивала его косою истребления. Он ясно доказывал, что все бедствия, голод, повальные болезни, нищета суть последствия избыточного народонаселения, которое и названо им не без причины главным бичом всего рода человеческого¹. Наконец, он извлек по-

¹ Сочинение Мальтуса есть одно из тех сочинений, которые при первом чтении невольно возбуждают против себя негодование читателя, но потом принуждают его согласиться с истинами, заключающимися в оном. Филантропические писатели нынешнего времени наводнили общество столь большим количеством безотчетных утопий об общем благоденствии, о равенстве, о золотом веке, приготавливаемом вселенной постепенным усовершенствованием рода человеческого, что всякая строгая истина, несогласная с возбужденными страстями и надеждами, находит в глубине сердца нашего недоверчивость и сопротивление. А сочинение Мальтуса исполнено самых грубых приговоров, самых строгих истин. Как? Народонаселение, о котором все правительства до сих пор так пеклись, есть причина всех бедствий наших? Читайте Мальтуса; не его вина, что природа не согласилась закон пропитания с законом населения. Как? Экономисты утверждают, что все наши труды должны быть обращены к одному только произведению ценностей, а Мальтус смеет доказывать, что излишнее произведение есть также зло и может сделаться разорительным для производителей? Не его вина, ежели по приговору судьбы потребители столь же нужны, как и производители, и что без них никакое произведение не будет иметь ценности. Как? Все благомыслящие писатели проповедуют общее благосостояние всех и каждого, а Мальтус противится сим филантропическим видам и утверждает, что богатство должно сосредоточиваться в нескольких руках, а бедность быть уделом остального множества? Не его вина, ежели по естественным законам неравенство состояний есть неизбежное последствие наших образованных обществ. Как? Мы привыкли с самого младенчества думать, что чем более состояния уравниваются в государстве, тем более оно благоденствует, а Мальтус уверяет, что такое уравнение состояний должно непременно привести государство в упадок? Еще раз не его вина, ежели общества наши так составлены, что при равном разделении богатств все были бы не равно богаты, а равно бедны. Как? Все древние, все новые философы соглас-

следствием своих правил необходимость для многолюдного государства владеть обширными землями, на кои оно могло бы от времени до времени извергать излишество своего народонаселения. Мы не можем утвердительно сказать, правительство ли воспользовалось теорией Мальтуса или сам Мальтус почерпнул свои теории из действий правительства, но очевидно, что слова писателя и меры министерства основаны на одних и тех же правилах. Ими руководствовалась Англия при заключении Парижского трактата, при определении своих приобретений и вознаграждений за убытки войны. Теперь она владеет тремя неизмеримыми пространствами: Ка-

Она приобретает условиями мира огромные земли, способные к принятию излишнего английского народонаселения

ны в том, что земледельцы составляют самое благородное и полезное сословие граждан, а Мальтус смеет сравнивать с ними тунеядцев-капиталистов и гордых аристократов? Оставьте ваши школьные предубеждения, отложите на время вашу политическую чувствительность и скажите искренно: много ли из сих полезных и благородных граждан покинут свою соху и землю для защиты отечества без влияния гордых аристократов и долго ли они останутся под знаменем без тунеядцев-капиталистов? Скажите: какое государство может не только процветать, но существовать без образования богатств? Как сии богатства будут образоваться, ежели они должны всегда рассыпаться на мелкие части? Что сбудется с науками, с художествами, с промышленностью, с торговлею, ежели всякий обязан искать себе пропитание в поту своего лица? Какие большие предприятия могут исполниться без капиталов и какие капиталы могут образоваться при беспрестанном уравнении богатств? Нет, Мальтус прав, защищая свои правила, проповедуя вредность излишнего народонаселения и всех законов, его усиливающих, неизбежность неравенства состояний, полезность капиталов, сосредоточенных в нескольких руках, из коих правительства могут ими пользоваться для всех своих предприятий и нужд, необходимость аристократии как одного из самых важных элементов общества и выгоды майоратов, или права наследства для перворожденного, как закона, без коего никакая аристократия удержаться не может. Мальтус прав, как бы сии положения ни были противны демократическому направлению наших мыслей, как бы они ни резко сопротивлялись и мудрствованию древности, и страстям нашего времени. Впрочем, все хорошо тогда только, когда всем владеет умеренность. Правила Мальтуса были приняты в Англии партией тори; но так как она тогда управляла Англией, то применение сих правил доведено было до вредного излишества. Вот краткий очерк, как поземельные владения сосредоточивались в Англии. В 1762 году все земли были, по свидетельству Юма, во владении мелкопоместного дворянства и крестьян. В 1786 году не было уже в Англии более 250 000 помещиков. В 1816 году все сии поместья соединены были в руках 32 000 владельцев, из числа коих должно исключить 6000 земель, принадлежащих разным обществам, и 6000 – духовенству. Здесь очевидное злоупотребление, происшедшее не от закона первородства, но от закона передачи (substitutions). Впрочем, должно также сознаться, что могущество Англии как будто бы следовало за сими переменами. В 1762 году Англия была бедна, ибо все богатства были рассеяны. В 1786 году она богатеет вместе с образованием богатой аристократии. В 1816 году, когда богатства сосредоточились еще более, почти с излишеством, она достигла до высочайшей степени созревания. – Прим. Орлова.

надою, мысом Доброй Надежды и Новою Голландиею. Ей представлено население сих пространств; ей предложит, после населения, продовольствие оных произведений ее фабрик с тем преимуществом, что все потребности и самая роскошь сих племен будут состоять из английской роскоши, из английских потребностей. Министерство, обращая таким образом свои взгляды на отдаленную будущность, не упускало также из виду и ближайших выгод. Сии последние соображения были тайные, но можно без опрометчивости предполагать, что даже тогда они были целью его политики. Прежде всего должно упомянуть о трудах английского правительства для преобразования древних обычаев Индии и его других восточных колоний. Сие преобразование, которое, по свидетельству многих писателей, и в особенности Карла Дюпена, уже приводится в исполнение и доказуется ежегодным прибавлением вывозов Англии в Индию, состоит в том, чтоб сделать 100 000 000 жителей Индии потребителями великобританских изделий. Другое соображение касалось до независимости испанских колоний в Америке. Она существовала в самом деле; но английское министерство долго медлило в признании сей независимости. Во все время своей нерешимости Англия ободряла только вывоз своих произведений в сии страны и употребила на сие столько капиталов, ввела в сии предприятия такое количество своих богатых купеческих домов, что, когда независимость Америки была признана, все европейские державы и самая почти Испания были принуждены сознаться, что сие признание было для Англии и для ее торгового благосостояния истинной необходимостью. Итак, Англия нынче исключительно продовольствует своими изделиями половину нового света и имеет в виду продовольствие всей Индии, Канады, мыса Доброй Надежды и Новой Голландии. Конечно, с подобными предосторожностями дальновидное ее министерство могло решиться на общее примирение с такою же свободою и легкостью, как оно решилось прежде на ужасную истребительную войну¹.

Оно старается преобразовать древние обычаи Индии и сделать из индийских народов новых потребителей английских произведений

Оно приуготовляет признание независимости испанских колоний в Америке

¹ Все сии политические соображения должны, по всей вероятности, быть приписаны графу Ливерпулю*. Он и г. Ванситарт были, конечно, до Каннинга самые сильные и твердые умы Англии из всех тех, кои приняли наследие Питта, не исключая из сего приговора и Фокса, и Гренвиля, к управлению коих

Однако же все сии виды министерства, обращенные к последствиям, ожидаемым более или менее от времени, не могли с самого начала отвратить затруднительных обстоятельств всеобщего примирения, которое должно было уменьшить требования на произведения Англии, стеснить ее мореплавание и торговлю. Правительство, торжествуя над внешними врагами, должно было начать новую борьбу с внутренними бедствиями, с нищетою своих собственных граждан, лишенных занятия и работы, с гибельными последствиями военных податей. Положение его весьма было опасно. Приступить ли к внезапному уменьшению армии? Но сие уменьшение издержек влекло за собою умножение праздной и бесприютной части народонаселения. Уничтожить ли военные подати? Но тогда чем содержать войска, находящиеся еще на военной ноге? Не оставалось другого средства, как стараться выиграть время до тех пор, пока меры, принятые при заключении мира, принесут свой неминуемый плод, как противопоставить умеренность, терпение и политику бунтующим страстям народа. Европа, свидетельница несчастных приключений, сопровождавших в Англии водворение всеобщего мира, мятежей работников, сожжения машин, бешенства народных собраний, дерзости писателей и публичных ораторов, подобных Коббетам и Гунтам, должна была почтить Англию близкой к ее гибели. Но тогда уже первые меры спасения были приняты, и сии меры суть еще новое доказательство могущества кредита. В 1817 году общие издержки определены были в 86 000 000, но настоящий сбор не простирался далее 58 000 000 ф. ст. Сей ужасный недочет, 28 000 000, превышающий годовые доходы целой Австрийской империи, не остановил министерства. В других странах правительство, конечно, прибегло бы к принудительным мерам и тем самым усугубило бы бедствия отечества. В Англии недочет пополнен был займом. Вскоре потом уменьшение некоторых податей, постепенное убавление армии, помощь, данная земледелию запрещением ввоза хлеба, пособие, оказанное торговле, которая получила займы до 11 000 000 ф. ст., учрежде-

Не менее того положение Англии весьма затруднительно: она не может ни распустить армии, ни уменьшить налогов

1817 год ознаменован ужасным недочетом в 28 000 000 ф.ст.

Правительство противопоставляет кредит недочету. Он уплачен займом

применили столь остроумно и столь справедливо известное *donec imperassent* [пока они царствовали (лат.). – *Ред.*] Тацита. – *Прим. Орлова.*

Другие меры правительства, соединенные с экономией, отвращают опасность

ние колоний успокоили на некоторое время страсти народные. Между тем правительство не нежило и своих собственных членов. Прошло время военного расточительства, настала эпоха мирной бережливости. Издержки были значительно убавлены, и, когда влияние всех сих усиленных средств сделалось ощутительным и приходы сравнялись с расходами, сколь сильно подати еще ни тяготили Англию, опасность миновалась, и отечество было спасено.

Система разницы погашения приемлет свое начало

С тех пор Англия устремилась снова к развитию сил и своего преспеяния. Погашение, не останавливая своего действия, дошло до такого могущества, что капиталы его признаны были превышающими нужды государственного кредита. Правительство рассчитало, что 5 000 000 ф. ст. достаточны для воздействия на долг и что доходы погашения, простирающиеся до 7 500 000, представляют удобность убавить в 2 500 000 ф. ст. подати народные. Сие уменьшение исполнено было с похвальною и примерною осторожностью. Министерство и парламент соединили чистосердечно свои силы и определили с общего согласия, на какие налоги должно было пасть уменьшение. Государственные люди Англии поняли, что существует большая разница между наложением новой подати, коей последствия еще никому не известны, и сложением оной же тогда, когда она исполнила весь круг своего действия. Разбор плана министерства долго продолжался, и уничтожение налогов было совершено с такою же

Разница погашения употребляется на уничтожение определенных налогов

осмотрительностью, как и само введение нового налога. Сие возвратное действие погашения возбудило во всех надежду и прекратило волнение народа. Оно дало почувствовать всю пользу сего учреждения, позволило предвидеть время, где чрезвычайные расходы могут не только оплатить сами себя, но убавить еще и обыкновенные подати. Вскоре потом министерство при возрождающейся к нему доверенности усмотрело способ уменьшить от 5 до 4% проценты новозаключенных займов. Оно приступило к сему делу со строгою честностью. Во Франции Вилель предлагал уплату по 100 за 100, тогда как цена государственных обязательств превышала гораздо настоящее их достоинство. В Англии, напротив того, предложение уплаты сделано было при возвышающемся курсе. Все спекуляторы приняли предложение правительства с охотою, и другие займодавцы последовали их примеру.

Правительство понижает проценты долга и сим понижением находит средство еще уменьшить налоги

Сие уменьшение процентов дало способ сбавить податей еще на 1 500 000 ф. ст. Некоторое время курс колебался и даже падал, но, когда виды правительства открылись для всех во всей их благонамеренности, курс опять возвысился, и министерство могло надеяться на новое понижение процентов и передать сию надежду народу. Наконец, не отступая ни на шаг от истинных правил кредита, сохраняя долг, убавляя налоги, правительство совершило еще другой выгодный оборот. Военные пожизненные пенсии составляли огромную сумму – 5 000 000 ф. ст. По предложению министра компания банкиров взяла на себя уплату сих пенсий за 2 000 000 ф. ст. ежегодного дохода в течение 45 лет, чем самым народ был облегчен еще 3 000 000 ф. ст. податей. Таким образом, в течение 4 или 5 лет одно мудрое употребление кредита уничтожило в Англии податей на 7 000 000 ф. ст., в то самое время, когда постоянное действие погашения выкупило уже с своей стороны целую треть всего государственного долга. Тогда-то министры, ободренные своими успехами, осмелились объявить парламенту, что касса погашения не есть уже в их глазах простое средство для воздействия на долг, но огромное народное казнохранилище, верное и драгоценное сокровище для всех чрезвычайных случаев, для отвращения всех непредвидимых бедствий, для уравнения и улучшения всей финансовой системы, и торжественно подвергли сие полезное учреждение под защиту всего отечества. Нам неизвестно, до каких пор сии выражения министров справедливы, ибо опыт не оправдал еще предсказаний; но, ежели б они точно оказались истинными, вообразите себе, какое должно быть могущество Англии, когда по истечении нескольких мирных лет касса погашения выкупит половину всего долга и когда правительство увидит себя в состоянии располагать около 1 000 000 000 рублей ежегодного дохода и 12 000 000 000 рублей запасного капитала!

Система графа Ливерпуля и господина Ванситарта, основанная, очевидно, на правилах, принятых Питтом, есть в самом деле система возвратная. Она может выразиться следующими словами: *надобно стараться, сколько возможно, оплачивать годовые расходы без введения новых податей. В случае неизбежного недочета лучше совершить заем, чем употреблять принудительные меры. Чем недочет сей значительнее, тем заем более необходим.*

Оно обращает военные пенсии в долговые временные срочные уплаты и тем самым дает народу еще новую льготу

Правительство успевает всеми сими средствами сложить до 7 000 000 ф. ст. податей в 4 или 5 лет; а между тем погашение выкупает почти целую треть отверженного долга

Касса погашения провозглашается народным сокровищем

Система графа Ливерпуля столь же удовлетворительна для мирного времени, сколь Питтова способна для военной предприимчивости. Обе основаны на одних и тех же правилах

Экономия состоит, с одной стороны, в улучшении системы сборов, с другой – в убавлении процентов долга. Погашение должно оставаться в определенной силе, и действие его капиталов не должно ни под каким видом отвращаться на другие предметы. Ежели, по усмотрению, окажется излишество доходов, разница может быть употреблена на уничтожение тех старых или новых налогов, которые более вредят развитию народного богатства. Сия система так же выгодна для мирного времени, как Питтова – для военного действия. Здесь умеренность и мудрое сбережение общественных богатств; там предприимчивость и дерзкое развитие всех сил народных.

Система Ливерпуля, Каннинга и Гюскинсона подвигает еще вперед преспеяние Англии

Новое министерство, которое под графом Ливерпулем составилось из Каннинга и Гюскинсона, подвинуло еще вперед преспеяние Англии. Ныне заботливость правительства должна обращаться не к производству, но к помещению произведенного. Признание независимости Испанской Америки исполнило отчасти предполагаемую цель, но сего недовольно. Англия почувствовала, что одни только народы промышленные могут быть постоянными потребителями изделий промышленности. Все планы Гюскинсона отличаются благонамеренным свободомыслием по части торговли, и сам Каннинг объявил в собрании знаменитейших купцов Лондона, что «благоденствие Англии не противится благоденствию никакой другой державы и что ему совершенно известно, что торговля может процветать только между богатыми народами». Действие сего министерства нанесло последний удар славному мореплавательному акту Кромвеля и может почесться первым шагом к преобразованию торговых отношений между европейскими государствами. Остается только Англии поддержать сие счастливое направление, данное ее торговой политике с тою же твердостью, с какою она поддерживала уничтожение продажи негров и разные другие истины. Она имеет все нужное для сего. Богатства ее несметны. Капиталы ищут употребления на всех рынках Европы. Одни уменьшают проценты французского долга; другие основывают кредит Колумбии; некоторые помещаются даже в Греции или раскрывают сообщение двух океанов чрез Панамский перешеек, или разрабатывают мексиканские рудники. Что же касается до тех, кои обращаются в самой Англии, они довели ее преспеяние почти до возможного

совершенства. Ныне затруднение для Англии состоит не в том, чтобы найти средство к исполнению какого-либо полезного предприятия, но в том, чтоб изобрести что-либо полезное к исполнению.

После всего того, что мы объяснили в сем кратком очерке, нам позволено, кажется, отказаться от всякого опровержения мнения тех писателей, кои полагают, что нынешнее время есть время опасности и бедствий для Англии и что она должна непременно погибнуть от ее огромного государственного долга. Пусть, кто хочет, исчисляет, какая часть поверхности земли укроется суммами английского долга, обращенного в шиллинги, или рассчитывает, сколько нужно лет и столетий, чтобы уплатить сей долг пенсами. Все сии невинные игры воображения неуместны в столь важном государственном деле. Мы заключим наше рассуждение одним только размышлением. Сравнивая с нами ход финансовой политики во Франции и Англии, кто будет удивляться, что сия последняя держава могла восторжествовать над первою во всех трех больших войнах новейших времен, в войнах испанского наследства, Семилетней войне и Французской революции? Причина сего торжества ясно выводится из истории. Англия вступила в бой возмужавшая, совершившая свое внутреннее и хозяйственное преобразование, — Франция, напротив того, начала сии войны прежде всякого опыта хозяйственного преобразования и продолжала последнюю во всех ужасах внутреннего переворота. Она поддерживалась одним только приходящим и отходящим случайным преспеянием, тогда как Англия пользовалась полным развитием преспеяния обдуманного. Нынче, когда Франция приняла для управления своими финансами систему Англии, ежели война снова возгорится между сими двумя народами, успех Англии более сомнителен, хотя бы Франция и не нашла в своих полководцах и министрах столь отличных людей, каковы были те, кои ею некогда управляли.

Употребление кредита было основанием величия Англии. Правительство, желающее достигнуть той же цели, должно овладеть теми же средствами

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, государственный кредит есть наука, имеющая свою самобытность, как все прочие положительные отрасли человеческих познаний, наука, основанная не на одних отвлеченных умозрениях, но на правилах строгих, извлеченных из законов природы, испытанных судьбою правительств, доверявших или не доверявших ее началам. Кредит есть также залог благоденствия народов и измеритель оного, сила общая, движущая все частные силы государств, развивающая их богатство и просвещение, начало обдуманного и, следовательно, твердого преспеяния обществ. Мы следовали за теоретическим образованием кредитной системы; мы видели также кредит в действии; мы замечали, что везде и всегда соблюдение правил сопровождается было успехом, а нарушение оных наказано бедствиями. Сие совершенное согласие между логикою науки и историею оной есть отличительная черта всех теорий, основанных на истине.

Не менее того, наблюдая за движением общемыслия в Европе, мы должны признаться, что с некоторого времени система кредита находит много противников не только в толпе невежд, не понимающих ее правил, но также и в кругу людей, имеющих образование и вес в делах государственных. Сие неприязненное расположение умов равно приметно и во Франции, и в Англии. Во Франции народ, кажется, совершенно позабыл, что за 12 лет пред сим кредит спас его от ужаснейших бедствий. В Англии целое столетие славы, могущества, изобилия и успехов всякого рода, доставленных кредитом, и кредитом одним, не могло спасти его от порицания и преследования некоторых публицистов.

Что же касается до Франции, то сии нападения не могут возбуждать никакого удивления. Нынешняя оппозиция приняла во всех отраслях политики такое странное направление, что вражда ее к кредиту делается как будто необходимым последствием всех других ее заблуждений. С некоторых пор воображение французов заразилось идеалом Северной Америки. Америка уплачивает свой отверженный долг; следовательно, и Франция не имеет никакой нужды в долге отверженном. Америка возлагает свою защиту на милицию и на вольные приношения; следовательно, и Франция должна опираться на национальную гвардию и оплачивать свои чрезвычайные издержки не займами, но свободными пожертвованиями граждан. Но Америка отделена морями от своих врагов; она населена людьми единодушными в своей любви к отечественным законам, к свободе, к посильным трудам промышленности и торговли. Там все ча-

стные страсти военного честолюбия, наследственной гордости, роскоши и пышности порабощены главному и общему стремлению к полезным учреждениям. Там земля новая, плодovitая, обширная, требующая еще, может быть, на целое столетие одних только трудящихся рук. Там, наконец, дух товарищества проник столь глубоко в нравы и обычаи народа, что он заменяет совершенно многочисленные войска еще многочисленнейшею милициею, а систему займов – обильными народными приношениями.

Но оппозиция не обращает своего внимания на все сии обстоятельства. Она ставит наравне своих пылких демагогов, свое упрямое дворянство, свое фанатизированное духовенство с гражданами Америки, обыкшими жертвовать общему благу всеми своими частными предрассудками, не понимающими даже возможности аристократических постановлений и неравенства состояний, с ее бесстрастными квакерами, с ее терпимостью исповеданий. Она не принимает никакого различия между блестящими качествами ума французского и постоянством американского рассудка, между промышленностью, основанною на роскоши, и распространением искусного земледелия, между соседями сильными и соседями слабыми, между воинственною Германиею и тенью Мексиканской империи, между старою Европою, колеблемою древними предрассудками и новыми теориями, и юною Америкею, живущею еще жизнью своих предков. Она не заботится ни о правах, ни об обычаях, ни о нравах, ниже о страстях человеческих; но ищет одних отвлеченных, метафизических выводов. Лафайет* объявил, что он воспитанник американской школы, а все члены оппозиции называют сами себя воспитанниками Лафайета. Они хотят непременно из Франции сделать Америку. Уже сам г-н Лаффит во время своего краткого министерства отказался от своей собственной системы и предпочел для уплаты недочета продажу государственных лесов употреблению кредита. Ныне все мысли во Франции устремлены на бережливость; а как новой значительной экономии сделать почти невозможно иначе, как уменьшением доходов кассы погашения, то, вероятно, все усилия оппозиции обратятся к сему уменьшению¹. Еже-

¹ Господин Тьер (Thiers), докладчик комиссии, рассматривавшей бюджет расходов на 1832 год, доказал палате депутатов, что между экономией американскою и пышностью Наполеонова управления разница не превышает 3 000 000 фр., или, другими словами, что все дробные экономии, добываемые из жалованья префектов и других чиновников администрации, совершенно ничтожны. Доклад г-на Тьера (смотри «Journal des Débats» du 31 Décembre 1831) весьма замечателен по части, касающейся собственно до финансов, но по части кредитной он мало удовлетворителен. Прочитав со вниманием речь его, вы увидите, что «биржевая игра есть страсть пагубная, язва нашего времени; что должно всеми средствами

ли оно исполнится и исполнится неосторожно, то должно ожидать упадка кредита во Франции, а за сим упадком – новых потрясений и нового переворота.

В Англии также многие публицисты и государственные люди объявили себя противниками кредита. Они стараются помрачить славу Питта и доказать, что твердость сего великого человека и непреклонность его к миру с Франциею довели отечество до края гибели; что Англия страдает еще теперь под бременем его ошибок и упрямства; что скромность лондонского кабинета в спорных политических делах со времени всеобщего замирения, согласие, данное им вопреки настоящего духа народного и выгод Великобритании на все соображения Веронского конгресса*, молчание его и неподвижность сил английских при занятии Испании, Мореи и Алжира французами, при переходе русских чрез Балканы суть очевидные признаки слабости Англии; что сия слабость происходит непосредственно от запутанности финансовых дел и огромности государственного долга. Сии мнения, всегда опровергаемые и беспрестанно возобновляемые, имеют своих постоянных представителей в обеих палатах парламента и находят отголосок в народе. Главный распространитель оных есть «Эдинбургское обозрение», журнал, посвятивший почти все свои финансовые статьи на опровержение кредитной системы; в издании оного участвуют все отличные писатели и ораторы партии вигов, враги искусные и опасные, умеющие владеть попеременно орудием увлекательного красноречия и колкой насмешки. По следам сих первостепен-

стараться ее обузывать и даже уничтожать; что погашение именно может и должно стремиться к сей цели; что капиталы, меняемые кассою погашения на обязательства правительства, поступают в руки людей, отказывающихся от дальнейших биржевых оборотов; что истинное назначение погашения есть не поддержание курса, но совершенный выкуп государственного долга; что, однако же, полный выкуп не выгоден ни для народа, ни для правительства; что правительство обязано уплачивать свой долг наравне с каждым частным заемщиком; что, ежели до сих пор ни один долг государственный не был нигде уплачен погашением, из сего не должно заключать, что сия уплата невозможна, но только, что погашение слишком слабо» и пр., и пр. Конечно, читатели, пробежавшие сие сочинение и убедившиеся нашими исследованиями, не потребуют от нас новых доказательств против ложных предложений, заключенных в сем кратком изложении системы господина Тьера. Намерение его похвально. Он честный и благомыслящий гражданин. Он искренно ищет благоденствия своего отечества не в задачных утопиях оппозиции, но в постоянстве нынешнего порядка вещей. Он страшится, чтоб палата депутатов, увлеченная искушением ложной бережливости, не посягнула на капиталы погашения; но теория его, по мнению нашему, так слаба, что лучше бы было не касаться до системы кредита, чем защищать оную столь неосновательными рассуждениями. – *Прим. Орлова.*

ных неприятелей кредита, отличающихся некоторою благоразумною и тем более обманчивою умеренностью, идет толпа необузданных утопистов, известных под именем радикалов (*les radicaux*), бентамистов (*les utilitaires*) и других. Каждая из сих партий имеет свой журнал, назначенный со дня его появления для распространения их образа мыслей. Неутомимой деятельности сих ежедневных порицателей кредита Англия обязана всеми ложными понятиями, рассеянными в народе, о системе отверженных долгов и недоверчивостью к силе и могуществу кассы погашения; ибо должно заметить, что до сих пор самые искусные антикредитисты успели только распространить в обществе некоторое суетное беспокойство и недоверчивость к испытанной теории, но не предложили еще никакой системы, могущей хотя отчасти заменить то, что стремятся уничтожить. Все их возражения касаются одного только злоупотребления в займах; но в сем смысле сами защитники кредита с ними совершенно согласны. Вся их тактика состоит в том, чтоб сие злоупотребление займов смешать с самим употреблением кредита и представить сей последний в виде системы, опасной увлекательностью своею и последствиями, системы, приносящей мало пользы современникам и угрожающей потомству неминуемым разорением. Но усилия их, вероятно, останутся безуспешными. Рассуждения их могут обмануть и прельстить часть неопытных читателей, но общество английское слишком просвещено, чтоб отвергнуть систему, несколько опасную, но верную и испытанную, прежде, нежели враги оной представят ему другую, заключающую в себе более безопасные и те же самые условия могущества и силы. До тех пор государственные люди Англии, к которой бы партии они ни принадлежали, останутся, конечно, твердыми в их правилах и не оставят системы государственного кредита, которая, без сомнения, была одною из главных причин, возвысивших Великобританию на ту степень величия, на которой мы ее теперь видим.

Но не кроется ли под сим всеобщим почти восстанием некоторых людей против кредита какой-нибудь тайной мысли, каких-либо скрытых политических намерений? Чем пристальнее мы рассматриваем сие явление, тем более мы уверяемся, что точно враги кредита суть не кто другие, как враги властей вообще. До тех пор пока кредит не был принят и оценен правительствами, все так называемые свободные писатели были усердными поборниками кредита. Они видели в нем спасение, славу, силу народов, залог всех полезных учреждений и преобразований – словом сказать, все то, что мы старались подробно доказать в сем сочинении. Но коль скоро правительства приняли кредитную систему и овладели сим могущественным орудием, враги правительства ополчились против

кредита и преследуют в нем правила, ими же самими некогда превозносимые, единственно для того только, чтоб ослабить своего неприятеля и потрясти в общемыслии самое твердое основание властей и порядка, предоставляя себе в будущие времена переменить еще раз свое мнение, когда бразды правления перейдут из рук их врагов в их собственные руки. Ежели сия догадка столь же справедлива, сколь она правдоподобна, то все нападения на систему кредита суть не что иное, как происки властолюбия, а сам кредит более, нежели когда-либо, пребывает для правительства залогом силы и могущества, для народов – источником беспредельного преспеяния.

Печатается по:
Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа.
Политические сочинения. Письма. — М., 1963.

КОММЕНТАРИИ

Работа «Государственный кредит» М.Ф. Орлова печатается по полному изданию этой книги (с внесенными рукописными вставками). Оно было подготовлено С.Я. Боровым и М.И. Гиллельсоном и вышло в свет в серии «Литературные памятники». Ответственным редактором выступал Ю.Г. Оксман.

С. 296.

* «*Эдинбургское обозрение*» («*Edinburgh Review*») – старейший английский журнал, основанный в 1802 году; является печатным органом вигов.

** *Бакон* – М.Ф. Орлов имеет в виду Николааса Бэкона (1510–1579). Бэкон (Bacon) – хранитель большой печати в царствование английской королевы Елизаветы. Учился в Кембриджском университете, известность получил, занимаясь правом. Отличался глубокими знаниями законов своей страны. Королева Елизавета ценила его как выдающегося государственного деятеля. Имел титул «лорд-канцлер».

*** «*Отвержденный долг*», или *консолидированный долг* – утвержденные долгосрочные государственные долги в противоположность текущим. *Консолидация* – обращение текущих государственных долгов в долгосрочные.

С. 300.

* Государственный кредит мог быть краткосрочным и долгосрочным. При несовпадении поступлений доходов с производством расходов временные затруднения казначейства устранялись при помощи краткосрочных займов, составлявших область краткосрочного финансового кредита.

С. 310.

* *Тонтина* – вид страховой сделки, в которой определенная группа лиц связана между собой таким образом, что сделанный одним лицом взнос распределяется между теми из участвующих в сделке лицами, которые ко дню смерти этого лица останутся в живых. Наиболее известная форма тонтины, к которой большею частью и применялось это название, – та, при которой взамен единовременно внесенного капитала ежегодно выплачивается участникам определенная сумма до тех пор, пока все они живы. Эта сумма распределяется между отдельными членами пропорционально их первоначальным взносам, так что рента остающихся в живых увеличивается после смерти любого из них. В этом случае внесенные участниками тонтинной сделки капиталы постепенно исчезают по мере выплаты ее участникам отдельных сумм. Тонтины отличаются от пожизненной ренты и от страхования жизни.

Сделка получила название от имени неаполитанского банкира Лоренцо Тонти, по предложению которого во Франции в 1653 году

тонтины были использованы как средство пополнения государственной казны. В настоящее время такие сделки не заключаются.

С. 312.

* *Вексель* – письменное долговое обязательство строго установленной формы, дающее его владельцу (векселедержателю) беспорное право по истечении срока обязательства требовать с должника уплаты обозначенной в векселе денежной суммы.

Правовое регулирование вексельного обращения в России в то время осуществлялось Уставом о векселях от 25 июня 1832 года, вошедшим в Свод Законов 1857 года, в 1887 году вновь изданным в виде отдельного Устава с самостоятельной нумерацией статей. В названных актах говорится преимущественно о переводном векселе, а о простом векселе упоминается мимоходом.

С. 314.

* *Нотариус* – лицо, уполномоченное государством совершать и свидетельствовать юридические акты, придавая им силу актов публичных. В России первые упоминания о специально занимавшихся составлением актов *площадных подъячих* относятся ко второй половине XVI столетия, причем некоторые акты для большей верности и сохранности вносились в книги определенных присутственных мест (холопий приказ, земский приказ). Нормы, регулировавшие деятельность нотариусов, содержались в Соборном уложении царя Алексея Михайловича и с внесенными при Петре Великом и Екатерине II изменениями сохранились до судебной реформы Александра II. Структурные изменения в организации нотариального дела предусматривались в Своде Законов, принятых при Николае I. Разработанное впоследствии Положение о нотариальной части, получившее силу закона 14 апреля 1866 года, вошло в состав Судебных Уставов императора Александра II.

** *Маклер* – лицо, занимающееся посредничеством при заключении сделок.

В России институт маклеров впервые появляется в 1717 году, когда в ведении коммерц-коллегии учрежден был гофмаклер для покупки и продажи казенных товаров. Их функции закреплялись в регламенте главного магистра 1721 года, Указе о маклерах 1729 года, Уставе купеческого водоходства 1781 года, Своде Законов, изданном в 1887 году (п. 90 – 110 прилож. к ст. 708. Т. X. Ч. 1).

*** *Агент* – лицо, действующее по поручению или полномочию другого. Агенты частные – посредники по коммерческим делам. Под курсовыми агентами М.Ф.Орлов понимает лиц (агентов, маклеров), играющих на разнице ценных бумаг, или лиц, официально устанавливающих курс каждой бумаги, имеющей обращение или котируемой на бирже.

С. 347.

* *Мазарини (Mazarini) Жюль (Джулио) (1602–1661)* – французский министр, родился в сицилийской дворянской семье. Университетское образование получил в Испании, перейдя в духовное звание (1632), получил назначение на должность папского нунция в Париже. В 1640 году он перешел на французскую службу, а уже в 1641 году стал кардиналом. Пользовался доверием Людовика XIII, а затем и Анны Австрийской. Известен своими внешнеполитическими успехами.

** *Кольбер (Colbert) Жан Батист (1619–1683)* – министр Людовика XIV, один из самых ярких представителей практического меркантилизма. Известен своими реформами в финансовой системе Франции. Принял ряд жестких мер по уменьшению государственного долга, аннулировав некоторые прежние займы. В налоговой системе Кольбер стремился переместить центр тяжести с прямого обложения на косвенное.

С. 352.

* *Тюрго (Turgot) Анн Робер Жак (1727–1781)* – французский экономист и государственный деятель, родился в Париже в старинной дворянской семье. Придерживался либерально-экономических воззрений, был близок с Кенэ. Уже будучи на административной работе, сблизился с физиократами, продолжая сохранять независимость собственных взглядов. Заняв пост генерального контролера финансов, представил королю краткую финансовую программу, сформулированную в трех положениях: никакого банкротства, никакого увеличения налогов, никаких займов. Финансовые преобразования пытался подкрепить соответствующими законодательными мерами. В 1776 году он представил ряд декретов, два из которых в особенности встретили особенно жесткое сопротивление: о замене натуральной дорожной повинности поземельным денежным налогом с распространением его и на привилегированные сословия (вводился принцип податного равенства) и об уничтожении цехов.

С. 366.

* *Уврар Габриэль Юлиан (1770–1846)* – французский промышленник; нажил себе огромное состояние во время французской революции на поставках бумаги. С 1797 года – поставщик флота. Он мог свободно предложить государству 10 млн. франков займа; но после 18 брюмера отказал правительству в судах, чем навлек на себя гнев Наполеона. С Бурбонами у Уврара складывались хорошие отношения, он давал правительству Ришелье советы относительно переустройства финансовой системы Франции и этим позволил государству расплатиться с кредиторами за военные издержки.

С. 373.

* *Лаффитт Яков (Laffitte Jacques) (1767–1844)* – французский банкир и политический деятель. С 1814 года до самой смерти (с небольшими пере-

рывами) был членом Палаты депутатов. В кабинете министров, организованном Людовиком-Филиппом 1 августа 1830 года, Лаффит был министром без портфеля. Впоследствии ему было поручено сформировать кабинет, в котором он возглавил министерство финансов. 13 марта 1831 года он ушел в отставку, а 1843 году был избран президентом Палаты депутатов.

С. 389.

* *Вальполь Роберт*, граф Орфорд (1676–1745) – английский государственный деятель, учился в Кембридже. При Георге I в 1715 году стал первым лордом казначейства. В заслугу ему ставят бережливость в государственных расходах и то, что сумел уменьшить государственный долг на 7 млн ф. ст. Ему удалось сохранить благорасположение двора и при Георге II. От государственных дел отошел в 1742 году. Наиболее известный труд его – «Политическое завещание», изданное в Париже и Амстердаме (1767).

С. 391.

* *Питт Уильям Младший* (1759 – 1806) – английский государственный деятель, премьер-министр с 1783 по 1801 год и с 1804 года до самой смерти. К заслугам Питта следует отнести поднятие значения государственного кредита, при нем происходит бурное развитие промышленности, рост торговли. Занимался и проблемами государственного устройства. Проводил активную политику, направленную на приращение территории государства.

С. 414.

* *Ливерпуль Роберт Бэнкс Дженкинсон* (1770–1828) – граф, английский государственный деятель, в 1812–1827 годах возглавлял консервативное правительство, сумел затормозить все радикальные реформы, направленные на изменение торговой политики, системы парламентских выборов и эмансипации католиков.

С. 421.

* *Лафайет (La Fayette) Мари Жозеф* (1757–1834) – маркиз, французский политический деятель, воспитывался, как многие дворяне, на произведениях просветительской философии. Принимал участие в восстании против Англии на стороне северо-американских колоний.

С. 422.

* *Веронский конгресс 1822 года* – последний конгресс Священного союза, в ходе которого обсуждались планы интервенции в Испанию, итальянские дела, восстание в Греции и другие международные вопросы.

СОДЕРЖАНИЕ

У истоков финансового права	5
Михаил Михайлович Сперанский. ПЛАН ФИНАНСОВ	17
Вступительная статья.....	19
Введение	35
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	37
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	44
Комментарии.....	100
Николай Иванович Тургенев. ОПЫТ ТЕОРИИ НАЛОГОВ.....	107
Вступительная статья.....	109
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	121
ГЛАВА I	125
ГЛАВА II.....	134
ГЛАВА III.....	142
ГЛАВА IV.....	210
ГЛАВА V	217

ГЛАВА VI.....	239
ГЛАВА VII.....	247
Комментарии.....	269

**Михаил Федорович Орлов. О ГОСУДАРСТВЕННОМ
КРЕДИТЕ 275**

Вступительная статья.....	277
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	295
I. Теория государственного кредита.....	300
II. Франция.....	345
III. Англия.....	381
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	420
Комментарии.....	425

**У истоков финансового права. М: Статут
(в серии «Золотые страницы российского финансового права»),
1998, – с. 432.**

Художник: *АГ*
Компьютерная верстка: *Волошин О.В.*
Корректоры: *Скруль Ч.А.; Шпиленко Т.М.*
Научный аппарат и лигобработка издания: *Мальчикова Т.В.*

Подписано к печати:
Формат 60х90
Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс
Тираж 3000
Заказ № 61

**Издательство Статут
Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 0625297 от 17 июля 1997 г.**

**Издательство Статут
117415, г. Москва, а/я 61; тел/факс (095) 232 64 41**

**Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ИПО Профиздат, 109044, г. Москва, Крутицкий Вал, 18
Плр № 05003 от 19.10.94**